

Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Государственный историко-архитектурный и художественный
музей-заповедник «Казанский Кремль»

А.Г.Ситдиков

КАЗАНСКИЙ КРЕМЛЬ:
историко-археологическое
исследование

Казань
2006

ББК 63.4
С 41

*Книга рекомендована к печати Ученым советом
Института истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан*

Ответственный редактор

член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **Ф.Ш.Хузин**

Рецензенты:

доктор исторических наук *К.А.Руденко*
кандидат исторических наук *Н.Г.Набиуллин*

Ситдигов А.Г.

С 41 Казанский кремль: историко-археологическое исследование. — Казань, 2006. — 288 с.: ил.

ISBN 5-94990-012-X

В книге обобщен большой археологический материал, отражающий ранние этапы истории Казани — от ее возникновения на рубеже X–XI столетий до XVII в. На основе изучения стратиграфии и хронологии культурного слоя кремля автор прослеживает динамику развития территории средневекового города, реконструирует его историческую топографию, локализует упоминаемые в письменных источниках архитектурные сооружения. В основу исследования положены новые материалы раскопок, проведенных археологической экспедицией «Казанский кремль» в 1994–2003 гг.

Книга адресована археологам, историкам, музейным работникам и всем, кто интересуется историей Казани.

ISBN 5-94990-012-X

© Ситдигов А.Г., 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ	8
1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КАЗАНСКОГО КРЕМЛЯ	8
2. ИСТОЧНИКИ	33
ГЛАВА II. СТРАТИГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ КАЗАНСКОГО КРЕМЛЯ	39
1. ДРЕВНЕЙШИЙ СЛОЙ КАЗАНСКОГО КРЕМЛЯ И ВРЕМЯ ЕГО НАКОПЛЕНИЯ	41
2. ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ СЛОЙ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XV в.).....	63
3. СЛОЙ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА В КУЛЬТУРНЫХ ОТЛОЖЕНИЯХ КРЕМЛЯ	74
4. КУЛЬТУРНЫЕ СЛОИ, СФОРМИРОВАВШИЕСЯ ПОСЛЕ 1552 г.	94
ГЛАВА III. ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ КАЗАНСКОГО КРЕМЛЯ (XI – XVII вв.).....	105
1. ДОМОНГОЛЬСКАЯ И ЗОЛОТООРДЫНСКАЯ КАЗАНЬ (XI – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XV в.)	106
2. КАЗАНСКАЯ КРЕПОСТЬ В ХАНСКИЙ ПЕРИОД (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XV – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVI в.)	113
3. КАЗАНСКИЙ КРЕМЛЬ В РУССКОЕ ВРЕМЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVI – XVII в.).....	122
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	126
SUMMARY	128
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	133
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	164
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	165
LIST OF FIGURES	185
ИЛЛЮСТРАЦИИ	189
ПРИЛОЖЕНИЕ. Надгробие первой половины XVI в. из Благовещенского собора	287

TABLE OF CONTENTS

INTRODUCTION	5
CHAPTER I. HISTORIOGRAPHY AND SOURCES	8
1. HISTORY OF KAZAN KREMLIN STUDIES	8
2. SOURCES	33
CHAPTER II. STRATIGRAPHY AND CHRONOLOGY OF THE CULTURAL LAYER OF KAZAN KREMLIN	39
1. THE MOST ANCIENT LAYER OF KAZAN KREMLIN AND TIME OF ITS ACCUMULATION	41
2. THE LAYER OF THE GOLDEN HORDE PERIOD (THE SECOND HALF OF XIII – THE FIRST HALF OF XV CENTURY)	63
3. THE LAYER OF KAZAN KHANATE IN THE KREMLIN CULTURAL DEPOSITS	74
4. THE CULTURAL LAYERS ACCUMULATED SINCE 1552	94
CHAPTER III. HISTORIC TOPOGRAPHY OF KAZAN KREMLIN (XI – XVII CENTURIES)	105
1. KAZAN DURING THE PRE-MONGOLIAN AND HOLDEN HORDE PERIODS (XI – THE FIRST HALF OF XV CENTURY)	106
2. KAZAN FORTRESS DURING THE KHANATE PERIOD (THE SECOND HALF OF XV – THE FIRST HALF OF XVI CENTURY)	113
3. KAZAN KREMLIN DURING THE RUSSIAN TIME (THE SECOND HALF OF XVI – XVII CENTURY)	122
CONCLUSION	126
SUMMARY (IN ENGLISH)	128
LIST OF SOURCES AND LITERATURE	133
LIST OF ABBREVIATIONS	164
LIST OF FIGURES	165
LIST OF FIGURES (IN ENGLISH)	185
FIGURES	189
APPENDIX. Tombstone of the first half of XVI century from Blagoveschenskij cathedral	287

ВВЕДЕНИЕ

На рубеже I–II тысячелетий нашей эры в различных частях Западной и Восточной Европы шел бурный процесс возникновения городов и государств. История их образования и развития представляет собой сложный комплекс проблем. Для каждого региона была характерна своя специфика градообразования, зависящая от предшествующих традиций, естественно-географических, экономических и социальных условий, других причин. Город – важнейший компонент любой средневековой цивилизации, сложное социокультурное явление исторического процесса – требует комплексного подхода к объекту исследования, привлечения совокупности источников, дающих взаимно дополняющую и корректирующую друг друга информацию. Все возрастающую роль среди них играют материалы археологических исследований. Особенно они важны для тех регионов, история которых практически лишена, по разным причинам, собственных письменных источников.

В период средневековья на территории Среднего Поволжья существовали три преемственно связанных между собой государственных образования – Волжская Булгария, Золотая Орда и Казанское ханство. До конца восьмидесятых годов прошлого столетия приоритетным направлением исследований были история и археология домонгольской Булгарии. Многие болгарские города – Булгар, Биляр, Сувар и другие памятники в течение длительного времени плодотворно исследовались археологами. В последние годы повысился интерес к памятникам золотоордынского периода. В результате был накоплен значительный фактический материал, отражающий процесс возникновения городских поселений, общие и специфические черты сложения и развития болгарского города X–XIV вв.

В число активно изучаемых в последние годы болгарских и болгаро-татарских город-

ских поселений входит и Казань – единственный памятник археологии периода Казанского ханства, подвергнутый масштабным раскопкам. Казань уникальна тем, что является практически единственным болгарским городом, имеющим непрерывную историю своего развития – от небольшого укрепленного поселения рубежа X–XI вв. к современному городу начала XXI столетия.

Длительное время, более 600 лет, средоточием городской жизни, а позднее «сердцем» столицы являлся белокаменный кремль – уникальный памятник архитектуры, археологии, истории, сохранившийся еще от ханских времен и справедливо включенный в 2000 г. в Список памятников всемирного наследия ЮНЕСКО. С полным основанием можно утверждать, что в культурных отложениях Казанского кремля аккумулирована богатая и бесценная информация об истории татарского народа.

Долгая и сложная история средневековой Казани привлекала внимание многих исследователей, пытавшихся разгадать ее тайны. Одна из таких тайн, затерянных в глубокой древности и окутанных легендами, была связана с определением времени и места ее возникновения. Вокруг этой проблемы рождались различные гипотезы, часто противоречащие друг другу. Предпринималось множество попыток воссоздать облик города и кремля в различные исторические эпохи, но картина и сегодня остается во многом не проясненной. Это объясняется, конечно, исключительно скудостью исторических источников.

С развитием исторической науки значение самостоятельной категории источников приобрели археологические материалы, позволившие пополнить недостающие сведения о прошлом Казани. Их роль для понимания истории города особенно стало очевидной в результате исследований А.Х.Халикова в 1970-х годах. Ему удалось, основываясь на археологических материалах, локализовать

место расположения древнейшей Казани на Кремлевском холме, выделить в культурных отложениях домонгольский слой и создать общую стратиграфическую шкалу городища.

За все длительное время археологического изучения Казанского кремля накоплено огромное количество археологического материала. До 1990-х годов в этом историческом центре города было вскрыто в общей сложности около 2 тысяч м² площади. В 1994–2003 гг. археологической экспедицией «Казанский кремль», руководимой Ф.Ш.Хузиным, дополнительно исследовано более 10 тыс. м² площади и собрана уникальная коллекция находок. Получены важные сведения о характере залегания культурных слоев в тех или иных районах кремля и за его пределами – в посадской части средневекового города.

* * *

Казанский кремль расположен в северной части высокого мысового холма левого берега реки Казанки, левого притока реки Волги, в трех километрах к востоку от ее устья. Холм, вытянутый с севера на юг, прорезан несколькими поперечными оврагами и ложбинами. Площадь кремля чуть более 130 тыс. м². Западную сторону его первоначально омывала р. Булак, а восточную – заболоченная протока, идущая от расположенных рядом озер.

Заселение территории современного города и его окрестностей началось в глубокой древности. Наиболее ранние археологические памятники в этом районе относятся к эпохе камня – позднему палеолиту (более 10 тыс. лет тому назад). Известны памятники, оставленные первобытным населением эпохи мезолита (около 7–10 тыс. лет назад) и неолита (4–6 тыс. лет назад). Отдельные находки этого времени представлены в материалах раскопок Казанского кремля. На территории современной Казани имеются также многочисленные поселения приказанской культуры эпохи бронзы (XVI–IX вв. до н.э.). Освоение этих районов не прекращалось и в более поздние периоды. С ранним железным веком связаны памятники ананьинской культуры (VII–V вв. до н.э.). Находки этого времени неоднократно встречались и при

археологических исследованиях на территории кремля. В прилегающих к Казани районах обитало также население, связанное с пьяноборской (II в. до н.э. – II в. н.э.) и азелинской (III–V вв. н.э.) культурами и ставшее в дальнейшем основой формирования поволжских финнов. С их потомками вошли в контакт булгарские племена, проникавшие сюда на рубеже I–II тыс. н.э. Именно с булгарской колонизацией региона связано строительство укрепленного поселения на Кремлевском холме, на основе которого и выросла современная Казань. В свете новых археологических исследований древняя Казань домонгольского времени представляется нам как военная крепость и торговая фактория на северных границах государства, возникшие в начале II тыс. н.э. на Великом Волжском пути. Эту роль она сохраняет и в золотоордынское время.

Качественные изменения в истории города происходят с образованием Казанского ханства, когда Казань превращается в его столицу. Размеры города увеличиваются, разрастается посад и формируется кремль. Современный вид кремль приобретает уже после присоединения Казанского ханства к Русскому государству.

Комплексное изучение письменных и археологических источников, результаты естественно-научных анализов образцов, взятых из культурных напластований кремля, изменили наши традиционные представления о ранних этапах истории Казани, позволили проследить долгий путь постепенного превращения ее в один из крупнейших городов Российского государства. Характеризуя подбор источников, надо отметить, что были привлечены материалы, относящиеся не только к прошлому Казани, но и отражающие общеоисторические процессы возникновения и развития городских центров Волжской Булгарии и Древней Руси.

В предлагаемой вниманию читателя книге сделана попытка обобщения данных разнородных источников, преимущественно археологических (в частности, стратиграфии культурных отложений с хронологическим анализом основных категорий датирующих

предметов), способствовавших решению ряда проблем, связанных, в первую очередь, с определением времени возникновения Казани и дальнейшего развития ее в пределах современного кремля до XVIII в. Именно этот период в истории средневекового города оставался наименее изученным в силу скудости источников.

Предваряя данную книгу, хочу воспользоваться приятной возможностью выразить искреннюю благодарность активным участникам археологической экспедиции «Казанский кремль» Т.А.Хлебниковой (1928–2001), П.Н.Старостину, Р.Ф.Шарифуллину, Н.Г.Набиуллину, А.М.Губайдуллину, А.С.Старкову, З.Г.Шакирову за предоставленную возможность использования некоторых материалов из их раскопок; академику РАН В.В.Седову

(Москва), профессорам С.С.Айдарову (Казань), А.Н.Кирпичникову (Санкт-Петербург), А.Г.Векслеру, М.В.Седовой (Москва) и другим коллегам за постоянные консультации в процессе раскопок, обработки материалов, написании и обсуждении данной работы.

Успехами нашей экспедиции мы во многом обязаны директору Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский кремль» И.М.Вахитову, кандидату исторических наук Р.М.Валееву, бывшему главе администрации города Казани К.Ш.Исхакову.

Особую благодарность выражаю моему учителю доктору исторических наук Ф.Ш.Хузину – начальнику археологической экспедиции «Казанский кремль» и ответственному редактору этой книги.

ГЛАВА I

Историография и источники

1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КАЗАНСКОГО КРЕМЛЯ

Историю изучения Казанского кремля можно разделить на четыре этапа. Первый этап, на наш взгляд, уместно начинать с освещения истории Казани в художественно-публицистическом сочинении «Казанская история» неизвестного автора второй половины XVI в. Продолжается он до середины 1920-х годов. На этом этапе основой исторического анализа являются письменные источники и произведения татарского фольклора.

Второй этап охватывает время с середины 1920-х годов до конца 1950-х годов. Он связан преимущественно с работами Н.Ф.Калинина в Казанском кремле. Помимо сведений из письменных источников, начинается активное привлечение к изучению истории города археологического материала.

Третий этап определяется исследованиями А.Х.Халикова, проведенными с 1960-х годов до 1988 г. Материалы археологических исследований приобретают значение основного источника новых сведений о прошлом кремля, но масштабы проведенных работ не дают еще возможности решить многие проблемы его ранней истории.

Четвертый, современный, этап начинается в 1994 г. и продолжается по сей день. Он связан с созданием по указу Президента РТ Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский кремль», приступившего к планомерным реставрационным работам, сопровождающимся археологическими раскопками преимущественно охранно-спасательного характера. Широкомасштабные и комплексные исследования придали материалам археологических исследований значение само-

стоятельного и объективного источника по древней истории Казани.

На первом этапе главным источником были русские летописи, татарские устные предания, записки иностранцев, нумизматический и эпиграфический материал, русская иконография XVI–XVIII вв., данные иностранной средневековой картографии. Ключевыми и сквозными проблемами для историков данного этапа являлись следующие вопросы: 1) время и место возникновения Казани; 2) топонимика города; 3) вопрос дискретности или непрерывности существования Казани; 4) внешнеполитические отношения Казани и Москвы; 5) осада города Иваном Грозным в 1552 г.; 6) расположение крепостных (кремлевских) и посадских укреплений; 7) атрибутация и локализация древних зданий на территории ханской крепости.

«Казанский летописец» был написан во второй половине XVI в. неизвестным автором, бывшим в казанском плену в течение двадцати лет [88]. Это произведение является первой попыткой русской историографии, исходя из господствующей идеологической концепции того времени, изложить историю вновь завоеванного государства. На основании большого количества (279 экз.) различных и противоречивых списков этого произведения многие авторы в последующем по-разному пытались решить проблемы истории Казани. Древнейшая редакция сохранилась лишь в восьми списках. В четырех из них упоминается дата основания Казани – 1177 или 1172 год [87, с.47]. Это несоответствие ряд исследователей объясняет чисто механической ошибкой написания буквенного обозначения года перепис-

чиками [340; 341]. Однако в большинстве списков время возникновения Казани увязывается с золотоордынским ханом Саином, который основал Саинов юрт на месте будущей Казани [88, с.315]. Несмотря на всю тенденциозность и легендарность, особенно в освещении ранних периодов истории, хронологическая близость его написания к периоду существования Казанского ханства делает это произведение интересным источником. Для данной книги особую ценность представляют краткие сведения об укреплениях города, упомянутых, правда, без четкой локализации.

В трудах русских историков Казань как предмет исследования вновь появляется в книге А.И.Лызлова «Скифская история», написанной в конце XVII в. [531]. В ней приведена большая подборка материалов, относящихся к внешнеполитическим отношениям Московского государства и Казанского ханства. В качестве основного источника А.И.Лызлов использовал «Казанскую историю». Вслед за ее автором А.И.Лызлов придерживается золотоордынской версии основания Казани Сартаком, сыном Батые (1257 г.). По его мнению, Казань после разорения в конце XIV в. вновь восстанавливается в 1438 г. Улу-Мухаммадом. В своей работе А.И.Лызлов описывает также штурм Казани по «Сказанию» А.Курбского. При этом он уделяет большое внимание сведениям иностранных авторов: хронике Матвея Стриковского, «Запискам о Московии» С.Герберштейна и др., описывающих взаимоотношения Московского государства и Казанского ханства.

Проблемы истории Казани находят в XVIII в. свое место в трудах В.Н.Татищева и П.И.Рычкова. В работе В.Н.Татищева Казань рассматривается в общероссийском масштабе [718–720]. Вопрос о возникновении Казани освещается в рамках золотоордынской концепции. Автор «Казанской истории», по его утверждению, является поп Иоанн Глазатый [720, с.85], однако данное заключение не обосновано источниками.

В своей книге «Опыт Казанской истории» П.И.Рычков подверг критическому анализу и признал недостоверными легенды об основании города [639]. Он обратил внимание на то, что в некоторых русских летописях «бол-

гары-казанцы» начинают упоминаться с XII в., что, по его предположению, связано с заселением района р. Казанки еще в домонгольское время [82, с.156]. Он ставит под сомнение золотоордынское происхождение Казани. Топоним «Казань» увязывается им с названием р. Казанки. Другой вариант происхождения названия Казани он видит в имени Казан-султана [639, с.74]. Первое достоверное летописное упоминание Казани автор относит ко времени похода Дмитрия Донского на Булгар в 1376 г. [639, с.72]. В работе П.И.Рычкова нашла также отражение концепция возобновления Казани Улу-Мухаммадом в 1438 г. В целом он придерживается взглядов неоднократного возрождения города под названием «Казань» в разных местах по течению Казанки. По его мнению, в топографии города выделяется небольшой укрепленный ханский двор. Других объектов ханского времени в его структуре он не выделяет. Даже с учетом некоторых хронологических и фактических ошибок «Опыт Казанской истории» представляет собой значительную работу, посвященную истории Казани.

Характеризуя историю изучения Казанского кремля, нельзя не остановиться на картографической работе конца XVIII в. Ю. фон Каница, составившего план-схему осады Казани в 1552 г. [344; 458; 459]. С этим планом связана обширная историография с дискуссией о его достоверности [200; 218; 235; 236; 240; 241; 290; 368; 379; 457; 527; 637; 712; 919 и др.]. В ходе обсуждения было аргументировано доказано, что план обозначает границы Казани XVII в. и не имеет ничего общего с осадой города в 1552 г.

В XVII–XVIII вв. предпринимаются попытки изложения начала средневековой Казани в произведениях татарской историографии. Они, эти произведения, отражают самый начальный этап становления национальной исторической науки. В них преобладает описание эпохи Улуса Джучи с использованием большого количества разнообразных, но противоречивых по своему содержанию устных преданий [276; 475; 734]. Возникновение Казани в большинстве из них увязывалось с разорением г. Булгара Ак-

сак-Тимуром. Основателями «Старой Казани» в 1300–1301 гг. выступают бежавшие от Тимура сыновья булгарского хана Габдуллы – Алтынбек и Галимбек. «Старая Казань», согласно преданиям, через 104 года после основания была перенесена на новое место – в устье Казанки, на Зилантау и Кремлевский холм, где она просуществовала еще 158 лет до взятия ее русскими войсками в 1552 г. Во все периоды изучения истории Казани эти легенды подвергались обоснованному критическому анализу различными авторами [8; 276; 470–476; 734].

В исследованиях российских историков XIX в. нашли отражение московско-казанские взаимоотношения, затрагивающие проблемы прошлого города Казани. Так, Н.М.Карамзин в соответствии с предшествующей историографией считал, что Казань основал преемник Бату – Саин в конце XIII в. и после разрушения в 1399 г. ее восстановил Улу-Мухаммад в 1438 г. [426, стр. 109–110].

Определенный интерес имеет мнение Н.А.Полевого, который, придерживаясь общей с Н.М.Карамзиным позиции об образовании Казанского ханства, предполагал, что Казань была заложена в начале XIII в. и взята монгольскими войсками в числе других булгарских городов [615].

Большой вклад в изучение истории Казани внес К.Ф.Фукс. В своей книге «Краткая история города Казани» (1817 г.) он, в отличие от более ранних исследователей, на основе критического анализа русских летописей впервые установил относительно точную хронологию событий, связанных с Казанью, и годы правления казанских ханов [757, с.156–172]. Ранним летописным упоминанием Казани он считал 1396 г. по Никоновской летописи. В его труде нет больших разделов, посвященных до-русской Казани, но довольно значительное место отведено описанию развития города в первые годы после его захвата.

Рост интереса к прошлому города Казани приводит к появлению в первые десятилетия XIX в. большого количества работ с острой научной полемикой [200; 211; 218; 291; 441; 637; 712]. Одной из интереснейших, но содержащих большое количество фактиче-

ских и хронологических ошибок, является работа М.С.Рыбушкина [637]. Основание Казани он приписывает Сартаку, сыну Батые, заложившему город якобы на месте Арска в середине XIV в. После разрушения в 1296 г. Казань, по мнению этого автора, была восстановлена Улу-Мухаммадом в 1349 г. на Кремлевском холме. Описывая укрепления города, он использовал без критического анализа план-схему Ю. фон Каница, считая, что город имел каменный кремль в нынешних размерах [82, с.169]. С периодом Казанского ханства М.С.Рыбушкин не смог увязать ни один древний памятник в кремле.

Не лучшей работой в этом направлении было другое исследование, написанное Н.К.Баженовым [218]. Он во многом повторяет основные положения по истории Казани, существовавшие в историографии начала XIX в. Значительная часть труда посвящена политической истории с большими хронологическими неточностями. В ней используется как достоверный факт предание о разрушении Болгара Тимуром и основании Казани булгарским князем Алим-беком в начале XIV в. По предположению Н.К.Баженова, в кремле с периодом Казанского ханства связана Сююмбекина башня и Введенская церковь [218, с.56]. Именно с его работой связано и появление в литературе сейчас уже легендарного названия башни – Сююмбекина. Размеры кремля к 1552 г. в его работе соответствуют современным.

Эта работа была справедливо подвергнута резкой критике А.И.Артемьевым [200]. Работа А.И.Артемьева основана на анализе русских письменных источников. Первое упоминание о Казани в них он относит к 1361 г., но с оговоркой, что она еще раньше упоминается в числе городов, переданных в качестве дара князю Федору Черемному в конце XIII в. А.И.Артемьев придерживался также мнения об уничтожении Иске-Казани в 1399 г. и возобновлении ее Улу-Мухаммадом на Кремлевском холме в середине XV в. [199, с.60–61].

В 1856 г. в нескольких номерах «Казанских губернских ведомостей» появляется большая статья неизвестного автора «Какой вид имела Казань в XVI столетии?», пред-

ставляющая собой глубоко аргументированную критику изданной с комментариями М.Рыбушкина плана-схемы осады города 1552 г. Ю. фон Каница [441]. Положения этой работы во многом определили последующее развитие понимания вопроса об укреплениях Казани 1552 г. и ее топографии. Автор статьи отвергает наличие каменных стен до середины XVI в., признает существование деревянных укреплений ханского двора [441, с.311-312]. Им предпринята попытка определения местоположения проездных ворот, упоминаемых в русских летописях, и локализации посада периода ханства. Признавая наличие монументальных зданий в районе ханского двора, автор не увязывает их с современными ему зданиями.

Интересной представляется небольшая статья М.Лаптева, в которой дается реконструкция Казани XVI в. [526]. Он тоже отвергает план Казани 1552 г. Ю. фон Каница, возражает против утверждения о наличии каменных стен, но признает существование укрепленного кремля, за пределами которого, на Воскресенской улице, располагался якобы ханский дворец [526, с.557]. Время построения башни Сююмбике М.Лаптев относит к русскому периоду [526, с.611].

Наиболее полным трудом по изучению истории Казани является работа С.М.Шпилевского, в которой с учетом всей предшествующей историографии и детальным анализом русских летописей и татарских преданий обобщены достижения историков, изучавших ее древности [919; 82, с.188-215]. Пытаясь примирить татарские предания и русские летописи с их четкими датами основания Казани, С.М.Шпилевский стремится доказывать, что упоминаемый в татарских преданиях Тимур – это Менгу-Тимур, который после похода на Болгар в 1299 г. подарил только что основанную болгарским князем Алим-беком Казань («Иске-Казань») князю Федору Черемному [82, с.32-42, 82-87, 163-166]. Иске-Казань, по его предположению, в конце XIV – начале XV в. была перенесена на Федоровский бугор в пределах современной Казани, а оттуда Улу-Мухаммад в 1445 г. переместил ее на Кремлевский холм [919, с.431-438]. Работа С.М. Шпилевского ин-

тересна еще и тем, что он был одним из первых, кто использовал «Писцовую книгу города Казани 1566–1568 гг.» в качестве источника. Основываясь на сведениях этого источника, он пытался локализовать объекты периода Казанского ханства с известными ему зданиями в кремле. По его предположению, Казань 1552 г. имела деревянные укрепления, кремль (в нынешних его размерах) и ханский двор [919, с.440-447, 548-459]. Ко времени существования Казанского ханства он относит башню Сююмбике и Введенскую церковь, а также разрушенную после пожара 1815 г. Консисторию – ханский дворец [919, с.459-473]. В труде С.М.Шпилевского на достаточно высоком для того времени научном уровне было подвергнуто анализу большинство доступных источников и создана довольно целостная картина прошлого города.

Последующие исследования по истории средневековой Казани ничего значительно не добавили. Так, на рубеже веков появляются работы П.Г.Заринского [379; 380; 381], М.Пинегина [605], Н.П.Загоскина [374; 375] и несколько путеводителей [283; 436 и др.]. Характеризуя книгу П.Г.Заринского, можно отметить, однако, несколько интересных моментов. В своей работе он дает реконструкцию Казани после 1552 г. на основании «Писцовой книги 1566–1568 гг.» и пытается локализовать объекты ханской Казани [82, с.217-230]. Так, он считает, что Казань имела деревянные укрепления, кремль и ханский двор, в котором находились мечети и ханский дворец. Последний, по его предположению, располагался перед Губернаторским дворцом, а нынешняя башня Сююмбике была мечетью [82, с.227-229].

В труде М.Пинегина первое достоверное упоминание Казани в летописях относится к концу XIII в.; может быть, отмечает он, Казань существовала и раньше, так как о булгарах-казанцах говорится в них еще при описании событий 1164 г. [605, с.15-24]. Автор считает также, что Казань имела деревянные укрепления и кремль в нынешних размерах, где располагались ханский дворец и мечети. Сююмбекина башня, по его мнению, является минаретом Муралеевой мечети, распо-

лагавшейся на месте Введенской церкви [605, с.365-366].

Книга Н.П.Загоскина интересна тем, что в ней впервые использованы некоторые результаты археологических изысканий [375, с.97]. Автор кратко описывает проведенные им и П.А.Понамаревым наблюдения на территории Казанского кремля в траншее у западной стены, где были обнаружены остатки обгоревших деревянных бревен, являющиеся, по их мнению, остатками укреплений ханской Казани. Старая Казань, по его мнению, была основана в 1288 г. и перенесена на Зилантау в 1392 г., откуда ее Улу-Мухаммад перенес на современный Кремлевский холм [375, с.21-24]. Ханский дворец он локализует на месте Губернаторского дворца, а Введенскую церковь считает бывшей мечетью, рядом с которой стояло двухъярусное здание, ставшее основой башни Сююмбике [375, с.98-104].

В начале XX в. выходит в свет несколько оригинальных работ. Н.А.Спасский в своем «Очерке по родиноведению», изданном в 1912 г., касается проблем ранней истории Казани [696]. Он пишет, что Казань была основана Батыем, который построил на Федоровском бугре Саинов-юрт, а на месте Иске-Казани город заложили булгары, пришедшие сюда вместе с ханом Алим-беком после нашествия Менгу-Тимура на Болгар в 1279 г. Иске-Казань была разрушена русскими в 1399 г. В 1437 г. Улу-Мухаммад основал Казанское ханство, переселив оставшихся жителей Иске-Казани на Федоровский бугор, и якобы только в 1446 г. его сын перенес город на современный Кремлевский холм [696, с.96]. Он считает, что до 1552 г. Казань имела деревянные стены и кремль, который впоследствии был расширен и перестроен каменным до нынешних его размеров. С периодом Казанского ханства, по его предположению, связаны три нижних яруса башни Сююмбике, Введенская церковь (Муралеева мечеть), нижние этажи дома Месетникова по ул. Воскресенской [696, с.243-246].

В отечественной историографии, как видим, длительное время существовала возникавшая на основе относительно поздних татар-

ских легенд ошибочная концепция о расположении первоначальной Казани у деревень Камаево и Русский Урмат в современном Высокогорском районе РТ, в 40 км от Казани, где находятся остатки обширного булгаро-татарского поселения конца XII – начала XV вв., и перенесении этой Старой («первоначальной») Казани на современный Кремлевский холм.

М.М.Хомяков довольно аргументировано доказал поздний характер возникновения топонима «Иске-Казань» [846]. Он был против размещения первоначальной Казани в так называемой «Иске-Казани» или даже на Зилантовой горе в устье Казанки [199, с.60-61; 211] и в качестве гипотезы выдвинул предположение о возможной ее локализации на Кабанском городище (он первый, кто обратил внимание на этот памятник) или идентификации со Старым городищем на Федоровском бугре (возможно, на территории Богородицкого монастыря). Завершает свою работу он выводом о том, что положительные результаты по определению местоположения древней Казани можно получить только при изучении объектов, находящихся под землей, т.е. путем археологических изысканий.

Значительный вклад в изучение истории средневековой Казани сделал Г.З.Кунцевич, опубликовав с научной критикой ряд источников, в первую очередь, «Казанскую историю» [91; 92; 525]. Автор вполне обоснованно допускал возможность использования неизвестным автором «Казанской истории», помимо русских источников, и татарских летописей, не сохранившихся до наших дней [91]. Им впервые была подготовлена с комментариями и опубликовано подробное описание стен и башен Казани 1675 г. [92].

В конце XIX – начале XX в. к изучению проблем средневековой Казани проявила интерес возрождающаяся татарская историческая наука. Среди первых татарских исследователей истории средневековой Казани можно назвать Ш.Марджани [539; 974; 975], Г.Баттала [936], Г.Ахмарова [213], Х.Атласи [935], Р.Фахреддина [104-1020], А.-З.Валиди [940], Г.Газица [295а]. Характеризуя их

работы в целом, важно отметить, что они говорят о культурно-исторической и этнической преемственности Волжской Булгарии и Казанского ханства.

Ш.Марджани использовал источники средневековых восточных авторов [975]. Он считал, что Казань возникает во второй половине XIII в., о чем, по его мнению, свидетельствуют найденные на Архиерейской даче надгробные камни Ахмеда 1300 г. (современное прочтение: «Алтын Бертек», 1297 г. – А. С.) [5, 206-217; 216; 922, с.50-51] и Хасан-бека конца XIII в. [975, с.77-79]. Основание Казани он увязывал с именем хана Казана – внука Батыея. В 1436 г., по его мнению, на новом месте основал столицу Казанского ханства Улу-Мухаммад. С трудами Ш.Марджани связано также упоминание Соборной восьмиглавой мечети и мечети Кул-Шарифа с медресе в Казанском кремле [975, с.199; 539, с.41-50].

В книгах Г.Ахмарова [213] и Х.Атласи [935] дается критический обзор русской историографии, письменных источников и татарских преданий. Г.Ахмаров считал, что еще до основания Казани в середине XII в. здесь проживали булгары-казанцы. По его мнению, поселения древних булгар в результате их развития перерастают после монгольского нашествия в города Иске-Казань и Новая Казань [213, с.67-70]. Он полагал, что основание Казани связано с именем хана Казана, жившего до 1288 г., и отвергал легенду о появлении Казани после нашествия Тимура. Новая Казань, по его концепции, постепенно занимала место Иске-Казани, которая угасает после русского нашествия 1399 г. К ханскому времени на территории Казанского кремля Г.Ахмаров относит башню Сююмбике (минарет) и Введенскую церковь (Соборная мечеть) [213, с.119-120].

В 1914 г. выходит труд Х.Атласи «Казанское ханство» [935, с.185-429]. В его работе татарские устные предания об основании Казани признаны не соответствующими действительности. На основе детального изучения русских летописей он пришел к выводу о том, что первое упоминание Казани относится к началу XIV в. Город основывается, по его мнению, болгарскими князьями на месте «Иске-Казани», ко-

торый в середине XV в. на новое место переносит Улу-Мухаммад. Имя города он выводит из названия р. Казанки. Местом расположения «Иске-Казани» определена Зилантова гора. Значительное место в работе Х.Атласи занимают проблемы взаимоотношений Москвы и Казани во второй половине XV – первой половине XVI в.

Определенным итогом первого этапа изучения средневековой Казани можно считать труды М.Г.Худякова [144; 850-852]. В своей известной книге «Очерки по истории Казанского ханства» (1923 г.) он детально рассматривает историографию вопроса и письменные источники [851]. Автор предполагает, что Казань была основана болгарскими князьями после разрушения Болгара Булак-Тимуром в 1361 г. на месте «Иске-Казани», откуда перенесена на Старое городище (Федоровский бугор), а после прихода Улу-Мухаммада – на Кремлевский холм. М.Г.Худяков отрицал наличие самостоятельного укрепленного кремля (крепости на современном Кремлевском холме) дорусского времени, отмечая, что город имел только посадские деревянные стены с десятью башнями [851, с.256-265]. По его мнению, ханский дворец располагался на месте Губернаторского дворца [851, с.265-267], рядом с башней Сююмбике находились ханские усыпальницы, а чуть западнее, в районе Тайницких ворот, возможно, была Муралеева мечеть и Муралеевы палаты [851, с.268-269]. Напротив Благовещенского собора на месте трапезной он размещал Соборную мечеть [851, с.267]. Мечеть Кул-Шарифа локализовывалась на территории ныне разрушенного Спасо-Преображенского монастыря [851, с.271]. М.Г.Худяков справедливо считал, что на следующем этапе изучения Казани ведущее значение в пополнении базы источников должны приобрести материалы археологических раскопок.

Как уже отмечалось, на первом этапе изучения Казани археологические исследования еще не проводились, однако случайные находки, происходящие из разрушаемого культурного слоя, становились основой пополнения коллекций, характеризующих материальную культуру населения, проживавшего

на территории средневековой Казани. Среди этих находок примечательны клады 1861, 1878, 1879, 1893, 1909 гг., состоящие из большого количества джучидских и древнерусских монет XIV – начала XVI в., гипсовые архитектурные детали XV – начала XVI в., предметы вооружения и конского снаряжения и др. [17; 767, с.111-138]. В результате сбора материалов и упоминаемых выше археологических наблюдений 1880-х годов в руки исследователей попали материалы, свидетельствующие о возникновении города не позднее XIV в.

Определяя общие итоги первого этапа изучения Казани в целом и кремля, в частности, надо отметить следующее:

1. Вопрос о месте и времени основания города Казани остался нерешенным. Большинство исследователей признавали, что на Кремлевском холме город возникает только с приходом Улу-Мухаммада в конце первой половины XV в. До этого якобы существовала «Иске-Казань», основанная булгарами или в домонгольское, или в золотоордынское время на берегу Казанки у деревень Камаево и Русский Урмат или других местах по течению Казанки.

2. При определении расположения укреплений средневекового города исследователи пришли к общему мнению о существовании посадских стен XV–XVI вв. вдоль восточного берега Булака, хотя проблема их локализации на современной территории города осталась нерешенной; остался открытым и вопрос о существовании кремля в период Казанского ханства и его размерах.

3. К числу объектов ханского времени многие авторы относили, правда, в ряде случаев с оговорками, башню Сююмбике и Введенскую церковь (мечеть Нур-Али), но некоторые отрицали какую-либо привязку исторически известных построек к ныне существующим зданиям.

Второй этап в историографии Казани характеризуется началом систематических ар-

хеологических наблюдений и исследований на территории Казани и Казанского кремля, проводимых под руководством Н.Ф.Калинина (1888–1959), основоположника казанской школы археологов, крупнейшего знатока средневековой истории кремля и всего города Казани [660; 663; 708].

Начальный этап (1923–1927 гг.) археологических исследований Н.Ф.Калинина на территории Казани представляет собой наблюдения за ходом строительных работ, накопление фактического материала. Предпринимаются попытки создать перспективный план археологического изучения кремля.

Наблюдения проводились при земляных и строительных работах в различных частях города. Материалы, собранные до начала планомерных исследований в 1928 г., были обобщены в статье «Археологические наблюдения на улицах Казани» [25; 26; 443]*.

Начало археологических работ Н.Ф.Калинина в Казанском кремле связано с обследованиями, проведенными вместе с другим известным археологом В.Ф.Смолиным в 1925 г. у северных ворот Юнкерского училища, где на глубине 3 м был выявлен кирпичный коридор военных погребов XVIII в. [17, л.15-16; 7, л.110], повторно обнаруженный А.Г. Мухамадиевым в 1995 г. [559].

В том же 1925 г. Н.Ф.Калинин и В.Ф.Смолин сделали наблюдения в траншее к юго-востоку от башни Сююмбике. Ими впервые была определена стратиграфия кремля [9, л.1]. Слои мощностью 160–198 см, состоящие из пяти горизонтов, хронологически увязывались с первой половиной XVI–XX вв. Два первых слоя представляли поздние напластования XVIII–XX вв., третий был определен как напластование второй половины XVI–XVII вв. Четвертый и пятый слои были накоплены, по мнению исследователей, в первой половине XVI в. Нижний, пятый, слой состоял «из погребенной почвы толщиной 15–20 см (суглинок с гумусом) и

* За весь период изучения Казани, т.е. в 1923–1959 гг., Н.Ф.Калининым были сделаны наблюдения более чем по 70 объектам [25; 26; 27; 28]. К сожалению, не все материалы сохранились в фондах архива. Некоторые сведения об этих исследованиях можно получить из сводной таблицы археологической изученности Казани и Казанского кремля с общим указанием места, даты и объекта наблюдений [7, л.110-117].

культурного слоя первой половины XVI в.» [9, л.3]. Основанием для определения хронологии IV и V слоев послужила красноглиняная посуда, среди которой, между прочим, были и фрагменты характерной болгарской домонгольской керамики [767].

Наблюдения 1926 г. состоялись в период весеннего разлива Казанки. Сбор материалов производился Н.Ф.Калининым и К.А.Губайдуллиным по северной подошве Кремлевского холма [15, л.17]. Им удалось собрать интересную коллекцию красноглиняной керамики в болгарских традициях, среди которой встречались лощеные, напоминающие болгарскую домонгольскую керамику.

Тогда же у северо-западной подошвы Кремлевского холма, юго-западнее Тайницкой башни, В.В.Егеров и П.С.Борисов зафиксировали большую пустоту, куда при половодье ушло много воды. По предположению Н.Ф.Калинина, это могли быть остатки хода к тайнику питьевой воды и галереи подкопа 1552 г. [17, л.18; 20; 25, л.2].

На основе изучения полного текста «Писцовой книги города Казани 1565–1568 гг.» Н.Ф.Калининым была издана работа о локализации объектов ханского двора [444; 82, илл.1, 2]. Эта работа, по мнению автора, могла бы послужить программой проведения археологических исследований в будущем.

Археологические исследования Н.Ф.Калинина в Казани в 1928–1937 гг. ознаменовали собой начало планомерных исследований Казанского кремля. Им осуществлены сборы археологического материала, сделаны первые попытки классифицировать и систематизировать вещевой материал. Во второй половине 1920-х годов создаются реальные условия для ведения археологических раскопов в исторической части города. В 1928–1929 гг. была организована первая экспедиция по изучению болгаро-татарской культуры [162, с.8-9]. Наряду с раскопками на Биллярском и Джукетауском городищах и др. памятниках экспедиция начала под руководством И.Н.Бороздина археологическое изучение Казанского кремля [243].

Н.Ф.Калинин руководил наблюдениями в шурфах за Благовещенским собором (рис.6, 5).

Вскрытая площадь составила за два года около 100 кв. м при мощности слоя от 50 см до 4 м [6, л.224; 11, л.7]. Судя по сохранившимся чертежам, напластования, сложившиеся в болгаро-татарский период, т.е. до середины XVI в., перекрывались сверху углистой прослойкой пожара 1552 г. и погребенной почвой, поверх которой лежали слои (мощностью в среднем до 2 м), сформировавшиеся уже позднее.

Слои болгаро-татарского времени были представлены практически во всех шурфах «на глубине 1,5–3 м, а в шурфах по линии север-юг – на гораздо меньшей глубине, иногда всего в 25–45 см» [6, л.224; 14, л.44; 10, л.120]. В верхних горизонтах слоя в незначительном количестве встречен материал, связанный с русским населением.

На глубине 360–370 см фиксировался нижний горизонт. Он состоял из «черной, темно-коричневой почвы с кусочками извести» и с редкими находками фрагментов гончарной керамики [767, с.118]. Судя по описанию Н.Ф.Калинина, этот древнейший горизонт вполне сопоставим с V домонгольским слоем сегодняшней стратиграфической шкалы Казанского кремля. Это подтверждается и новейшими исследованиями в этом районе (см. раскопы IX–XI 1997–1998 гг.). Наличие известнякового мусора в домонгольском слое в раскопах увязывается со строительством древнейших белокаменных укреплений [770]. Участок этой стены, расположенный по восточному краю Кремлевского холма, был выявлен в раскопе 1928 г. (шурфы 1-2а): В 1970 г. эта стена изучалась Л.С.Шавохиным [70, рис.1], в 1995 г. – А.Г.Мухамадиевым [559], в 1997–1998 гг. – А.Г.Ситдиковым (рис.6) [666].

В раскопах 1928 г. впервые были обнаружены и датированы периодом Казанского ханства обожженная глиняная обмазка, представляющая собой небольшие плитки-кирпичи прямоугольной или квадратной формы (16-20 x 16-20 x 2-2,5 см) с ровными сглаженными краями. Назначение и характер применения обмазок-плиток до сих пор не установлены. Возможно, они связаны с внешней обкладкой глинобитных печей.

Массовый керамический материал из шур-

фов послужил Н.Ф.Калинину основой для создания классификации булгаро-татарской глиняной посуды [5, л.226-227; 12, л.58, 116]. В его классификации интересна пятая группа, представляющая собой посуду «буро-красную, с большим количеством песка в глине, неровной поверхностью, среднего обжига». Н.Ф.Калинин указывал, что в Булгаре такая керамика «встречается в домонгольский, реже в золотоордынский период». Шестую группу, состоявшую из «коричневой лощеной керамики», как отметил автор раскопок, в Булгаре находят «преимущественно в домонгольских слоях» [5, л.227]. На основе анализа керамического материала Н.Ф.Калинин сделал, тем не менее, парадоксальный вывод о возникновении булгарского поселения на Кремлевском холме не раньше середины XIV в., объяснив присутствие в слое домонгольских материалов «странным» сохранением здесь архаичных традиций [5, л.225].

Под руководством И.Н.Бороздина в 1928 г. проводились небольшие раскопки к югу от алтаря церкви Киприана и Устины [243, с.1-2] (рис.6, 9). В ходе работ был обнаружен каменный водосток из известняковых плит раннерусского времени и остатки рва периода Казанского ханства, вытянутого по линии восток-запад [243, с.2-3]. Аналогичный ров и водосток были выявлены на этой же линии Н.Ф.Калининым в 1947 г. [5, с.245; 15, с.67]*.

В 1929 г. был расширен шурф 8 предшествующего года, расположенный восточнее Благовещенского собора [12, л.4-5;]; перпендикулярно к нему по линии север-юг было заложено еще 5 шурфов [10, л.4] (рис.6, 5). В плане стратиграфических наблюдений интересен шурф 5 с описаниями прослоек 5–10, где слои 9–10 были определены татарским временем. «Штыки 6–13 прорезали шесть прослоек дерева, промежутки между которыми заполнены мусором с большим количеством костей животных. Поверхность настилов неровная, волнистая» [12, л.141]. Аналогичная стратиграфическая картина наблюдалась в раскопе IX 1997 г., заложенном в районе этого шурфа. Здесь на всю ширину

раскопа (6 м) были прослежены остатки деревянного настила мостовой, вытянутого по линии С–Ю. Очевидно, и тогда Н.Ф.Калининым были выявлены остатки уличной мостовой. Данный объект, на наш взгляд, сопоставим с упоминаемым в Писцовых книгах «переулком к Благовещенью», идущим от Воскресенских ворот [96, с.11].

Интересные материалы были получены в шурфах 1929 г. у южной стены башни Сююмбике (рис.6, 7). Для датировки строительства этой башни, писал позднее А.Х.Халиков, комментируя результаты этих раскопок, «особый интерес представляет прослойка глинистого выброса, очевидно, из котлована башни, расположенная между слоями XVI–XVII и XVII–XVIII вв.» [767, с.120]. По данным Н.Ф.Калинина, котлован башни прорезал все культурные слои до глубины 200 см, в том числе и 12-ый, «содержащий следы культуры татарской эпохи» [12, л.3]. Среди находок из нижнего горизонта слоя особый интерес представляет железный топор из шурфа III [12, л.6], хорошо датируемый, по А.Х.Халикову, временем не позднее второй половины XII в. [767, с.120].

В 1929 г. шурф был заложен и у западной стены бывшей Дворцовой церкви [5, л.229-230; 12, л.7-18; 767, с.119] (рис.6, 8). В нем была выявлена «сложенная из рваного известняка на глине» кладка фундамента церкви и прослежена интересная стратиграфия засыпи котлована фундамента. В верхней части котлован прорезал III слой и хронологически был связан со слоями второй половины XVI–XVII вв. Под ним лежал более древний фундамент, имевший совершенно иной характер кладки, которая «резко отличалась от русского образца и была близка к болгарским известковым кладкам» [5, л.230; 767, с.119]. На основе сделанных наблюдений Н.Ф.Калинин предполагал, что нижняя кладка в 7 рядов является фундаментом локализуемой в этом районе мечети Нур-Али. Оригинальна интерпретация фундамента А.Х.Халиковым, полагавшим, что это остатки ранней белокаменной болгарской стены. [767, с.120].

В раскопках у Дворцовой церкви были

* Углубление рва фиксировалось в траншее, вырытой с восточной стороны Преображенских ворот в 2001 г.

обнаружены остатки мусульманского кладбища с погребениями, нарушенными в период строительства «мечети» [5, л.230], а также погребения XVII–XVIII вв. [12, л.7-8], зафиксированные и в ходе наблюдений 1934 г. [15, л.110]. «Мусульманские» погребения, возможно, связаны с выявленными здесь позднее ханскими мавзолеями [781].

В 1935 г. у северной стены кремля был заложен небольшой раскоп площадью 12 кв. м [14, л.41]. Глубина раскопа составила 527 см. Стратиграфически определилось 11 прослоек. IV «татарский» слой включал 9–11 прослойки на глубине от 3,3 до 5 м. В прослойке 9 были выявлены в большом количестве обломки кирпичей толщиной 4,5–6 см, в том числе и лекальные, относящиеся к периоду Казанского ханства [14, л.1]. Гончарная керамика была представлена красноглиняной посудой в болгарских традициях, а также серо-мореной с лощением и белоглиняной керамикой [5, л.232]. С 10-ой прослойкой связаны остатки деревянного здания с большим количеством глиняных плиток-обмазок. Керамический материал состоял из красноглиняной керамики золотоордынского времени [5, л.233-234] и посуды «коричневого цвета, слабого обжига, с вертикальным лощением, датируемой обычно XII–XIV вв. и ранее» [14, л.36]. Однако Н.Ф.Калинин опять же делает странный, с учетом последующих исследований, вывод: «В слоях Казанского кремля (подобная керамика – А.С.) должна быть отнесена на два века позже» [14, л.36].

Здесь же на уровне материка были выявлены известняковые камни, связанные, возможно, с ранним каменным строительством [14, л.13; 767, с.92-93]. Это подтверждается профилем западной стенки раскопа, где котлован фундамента стены был перекрыт сверху слоем периода Казанского ханства. Вероятно, в раскоп попал участок строительства северной стены укреплений ханского двора или следы обрушения домонгольской стены.

Кроме археологических работ в кремле, Н.Ф.Калининым проводились наблюдения на улицах и в окрестностях Казани (рис.4). В 1935 г. была предпринята попытка изучения территории Архиерейской дачи на месте

предполагаемого Кабанского городища [7, л.114; 37]. Археологически исследовался Памятник погибшим воинам, где выявлены «мордовские вещи XI–XII вв.» [5, л.115; 32]. В общей сложности им было проведено более 20 наблюдений.

Таким образом, археологические исследования кремля в 1928–1937 гг. позволили установить наличие культурных напластований, отложившихся, по крайней мере, с XIII–XIV вв., и изучить некоторые закономерности их отложения в различных его районах. В ходе проведенных работ удалось обозначить примерные границы территории ханской Казани и локализовать несколько некрополей болгаро-татарского и русского времени. Впервые была сделана попытка систематизировать массовый керамический материал. Важным в анализе этого материала является для нас факт присутствия на территории кремля домонгольской керамики. Результаты исследований этого периода создали основу для дальнейшего изучения археологии Казанского кремля и города в целом.

Наблюдениями в юго-восточной части кремля Н.Ф.Калинин возобновил в 1947 г. свои исследования древней крепости (рис.6, 11). Здесь, во дворе Министерства сельского хозяйства, была прорыта канализационная траншея протяженностью около 100 м. Средняя мощность культурного слоя составила 225 см [15, л.3]. Зафиксированы четыре слоя, из которых первые три представляли собою горизонты, относящиеся к русскому периоду.

С культурными напластованиями Казанского ханства был связан IV слой мощностью от 10 до 135 см. В его завершении отмечены следы большого пожарища, достигающие мощности до 60 см [15, л.44-57].

При сопоставительном анализе стратиграфии раскопов 1928, 1935, 1947 гг. удалось подтвердить предположение о первоначальном освоении Кремлевского холма с северной мысовой части, где, по подсчетам Н.Ф.Калинина, слои болгаро-татарского периода имеют большую мощность [15, л.44]. Южную границу древнейшего поселения он определял по выявленному в северной части траншеи раннемусульманскому погребению [15, л.80; 70,

рис.1]. По предположению А.Х.Халикова, это погребение связано с кладбищем, располагавшимся уже за пределами болгарского поселения [767, с.121-124]. Другое мусульманское погребение было выявлено в южной части траншеи за рвом периода Казанского ханства [15, л.80]. Это, по мнению Н.Ф.Калинина, связано с переносом кладбища в результате расширения крепости в XVI в. [5, л.242]. Человеческие останки были выявлены также в постройке, сгоревшей в пожаре 1552 г.

Тогда же были обнаружены остатки ряда построек хозяйственного и оборонительного назначения. В числе массовых находок из построек отмечены глиняные обожженные плитки-обмазки из завершения слоя Казанского ханства. Севернее Спасских ворот определились остатки городского рва XV–XVI вв. глубиной 150 см и шириной 726 см [5, л.245]. По предположению исследователя, ров является частью укреплений, упоминаемых в «Писцовой книге города Казани 1565–1568 гг.» как «старые городни» [96, с.11]. Направление остатков укреплений совпадает с линией рва, выявленного в 1928 г. у церкви Киприана и Устины [243, с.2; 15, л.67]. По мнению ряда исследователей, это рубеж первоначального русского кремля, построенного сразу же после взятия Казани [70, с.127-129].

Из материальных остатков обращает на себя внимание впервые выявленный в кремле фрагмент кожаной обуви ханского времени [15, л.80]. В болгаро-татарских слоях отмечено преобладание красноглиняной керамики, среди которой, по определению Н.Ф.Калинина, присутствовали образцы ранней домонгольской [5, л.248]. В коллекции имелись предметы населения азелинской культуры середины I тыс. н.э. [15, л.249]. Большое количество столь архаичного материала было обнаружено и при последующих исследованиях [767, с.121-123].

Работы 1947 г. не ограничивались вышеупомянутыми наблюдениями. Исследования проводились на проезде Шейнкмана у северных ворот Юнкерского училища [15, л.68] и в траншее во дворе училища с другой стороны ворот [5, л.250-251] (рис.6, 12). На проезде Шейнкмана слои были сняты не до ма-

терика, но на глубине 100–176 см определилось наличие IV слоя с красноглиняной лощеной керамикой в болгарских традициях.

Исследования во дворе воинской части осуществлялись в траншее длиной 100 м, проходящей от ее северных ворот под фундамент крепостной стены [5, л.249-262; 15, л.20]. В результате было установлено наличие культурного слоя мощностью более 6 м; столь большая мощность объясняется проходящим в этом районе Тезицким оврагом, в котором быстро накапливались следы человеческой деятельности. Кроме того, «на глубине 6 м под западным зданием на линии восточной границы крепостной стены... наблюдались лежащие горизонтально в направлении с севера на юг несколько мощных дубовых бревен толщиной 60–70 см, что явно остатки крепостной стены» [5, л.251]. Это соответствует сведениям Н.П.Загоскина и П.А.Пономарева, полученным в 1881 г. в этом же районе [375, с.97].

В 1948 г. проводились наблюдения в саду Губернаторского дворца у памятника В.И. Ленину [5; 16; 17] (рис.6, 15). В ходе работ подтвердились наблюдения 1928–1929 гг.: здесь отсутствовали слои XVI–XVIII вв., скрытые в середине XIX в. В IV болгаро-татарском слое мощностью 45–55 см выделялись три горизонта. Керамический материал из слоя был представлен красной, коричневой и темно-серой посудой с характерным лощением. Найдены также образцы поливной и грубой лепной керамики с дресвой [5, л.252; 16, л.16].

В 1949 г. наблюдения проводились в траншее у Спасской башни [17, л.1] (рис.6, 13) и в хозяйственной яме в северо-западной части кремля [767, с.122]. В основании культурного слоя западнее Спасской башни было обнаружено мусульманское погребение, относящееся, скорее всего, к кладбищу, изученному в 1947 г. во дворе Министерства сельского хозяйства. Здесь же, у башни, были выявлены остатки рва русского времени [5, л.253; 17, л.1]. Исследования в северо-западной части кремля проводились шурфом глубиной 2 м, где были выявлены болгаро-татарские слои со следами пожара 1552 г. [767, с.122].

Наблюдения после 1945 г. подготовили почву для начала широкомасштабных раскопок на основе перспективного плана археологических работ, составленного Н.Ф.Калининым [19; 20; 29]. По этому плану предусматривалось проведение раскопок на площади 14 тыс. м². Помимо общих археологических исследований, Н.Ф.Калинин пытался организовать поиск «интереснейшего историко-археологического памятника, а именно, района важнейших военно-инженерных сооружений передовой русской техники – «минной галереи» (подкопа) 1552 г. и единственно известного по летописям каменного здания в татарском посаде – Даировой бани» [29, л.1]. Однако в 1953–1954 гг. на территории кремля была исследована сравнительно небольшая площадь – 313 кв. м.

Работы в 1953 г. проводились двумя раскопами общей площадью 176 кв. м, заложенными на спуске к Тайницкой башне [31; 453, с.119]. Раскоп с восточной стороны Тайницкого спуска в 60 м от башни Сююмбике не дал практически никаких результатов, так как культурные слои здесь отсутствовали.

Уникальным объектом раскопов 1953 и 1954 гг., располагавшихся с западной стороны Тайницкой башни, являются остатки деревянной постройки первой половины XVI в. [23, л.18–19; 33; 453, с.128] (рис.6, 16, 17, 18). По описанию Н.Ф.Калинина, она представляла собой «систему бревенчатых настилов, состоящих из 3–4 пластов плотно лежащих друг к другу бревен». Каждый слой настила лежал под углом друг к другу. Бревна скреплялись между собой углублением в пазы зарубок. Пространство между ними было заполнено бытовым мусором ханского времени. Среди находок отмечено большое количество остатков кожаной обуви. Функциональное назначение сооружения Н.Ф.Калинин объяснял «...технической задачей образовать на наклонной плоскости горизонтальную строительную площадку, несущую тяжелую постройку» в виде оборонительных укреплений, отстоящих от современной кремлевской стены на 14–16 м [24, л.91]. Это сооружение и обнаруженный перед ним ров могут служить подтверждением предположения о нахождении здесь укреплений периода Ка-

занского ханства.

Не менее интересными оказались исследования 1954 г. внутри легендарной Тайницкой башни. Еще в 1778 г. Ю. фон Каниц при описании башни отмечал, что внутри ее «находится изрядная лестница из тесаного камня со сводом, на середине коей и поныне еще видно, что была хорошая горница; по оной лестнице осажденные татары ходили на Казанку за водой» [459]. Описываемое углубление подземного хода внутри башни было выявлено в архитектурных шурфах 1952 г. С целью его изучения был заложен раскоп [23, л.13]. В ходе исследований удалось установить, что засыпанный проход, отмеченный еще фон Каницом, являлся спуском к нижним прорезям бойниц, построенных во второй половине XVI в. Таким образом, выяснилось отсутствие подземного хода в этой части Тайницкой башни, хотя вопрос его поиска в других местах до сегодняшнего дня остается актуальным. В результате раскопок у южной стены башни удалось стратиграфически увязать ее строительство с раннерусским временем [23, л.14, 15].

Среди находок из основания IV слоя обращает на себя внимание «пронизка сердоликовая желто-красная, шаровидной формы диаметром 13 мм» [21, л.120]. В современных исследованиях бусы подобного типа датируются преимущественно X–XI вв. [617, с.20–23]. Наличие домонгольских материалов в нижних горизонтах слоя в этих раскопах не привело к изменению мнения Н.Ф.Калинина. Он утверждал, что они, древнейшие находки, «свидетельствуют о заселении территории Казанского кремля в гораздо более раннее время, чем середина XV века или 1430-е годы, к которому историческая традиция относит основание Казани. Целого ясно выраженного слоя XIII–XIV вв. в данном раскопе мы не обнаружили, но отдельные вещи этого времени встречаются не только в раскопках 1953 г., но и при других исследованиях» [21, л.112, 113; 22]. О неточности определения ранней даты накопления культурных отложений и наличия домонгольского материала среди находок из раскопок 1953 г. Казанского кремля отмечали ре-

цензенты Отдела полевых исследований на отчеты Н.Ф.Калинина*.

Среди фрагментов поливных сосудов 1954 г., помимо привозной кашинной посуды, выделяются еще две группы: красноглиняная керамика со светло-зеленой поливой местного производства и «фрагменты архитектурной мозаики из белой пористой глиняной пластины толщиной около 10 мм» [22, л.112; 24, л.94]. Строительные материалы времени Казанского ханства, кроме фрагментов мозаики, представлены обломками кирпичей, в том числе и кирпичом с голубой поливой [24, л.97].

Говоря о послевоенных исследованиях Н.Ф.Калинина, следует вкратце остановиться на его наблюдениях, проведенных на территории Казани за пределами кремля. В 1947, 1951 гг. в результате наблюдений на ул. Кирова и Гаражная была локализована известная по письменным источникам XVI в. Кураишева слобода и уставлено местоположение ее кладбища. В ходе исследований 1950 г. удалось выявить мусульманское кладбище XVI в. на площади Лобачевского [5, л.319; 7, л.113]. Наблюдения, проведенные в 1949 г. на ул. Калинина, подтвердили предположения Н.Ф.Высоцкого [292; 293] и Б.В.Миллера [546] о наличии здесь армянского кладбища XV–XVI вв. [7, л.114].

В этот период проводились целенаправленные работы с целью установить местоположение древнейшей Казани. В 1951 г. состоялись раскопки на Архиерейской даче [3, л.27; 32], в 1948–50 гг. – на Зилантовой горе [7, л.115]. По предположению Н.Ф.Калинина, основанному на исторических преданиях и некоторых объективных данных (см., например, надгробия конца XIII в. на Архиерейской даче), эти памятники могут представлять собою места первоначальной Казани, существовавшей в начале XIII в. до ее окончательного переноса на современный Кремлевский холм. Археологические разведки подтвердили вероятность существования небольшого городища со слабыми признаками оборонительных укреплений в северной, возвышенной части Архиерейской дачи. Кладбище с надгробия-

ми могло располагаться на южной, более низкой площадке. Был отмечен слабо насыщенный находками позднебулгарский культурный слой. Н.Ф.Калинин принял это городище за остатки укрепленного феодального замка XIII–XIV вв., служившего, вероятно, «резиденцией князя, которому принадлежало Кабанское княжество», с чем соглашаются некоторые современные исследователи [256; 257; 258]. Особый интерес к этому булгарскому городку, по мнению исследователя, заключается в том, что он «был одним из зародышей будущей Казани» [5, с.66].

На Зилантовой горе Н.Ф.Калинин обнаружил всего несколько фрагментов позднебулгарской (?) керамики и обломков белого изразца с голубой поливой [32]. Название горы, вслед за предшествующими исследователями, он связывал с татарскими легендами об обитании множества змей и крылатого змея Зиланта на месте будущей Казани [451, с.27, 30].

С проблемой археологии древней Казани были тесно связаны исследования Н.Ф.Калинина 1956–1957 гг. на Урматском селище и Камаевском городище [1; 2; 34; 35]. Указанные памятники, традиционно считавшиеся остатками легендарной «Иске-Казани», неоднократно обследовались им, начиная с 1945 г. Результаты проведенных работ позволили, как он считал, локализовать «Иске-Казань» на месте Русско-Урматского селища. Этот город возник, по заключению ученого, не раньше середины XIII в. и просуществовал до XV в., «когда соперницей ему окончательно стала Новая Казань» [5, с.103].

Кроме полевых исследований, Н.Ф.Калинин активно работал над обобщением накопленных материалов. В результате им за этот период по истории Казани были изданы следующие работы: брошюра «Спасская башня Казанского кремля. Историко-археологический очерк» [442], книга «Казань. Исторический очерк» [451], IV глава «Казанское ханство» для первого тома «Истории Татарской АССР» [407], брошюра «Казанский Кремль» [450] и др. Итоговой работой стала докторская диссертация «История Казани с древнейших времен до XVII в.» [5; 6; 7; 8],

* Архив А.Х.Халикова Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстана

к сожалению, не защищенная по не зависящим от автора причинам. В ней представлены собранные за 30 лет исследований материалы по истории и археологии городов Волжской Булгарии с домонгольского времени до основания Казани. Эти материалы иллюстрируют закономерный характер появления Казани в этом регионе и особенности ее развития с момента возникновения до XVII в.

Плодотворные раскопки Н.Ф.Калинина 1950-х годов завершили второй этап в истории изучения Казанского кремля (рис.6, 4-18). В целом с 1923 по 1954 г. только на территории кремля Н.Ф.Калининым, его коллегами О.С.Хованской, Егеревым В.В. и др. было исследовано 415 м² площади [840–845; 355–358; 907, с. 9]. Несмотря на довольно значительное количество стратиграфических разрезов, тогда еще не удалось выделить слои, накопившиеся в болгарское время. А они, как мы теперь знаем, были (рис.193). Причину, может быть, следует искать в общем уровне развития болгарской археологии того времени, в частности, недостаточной разработанности хронологии некоторых категорий археологических находок, в первую очередь, наиболее массового материала любых раскопок – керамики. В то же время складывается впечатление, что Н.Ф.Калинин особо и не стремился искать более ранние, чем рубеж XIII–XIV вв., следы постоянного укрепленного поселения болгар на Кремлевском холме. Возможно, Н.Ф.Калинин оказался в плену своей собственной гипотезы, которой он оставался верен до конца. Согласно этой гипотезы, первоначальная Казань отождествлялась с «Иски-Казанью». В последней четверти XIV в. она якобы была перенесена на Зилантау, и только в середине XV в. приобрела свое постоянное место на современном Кремлевском холме, где, по его мнению, проживало болгарское население с XIII–XIV вв. Ошибочность концепции «кочующей» Казани была доказана позднее.

Третий этап изучения средневековой Казани можно назвать условно халиковским – настолько велик вклад этого ученого в исследовании древностей нашего города. Работы этого периода не всегда велись с оди-

наковой активностью, что объяснялось, в первую очередь, отношением властей к археологии и древней истории Казани.

Археологические наблюдения 1962–1970-х годов проводились в разных частях территории города. Они носили в основном спорадический характер. В 1962 г. в кремле на месте строительства кафе за зданием Министерства культуры ТАССР были выявлены остатки мусульманских захоронений, возможно, домонгольского времени [767, с.118]. Их следы еще раньше, в 1947 г., были зафиксированы Н.Ф.Калининым.

Наблюдения 1964–1965 гг. в траншее, проложенной по ул. Ленина (ныне ул. Кремлевская), выявили культурные напластования и материалы XV–XVI вв. [767, с.119]. Аналогичные результаты были получены и при наших наблюдениях 1996 г., проведенных в этом же районе. В 1962–1968 гг. на месте слома старого здания цирка на углу ул. Черноозерская и Чернышевского выявлены материалы (в основном обломки керамической посуды) XIV–XV вв. [767, с.120]. Фрагменты болгарской желто-красной керамики с лощением были обнаружены и в районе городища Казанка I [767, с.121].

В ходе наблюдений 1968–1970 годов на месте строительства нового здания физкорпуса КГУ А.Х.Халиков зафиксировал следы рва, интерпретированные им как возможные остатки посадских укреплений XVI в. [767].

В 1971–1978 гг. под руководством А.Х.Халикова проводятся широкомасштабные исследования в кремле и в окрестностях Казани. В раскопках принимали участие Л.С.Шавохин и А.Г.Мухамадиев. Исследования были нацелены на решение спорных проблем, связанных с определением времени основания и локализацией первоначальной Казани.

В 1971–1973 гг. Л.С.Шавохин проводил поиски места первоначального города, на которое «претендовали», помимо Казанского кремля, поселение на Зилантовой горе, Кабанское городище и Старое городище (Федоровский бугор?) [37; 38; 899; 903; 904]. На Зилантовой горе четырьмя раскопами исследовалась площадь в 100 м²; на Кабанском городище 8 шурфами – 32 м²; на Старом городище 6 шурфами – 24 м². Раскопы не дали

материалов, подтверждающих дорусское заселение этих мест [904].

В эти же годы интенсивно изучается Казанский кремль, где было заложено 8 раскопов общей площадью 226 м² [36; 39; 40; 903; 900]. Исследования в основном проводились Л.С.Шавохиным в северо-восточной части Кремлевского холма.

Раскоп I 1971 г. (28 м²) располагался у северо-восточной стены кремля (рис.6, 21). В нем наблюдались культурные напластования мощностью до 4 м (рис.190). Нижний горизонт по выявленному материалу был датирован периодом Казанского ханства. На уровне материка в слое серо-коричневой супеси были обнаружены куски медного шлака [36].

Раскопы 2 и 3 (по 12 м²) были заложены в северной, верхней части Кремлевского холма (рис.6, 22, 23). В них выявлены культурные отложения мощностью от 3,5 до 4 м, образовавшиеся, по мнению Л.С.Шавохина, в период строительства Губернаторского дворца в 1840-х годах. В этих раскопах из-за сильной переработанности слоев только одну из выявленных построек удалось увязать стратиграфически и по характеру обнаруженного материала с периодом Казанского ханства. Интересные результаты были получены в раскопе 4 (20 кв. м), который был заложен в юго-восточной части дворцового сада (рис.6, 24). В нем, судя по неопубликованным работам А.Х.Халикова и Л.С.Шавохина [36; 82, с.313], удалось выделить участки домонгольского слоя, с которым связаны остатки жилой постройки (рис.191).

В 1972 г. исследования проводились тремя раскопами площадью 148 м² в северо-восточной, низменной части кремля [39]. В раскопе 1, южнее Воскресенской башни, булгаро-татарские слои не были выявлены (рис.6, 25). Их отсутствие А.Х.Халиков объяснял поздним заселением этой части кремля, хотя исследования Ф.Ш.Хузина 1995–1996 гг. у самой башни показали наличие здесь даже золотоордынских материалов [889].

Работы в раскопе 2, заложенном в этом же районе (рис.6, 26), позволили проследить слои темно-коричневой плотной супеси с включениями щепы, гумуса и фрагментов кожаной

обуви, отложенные в середине XV–XVI вв. Подобные наблюдения близки к материалам, полученным из этого района в раскопках Ф.Ш.Хузина 1995–1996 гг. [883, с.88]. Раскоп 3 был расположен в низменной части кремля у забора дворцового сада (рис.6, 27), но из-за близости грунтовых вод на уровне 5,5 м не был докопан до материка. На этой глубине были выявлены остатки моста, датируемого периодом Казанского ханства [39, с.83-84].

Небольшим раскопом (50 м²) исследования продолжались в 1973 г. в северо-восточной, нижней части Кремлевского холма, где были выявлены слои периода Казанского ханства [40, с.10-12; 900] (рис.6, 28). Заслуживают внимания в этом раскопе следы ямы выборки фундамента кремлевской стены, разрушенной в XVII в.

Параллельно проводились наблюдения за строительными работами на территории Казани [767, с.128]. В 1971 г. у онкологического диспансера под кремлем были отмечены мощные (до 7 м) культурные отложения насыпи углубления оврага. В следующем, 1972 г., при наблюдениях за строительством нового здания школы № 33 по ул. Красина были выявлены слои XV–XVI вв. Такой же результат был получен в районе строительства здания гуманитарных факультетов КГУ. Эти сведения уточнили представления о территории ханской Казани.

Значительным достижением в изучении Казани на этом этапе стали работы по локализации наиболее древней ее части. В ходе этих исследований были окончательно опровергнуты предположения о заселении булгарами Зилантовой горы, Кабанского городища, Старого городища (Федоровского бугра).

В 1974–1978 гг. исследования на территории Кремлевского холма еще более активизируются. На основе тщательного анализа письменных и старых археологических материалов Н.Ф.Калинина А.Х.Халиков допускал возможность заселения его в домонгольское время.

В 1974 г. был заложен раскоп 1 (158 м²) в центральной части сквера перед зданием Совета министров ТАССР [49; 767] (рис.6, 28). Как и в исследованиях предшествующих лет, в профилях раскопа слои XVII–XVIII вв. не прослеживались. Стратиграфически были

выделены три слоя булгаро-татарского времени. Первый из них мощностью 0,3 м датировался по комплексу выявленного материала периодом Казанского ханства, следующий слой – второй половиной XIII – первой половиной XV в. Нижнее напластование представлял собой домонгольский слой и состоял из серо-коричневого грунта толщиной всего 3–10 см. Он прослеживался только на тех участках, где сохранилась погребенная почва в виде плотной серой супеси толщиной до 20 см. По мнению исследователей, домонгольский слой представлял собой верхнюю, переработанную часть погребенной почвы [901].

Исследования в сквере перед Благовещенским собором начались в 1975 г. [42; 69, с.72-104; 902] (рис.6, 35). В нем впервые был получен полный разрез культурных слоев. Стратиграфически их было выделено пять: I слой – XX–XIX вв., II слой – второй половины XVI – XVIII в., III слой – второй половины XV – первой половины XVI в., IV слой – второй трети XIII – первой половины XV в., V слой – последней четверти XII – первой трети XIII в. (рис.192). Характер залегания домонгольского слоя этого раскопа был идентичен аналогичному слою раскопа 1 1974 г. С этим древнейшим слоем была связана деревянная постройка и три хозяйственных ямы [42, с.24, 25, 53, 54].

Исследования на территории сквера перед Благовещенским собором были продолжены в 1977 г. Раскоп V (48 кв. м) был разбит на газоне параллельно проезду Шейнкмана в юго-западной части сквера [44; 786]. В нем были выявлены часть Тезицкого рва и остатки деревянного моста. Глубина рва составила 5,5 м при ширине 10–15 м.

Домонгольские укрепления впервые были обнаружены А.Х.Халиковым в раскопе I 1978 г. (200 м²), заложенном в западной части сквера (рис.6, 53). В раскоп попала насыпь земляного вала с каменными укреплениями и часть проездных ворот, которые, по мнению исследователя, датировались второй половиной XII в. [765, с.90-109]. Для создания более полноценного представления о направлении линии укрепления был заложен ряд шурфов. Это позволило выявить остатки насыпи вала в западном направлении до

Юнкерского училища. Продолжение укреплений с восточной стороны тогда не было прослежено [46; 765]. Новые сведения о древнейших укреплениях на территории сквера были получены уже в ходе работ 1995–1999 гг. [882].

Более масштабными были исследования в районе башни Сююмбике и Введенской церкви. В 1975 г. с южной стороны Введенской церкви, которая исторически увязывалась с остатками мечети Нур-Али, Л.С.Шавохиным был заложен шурф с целью установления времени заложения ее фундамента [902]. В ходе проведенных исследований предположение Н.Ф.Калинина о дорусском времени ее строительства не подтвердилось [42; 904].

Раскоп I 1976–1977 гг. площадью 176 м² (рис.6, 40, 46) располагался с южной стороны башни Сююмбике [50; 567; 786]. Здесь были зафиксированы, по мнению авторов раскопа Л.С.Шавохина и А.Г.Мухамадиева, остатки первоначальных укреплений города в виде земляной насыпи шириной 3 м. Эти укрепления А.Х.Халиков считал единовременными с остатками вала, который был обнаружен в раскопе на территории сквера с южной стороны Благовещенского собора.

Работы 1977 г. осуществлялись двумя раскопами, заложенными с западной стороны башни Сююмбике [44; 567]. Раскоп 3 (86 м²) был разбит по линии прокладки канализационных труб (рис.6, 48). В нем было обнаружено 80 погребений русского времени, но помимо них были зафиксированы и более ранние слои, а также три хозяйственные ямы домонгольского времени.

Сенсационными стали результаты раскопа 4 1977 г. площадью 120 м² (рис.6, 49). Он был заложен вплотную к забору между Введенской церковью и башней Сююмбике [45; 567; 781]. Здесь А.Х.Халиковым были вскрыты плохо сохранившиеся каменные сооружения периода Казанского ханства, эпохи Золотой Орды и домонгольского времени. С домонгольским слоем были связаны остатки двух каменных построек, вероятно, сторожевой башни-минарета мечети [777]. Исследователь склонен был видеть в этой башне прототип современной башни Сююмбике. Судя по стратиграфическим

наблюдениям, ранние постройки были разрушены в период Казанского ханства и на их месте были построены мавзолеи [781]. В ходе изучения мавзолеев было расчищено пять сильно потревоженных мусульманских захоронений, состоящих из четырех взрослых и одного детского костяка. Основываясь на результатах антропологических и историко-археологических исследований, два взрослых костяка Ф.Ш.Хузиным были определены как останки хана Махмуда (ум. в 60-х годах XV в.) и Мухаммад-Эмина (ум. 1518 г.) [884].

В те же годы А.Х.Халиковым и Л.С.Шавохиным проводились работы по изучению крепостных стен и башен кремля. Для этой цели было заложено два раскопа и 11 шурфов [900; 902; 786]. Археологи пришли к выводу о том, что каменные стены кремля на исследованных участках были построены русскими мастерами после 1552 г. за исключением Северной башни, которая, по их мнению, связана с периодом Казанского ханства.

Таким образом, археологическими исследованиями 1974–1978 гг. под руководством А.Х.Халикова удалось определить время возникновения первого булгарского поселения на территории Казани. Была разработана стратиграфическая шкала культурного слоя, в которой свое место занял и домонгольский слой XII – начала XIII в. За указанный промежуток времени было заложено 20 раскопов и 36 шурфов общей площадью около 1600 м². В числе крупных достижений экспедиции следует назвать изучение остатков архитектурных памятников булгаро-татарского времени. К сожалению, удачно начатые работы после 1979 г. были приостановлены.

Исследования 1979–1993 гг. ограничивались нерегулярными раскопами и наблюдениями на территории Казани. В 1982 г. А.Х.Халиков вел наблюдения у здания физкорпуса КГУ, где удалось зафиксировать, как уже отмечалось, остатки земляного вала XV–XVI вв. шириной до 20 м. За пределами этой линии изучение культурных слоев проводилось по ул. Лобачевского, к востоку от Черного озера, по ул. К. Маркса, Б. Красная, Миславского и на территории Казанского университета [767]. Слои дорусской Казани здесь

не были выявлены, что, по мнению исследователя, свидетельствует об освоении этой территории уже после 1552 г. В том же году были проведены работы в районе Центрального рынка по ул. М. Межлаука, где были обнаружены мусульманские погребения, которые вполне обоснованно увязывались с кладбищем Кураишевой слободы.

В 1985 г. были осуществлены наблюдения на Федоровском бугре в районе строительства Ленинского мемориала (совр. НКЦ «Казань») [65]. Тщательно изучалась стратиграфия слоев в траншеях длиной более 300 м. Результаты наблюдений окончательно убедили А.Х.Халикова в отсутствии здесь каких-либо следов исторически известного и здесь локализуемого «Старого городища» [65, с.2, 3].

В том же году проводятся исследования на территории Казанского Богородицкого монастыря (в 500 м к востоку от кремля), где был заложен шурф (3 x 3 м) между современным зданием факультета русской филологии КГПУ и Табачной фабрикой [65; 404, с.32-33]. В культурных напластованиях мощностью до 75-80 см было выделено четыре слоя. Нижний слой, состоящий из светлой коричневой супеси, мощностью в 5–10 см оказался близким к золотоордынскому слою IV в отложениях Казанского кремля [65, с. 4-8].

Значительные по площади раскопки были предприняты в 1988 г. в связи с проектными работами по строительству Казанского метро [66; 766]. С этой целью в районе пересечения ул. Баумана и Кремлевская было заложено три раскопа (172 м²). Во всех раскопах прослеживалось четыре слоя, нижний из которых был датирован XIII–XIV вв. В раскопе 1 у Дома политического просвещения (совр. здание Президиума АНТ) были выявлены остатки деревянных конструкций, предположительно интерпретированные А.Х.Халиковым как следы посадской стены XIV–XV и XV–XVI вв. Две постройки периода Казанского ханства оказались коженными мастерами с большим количеством фрагментов кожаной обуви [66, с. 3-14].

На спуске с площади 1 Мая располагался раскоп 3. В нижнем, четвертом слое были выявлены следы могильных ям. «Стратиг-

рафия залегания и наличие гробовища, что характерно в основном для мусульманско-булгарских погребений домонгольского времени, свидетельствует о том, что перед нами остатки древнего (XII–XIII вв.) захоронения... Со слоем связано также до 20 фрагментов типично булгарской керамики с широким полосчатым лощением, характерным больше для домонгольского времени Волжской Булгарии» [66, с.22–25]. Данное утверждение А.Х.Халикова, по нашему мнению, нуждается в проверке новыми раскопками.

Согласно концепции А.Х.Халикова, выработанной на основе новых материалов, самое раннее укрепленное поселение (городище 1) возникло в XII в. (1177 г.) на северо-западной оконечности Кремлевского холма. С запада, севера и северо-востока территория городища площадью около 4 га ограничивалась крутыми склонами, а с южной и юго-восточной сторон – искусственными валом и рвом (Тезицким оврагом). Чуть позже первоначальный город – Казанская крепость – был дополнительно укреплен белокаменными стенами. Следы кладбища домонгольского времени были выявлены в районе Консistorской башни [438, с.158].

Столица Казанского княжества XIV – первой половины XV в. археологически представлена, по мнению А.Х.Халикова, городищем II, занимавшим северную часть Кремлевского холма общей площадью до 10 га. Остатки мусульманского кладбища этого времени известны по наблюдениям 1947 г. в юго-восточной части кремля. К этой крепости еще в то время примыкал обширный посад [438, с.158].

Казанская крепость 1445–1552 гг., огороженная, как считал А.Х.Халиков, дубовыми стенами (городище III), занимала около 3/4 площади современного кремля. С южной стороны к ней примыкало кладбище с погребениями в ляхтах-подбоях (см. наблюдения 1949); за ним начинался посад, укрепленный в 1530 г., если не раньше, и доходивший до современных ул. Лобачевского и Университетская, а с запада – до Булака. Далее в окрестностях города располагались укрепленные слободы и села [438, с.159].

Значительные результаты были достигну-

ты в рассматриваемый период в изучении историко-социальной топографии города, территориального развития его в эпоху средневековья, основанные на анализе письменных источников. В трудах казанских историков по крупницам восстанавливался утраченный облик города и его кремля. Были предприняты попытки реконструкции архитектуры ханской Казани. Обширной историографией пополнился вопрос о времени строительства и культурной принадлежности башни Сююмбеки. В этой области следует отметить труды С.С.Айдарова [158–166], И.П.Ермолаева [361–365], В.П.Остроумова [593; 594], Р.Г.Фахрутдинова [742; 743; 747] и др.

Характеризуя третий этап в изучении истории средневековой Казани, необходимо остановиться на дискуссии, связанной с определением времени и места возникновения Казани, которая развернулась в связи с попыткой увязать основание Казани с первым упоминанием ее под 1177 г. в «Казанской истории». Несмотря на выразительные, хотя и малочисленные домонгольские материалы из раскопов на территории Казанского кремля и наличие слоя, отложившегося в XII – начале XIII в., и связанных с ним объектов, не все исследователи согласились с этой датой.

Такие историки как В.Л.Егоров, В.А.Кучкин, Л.С.Шавохин, Р.Г.Фахрутдинов считали Казань городом, основанным ханами Золотой Орды. В.Л.Егоров пытался связать основание Казани с упоминаемым в летописях под 1370 и 1376 гг. князем Хасаном, пытавшимся захватить власть в городе Булгаре [359, с.85–87; 360, с.97–106]. По мнению В.Л.Егорова, Хасан был вынужден после восстановления власти Золотой Орды в Булгаре уйти на север, где основал город, который стал упоминаться в 90-е годы XIV в. на страницах русских летописей под именем Казань. С князем Хасаном он увязывал и надгробный камень с именем Хасан-бека, датируемый концом XIII в. [216; 539, с.77–79; 922, с.50–51]. Одним из главных аргументов при отрицании домонгольского времени возникновения Казани В.Л. Егоров считал недостаточность ранних археологических материалов, в частности, архаичной лепной керамики, а также отсутствие публикаций результа-

тов исследований 1970-х годов [359, с.87]. Точка зрения этого автора подвергалась справедливой критике историками, археологами и языковедами (см. труды С.Х.Алишева, А.Г.Мухамдиева, В.В.Иванова, Р.Г.Ахметьянова и др.).

Интересен подход к вопросу о времени возникновения Казани у Л.С.Шавохина, проводившего в Казанском кремле и за его пределами большие и в целом успешные работы по изучению его древней топографии. Первоначально, до 1978 г., в своих публикациях он активно доказывал домонгольский возраст города [784; 788], но позже (после несостоявшегося 800-летнего юбилея города) передавал самые ранние слои кремля раннезолотоордынским временем [907, с.118]. Но при этом важно отметить два наиболее важных наблюдения, которые легли в основу работы Л.С. Шавохина и изменили подходы к изучению древней Казани. Во-первых, он считал, что Кремлевский холм был заселен булгарами в более ранний период, чем до этого считалось, т.е. до середины XIII в. Во-вторых, им было определено, что город на Кремлевском холме развивался непрерывно с момента основания и до современности.

В.А.Кучкин и И.Г.Добродомов пошли по другому пути в определении возраста Казани. Они, в частности, утверждали, что дата «1177 год» (в некоторых списках «1172 год») является случайной поздней вставкой в «Казанскую историю» и поэтому доверять ей не следует. «Дата была вставлена редактором произвольно, но с летописью в руках, – пишут они. – Поскольку в летописи отношения Руси со своими восточными соседями описывались под 1172 годом (поход Андрея Боголюбского на болгар), эту дату и следует признать исходной» [340, с.160]. В своих работах В.А.Кучкин и И.Г.Добродомов подвергали критическому анализу не только «Казанскую историю», но и татарские предания, сведения восточных авторов, факты из русских летописей. На основании всестороннего изучения всех известных письменных источников они пришли к выводу об их несостоятельности при определении возраста Казани. Авторы справедливо отмечают, что «при явной информативной недостаточности письменных источ-

ников, привлекаемых до сих пор для выяснения времени основания Казани, главные надежды приходится возлагать на археологические раскопки, материалы которых дадут возможность с меньшей степенью приближенности определить хронологию возникновения Казани» [341, с.459].

К данному вопросу Р.Г.Фахрутдинов подходит несколько с иных позиций. На основании проведенных археологических раскопок на Камаевском городище и Русско-Урматском селище он рассматривает эти два памятника как единый комплекс и называет его остатками «Иске-Казани» [742, с.71-73; 745, с.125 и сл.]. Попытка ученого представить Камаевское городище конца XIV – первой половины XVI в. в качестве цитадели, административного центра «Иске-Казани», а расположенное почти в 2 км от него Русско-Урматское селище конца XII–XV вв. ремесленным посадом, рядом современных исследователей подвергается аргументированной критике [299; 859; 873, с.41-43].

Как видим, проблема времени возникновения Казани до последнего времени не была снята с повестки дня. Она волновала не только ученых, но и широкий круг общественности, став чуть позднее одним из приоритетных направлений археологических исследований в кремле.

Таким образом, в результате многолетних археологических наблюдений и раскопок, проводившихся на территории Казанского кремля и за его пределами, начиная со второй половины XIX в. и до конца 80-х годов прошлого столетия, были сделаны заметные успехи в изучении исторической топографии города, в определении места его возникновения и примерных границ в XII–XVI вв. Одним из важнейших достижений археологических работ предшествующих лет можно считать создание основ стратиграфии и хронологии культурных отложений средневековой Казани.

Четвертый этап. Начало нового этапа связано с созданием в Институте языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова Академии наук Татарстана специальной научно-исследовательской группы «Археология Казанского Кремля» (руководитель Ф.Ш.Хузин) в соответ-

ствии с Постановлением Кабинета министров РТ об «Основных направлениях научной концепции сохранения, реставрации и использования Казанского кремля» (1994 г.)*. Главной задачей этой группы было определено проведение планомерных и широкомасштабных археологических раскопок на территории кремля и в исторической части города. Ф.Ш.Хузин и его сотрудниками была разработана Программа проведения археологических исследований на ближайшие десять лет, изданная в 1995 г. в виде брошюры [882]. В этой работе было выделено несколько основных, наиболее перспективных и первоочередных задач. Одна из них была связана с уточнением времени возникновения города Казани. В числе приоритетных направлений указывалось также на необходимость изучения динамики территориального развития города и его укреплений в различные исторические периоды, имеющего практическое значение при решении вопросов реконструкции древнего облика города. Изучение динамики роста исторической части города обязывало также рассматривать вопросы локализации некрополей древней Казани и исторически известных архитектур-

ных памятников. В программе особо отмечалась необходимость выявления и исследования архитектурных сооружений периода Казанского ханства. Предполагалось, в частности, досконально изучать все сохранившиеся здания XVI–XVIII вв. на предмет уточнения времени их строительства и возможного выявления следов более ранней архитектуры. Одновременно следовало продолжать поиски руинированных остатков каменных, кирпичных и деревянных сооружений, существовавших в XI–XVI вв. При этом самостоятельно выделялась проблема Казани раннерусского времени, учитывая то, что она длительное время сохраняла статус второго после Москвы города в Российском государстве и играла важнейшую роль в его развитии.

В плане реализации этой программы с 1994 по 2003 г. на территории кремля было заложено около 60 раскопов общей площадью около 10000 м² и проведены десятки наблюдений за земляными работами, в результате которых были получены важные материалы в изучении древней Казани. Краткие сведения об этих раскопах приведены в нижеприведенной таблице (рис.6).

Номер раскопа	Год	Площадь (м ²)	Исследователи	Район изучения	Основные объекты	Толщина слоя (см)
I	1994**–1995	330	Халиков А.Х., Хузин Ф.Ш., Ситдилов А.Г.	Пушечный двор	Улица, жилые и хозяйственные постройки XI–XVII вв.	250–280
II	1994 – 1998	587	Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф.	Сквер с южной стороны Благовещенского собора	Каменные здания XVI–XVII вв. Вал XI в.	280–300
III	1995	210	Хузин Ф.Ш., Набиуллин Н.Г.	Сквер с южной стороны Благовещенского собора	Каменные здания XVI–XVII вв.	300
IV	1995 – 1996	110	Хузин Ф.Ш., Якимов И.В.	С южной стороны Воскресенской башни	Хозяйственные и жилые постройки XIV–XVII вв.	250–300
V	1995	80	Мухамадиев А.Г.	Сквер с восточной стороны Благовещенского собора	Каменная стена XII–XVIII вв.	250

* Разработка Постановления Кабинета министров РТ об «Основных направлениях научной концепции сохранения, реставрации и использования Казанского кремля» осуществлялась под руководством доктора исторических наук А.Х.Халикова и доктора архитектуры С.С.Айдарова.

** Раскоп был заложен А.Х.Халиковым в 1993 г. Основные исследования проводились в 1994 г. после смерти А.Х.Халикова под руководством Ф.Ш.Хузина.

Номер раскопа	Год	Площадь (м ²)	Исследователи	Район изучения	Основные объекты	Толщина слоя (см)
VI	1996	180	Ситдииков А.Г.	На месте строительства мечети Кул-Шариф	Улица, жилые и хозяйственные постройки XVI в. Кладбище XVI–XVII вв.	180-120
VII	1996	484	Ситдииков А.Г.	На месте строительства мечети Кул-Шариф	Улица, жилые и хозяйственные постройки XI–XVII вв.	180-300
VIII	1996	60	Алферова Ж.Р.	Рага Преображенского монастыря, 8 погребений	Погребения XVII–XVIII вв.	150
IX	1997	232	Ситдииков А.Г.	С восточной стороны Благовещенского собора	Улица, жилые и хозяйственные постройки XVI в.	250
X	1997 – 1998	156	Ситдииков А.Г.	С восточной стороны Благовещенского собора	Каменная стена XII–XVIII вв.	250
XI	1997	50	Ситдииков А.Г.	У апсид Благовещенского собора	Хозяйственные и жилые постройки XI–XVII вв.	250
XII	1997	188	Шарифуллин Р.Ф.	Южнее Тайницкой башни	Хозяйственные и жилые постройки XI–XVII вв.	250
XIII	1997 – 1999	500	Хузин Ф.Ш., Набиуллин Н.Г., Шарифуллин Р.Ф.	Южнее Воскресенских ворот	Улица, жилые и хозяйственные постройки XI–XVII вв.	250
XIV	1997, 1999	100	Мухамадиев А.Г.	Внутри корпуса II Пушечного двора	Хозяйственные и жилые постройки XI–XVII вв.	50
XV	1997 – 1998	100	Мухамадиев А.Г.	С восточной стороны Благовещенского собора	Каменная стена XII–XVIII вв.	150
XVI	1998	180	Ситдииков А.Г.	Пушечный двор	Улица, жилые и хозяйственные постройки XI–XVII вв.	300
XVII	1998	273	Ситдииков А.Г.	На месте строительства южного павильона мечети Кул-Шариф	Улица, жилые и хозяйственные постройки XVI–XVII вв.	200
XVIIA	1998	319	Ситдииков А.Г.	На месте строительства южного павильона мечети Кул-Шариф	Улица, жилые и хозяйственные постройки XVI–XVII вв.	200
XVIII	1998 – 1999	280	Хузин Ф.Ш.	С восточной стороны Президентского дворца	Каменная стена XII–XVIII вв.	80-350
XIX	1998 – 1999	280	Шарифуллин Р.Ф.	С восточной стороны Президентского дворца	Каменная стена XII–XVIII вв.	250

Номер раскопа	Год	Площадь (м ²)	Исследователи	Район изучения	Основные объекты	Толщина слоя (см)
XX	1998 – 1999	200	Ситдииков А.Г.	С южной стороны Благовещенского собора	Каменные ворота XII–XVII вв. Вал XI в.	200
XXI	1998	40	Валиуллина С.И., Беговатов Е.А.	С западной стороны Безымянной (Западной) башни	–	200
XXII	1998	80	Старостин П.Н.	С южной стороны Президентского дворца	Жилые и хозяйственные постройки XI–XVI вв.	80
XXXII	1999	312	Шарифуллин Р.Ф.	У южной ограды Президентского дворца	Углубления хозяйственных ям	40
XXX	1999	80	Мухамадиев А.Г.	У юго-восточного края архиерейского дома	Остатки каменной стены	не докопан
XXIV	1999	32	Губайдуллин А.М.	Севернее Северо-Западной круглой башни	Исследован фундамент каменных стен кремля	300
XXXIII	2000	296	Ситдииков А.Г.	По восточному склону холма	Остатки каменной стены XII–XV, XVII	100
XXXIV	2000	525	Ситдииков А.Г.	У южной ограды Президентского дворца	Планировка ханского двора	100
XXXV	2000, 2003	250	Губайдуллин А.М., Хузин Ф.Ш., Ситдииков А.Г.	Северная стена, Северная башня	Фундамент башни пер. пол. XVI в.	200
XXXVI	2000 – 2001	200	Старостин П.Н.	Северо-Западная башня	Фундамент башни втор. пол. XVI в.	200
XL	2001	24	Ситдииков А.Г.	Подвал Благовещенского собора	Жилые и хозяйственные постройки XI–XVIII вв.	20
XLI	2001	116	Шарифуллин Р.Ф.	Между Введенской церковью и башней Сююмбике	Жилые и хозяйственные постройки XI–XVIII вв.	300
XLII	2001	182	Ситдииков А.Г.	Вдоль здания архиерейского дворца	Жилые и хозяйственные постройки XI–XVIII вв. Вал XI в.	280-300
XLIII	2001	88	Губайдуллин А.М.	С южной стороны Северной башни	Жилые и хозяйственные постройки XI–XVIII вв. Фундамент каменной башни XVI в.	250
XLIIIA-B	2001	639	Ситдииков А.Г.	С южной стороны северной стены кремля	Жилые и хозяйственные постройки XI–XVIII вв. Фундамент каменных стен XVI в.	200-500
XLV	2001	50	Хузин Ф.Ш., Печенкин А.А.	Внутри Введенской церкви	Жилые и хозяйственные постройки XI–XVIII вв.	300
XLVI	2001	48	Набиуллин Н.Г.	С восточной стороны Тайницкой башни	Жилые и хозяйственные постройки XVI–XVIII вв. Фундамент каменной башни XVI в.	500

Номер раскопа	Год	Площадь (м ²)	Исследователи	Район изучения	Основные объекты	Толщина слоя (см)
XLVII	2001	400	Набиуллин Н.Г.	Пятигранная башня	Жилые и хозяйственные постройки XIV–XVIII вв. Фундамент башни XVI в. Некрополь X–XI вв. (?)	400
XLVIII	2001	520	Набиуллин Н.Г.	С южной стороны Президентского дворца	Фундаменты ханского дворца	150
XLIX	2001	304	Ситдииков А.Г.	С западной стороны раскопа XLVIII	Жилые и хозяйственные постройки XI–XVIII вв.	150
L	2001	30	Ситдииков А.Г., Старков А.С.	С северной стороны Преображенской башни	Жилые и хозяйственные постройки XVI–XVIII вв. Некрополь X–XI вв.	50
LI	2001	34	Старков А.С.	Между мечетью Кул-Шариф и северным павильоном	Жилые и хозяйственные постройки XVI–XVIII вв.	200
LIA	2002	75	Старков А.С.	Между мечетью Кул-Шариф и северным павильоном	Жилые и хозяйственные постройки XVI–XVIII вв.	750
LII	2002 – 2003	750	Старков А.С.	Между Преображенским собором и церковью Николы Ратного	Жилые и хозяйственные постройки XVI–XVIII вв. Некрополь XVI–XX вв.	650
LIII	2003	400	Ситдииков А.Г., Старков А.С.	С западной стороны Юнкерского училища	Жилые и хозяйственные постройки XI–XVIII вв. Улица. XI–XVIII вв. Некрополь XVI–XX вв.	400
LIV	2003	54	Ситдииков А.Г., Старков А.С.	С северной стороны Благовещенского собора	Жилые и хозяйственные постройки XI–XVIII вв. Улица. XI–XVIII вв.	310
LV	2003	150	Хузин Ф.Ш.	Спасо-Преображенский собор	Жилые и хозяйственные постройки XVI–XVIII вв. Некрополь XVI–XX вв.	300
LVI	2003	36	Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш.	Северная стена	Фундаменты кремлевской стены XVI–XVIII вв. Жилые и хозяйственные постройки XI–XVIII вв.	250
LVII	2003	36	Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш.	Северная стена	Фундаменты кремлевской стены XVI–XVIII вв. Жилые и хозяйственные постройки XI–XVIII вв.	250
LVIII	2003	100	Ситдииков А.Г., Старков А.С.	С западной стороны Юнкерского училища	Жилые и хозяйственные постройки XI–XVIII вв. Улица. XI–XVIII вв. Некрополь XVI–XX вв.	300
LIII	2003	100	Ситдииков А.Г., Старков А.С.	С западной стороны Юнкерского училища	Жилые и хозяйственные постройки XI–XVIII вв. Улица. XI–XVIII вв. Некрополь XVI–XX вв.	300

Материалы домонгольского периода были получены уже в первые годы исследований на территории Пушечного двора, где были заложены раскопы I и XVI (рис.6, 61). Общая их площадь составила 510 м². В культурных отложениях обоих раскопов довольно четко определилась полная стратиграфическая картина кремля, показывающая непрерывность накопления слоев, начиная с домонгольского времени вплоть до современности. Было изучено значительное количество сооружений XII–XVII вв., в том числе хозяйственные ямы и остатки уличной мостовой домонгольского и более позднего времени, жилища эпохи Казанского ханства и другие объекты. Одним из уникальных, но, к сожалению, плохо сохранившихся объектов оказалось кирпично-каменное сооружение ханского времени – первой половины XVI в. [65; 882].

Территория кремля южнее Благовещенского собора изучалась в 1994–1997 гг. раскопами II–III общей площадью 797 м² (рис.6, 62, 63) [54; 57; 882; 883]. Эти исследования дополнительно подтвердили правильность выделения домонгольского слоя и дали значительный материал для изучения истории кремля и раннего города XI–XVI вв. На раскопе II были выявлены остатки древнейших укреплений города в виде земляного вала, насыпанного не позднее рубежа X–XI вв. Эта дата была подтверждена результатами радиоуглеродного анализа. На участке раскопа, примыкающем к северному склону Тезицкого рва, расчищены остатки крупного каменного здания ханского времени. Под фундаментом другого здания XVI в., полностью разобранный в XIX в., были обнаружены два клада древнерусских монет второй половины XV – первой половины XVI в.

В целях изучения ранних укреплений кремля в этом же районе, западнее раскопов II–III, в 1998 г. был заложен раскоп XX, выявивший остатки белокаменных конструкций, предположительно связанных с проездными воротами домонгольского и золотоордынского времени [665; 666]. Следы каменной стены, примыкавшей к этим воротам, были зафиксированы А.Х.Халиковым еще в 1978 г. [765].

Исследования по изучению фортификации

кремля проводились в 1995 г. (раскоп V) и 1997–2000 гг. (раскопы X, XV, XVIII, XIX, XXXIII), когда по восточному склону холма на площади около 1000 м² были вскрыты остатки белокаменной стены, функционировавшей с XII по XVI в. [559; 666; 204, с.12-18].

Интереснейший материал по изучению топографии древнего кремля был накоплен при исследованиях участка, расположенного к востоку от Благовещенского собора. В раскопе IX, в частности, были зафиксированы следы улицы, возникшей в конце домонгольского времени и упомянутой в «Писцовой книге 1565–1568 гг.» [62]. Уникальной находкой из древнейшего слоя раскопа является чешская монета X в. [825-828]. Раскопом XI, заложенным у апсид Благовещенского собора, был выявлен строительный горизонт православного храма, который покоился на слое пожарища 1552 г. [64].

За пределами древнейших стен первоначальной Казани в восточной части Кремлевского холма, у подошвы склона, располагались раскопы IV и XIII (рис.6, 64, 76). Первый из них, примыкавший к Воскресенской башне, не дал материалов ранее золотоордынского времени, но так называемый «ханский слой» был насыщен объектами хозяйственного назначения [55; 883, с.88]. Чрезвычайно интересным оказался раскоп XIII, в домонгольском слое которого обнаружен обломок арабского дирхема X в. и изучены остатки жилища, стратиграфически датированного XI–XII вв. [863; 301-303; 573-576]. Кроме того, на этом раскопе хорошо сохранились деревянные сооружения (в том числе мастерская кожевенника), расположенные по обе стороны улицы с деревянной мостовой [883; 204, с.20-23].

При проведении раскопов VI, VII, XVII на месте строительства новой мечети Кул Шариф (рис.6, 67, 68, 80, 81), а также в раскопе VIII в районе бывшего Спасо-Преображенского собора (рис.6, 69) не удалось выявить слоев ранее середины XV в., хотя встречались и более ранние находки [50-53; 59]. Этими наблюдениями, важными для исторической реконструкции кремля, были установлены примерные границы распространения культурного слоя домонгольского времени.

Исключительный интерес для изучения средневековой фортификации представляют материалы, полученные А.М.Губайдуллин, Н.Г.Набиуллиным и Ф.Ш.Хузиным при раскопках в 2000–2003 гг. Северной, Пятигранной, Тайницкой башен кремля [205]. Появились определенные основания говорить о ханском времени (первая половина XVI в.) строительства Северной башни [204, с.24–26]. Привлекает внимание материал, полученный П.Н.Старостиным при раскопках Северо-Восточной башни, где были выявлены остатки металлургического горна эпохи Казанского ханства [204, с.27–29].

Исследования проводились и с целью изучения ныне существующих каменных стен кремля [205]. Общая площадь раскопов, заложенных вдоль его стен составила в 2001 г. около 800 м². На некоторых участках удалось установить этапы возведения стен. Так, строительный горизонт, связанный с возведением северного прясла кремля (между Тайницкими и Воскресенскими воротами), стратиграфически относится к нижним прослойкам слоя, сформировавшегося во второй половине XVI в. По наблюдениям в шурфах 1996 г. у стен западного прясла под фундаментом бывших казарм Юнкерского училища было высказано предположение, что они возведены в первой половине XVI в. Однако наблюдения 2001 г. за ходом прокладки ливневой канализации с пробивкой стены показали, что кладка стен здесь на всю глубину переложена в период строительства казарм. К сожалению, на большинстве участков культурные напластования, прилегающие к каменной стене, почти до основания разрушены поздними перекопами.

Территория резиденции Президента РТ интенсивно изучалась еще до начала раскопок 1990-х годов. Обширные работы в этом районе были проведены археологической экспедицией «Казанский Кремль» в 1997–2001 гг. За небольшой промежуток времени была заложена целая серия раскопов общей площадью более 3000 м².

Здесь были обнаружены фундаменты двух крупных каменных зданий с южной стороны Президентского дворца. Один из объектов в

раскопе XLI у башни Сююмбеки является остатками плохо сохранившегося кирпично-каменного здания, состоящего из двух частей – белокаменной и кирпичной. Постройка имеет размеры 14 x 30 м, ориентирована по линии ЮЮЗ (аз. 207°), Стратиграфически время возведения здания относится к слою Казанского ханства. Время разрушения здания и засыпки подвалов восходит к рубежу XVII–XVIII вв. Подобная ориентировка здания в нашем регионе характерно для мусульманских культовых сооружений. Не исключено, что оно представляет собой остатки Ханской мечети. По данным Писцовой книги она может быть идентифицирована с локализуемой здесь мечетью у Царского двора.

Другой крупный объект ханского времени был обнаружен и исследован в центральной части двора резиденции Президента РТ [580; 583; 886]. Он представляет собой остатки подвальной части белокаменного здания размерами 18 x 24 м, ориентированного по сторонам света. Постройка была сломана предположительно на рубеже XVII–XVIII вв., его частично разрушает фундамент здания архиерейского двора, построенного на рубеже XVIII–XIX столетий. По планам кремля можно сказать, что сооружение в центре современной резиденции президента РТ исчезает в начале XVIII в. Выявленный объект, учитывая его размеры, местоположение и картографические данные, вполне сопоставим с ханским дворцом, входившим в комплекс «Царева двора» Писцовой книги под именем Большой палаты.

В раскопе XXXIV с западной стороны Благовещенского собора прослеживается определенная планировка [204, с.8–11]. Постройки расположены в два ряда вдоль незастроенной полосы (аз. 205–210°) шириной 200–250 см со следами деревянного мощения, связанного, предположительно, с остатками небольшого переулка. Важно при этом отметить, что ориентировка выявленных объектов соответствует региональному азимуту на Мекку. Подобная застройка, возможно, объясняется привязкой построек к находящемуся вблизи мусульманскому культовому сооружению, не попавшему в раскоп,

учитывая то, что рядом с раскопом напротив северного придела Благовещенского собора, судя по «Писцовой книге города Казани 1565–1568 гг.», находилась мечеть.

В ходе раскопок 1999 г. за пределами кремля, примерно в 200 м к востоку от Дмитриевской башни, на ул. Батурина С.И. Валиуллиной были открыты следы ремесленного посада, в домонгольском слое которого зафиксированы четкие признаки металлургического производства в виде скопления железных шлаков. Аналогичные материалы были получены и в раскопе 1999–2000 гг. с западной стороны кремля у края древнего

русла р. Булак (рук. К.Э.Истомин), где были выявлены и материалы домонгольского времени: фрагменты глиняной посуды, наконечники стрел, шиферное пряслице.

Таким образом, длительная история изучения Казани получила свое продолжение в современных исследованиях. Источниковая база значительно пополнилась археологическими материалами, позволяющими более полно представить историю средневековой Казани периодов Волжской Булгарии, Золотой Орды, Казанского ханства, ранней русской колонизации.

2. ИСТОЧНИКИ

Письменные источники. Не располагая подлинными булгаро-татарскими письменными памятниками, ученые изучали средневековую историю Казани главным образом на основании иноязычных источников, составленных преимущественно в Московском государстве. Но и этих источников, к сожалению, мало. К тому же они полны явных, иногда преднамеренных искажений фактов и событий. Эту тенденциозность можно обнаружить и в русских летописях, и в «Царственной книге» [128], и в «Сказании» Андрея Курбского [93–95], а особенно в «Казанской истории» [87; 88; 91; 118]. Тем не менее, эти документы являются ценными источниками по средневековой истории Казани, ибо при надлежащем критическом подходе могут дать массу сведений по истории города и для реконструкции его древнего облика.

В русских летописях отсутствуют сведения об основании города, что вполне естественно, а достоверные упоминания о Казани и ее населении относятся только к концу XIV в. Правда, в Никоновской летописи, составленной в середине XVI в. на основе компиляции различных летописей [116, с.210], жители города и население страны упоминаются, начиная с 1157 г., под именем «болгар-казанцев». Ряд авторов справедливо считает их позднейшими вставками.

С упоминанием Казани под 1205 г. А.Х. Халиков предлагал увязать описание похода русских войск на город Хомол в Симеоновской [120,

с.46] и Никоновской летописях [115, с.50]. С названием этого города, расположенного на р. Волге, он отождествлял Казань [763, с.19].

Раннее упоминание Казани содержит также «Степенная книга», написанная в XV в. В ней описывается награждение ханом Менгу-Тимуром за помощь в подавлении восстания волжских булгар против монголов в 1277–1278 гг. князя Федора Черемного 36 городами, в числе которых значится и Казань [122, с.309]. В.О.Ключевский считал эту дату вполне достоверной по той причине, что в ее основе он видел раннюю повесть, написанную, по его мнению, сразу после смерти князя [491, с.171]. Р.Г.Фахрутдинов описание этого события считает поздней вставкой «в силу названия некоторых поздних городов (Казань, Арск) и с учетом в целом позднего возраста летописей» [742, с.104].

Первой бесспорной датой упоминания Казани в летописях является 1391 г., когда состоялся набег ушкуйников на Жукотин и Казань: «Новгородци Новагорода Великого да и устюжане гражане ... выидоша в насадах и ушкуех рекою Вяткою на низ и взяша Жукотин и Казань, и пограбиша все всех ...» [119, с.160–161; 116, с.126; 126, с.217; 129, с.158]. Позднее Казань появляется в летописях в связи с описанием похода на нее звенигородского князя Юрия Дмитриевича в ответ на разорение Нижнего Новгорода татарским князем Энтяком в конце XIV в. В летописях это событие

фигурирует под 1399 г. [112, с.130; 114, с.72; 126, с.219; 129, с.167; 130, с.89], 1396 [115, с.169], 1395 г. [110, с.380; 123а, с.165] и под 1392 г. в «Казанской истории» [87, с.48]. С этим походом в «Казанской истории» увязывается сорокалетнее запустение Казани, возрождение и новое появление которой связано уже с созданием Казанского ханства.

Наиболее полное отражение в русских источниках получили внешнеполитические взаимоотношения Московского государства с Казанским ханством и развитие ситуации в самой Казани. Более подробное освещение этих проблем характерно для событий XVI в. Детальное описание походов, политических решений, а также осады и штурма Казани в 1552 г. дается в летописях, в частности, в «Царственной книге» [128; 134], «Казанской истории» [82, с.64-118; 87; 88; 91; 118]. Значительным дополнением к ним является «Сказание» А.Курбского [82, с.118-136; 94, с.229-261].

Основным и наиболее объективным источником по топографии города в первые годы русской колонизации является «Писцовая книга города Казани 1565–1568 гг.», где в деталях описывается кремль и посады Казани [82, с.139-152; 96]. Дополнением служат официальные акты, определяющие начало строительства зданий и передачу в пользование городских земель [81, с.167; 82, с.137].

Небольшую группу источников составляют заметки иностранцев, представленных как западноевропейскими, так и восточными авторами. При характеристике этой группы материалов надо подчеркнуть, что во многих из них нет упоминания названия Казани, но они характеризуют эпоху и создают исторический фон, на котором она возникла и развивалась. К их числу можно отнести труды восточных авторов Ибн-Русте [833, с.19-20, 22-25], Ибн-Фадлана [90, с.121, 131-132], более позднего Рашид-ад-дина [133] и др. В последние годы появилась интересная, но далеко не бесспорная точка зрения, согласно которой строительство укреплений Казани увязывается с миссией посольства Ибн-Фадлана в Волжскую Булгарию [692, с.263-269].

Первым упоминанием Казани в восточных источниках можно считать описание ее покорения ханом Берке (1209–1266 гг.), младшим братом Батыея, в книге «Списки устроителя мира» Ахмеда Гаффари, написанной в середине XVI в. [139, с.211]. При этом надо учесть, что в основном источнике этой книги, в сочинении «Анониме Искандера» начала XIV в., нет сведений о подчинении Казани ханам Золотой Орды [139, с.127].

Западноевропейские авторы описывали домонгольскую Волжскую Булгарию как могущественную страну с большим количеством городов [72, с.80]. Между тем, Казань появляется только при описании ее в качестве столицы одноименного ханства С.Герберштейном [77, с.68, 72, 134, 164, 170-179], Й.Барборо [73, с.158-159]. В этих произведениях можно найти интересные сведения о политической и экономической ситуации в регионе к моменту завоевания Казани. В заметках, составленных после ее покорения (А.Дженкинсон [71, с.167], А.Олеарий [104], Витзен [161, с.22] и др.), примечательно наличие рисунков с видами Казани и краткими пояснениями. В конце 90-х годов XX в. было высказано предположение о возможном существовании, кроме карты России, и рисунков А.Дженкинсона. Ряд исследователей необоснованно приписывают ему авторство гравюры с видом Казани, изданных А.Олеарием в первой половине XVII в. [791; 800, с.28-32; 802].

Характеризуя исторические источники, нужно остановиться на болгаро-татарской группе, состоящей из преданий, литературных произведений, нормативных актов. Татарские предания вошли составной частью как в татарские исторические источники, так и в русские. Основным и сквозным сюжетом в них является легенда об основании Казани, начинающаяся с истории об уничтожении змея-зиланта и объяснения происхождения названия «Казан-Котел». Во многих из них основание Казани приписывается болгарским князьям, но при этом хронология преданий приходит в противоречие с реальными датами событий [276; 471-476].

Среди литературных произведений широко известны сочинения казанских поэтов Му-

хаммадьяра и Кул Шарифа, живших в первой половине XVI в. [100; 146]. В них отражается окружающая их действительность ханской Казани с реальными проблемами, надеждами и деталями быта людей того времени.

В 1995 г. было опубликовано неизвестное ранее произведение Х.Шарифи, обнаруженное в турецких архивах [146]. В нем описан один из неудачных походов Ивана IV на Казань, совершенный в 1549 г. В произведении упоминается шесть крепостных ворот без четкой их локализации и приведено даже одно название – «Ханские ворота». Можно надеяться, что поиски, проводимые в архивах Турции и других стран, пополнят число подлинных болгаро-татарских источников и обогатят новыми сведениями историю татарского народа.

Не менее интересную информацию могут дать нормативные акты, где имеются косвенные упоминания о Казани [74; 75; 101; 736]. Так, М.А.Усманов обращает внимание на то, что на одном из ярлыков упоминается место его выдачи – «Арк» [736, с.265]. Это название, по его мнению, надо рассматривать как обозначение кремля в ханских ярлыках. К сожалению, пока нет большого количества аналогичных источников, но возможность их появления вполне реальна.

Иконография. На большой пласт изобразительного образа Казани на иконах, миниатюрах Лицевого Летописного Свода XVI в. обратил внимание М.Г.Худяков [144]. Эти материалы послужили причиной длительной дискуссии по этой теме среди историков и архитекторов, пытающихся на их основании воссоздать облик Казани середины XVI в. [163; 169; 800].

Многочисленные научные публикации посвящены попыткам анализа иконы «Церковь Воинствующая», написанной в Макарьевской мастерской в 1550-е годы и хранящейся в собрании Государственной Третьяковской галереи в Москве. В верхнем правом углу изображен вид горящей Казани за спиной отъезжающего воинства Ивана IV в Москву. Зарисовка пылающей Казани, по результатам искусствоведческого анализа, вписана в XVIII в. На основе историко-архитектурного изучения

иконы, предпринятой еще М.Г.Худяковым [144], а в последующим и другими авторами [163; 169; 790; 792; 796 и др.], было сделано предположение о том, что изображение может нести в себе элементы, отражающие реальные черты облика ханской Казани. В целом же информационная ценность источника для серьезных построений представляется сомнительной.

Аналогичной по своему содержанию и научной ценности является икона 1644 г. «Кондак Взбранной воеводе Победительная», где изображен сюжет защиты стен Царьграда Ризой Богоматери. По мнению Г.Н.Айдаровой-Волковой, на ней изображена реальная ситуация осады Казани середины XVI в., но в иконописном изображении произошла замена исторических сюжетов [169, с.132].

Подобный анализ и вытекающие из него выводы, к сожалению, вызывают множество вопросов. Однако использование иконографического материала при сопоставительном анализе с данными археологии в последующем может пролить свет на их достоверность и возможность использования для исторической реконструкции Казани.

В числе зарисовок кремля, позволяющих проследить изменения в его застройке и определить время появления новых или прекращения функционирования старых зданий, можно назвать многочисленные реалистичные зарисовки видов города, наиболее ранние из которых относятся к XVII в. [104; 191; 161]. С учетом того, что остатки зданий ханской эпохи упоминаются многими авторами вплоть до начала XIX в., можно предположить, что на рисунках изображены здания дорусского времени [60; 61; 140]. На проблемы издания и введения в научный оборот планов-чертежей и натуральных рисунков города обратил внимание еще Н.Ф.Калинин. Им были изданы зарисовки и виды Казани XVIII в. [455].

Достаточно спорно применение при изучении топографии города середины XVI в. гравюры второй четверти XVII в., опубликованной А.Олеарием [104, рис.16]. Она создана на основании зарисовок, выполненных во время его путешествия в Россию в 1636 г.

[104]. Ряд исследователей, в значительной степени умозрительно, пытается лишить А.Олеария авторства и приписать его гравюру более ранним путешественникам [791; 800, с.28-32; 802]. Изображение Казани на гравюре полностью противоречит ее облику середины XVI в., реконструируемому по многочисленным письменным документам [88; 93; 96; 128]. Олеарий изобразил общий вид Казани с запада. Если мы рассмотрим ее как подлинный и достоверный источник, запечатлевший в себе облик ханской Казани, то должны будем признать, что укрепления посада с этой стороны ограничивались стенами, вытянутыми вдоль русла Булака (по изображению трудно понять, с какой стороны стен проходит русло этой речки): от пересечения спуска с площади 1 мая и ул. Баумана до Тайницких (Муралеевых) ворот. При таком подходе окажутся недостоверными сведения всех имеющихся письменных источников середины XVI в. При сопоставлении гравюры с более поздней топографией Казани также имеются противоречия, связанные с расположением укреплений и отдельных объектов [96; 161]. К сожалению, полноценного источниковедческого анализа этому документу пока не дано. Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что даже если гравюра действительно выполнена в середине XVI в. или позднее, то она не отражает реальной топографии Казани, т.е. использование ее как оригинального источника для любого периода сомнительно. Не менее спорно применение в анализе топографии города середины XVI в. гравюры второй четверти XVII в., найденной в Германии в конце 1990-х годов в [830, с.43].

В конце XVII – начале XVIII в. появляется несколько новых зарисовок видов Казани. Интерес вызывает аксонометрический план Казани, известный по публикации Г.В.Алферовой [191]. По мнению ряда исследователей [648], рисунок мог быть выполнен в последней четверти XVII в. На плане указано местоположение ряда построек, возможно, последних остатков сохранившихся еще зданий ханского двора, уничтоженных перед строительством Оберкомендантского дома (рис. 182; 183).

К рубежу XVII–XVIII вв. относятся еще два плана, известных в числе рисунков Н.Витзена [88a]. На них изображены виды Казани с северной и западной стороны. В последующем, в XVIII и первой половине XIX вв., появляется целая серия зарисовок и видов города Казани. Наиболее ранняя связана с именем Корнелия де Бруина, нарисовавшего вид города Казани во время путешествия в 1703 г. по Волге в Персию [647, с.47]. Следующий рисунок с западной стороны Казани был сделан в 1765 г. А.И.Свечиным, на основе которой появилась целая серия перерисовок М.Махаева, Н.Челнокова, Н.Саблина. Изображение более известно как гравюра Нея, распространенная Леспином в XIX в. [65, с.19; 647, с.38].

В начале XIX в. появляются достаточно точные зарисовки видов Казани и отдельных построек кремля, выполненные В.Туриным [139], Э.Турнерелли [140], А.Т.Кемпфером [1051], братьями В. и Г.Чернецовыми [145], А.Дюраном [1044] и др. В ряде случаев они позволяют увидеть измененные в результате более поздних перестроек виды ранних сооружений, не сохранившихся до наших дней.

Картография. В изучении ранних этапов развития кремля большой интерес представляют карты средневековой Европы, на которых обозначена Казань [830; 831]. По мнению А.Х.Халикова [82, с.332], поддержанному Д.И.Хафизовым [831, с.152-155], Казань упоминается на них с первой половины XIV в. под другими созвучными именами: «Castrama», «Castarina» и пр. Она появляется на картах в тот период, когда становится значительным военным и торговым пунктом, достойным внимания иностранных купцов. Под именем «Казань» она начинает фигурировать на картах начала XVI в., хотя и на некоторых поздних продолжает обозначаться как «Kazan castrum» [831].

Нумизматика и эпиграфика представляют источники, которые дают относительно точную хронологическую дату. Еще в XIX – начале XX в. в кремле неоднократно находили клады монет, наиболее ранние из которых датировались эпохой Золотой Орды [17]. Не стали исключением и исследования

последних лет. В 1996 г. в раскопе II Ф.Ш.Хузиным были найдены два клада общим количеством почти в две тысячи древнерусских монет. Монеты обоих кладов, по заключению А.С.Мельниковой и Д.Г.Мухаметшина, хронологически синхронны и датируются концом XV – первой третью XVI в. [863, с.87; 882, 132]. Еще один клад из XXXIV раскопа 2000 г. (рук. А.Г.Ситдинов) содержал 350 монет середины XVI в. [578; 204, с.8-11]. Около десятка джучидских монет были обнаружены в 1994–1999 гг. в слоях эпохи Золотой Орды и три монеты Улуг-Мухамеда в слое Казанского ханства. Уникальными стали две монеты: арабский дирхем рубежа IX–X вв. [301-303; 573-576] и чешский денарий первой половины X в. [824–828], происходящие из домонгольского слоя.

Эпиграфические материалы в большей мере представлены мусульманскими надмогильными плитами. Наиболее ранняя из них в районе Казани выявлена еще в XIX в. на территории Архиерейской дачи и датируется 1297 г. [118; 351, с.77-79; 345, табл.2; 125, с.132; 185, с.65-66]. Надмогильные камни на территории Казани известны по трудам Ш.Марджани [218, с.208-209]. Фрагменты надмогильных камней были обнаружены также при раскопках остатков ханских мавзолеев в Казанском кремле [781]. Об их наличии в кладке Благовещенского собора упоминают путешественники XIX в. [145, с.83]. При проведении реставрационных работ в 1996 г. под слоем штукатурки в стене здания Благовещенского собора в наиболее древней ее части над дверным проемом было также обнаружено надгробие первой половины XVI в. Присутствие этого камня в кладке свидетельствует о строительстве Благовещенского собора не из перестроенной мечети (приложение).

Еще одно надгробие за пределами кремля было обнаружено в 1778 г. при строительстве Гостиного двора [404, с.29; 438, с.227; 922, с.43-44]. Оно датируется первой половиной XVI в. Немусульманские надмогильные камни XV–XVI вв. были найдены на территории бывшей Армянской слободы в районе современной ул. Калинина [292; 293; 546].

Данные естественнонаучных методов. В ходе раскопок в Казанском кремле для изучения находок активно использовались современные естественнонаучные методы. Для определения хронологии образцов древесного угля, обломков керамики, происходящих из раскопок Казанского кремля, применялись радиоуглеродный, термолюминесцентный, спектральный анализы, проведенные в лабораториях Вены, Берлина, Санкт-Петербурга, Казани.

По данным спорово-пыльцевого анализа, сделанного доцентами кафедры палеоботаники КГУ В.Т.Шаландиной и К.В.Николаевой была получена ценная информация об особенностях растительного покрова на территории Кремлевского холма в различные периоды. Эти же специалисты, используя отработанную методику [490], выявили динамику изменений и время формирования видового состава растительности в культурных напластованиях кремля [589, с.68-71]. Полученные ими результаты по хронологии этих образцов совпадали с археологической датой слоев, из которых они были взяты.

Значительная работа в изучении антропологических материалов из культурного слоя и некрополей средневековой Казани была проведена антропологом И.Р.Газимзяновым. Им, в частности, был организован и осуществлен с привлечением специалистов из Москвы анализ материалов ханских захоронений из мавзолеев, выявленных в 1977 г. в районе башни Сююмбике и Введенской церкви [533].

Изучение костных остатков животных из раскопок в Казанском кремле осуществляли доктор биологических наук А.Г.Петренко и кандидат ветеринарных наук Г.Ш.Асылгараева. По результатам исследований количественных и видовых изменений состава животных, имевшихся у населения Казани в различные эпохи, ученые реконструируют социальную топографию города [212; 603; 604].

Важное значение при выборе мест археологических раскопок имели геофизические исследования под руководством профессора КГУ З.М.Слепака [682]. Их результаты дали возможность определить мощность залегания культурного слоя, не разрушая его, установить наличие каменных и кирпичных

сооружений, что позволяло вести более целенаправленные и эффективные раскопки.

* * *

Археологические исследования на территории кремля имеют свою специфику. Кремль является центром современного динамично развивающегося и строящегося города. Данное обстоятельство выдвигает в качестве первоочередной задачи осуществление охранно-спасательных работ с целью максимального изучения разрушаемого культурного слоя. Сложность при проведении раскопок рождают поздние перекопы и наличие действующих систем коммуникаций. На некоторых раскопах разрушения культурного слоя поздними перекопами достигают

более 50%; сохранность V домонгольского слоя составляет не более 10–15%. Преодолеть эти трудности возможно лишь при тщательности наблюдений и соблюдении всех методических требований в ходе полевых исследований.

Результаты, достигнутые в области изучения археологии средневековой Казани, представляют собой плод усилий большого коллектива ученых различных специальностей. Использование всей совокупности взаимодополняющих друг друга источников дает возможность извлечь максимальную информацию из культурных слоев Казанского кремля и исторической части города, повысить достоверность реконструкции исторических фактов и объектов.

ГЛАВА II

Стратиграфия и хронология культурного слоя Казанского кремля

Культурный слой археологического памятника – слой земли, накопленный в период его функционирования и содержащий остатки жизнедеятельности человека. Это – зеркало прошлого, в котором отражаются этапы его развития. Культурный слой далеко неоднороден. Каждый период истории, даже некоторые события, оставляют в нем свои следы: сооружения, различные вещи и их фрагменты, строительный и бытовой мусор, угли, золу и прочие следы деятельности человека. Установление хронологических границ слоев в общей толще культурных напластований с учетом специфики их формирования в определенных временных и культурно-этнических рамках с комплексом объектов и находок является в археологии предметом стратиграфического анализа.

Изучая слои с определенными временными границами, сопоставляя их, мы получаем сведения, позволяющие реконструировать не только статичный вид эпохи, но и создать живую картину развития интересующего нас объекта.

При анализе культурных слоев в каждом регионе для различных эпох имеются определенные подходы их выделения в зависимости от климатических и геологических условий отложения, интенсивности и особенности их формирования, с учетом других факторов. Для средневековых поселений средней полосы России закрепилась практика послойного стратиграфического разделения пластов по их структуре, цвету, плотности, содержанию находок. Затем проводится более мелкая градация слоя на горизонты, прослойки с фиксацией объектов, функционировавших в период их накопления.

Наиболее разработанной для памятников Средневолжского региона является стратиграфическая шкала Болгарского городища.

Казанский кремль представляет собой многослойный археологический памятник, ранние культурные отложения которого начали формироваться в булгарскую эпоху.

Изучение стратиграфии культурного слоя памятника имеет длительную историю. За последние 80 лет, начиная с раскопок Н.Ф.Калинина 1920-х годов, на территории кремля было заложено более 100 раскопов, 50 шурфов общей площадью около 20 тыс. кв. м и проведено более 40 наблюдений за строительными работами (рис.6). Это составляет приблизительно 15% от общей площади кремля. Средняя мощность культурного слоя на его территории составляет 2–3 м, но местами, особенно у склонов холма, достигает 6–8 и более метров (рис.7). Культурные напластования на потревоженных участках покоятся на погребенной почве, переходящей в серый подзол и желто-красный материковый суглинок.

На основе археологических исследований учеными предложена различная интерпретация хронологии культурных слоев Казанского кремля. Первые попытки изучения стратиграфии кремля были предприняты еще В.Ф.Смолиным и Н.Ф.Калининым во время наблюдений 1925 г. [9, л.1]. Они выделили несколько разновременных слоев, древнейший из которых был датирован первой половиной XVI в. Н.Ф.Калининым впоследствии была разработана четырехслойная стратиграфическая шкала: I слой – XIX–XX вв.; II слой – XVIII в.; III слой – XVI – второй половины XVII в.; IV слой (татарский) – XV – первой половины XVI в. [9, л.3].

В ходе дальнейших исследований, проведенных А.Х.Халиковым в 1970-е годы, данная шкала была значительно дополнена и уточнена: I слой – XIX–XX вв.; II слой – вто-

рой половины XVI – XVIII в.; III слой – второй половины XV – первой половины XVI в.; IV слой – второй половины XIII – первой половины XV в.; V слой – XII – первой трети XIII в. [404, с.15].

Частичную ревизию халиковской шкалы в плане «омоложения» ее нижней даты принял Л.С.Шавахин. Он отрицал наличие V домонгольского слоя, утверждая, что присутствие домонгольского материала в нижних слоях – это просто случайность и рассмотрение его как датирующего «едва ли способно удревнить нижние горизонты культурного слоя» [69, с.118].

В ходе исследований последних лет предложенная А.Х.Халиковым стратиграфическая шкала была проверена на большом объеме наблюдений и признана реально отражающей особенности формирования слоев на определенных этапах развития поселения на Кремлевском холме. Современные исследования уточнили лишь нижнюю дату домонгольского слоя Казани, определив, что он начал формироваться не позднее конца X – начала XI в. [872].

Основой стратиграфической шкалы любого археологического памятника, в том числе и Казанского кремля, является определение времени накопления выделенных слоев. Кремль представляет собой открытый археологический комплекс непрерывного накопления с сильно разрушенными в результате строительных работ культурными напластовками. Установление временных рамок накопления слоя осложняется, кроме того, недостаточной разработанностью методики датировки подобных комплексов. Трудности при изучении вопросов хронологии вызваны также небольшим количеством сведений письменных источников, особенно для ранних периодов, дающих относительную дату тех или иных событий, игравших принципиальную роль в истории города и влиявших на процесс формирования слоев. Это делает археологические артефакты, при всем их широком диапазоне датировки, практически единственными источниками при определении ключевых вех ранней истории Казани.

При определении хронологических рамок вещевого комплекса из Казанского кремля при-

менялась в основном традиционная методика привлечения аналогий. При сопоставительном анализе и датировке кремлевских находок использовались хорошо разработанные и взаимодополняющие друг друга хронологические шкалы булгарских и новгородских древностей, а для более поздних периодов (XVI–XVIII вв.) применялась датировка вещевого материала, разработанная на основе московских находок. Подобный подход вполне оправдан, учитывая то, что Волжская Булгария и Киевская Русь, Казанское ханство и Московское государство, имея активные торговые связи между собой, создавали условия для достаточно быстрого распространения предметов производства ремесленников на всех указанных территориях.

При определении хронологии предметов вооружения, снаряжения всадника и верхового коня были использованы обобщающие работы по древнерусскому оружию [485; 540], в которых нашли отражение почти все типы и виды оружия, употребляемые в регионе Волго-Камья в булгаро-татарский период. Аналогии, подтверждающие эту близость, можно увидеть в домонгольских материалах Болгара [317], Биляра [853; 854], других памятников Волжской Булгарии, Золотой Орды [230; 401а; 635; 750], а также в финно-угорских древностях [209; 397].

Датирующее значение имеют также достаточно хорошо представленные в Казанском кремле украшения из стекла и полудрагоценных камней. При этом для последних характерно пережиточное использование в более поздние времена, что требует определенной корректировки их даты с учетом хронологии бытования сопровождающего вещевого материала. Это, впрочем, относится и к некоторым другим находкам.

Принципиальным при определении хронологии древностей кремля являются хорошо датированные комплексы (керамика, предметы украшения и др.), сопоставимые с аналогичными находками из раннебулгарских могильников Среднего Поволжья, памятников салтово-маяцкой культуры Подонья и Приазовья. Особое значение имеют подобные аналогии для датировки нижнего, девнейшего горизонта культурного слоя городища.

1. ДРЕВНЕЙШИЙ СЛОЙ КАЗАНСКОГО КРЕМЛЯ И ВРЕМЯ ЕГО НАКОПЛЕНИЯ

Слой V и связанные с ним объекты. В стратиграфической шкале Казани древнейший слой считается пятым. Он зафиксирован на 29 раскопах, расположенных в северной половине кремля (рис.6; 176).

Северо-западная часть кремля в пределах так называемого Пушечного или Артиллерийского двора (в XVIII–XIX вв. здесь располагались мастерские по изготовлению пушек) до последних лет в археологическом отношении была не исследована. В связи с предстоящими строительными и реставрационными работами здесь были заложены раскопы I и XVI общей площадью 510 кв. м (рис.6, 61, 77) [58].

Слой V на этой территории прослежен фрагментарно, лишь на некоторых участках, не подвергавшихся поздним разрушениям (рис.10). В раскопе I он фиксируется на глубине 280 см от современной поверхности в более возвышенной восточной и на глубине 300–310 см в западной части территории двора. Он представлен плотным грунтом из коричневато-серой, слабо гумусированной супеси с мелкими вкраплениями древесного угля. Накоплен на погребенной почве в виде желто-серого подзола, подстилающегося желто-красным материковым суглинком. От погребенной почвы V слой отделяется тонкой (1–3 см) углистой прослойкой, образовавшейся, по всей вероятности, в результате выжигания растительности перед началом освоения территории. Мощность слоя нигде не превышает 20–22 см вне объектов. Насыщенность находками, а также костными останками животных слабая. В слое не удалось четко проследить прослойки строительных горизонтов. Только в профиле западной стенки на небольшом участке в завершении слоя была зафиксирована небольшая линза известкового раствора и известнякового щебня, которая, возможно, связана с каменным строительством.

Раннее время отложения слоя доказывается не только его стратиграфическим положением в основании культурных напластований, но и комплексом находок. В их число входит круговая керамика, имеющая, по Т.А.Хлебни-

ковой, все признаки болгарского домонгольского гончарства (рис.20, 1–15; 21, 1–5, 8, 9) [49; 836, с.86 и сл.]. Следует особо отметить присутствие в керамическом комплексе небольшого количества образцов лепной или подправленной на ручном круге посуды, очень близкой к кухонной посуде памятников лесостепного (алано-болгарского) варианта салтово-маяцкой культуры Юго-Восточной Европы (см. группу II, XI по классификации Т.А.Хлебниковой: [836, с.36, 98, 217]) (рис.21, 6, 7). Другая группа лепной керамики представлена обломком венчика цилиндрического сосуда со шнуровой орнаментацией (рис.141, 4). Она имеет прикамско-приуральские истоки [426, с.70 и сл.] и характерна для болгарских памятников первой половины домонгольского времени (X–XI вв.) [426, с.72; 858, с.113].

Индивидуальные, в том числе датирующие, находки из раннего слоя раскопа также немногочисленны: сердоликовая шаровидная бусина, шиферное пряслице, подшаровидная бусина из черного стекла с синими («васильковыми») глазками в белых кружках, лимонovidная бусинка из желтого стекла, небольшой фрагмент чаши из кашина, расписанной люстром золотисто-коричневого цвета по молочно-белой глазури (рис.143а, 4; 16, 18, 25, 34). Все вышеперечисленные находки можно датировать XI – первой половиной XIII в.

С этим самым ранним слоем стратиграфически связано 10 объектов, которые в большинстве своем разрушены более поздними сооружениями (рис.9).

Единственное сооружение домонгольского слоя из раскопа 1994 г. – *яма 11* – имела овальную форму размерами 195 x 150 см. Общая глубина от уровня первоначальной фиксации 95 см. Дно чашевидное, стенки слегка скошенные. Яма была заполнена плотной серой супесью с заметной гумусированностью с включениями желтой глины, подзола и древесного угля. При выборке обнаружены характерные для домонгольского времени фрагменты болгарской гончарной посуды, а также лепная керамика салтово-

маяцкого типа с примесью шамота и растительности. Индивидуальные находки включают шиферное пряслице (рис.19, 9; 143а, 34), два обломка красноглиняной чаши с темно-зеленой, болотного цвета поливой и неопределенный костяной предмет. По этим скудным данным с учетом стратиграфического залегания время функционирования сооружения можно отнести к XI–XII вв. Возможно, салтово-маяцкая керамика попала в заполнение из более раннего слоя.

В ходе наблюдений 1995 г. удалось уточнить стратиграфическое положение и датировку *ямы 14 1994 г.*, являвшейся частью *сооружения 39 1995 г.* Яма имела овальную в плане форму (150 x 120 см) с отвесными стенками и чашевидным дном на глубине 77 см от уровня выявления. Из нее происходит три фрагмента керамики салтово-маяцкого типа, на основании которых можно датировать объекты временем не позднее начала XI в.

Сооружение 15 В представляло собой яму овальной формы (380 x 110 см) со скошенными стенками и почти ровным дном на глубине 103 см от уровня выявления. Она была заполнена серой гумусированной супесью с вкраплениями угля и желтой материковой глины. Находки представлены фрагментами типично болгарской домонгольской керамики (рис.20, 1). В числе индивидуальных находок интерес представляет бусина из стекла бордового цвета с белым волнообразным узором (рис.143а, 21; 143, б).

Сооружение 18 выявлено в виде овального пятна размерами 230 x 180 см. Яма была со скошенными стенками и чашевидным дном на глубине 80 см от уровня выявления. Она была заполнена желтовато-бурой плотной супесью с включениями прокаленной глины и вкраплениями древесного угля. Находок мало – всего несколько фрагментов болгарской гончарной керамики и 3 кости животных.

Сооружение 19 А (рис.10 – уч. К/1) определилось в виде узкого пятна темно-коричневой плотной супеси по северо-восточному краю сооружения 19 (IV слой). Углубление было разрушено сооружением 19. Форму и размер ямы определить не удалось. Дневной уровень ямы стратиграфически свя-

зан с V слоем. Находок не обнаружено.

Сооружение 22 – яма неопределенной формы (160 x 150 см), уходящая в южную стенку раскопа. Северная сторона срезана сооружением 27 слоя IV, верхние части уничтожены сооружениями 20, 33 и столбовыми ямками 1, 2. Сохранилась только самая нижняя часть ямы с вертикальными стенками и ровным дном на глубине 24 см от уровня выявления. Заполнение: серая подзолистая слабо гумусированная супесь с мелкими вкраплениями угля. В нем обнаружено несколько фрагментов болгарской керамики и обломок лепного горшка с содержанием известковой крошки в грубом тесте, несколько костей животных. Датировочные находки представлены двумя бусинами: из черного стекла с васильковыми глазками в белых кружках и «лимонкой» из желтого полупрозрачного стекла (рис.17, 3, 4; 143а, 18, 25; 143б, 4, 8). Эти находки характерны для болгарских поселений X–XI вв., поэтому сооружение можно отнести к древнейшим объектам на территории кремля.

Сооружение 25 оконтурилось в виде ямы расплывчатых очертаний на площади 350 x 170 см. В северной части срезано сооружением 16 А. При выборке на уровне – 305 от 0 оно разделилось на два пятна, обозначенные впоследствии как отдельные объекты. Сооружение 25 А имело в плане форму неправильного овала (225 x 125 см). В северо-восточной части срезано сооружением 16 А. Имело покатые стенки и чашевидное дно с максимальным углублением от уровня выявления на 44 см. Заполнено плотной серой подзолистой слабо гумусированной супесью. Находки представлены костями животных. Сооружение 25 Б выявилось в виде пятна неопределенной формы размерами 100 x 70 см. Оно также срезано в северной части сооружением 16 А. Яма эта имела скошенные стенки и чашевидное дно с наибольшим углублением на 14 см. Заполнена серой подзолистой слабо гумусированной супесью без находок.

Сооружение 32 (рис.10, уч. 3, И/5-6) определилось в виде пятна неправильно-овальной формы размерами 170 x 140 см на уровне –286 см от 0. Верхняя часть срезана сооружением 28 слоя III, западный край разрушен со-

оружием 30. Чашевидное дно выявлено на глубине 114 см от уровня выявления. Верхняя часть заполнения из бурой пестроцветной супеси с включениями прокаленной глины и угля представляет собой запад грунта III–IV слоев; здесь обнаружены несколько фрагментов красноглиняной керамики и развал лепного сосуда поволжско-финского типа. Нижняя часть заполнения состояла из плотной серой подзолистой супеси с немногочисленными находками (железный нож; еще несколько сильно корродированных железных предметов и 2 кости животных).

Сооружение 40 определилось в виде неправильного овала размерами 220 x 170 см. И представляло собой яму со скошенными стенками и чашевидным дном с максимальным углублением в изученной части на 122 см. Она была заполнена плотной серой гумусированной супесью с включениями подзола. Культурных остатков не обнаружено. Время функционирования сооружения определяется стратиграфически: дневной уровень прослежен в основании V слоя, следовательно, его можно датировать первой половиной домонгольского периода.

Таким образом, несмотря на плохую сохранность изученных объектов и слоя, обнаружены находки, пусть пока немногочисленные, но убедительно свидетельствующие о существовании уже в домонгольское время, начиная, по крайней мере с конца X – начала XI в., болгарского поселения на территории современного кремля.

Это заключение подтвердилось также материалами раскопа II (рук. Ф.Ш.Хузин и Р.Ф.Шарифуллин) в сквере между Благовещенским собором и Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, в районе Тезицкого рва, пересекающего Кремлевский холм и известного по документам XVI–XVIII вв. [54; 57; 863, с.131; 883, с.86–87]. Цель раскопа заключалась в поисках археологических остатков исторически известной мечети Кул Шарифа, функционировавшей, по данным письменных источников, в первой половине XVI в. Общая площадь раскопа 597 м² (рис.6, 62).

В результате исследований были вскрыты остатки каменных зданий периода Казанско-

го ханства и найдены два клада древнерусских монет конца XV – первой половины XVI в., обнаруженные внутри здания у основания фундамента. В раскопе были также изучены кирпичные постройки Архиерейского двора XVII в. [34–37]. Плотная застройка этой территории во все периоды истории Казанского кремля привела к большому разрушению культурных напластований.

Слой V (домонгольско-булгарский) в раскопе сохранился неплохо. Он выявлен на глубине 270–280 см от современной поверхности и представлен плотным грунтом из коричневатой-серой слабо гумусированной супеси с мелкими вкраплениями древесного угля (рис.34–37). Покоится на погребенной почве в виде желто-серого подзола и отделен от нее тонкой углистой прослойкой, образовавшейся в результате выжигания растительности перед началом освоения территории. Мощность слоя вне объектов нигде не превышает 20–25 см.

В раскопе была предпринята попытка выделения отдельных горизонтов в домонгольском слое. Так, сооружение 23, верхняя часть которого разрушена в период Казанского ханства, связано с нижним горизонтом. В слое, накопленном в период функционирования раннего поселения, обнаружено небольшое количество находок. Часть из них имеет датирующее значение. В их числе следует отметить фрагменты лепной или близкой к ней керамики с шамотным тестом салтово-маяцкого облика [56, табл.2] (рис.41, 8, 12, 15, 23). Имеется обломок венчика лепного горшка так называемой «кочевнической» группы салтово-маяцкой культуры (рис.40, 1) и венчик чашевидного сосуда с цилиндрическим горлом прикамско-приуральского типа (рис.41, 5, 6). В этом же слое найдены хрустальная бусина, кусочки необработанного янтаря; железная петля от колчана (рис.143а, 19; 143б, 6), бусина сердоликовая шестигранная призматическая (рис.143б, 5), обломок стеклянной бусины с белыми глазками. На основании присутствия в комплексе находок, бытовавших в IX–XI вв., но уже вышедших из употребления в первой половине XI в., нижнюю дату, т.е. начало образования слоя, можно отнести к первой половине домонгольского

периода. Материалы верхнего горизонта домонгольского слоя представлены гончарной керамикой второй половины домонгольского периода. В данной хронологической группе находок имеются фрагмент ближневосточной люстровой чаши (рис.143а, 3;), обломок янтарной подвески (рис. рис.143а, 27; 143б, 15), лазуритовая подвеска (рис.143а, 26; 143б, 16). Верхний предел бытования их ограничивается XII – началом XIII в.

В древнейшем, домонгольском слое выявлено небольшое количество объектов – всего 3 сооружения и остатки земляного оборонительного вала, проходившего в исследованном районе кремля вдоль Тезицкого рва.

Земляной вал, остатки которого были впервые выявлены А.Х.Халиковым в раскопе 1978 г. [46], сохранился в сильно деформированном виде и прослежен на протяжении 18 м [57, с.24 и сл.]. Судя по профилю западной и восточной стенок раскопа, ширина основания вала достигала 12–14 м (рис.35). Максимально сохранившаяся высота насыпи – 1,5–2 м. Над насыпью вала фиксируется углистая прослойка. Анализ пробы, взятой из этой прослойки, проведен в лаборатории радиоуглеродных исследований Института первобытной и средневековой истории Венского университета (DATE VERA-672); дата пробы: 850±40 лет тому назад. Грунт насыпи, в основном, материковая глина, которая в нижней части чередуется прослойками подзола и песка. Основание вала покоится на погребенной почве с тонкой углистой прослойкой в верхней части.

Вал продолжал функционировать еще в золотоордынское время. Ранние следы его разрушения отнесены ко времени Казанского ханства. Особенно сильны разрушения по краю рва. Никаких внутри- и навальных конструкций не обнаружено. Не выявлены также следы каменной стены и рва перед валом, зафиксированные в раскопе 1978 г. Не исключено, что они не попали в раскоп или были разрушены в период последующей застройки.

Сооружение 2 Б сохранилось под ямой золотоордынского времени. Имело округлую форму диаметром около 150, глубиной 40 см. Заполнение – буровато-серая плотная супесь с

включениями подзола и угля. В засыпи обнаружены известняковые камни и кости животных.

Интерес представляет *сооружение 23* овальной формы (240 x 280 см) со скошенными стенками и неровным дном на глубине 105 см от уровня выявления. Дневной уровень сооружения зафиксирован в нижнем горизонте домонгольского слоя. Заполнение состояло из желто-коричневой пестроцветной супеси с вкраплениями подзола и мелкого угля. В ходе его выборки были обнаружены бронзовая грушевидная подвеска (рис.143а, 9; .143б, 3), синяя стеклянная прозрачная многочастная пронизка (рис.143а, 14; 143б, 2), бронзовый плетеный из четырех проволочек браслет (рис.143а, 12; 143б, 6), датируемые X–XI вв.

Сооружение 24 – яма овальной формы размерами 180 x 140 см и глубиной 115 см. Заполнение состояло из плотной темно-серой гумусированной супеси с подзолистыми включениями. Дно ровное, стенки слегка скошенные. В засыпи встречено небольшое количество костей животных.

В раскопе был изучен ряд объектов, относящиеся к древнейшему этапу истории кремля. Дополнительными материалами было подтверждено заключение о том, что с возведением земляного вала связано начало формирования культурного слоя. Вещевой материал также показал правильность определения нижней даты домонгольского слоя – не позднее начала XI в.

Исследования этого района были продолжены раскопом III, проведенным Ф.Ш.Хузиным и Н.Г.Набиуллиным (рис.6, 63). Он располагался в сквере с южной стороны Благовещенского собора и примыкал к раскопу II 1994–1997 гг. (рис.34) [883, с.87]. Общая площадь составила 210 м². Несмотря на непрерывную в течение долгого времени застройку этого района и значительные разрушения культурных напластований, были получены интересные наблюдения и находки из древнейшего слоя.

Мощность V слоя не превышала 10–15 см. Он выявлен на глубине 290–300 см от современной поверхности. К этому древнейшему слою восходят дневные уровни четырех хозяйственных сооружений (одно из них

в нижнем горизонте) и ряд столбовых ямок. Сооружения 29, 31 глубиной 15–18 см со светло-серой плотной супесью в заполнении представляют собой небольшие канавки. Они, очевидно, имеют конструктивную связь со столбовой ямой 68 и представляют собой остатки ограды. Сооружения 26 А, 32 Б являются небольшими хозяйственными ямами округлой формы.

Находки из слоя и связанных с ним сооружений немногочисленны, но выразительны; некоторые из них обнаружены в переотложенном состоянии. Заслуживают внимания несколько фрагментов лепных сосудов салтово-маяцкого (рис.42, 11-13) и прикамско-приуральского типов, обломки привозной люстровой посуды, шиферное пряслице (рис.143а, 33; 143б, 18), железная лировидная пряжка (рис.143а, 29; 143в, 5) и медный дровяной браслет с утолщенными концами (рис.143а, 11; 143в, 7). Весь указанный комплекс находок позволяет датировать ранний слой концом X – началом XIII в.

Большой и чрезвычайно интересный материал для характеристики древнейшего этапа в истории кремля был получен раскопом XX (площадь 210 м²), который располагался в 20 м к западу от раскопов II, III на газоне вдоль проезда Шейнкмана между зданиями Министерства здравоохранения и Благовещенским собором [659; 662; 665; 666] (рис.6, 84). В данном раскопе помимо древнейших укреплений и прилегающей к ним территории, нами были изучены остатки каменных ворот и вымощенного камнем проезда с несколькими строительными ярусами. Уникальным объектом в раскопе стали руины каменного здания, разрушенного после 1552 г. и, возможно, связанного с комплексом мечети Кул Шарифа (рис.184).

V слой в раскопе сохранился относительно неплохо. Его мощность составляет 20–25 см на глубине 170–180 см (рис.98-104). На участке, где выявлена уличная мостовая, ведущая к проездным воротам, данный слой представлен двумя горизонтами (рис.159; 160; 176). Нижний горизонт по краям мостовой покоится на материковом подзоле с углистой прослойкой. В проезжей части подзол переработан до ма-

терика. Мощность этого древнейшего горизонта V слоя не превышает 10 см. Он состоит из коричневой плотной супеси по краям мостовой и из серой очень плотной супеси с прожилками древесного тлена до 1 см – в проезжей части. Формирование этой прослойки связано с периодом возведения вала и началом функционирования проезда. Ширина последнего составляет около 6 м. Нижний горизонт примыкает к восточному торцу насыпи вала и перекрыт каменной конструкцией западного пилона ворот. В этом горизонте удалось выявить два яруса мостовых со следами древесного тлена. В завершении верхнего яруса прослежена углистая прослойка толщиной в 2–3 см. Следует отметить, что на ряде участков она перекрыта прослойкой материкового суглинка, представляющего собой осыпь вала с включениями известняковых камней (строительный горизонт каменных конструкций). Радиоуглеродный анализ образца угля, взятого из прослойки, перекрытой насыпью вала, дал дату 1145±25 лет тому назад (ИИМК РАН № 5564). При разборке этого горизонта был обнаружен обломок бусины из глухого бирюзового стекла с черным реснитчатым глазком (рис.120, 2; 143а, 15), обломок дровяного браслета (рис.143в, 8), датируемые X – началом XI в. и неопределенные железные предметы.

Верхний горизонт слоя мощностью от 7 до 10 см, расположенный над углем вне мостовой, состоит из серой плотной супеси с включениями крупных известняковых камней, суглинка и золы. Содержание в прослойке камней и суглинка отражает, как было отмечено выше, строительный горизонт каменных ворот. В пределах мостовой шириной около 5 м этот горизонт ограничен с запада каменным пилоном проездных ворот (сооружение 12 Б). В проезжей части слои состоят из серой плотной супеси с включениями плоских известняковых камней, костей животных и прожилок древесного тлена, ила. Известняковые камни среднего и мелкого размера, обтертые с верхней стороны, лежат в горизонтальном положении и на некоторых участках плотно подогнаны друг к другу (рис.113). В слое находится небольшое количество мелких фрагментов красноглиняной гончарной болгарской

керамики с сильно затертой поверхностью, а также большое количество мелких сапожных гвоздей и конских подков (рис.115). Это, несомненно, остатки каменного мощения и грунта, отложившегося над ним в период функционирования проезда ворот. Мостовая вплотную примыкает к каменной кладке западного пилона ворот. Она была выложена сразу после его возведения. Сформировавшиеся над мостовой слои перекрывают строительный горизонт каменных ворот. Необходимо отметить, что верхние напластования, отложившиеся над каменной мостовой домонгольского времени, относятся, возможно, к раннему золотоордынскому слою, но такое разграничение осложняется их сильной переработанностью.

В V слое обнаружены 30 фрагментов болгарской гончарной и лепной керамики, железные наконечники стрел (3 экз.), пробой с кольцом, кольчужное кольцо*, обломки пряжки, сабли, скобы, бронзовый дрововой браслет (рис.143в, 8), темно-синяя бусина из прозрачного стекла (рис.120, 3), глазчатая бусина из бирюзового глухого стекла (рис.120, 2) и призматическая шестигранная бусина из горного хрусталя (рис.120, 8). Все эти находки в массовом виде встречаются в домонгольских поселениях волжских болгар.

К древнейшим объектам относится *сооружение 9*. Оно расположено с западной стороны от проезда и имело в плане овальную форму (418 x 75 см). Яма была с отвесными стенками и чашевидным дном на глубине 121 см от уровня выявления. Заполнение ее в донной части состояло из прослойки, относящейся к нижнему горизонту V слоя. Она содержала темно-бурую плотную супесь с включением прослоек золы и угля. Сооружение, возможно, представляло собой хозяйственную яму, в которой найдено несколько костей животных.

Сооружение 10 было в плане округлой формы (170 x 58 см) глубиной 90 см от дневного уровня. Из-за небольшого попадания пятна в раскоп не удалось полностью определить конструктивные особенности объекта. Заполнение ямы состояло из светло-серой плотной

супеси с комковатыми включениями материкового подзола. Стратиграфически дневной уровень сооружения соотносится с основанием второго горизонта домонгольского слоя. По назначению оно, возможно, было небольшой хозяйственной ямой.

Сооружение 12 Б – западный пилон проездных ворот, разрушенный сооружением 12 А третьего слоя (рис.98; 105; 106). Он был выявлен в виде остатков прямоугольной каменной конструкции, вытянутой по линии ЮЮЗ, с расширением в южной части, с небольшим округлым контрфорсом (радиус 1,5 м) с южной стороны у края рва. Размеры пилон: длина – 10 м, ширина в северной части – 92 см, в южной – 150 см, сохранившаяся высота около 40 см, т.е. в 2–3 ряда кладки. В растворе кладки найдена бусина из темного глухого стекла с выпуклыми белыми глазками (рис.120, 2), датируемая VIII–X вв., а также обломок костяного изделия, возможно, остроги (рис.118, 1).

Конструкция была сложена из разномерных известняковых камней, скрепленных глинистым раствором (рис.107; 108 а, б; 112). С проезжей (восточной) стороны шириной в один ряд была регулярная горизонтальная кладка из относительно крупных известняковых камней, отесанных с внешней стороны. Она покоилась на двух прослойках предшествующего деревянного мощения (нижний горизонт V слоя) и примыкала в проезде к краю насыпи вала западной стороной. Во внутренней части кладки использовались известняковые нетесанные камни различных размеров. Эта часть пилон покоилась на частично срезанной насыпи вала высотой 40 см от уровня погребенной почвы. На ряде участков под кладкой фиксируются угли, что, возможно, связано со следами разрушения более ранней деревянной конструкции проезда, существовавшей до возведения каменных укреплений. Остатки деревянных укреплений выявить не удалось, но их следы фиксировались еще в раскопе 1978 г. [46, с.16-17].

Стратиграфически с периодом функционирования проезда соотносятся два горизонта

* Уч. Б/8, шт. 15, сл. V, КК99–ХХ/463.

каменного мощения (101; 102; 104; 114). Нижние прослойки грунта, отложившиеся над каменной мостовой, перекрывает кладку на 10 см, что позволяет говорить о длительном процессе их накопления. Невыразительность находок (сильно окатанные фрагменты стенок красноглиняной керамики, кородированные железные предметы и др.) не дала возможности четко установить их возраст. Но в прослойках, связанных с этим горизонтом вне мостовой, найдены фрагменты болгарской красноглиняной гончарной домонгольской керамики, синяя прозрачная бусина, датируемые в комплексе XII – началом XIII в. Формирование прослойки предположительно относится к завершению домонгольского и началу золотоордынского периода (конец XII – первая половина XIII в.).

Второй горизонт каменного мощения толщиной в 10 см связан с IV слоем. Его завершение соотносится с прекращением функционирования проезда. Он перекрыт прослойкой разрушения сооружения 12 Б, которое частично переработано мостовой III слоя.

Таким образом, время существования этой конструкции можно определить концом XII – первой половиной XV в. Аналогичные результаты были получены в раскопе I 1978 г., где были выявлены остатки восточного пиллона ворот [770, с.95-97], ширина проезда между которыми составляла около 6 м.

Земляной вал (рис.99; 100). Его остатки, как было отмечено выше, впервые были выявлены А.Х.Халиковым в раскопе I 1978 г. [770, с.92-96] и дополнительно изучены в раскопе II 1995–1997 гг. Ф.Ш.Хузиным и Р.Ф.Шарифуллинным. По описанию А.Х.Халикова, вал шириной основания до 12 м и высотой до 2 м ближе к напольной стороне был «насыпан непосредственно на погребенную почву, в верхней части которой обычны углистые включения, очевидно, оставшиеся от выжигания росшего здесь перед основанием города леса» [770, с.96]. В насыпи вала прослеживались следы дощатых клеток в виде «тонких полос древесного тлена, очерчивающих квадрат примерно 3 x 3 м». На этом же уровне отмечены скопления мелкого известнякового щебня, представляющие собой, по мнению исследователя, строи-

тельный горизонт каменной стены, которая была выложена на выровненную поверхность насыпи вала на уровне 50–70 см от его основания. Завершение строительства каменных укреплений зафиксировано опять же в виде щебенистой линзы в верхней части насыпи вала и за ее пределами. После того как стена была поставлена, «наращивание вала продолжалось еще на высоту 1 м. По напольному склону вала тянулась каменная наброска – своеобразная крепида, имевшая толщину каменной кладки до 20 см при ширине 180–200 см» [770, с.96]. По мнению А.Х.Халикова, внутренний край вала со стороны города был укреплен против оползней деревянной крепидой в виде горизонтальных плах и ряда вертикальных бревен частыкола. Время функционирования укреплений исследователь определил в пределах последней четверти XII–XV вв.

Эти наблюдения были уточнены при наших работах на раскопе XX. Так, на уровне 5 штыха вне каменных конструкций была зафиксирована насыпь из желтого материкового суглинка – основание вала (рис.99; 100). Ширина вала составляла 12 м при сохранившейся высоте насыпи 90 см. Было установлено, что вал действительно был насыпан непосредственно на погребенную почву грунтом, взятым из расположенного рядом Тезицкого оврага. Из этого оврага была первоначально переброшена погребенная почва и подзол, а затем красный материковый суглинок и в завершение – желтый супесчаный грунт. По характеру расположения слоев в разрезе вала можно утверждать, что его возведение осуществлялось именно со стороны Тезицкого оврага (рва), так что последний, скорее всего, имеет большей частью искусственное происхождение. На расстоянии 7 м от проезда в центре тела вала фиксируются два «ядра», состоящие из последовательно перекрывающих друг друга пластов погребенной почвы, подзола и красного суглинка. Ширина «ядер» в основании составляет около 5 м, а высота 55–65 см. Между ними фиксируются остатки деревянных столбовых свай без определенной конструктивной связи между собой (рис.98; 99 – уч. Г/5,6).

По северному краю вала обнаружены остатки деревянных конструкций, подпираю-

щие насыпь вала от расползания (рис.98; 99 – уч. Г/3). С этой стороны вал был насыпан крутым, почти отвесным склоном. Нами были прослежены два ремонтных горизонта аналогичных подпорных конструкций в этом слое. Первый горизонт зафиксирован в виде обугленных деревянных конструкций; над ними отмечена прослойка желтой супеси (осыпь вала). Аналогичные клетки подпорных конструкций отмечены при описании раскопа 1978 г. [770, с.96]. Кстати, угли, взятые из слоя с деревянными конструкциями А.Х.Халиковым, по результатам радиоуглеродного анализа датировались второй половиной XII в. [404, с.16]. В осыпи вала и под ним над углями отмечено скопление известнякового щебня, возможно, оставшегося во время возведения каменных укреплений проезда.

Чуть севернее от первоначального края вала также по всей его длине наблюдалась канава-пролежень. Дневной уровень *канавы 1* находился над осыпью вала и перекрывала ранее описанную конструкцию. Дневной уровень канавы связан с основанием слоя, отложившегося после возведения каменных пилонов. Остатки канавы были обнаружены под более поздней осыпью вала; она немного углублена в материковый подзол в виде узкой полоски (400 x 20 см), вытянутой вдоль насыпи вала раскопа. Канавка имела покатые стенки и дно на глубине 10–15 см. Ее заполнение состояло из желтой супеси из осыпи вала и угля. Она представляет собой остатки отремонтированной конструкции для упрочнения вала от осыпания. В раскопе удалось выделить еще два ремонтных горизонта этой конструкции, относящиеся к эпохе Золотой Орды. Опираясь на стратиграфические наблюдения, можно утверждать, что эти ранние фортификационные сооружения прекратили свое существование в середине XV в.

Ров (рис.103; 114). Другим объектом укреплений древнейшей Казани является ров, вытянутый вдоль наружной стороны вала. Он впервые был частично выявлен в ходе раскопок Л.С.Шавохина в 1977 г. [45, с.76-92; 223; 567, с.92-93]. В последующих исследованиях 1978 г. удалось вскрыть ров шириной в верхней части 14 м, но из-за затопле-

ния раскопа канализационными водами он не был выбран до дна [46, с.15].

В раскопе XX 1998–1999 гг. нами вскрыта северная сторона рва в ширину 7 м [665; 666]. В изученной части глубина его достигла 3,7 м от дневного уровня (рис.103; 114). Откос рва в раскопе имел определенную специфику, связанную с наличием проезда. На участках вне проезда склон рва был почти отвесным с уступом на глубине 175 см (ширина уступа 80 см). Вниз от уступа шел крутой откос высотой 115 см, после которого ров полого понижался ко дну еще на 75 см. В северной части напротив проезда ров был расширен на 250 см путем выемки грунта до уровня первого уступа. Вертикальные стенки рва в расширенной части были выложены на всю высоту известняковыми камнями (рис.103; 111; 112). Эта каменная конструкция (сооружение 12 Г) имела в раскопе Г-образную форму (190 x 157 см). Кладка постройки по характеру была аналогична той, что использовалась при строительстве каменных пилонов ворот. Разновеликие камни в ней были сложены с сохранением относительно горизонтальных рядов на высоту 190 см, шириной в два ряда (50 см) в перевязке с глинистым раствором при незначительных включениях извести. Эта конструкция, скорее всего, является остатками предмостных конструкций проезда, а возможно, и опорой подъемного моста. Время ее функционирования синхронно существованию ранних каменных укреплений в этом районе – конец XII–XV вв.

В отложениях V слоя в заполнении рва выделяется три горизонта (рис.103). Нижний фиксируется вне проезда по склону рва и имеет толщину от 20 до 50 см. На линии проезда этот горизонт в северной части срезан в период строительства каменных опор моста. Он состоит из желтой супеси с включениями угля и суглинка осыпи вала и вполне сопоставим с нижним горизонтом домонгольского слоя городища. Материалы из него представлены фрагментами керамики лепных сосудов салтово-маяцкого типа и костями животных. Средний горизонт представляет собой строительный горизонт каменных

конструкций проезда. Мощность этого горизонта 10 см в основании каменной стенки опор моста. Он сужается в линзу в южной части рва и состоит из желтой супеси, содержащей большое количество известнякового щебня (строительный горизонт каменной конструкции). Верхний горизонт толщиной до 20 см в южной части состоит из серой плотной супеси с включениями древесного тлена и досок. В нем обнаружены несколько фрагментов красноглиняной домонгольской керамики, железный наконечник стрелы (рис.116, 2, 15) и кости животных.

На склоне рва найдены две столбовые ямы (рис.108 – уч. В/8, 9). Яма 1 диаметром 25 см и глубиной 20 см располагалась между рвом и южным краем каменного контрфорса пилона ворот. Яма 2 диаметром 100 см была выявлена на 210 см южнее ямы № 1 на уровне 340 см от современной поверхности и углублена на 120 см в откос рва. Заполнение ее состояло из желтой супеси (осыпи вала) с включением большого количества древесной трухи. Эти ямы находились на линии, параллельной проезду ворот относительно восточного фасада каменного пилона. К сожалению, не удалось четко проследить конструктивных связей между этими столбами. Дневные уровни ям увязываются с верхним горизонтом домонгольского слоя. Однако их размещение на параллельной линии относительно проезда, наличие древесной трухи в верхнем горизонте слоя, а также значительные размеры столбовых ям позволяют предположить, что они являются остатками вертикальных несущих опор, возможно, моста через ров.

Дополнительные сведения о расположении укреплений с южной стороны городища были получены в ходе наблюдения 1998, 2001 гг. у Восточной безымянной башни. В котловане выборки фундамента здания манежа при расчистке восточной стенки была выявлена насыпь вала со следами запада южного края в углубление рва. V слой в разрезе состоял из коричневой плотной супеси, перекрывающей насыпь вала из желтого материкового суглинка. В изученной части ширина вала в основании достигала 11 м при сохранившейся высоте 210 см. Вал был насыпан непосредствен-

но на погребенную почву. По характеру расположения слоев в разрезе вала можно утверждать, что насыпка грунта осуществлялась со стороны Тезицкого рва, который, вероятнее всего, является искусственным сооружением. С южной стороны отмечались остатки каменных укреплений, известных по предшествующим исследованиям.

Продолжение насыпи вала с остатками каменной стены было зафиксировано нами и в раскопе XLII с западной стороны здания Архиепiscopalного дворца [669]. В раскопе V слой имел толщину до 15–20 см. Он состоял из коричневой плотной супеси с включениями угля и подстилался светло-серым материковым подзолом, перекрытым углистой прослойкой. С южной, внешней, стороны вала выявлены остатки каменных стен, сооруженных, судя по материалам предшествующих исследований, во второй половине XII в. По материалам раскопов видно, что южная линия укрепления, построенная в домонгольское время, продолжала использоваться и в золотоордынскую эпоху. Стратиграфически с этим временем связано два периода их подновления.

Полученные данные позволили более точно представить направление южной линии укреплений домонгольского городища. В результате удалось окончательно определить местоположение и западной части древнейших укреплений, а также уточнить площадь первоначального города, достигавшего размеров около 6 га.

Характеристику древнейших укреплений болгарского поселения на территории Казанского кремля дополняют сведения о последующем освоении его территории, полученные из раскопов, заложенных по восточному склону холма [665; 863]. Упоминания о застройке этой части болгаро-татарской крепости до завоевания края русскими отсутствуют. Первое достоверное описание исследуемого района можно найти в «Писцовой книге города Казани 1565–1568 гг.», где говорится о Благовещенском соборе и Архиепiscopalном дворе [82, с.8-10; 60, с.41-66; 61, с.26-44]. На чертежах конца XVII в. по восточному склону Кремлевского холма фиксируются остатки каменной стены (рис.181-183). Она, судя по картогра-

фическим материалам, разрушена в период между 1748 и 1751 гг. На планах второй половины XVIII в. по краю холма обозначены кирпичные и деревянные постройки Архирейского двора (рис.183; 184). Время их разрушения по чертежам можно определить началом XIX в. (рис.184). Эта часть Архирейского двора за Благовещенским собором впоследствии не застраивалась.

Территория сквера, расположенного к востоку от Благовещенского собора, интенсивно изучалась еще в предшествующие годы. В 1928 г. и в 1929 г. под руководством Н.Ф.Калинина здесь была заложена серия шурфов. Исследования возобновились в начале 1970-х годов Л.С.Шавохиным [36, рис.1]. В ходе этих работ на большом участке за зданием Министерства экономики была зафиксирована верхняя часть каменной стены. Л.С.Шавохин датировал время ее функционирования первой половиной XVI в. и считал оградой ханского двора [69, с.126-127].

Раскопки в этом районе возобновили в 1995 г. А.Г.Мухамадиев [559]. Основным объектом исследований на V раскопе были остатки каменной стены, сохранившейся на высоту в среднем 220 см. Ширина основания составила 250 см. Строительный горизонт каменной стены прослежен в домонгольском слое мощностью 15–20 см, который лежал на глубине 300–310 см от современной поверхности. А.Г. Мухамадиев считает, что вся стена в сохранившемся виде была построена в домонгольское время, точнее, в X столетии [559, с.34]. Однако в кладке фиксируются перестройки более позднего времени. Верхняя ее часть, осуществленная с использованием известкового раствора с включением кирпичной крошки, производит явно позднее впечатление. К домонгольскому времени относится только самая нижняя часть стены, сложенная из крупных необработанных камней, скрепленных при помощи глинистого раствора или вовсе без него, т.е. «всухую», что наблюдалось и в некоторых других раскопах.

Продолжение каменной стены по восточному склону Кремлевского холма было прослежено нами в 1997–1998 гг. раскопом X (площадь 222 м²), расположенным в 10 м южнее раскопа V [63; 665].

V слой в раскопе сохранился относитель-

но неплохо. Его мощность составляет 15–20 см. На некоторых участках в нем удалось выделить два горизонта, нижний из которых, толщиной в 5–10 см, представляет собой коричневую плотную супесь с тонкой углистой прослойкой в основании (рис.81). На участках А-Д/01, 0, 1, 2, 5 верхний горизонт слоя достигает до 10 см толщины и состоит из коричневой плотной супеси с включениями прослоек суглинка, известняковых камней и известкового раствора в основании. В восточной части раскопа (уч. А-Е/5-8) он содержит коричневую плотную супесь с включениями известкового раствора и древесного тлена, связанного со строительством каменной стены, и поэтому его следует рассматривать как строительный горизонт последней. Вещевой материал из слоя небольшой и состоит из находок, которые хорошо иллюстрируют домонгольский возраст. Это фрагменты болгарской и лепной кочевнической керамики и кости животных. Интересной находкой в раскопе является бронзовый кельт VIII–VII вв. до н.э., обнаруженный на уровне погребенной почвы (-438 от 0, уч. Д/5) (рис.82, 15).

К V слою стратиграфически восходят дневные уровни 8 сооружений, 24 столбовых ямок и трех канавок (пролежней?).

Каменная стена была расчищена на протяжении 12 м, что позволило более детально изучить особенности ее кладки (рис.81).

Остатки каменной кладки были выявлены на уровне 160 см от современной поверхности. Ширина стены составила 250 см. В высоту она сохранилась с западной стороны у южной стенки раскопа на 270 см от основания, у северной – 200 см (максимальная сохранившаяся высота в центре – 320 см). Стена имела в верхней части небольшой наклон 45–50 см от основания в сторону склона холма. Котлован ее углублен в материк в среднем на 66 см с западной стороны и на 54 см с восточной. В результате подбоя под основание стены удалось зафиксировать следы деревянных свай-коротышей диаметром 10 см, заглубленных в материк на 70 см (рис. 81). Они располагались на расстоянии 20–30 см друг от друга.

В кладке стены просматривалось четыре

строительных периода. Кладка позднего (четвертого) горизонта из крупномерного кирпича, скрепленного известковым раствором (в полевой документации она была обозначена как сооружение 15 II слоя) шла поверх каменной стены. Кладка сохранилась на высоту 164 см при ширине 66 см. Такая же кирпичная кладка, кстати, была выявлена в раскопе V 1995 г. Следы ее разрушения были зафиксированы с восточной и западной сторон стены (ямы выборки стройматериалов – сооружения 25, 37 II слоя). Время ее существования стратиграфически и по историческим источникам определяется серединой XVIII – началом XIX в.

На фасаде каменной стены на уровне 110 см от сохранившейся поверхности по всей длине стены, с обеих ее сторон фиксировался шов толщиной до 15 см в виде гумусированной прослойки. Над ним была кладка высотой 110–120 см, относящаяся к третьему строительному периоду. Она выложена из плохо отесанных известняковых камней, скрепленных известковым раствором с включениями кирпичной крошки. Котлован этого горизонта глубиной 80 см от дневного уровня удалось выявить в профиле южной стенки раскопа; он прорезал углистую прослойку в завершении III слоя.

Ниже уровня этого шва в кладке стены фиксировались еще два горизонта ее строительства, отличающихся друг от друга характером кладки. Время их строительства относится уже к булгаро-татарскому времени.

Выделяемая под швом стена второго строительного периода имела регулярную горизонтальную кладку из неотесанных известняковых камней, скрепленных известковым раствором. На некоторых участках она разрушила нижележащую кладку до материка. Сохранившаяся высота кладки колеблется в пределах 30–90 см. Стратиграфически строительство этой стены соотносится с прослойкой известкового раствора и известняковых камней на границе IV–III слоев.

В некоторых участках под ней на высоту до 60 см сохранилась сухая регулярная горизонтальная кладка из неотесанных известняковых камней. Она покоится на материке, уплотненном сваями-коротышами. В профиле

северной стенки удалось выявить следы ее котлована, с дневным уровнем которого соотносилась щебенистая прослойка известняковых камней с включениями небольшого количества известкового раствора, подстилаемого выбросом материкового суглинка из котлована фундамента стены (рис.81). Этот выброс перекрывал нижний горизонт V слоя, а на не очень сильно потревоженных участках над ним выделялась тонкая прослойка верхнего горизонта V слоя.

Таким образом, результаты раскопок позволяют говорить о достаточно длительном периоде функционирования стены со значительными перестройками. Время существования стены со всеми ее последующими реконструкциями на основании полученных материалов можно датировать концом XII–XVIII вв.

В раскопе X со слоем V стратиграфически увязывались несколько сооружений.

Сооружение 7 имело прямоугольную в плане форму (218 x 290 см) с отвесными стенками и ровным дном на глубине 52 см от уровня выявления. Верхняя часть заполнения ямы состоит из материкового суглинка с включениями известняковых камней и известкового раствора и увязывается с горизонтом начала строительства каменной стены (V слоя). Нижняя часть заполнения относится к раннему горизонту V слоя. Функционально сооружение представляет собой хозяйственную яму.

Сооружение 39 А – овальная в плане хозяйственная яма (165 x 88 см) с отвесными стенками и чашевидным дном на глубине 58 см от уровня выявления.

Сооружение 42, сохранившееся только в нижней части, имело округлую форму (150 x 100 см), покатые стенки и ровное дно на глубине 26 см от дневного уровня. Находок не обнаружено.

Сооружение 44 имело округлую форму (308 x 316 см). Стенки ямы покатые, ровное дно выявлено на глубине 179 см дневного уровня. В заполнении обнаружены фрагменты красноглиняной булгарской керамики. Стратиграфически время существования постройки относится к домонгольскому периоду (до возведения стены), т.е. это одна из ранних

построек в этом районе, сопоставимая по времени существования с сооружением 7.

Здесь же были зафиксированы 21 столбовая яма и 3 канавки, связанные с древнейшим слоем. Конструктивно увязать столбовые ямы и канавы друг с другом или с другими объектами не удалось.

В целом же материалы раскопа в значительной степени пополнили наше представление о времени возведении каменной стены и дальнейшем ее функционировании. Были сделаны интересные стратиграфические наблюдения, свидетельствующие о длительном освоении Кремлевского холма в домонгольское время, что находит подтверждение в формировании двух горизонтов V слоя, разделенных прослойкой строительного мусора.

В 1998–2000 гг. в северо-восточной части кремля у края холма были заложены раскопы XVIII (Ф.Ш.Хузин), XIX (Р.Ф.Шарифуллин), XXXIII (А.Г.Ситдиков) [204, с.204–218]. Их общая площадь составила 760 м².

Культурный слой в южной части раскопа XVIII был срезан практически до материка в середине XIX в. во время строительства Губернаторского дворца [204, с.12–15]. Слой V домонгольского времени прослежен на северо-западных и юго-восточных участках (рис.92; 93). По структуре это серая плотная гумусированная супесь с мелкими вкраплениями древесного угля. Встречались фрагменты гончарной керамики и небольшое количество костей животных. Из прослойки, лежащей в основании культурного слоя, был взят образец угля для радиоуглеродного анализа, который дал дату 1010±25 лет тому назад (ИИМК РАН № 5565). Среди индивидуальных находок из слоя следует отметить шиферное пряслице (рис.143б, 20), железный наконечник стрелы (рис.143в, 2), многочастную стеклянную пронизку (рис.143б, 1), сердоликовую шаровидную бусину (рис.143, 13), которые в комплексе датируют слой домонгольским временем.

Основным объектом исследований в раскопе стали остатки белокаменной стены. В раскоп попала часть стены шириной 2 м протяженностью около 250 м, вытянутой вдоль

склона холма. Кладка стены сохранилась в несколько рядов только в западной части (рис.145; 146–148). Со стороны склона сохранность плохая, камни кладки беспорядочно лежат на материковом склоне холма. Стена была сложена из необработанных камней, скрепленных глинисто-известковым раствором, но на отдельных участках выложены без него, т.е. «всухую». Сохранившаяся высота кладки не более 50–80 см в 2–3 ряда. Нижняя кладка стены покоится прямо на материковом суглинке, лишь на некоторых участках под ней прослежены следы культурного слоя в виде скопления известкового щебня, в котором обнаружены датированные домонгольским временем фрагменты глиняной посуды, вышеуказанные железный наконечник стрелы и шиферное пряслице.

На основании собранных материалов время строительства стены Ф.Ш.Хузин относит ко второй половине XII в. Получило подтверждение предположение о разрушении стены в период взятия города в 1552 г. Этот факт был установлен стратиграфически в профиле юго-восточной стенки раскопа, где прослойка пожарища покоилась прямо на камнях стены (рис.92). Основываясь на этих данных, исследователь утверждает, что нет никаких оснований говорить о функционировании каменной стены в русское время. По его мнению, схожая техника кладки характерна и для Старой Ладogi – наиболее ранней древнерусской каменной крепости [487, с.23–42].

Из объектов фрагментарно сохранившегося домонгольского слоя XVIII раскопа чрезвычайно интерес вызывают следы деревянного частокола (тына) в виде линии ямок диаметром 15–20 см и глубиной около 20–35 см, вытянутой почти параллельно к вышеупомянутой каменной стене и краю холма (рис.92; 93; 94). По стратиграфии эти ямки относятся к самому нижнему горизонту древнейшего слоя. По предположению Ф.Ш.Хузина это, возможно, следы первоначальных деревянных укреплений в виде частокола или тына, сооруженных по восточному краю холма не позднее рубежа X–XI вв. [875, с.18].

С северной стороны к раскопу XVIII примыкал раскоп XIX [204, с.16–18]. Слои бол-

гарского периода жизни города сохранились лишь в его юго-восточной части вне сооружений ханского времени (рис.96; 97). Единичность находок и объектов не позволяет более четко определить время их накопления и функционирования. По мнению Р.Ф.Шарифуллина, они отложились в домонгольский и золотоордынский периоды. Относительно каменной стены исследователь замечает, что ее строительный горизонт в виде линз мелкого щебня залегает непосредственно на материковом грунте склона, что может свидетельствовать либо о действительно раннем времени возведения стены, либо о том, что склон был подрезан до материка перед укладкой нижнего ряда камней в более позднее время. По его мнению, разрушение стены могло произойти и до событий 1552 г.

С южной стороны раскопа XVIII была заложена серия раскопов XXXIII А-Ж (рис. 6) на участке протяженностью более 150 м [204, с.12-15]. Как и в других раскопах, культурный слой был срезан до материка, а на отдельных участках даже ниже. Разрушение стены стратегически восходит к основанию II слоя, фиксируемое в виде осыпи большого количества крупных известняковых камней по склону холма. В ходе исследований на раскопе XXXIII Ж нами было установлено, что каменная стена имеет два разновременных направления. Более ранняя, прослежена в раскопах XVIII и XIX. Она уходит в северном направлении, в сторону Воскресенской башни. Другая, русского времени, продолжалась в северо-западном направлении, в сторону Северной башни. Последняя представляет собой каменную конструкцию шириной 220–240 и высотой до 250 см, сложенную из необработанных камней, скрепленных толстым слоем известкового раствора.

Таким образом, в раскопах XVIII, XIX и XXXIII на большом участке удалось выявить остатки кладки древнейших укреплений. В отличие от раскопов V и X здесь четко был зафиксирован строительный горизонт стены

и последующие его разрушения и перестройки. При этом было установлено, что более поздняя стена, фиксируемая на чертежах конца XVII–XVIII вв. в северной части кремля, имела другое направление и шла западнее к Северной башне, тогда как более ранняя, повторяя контуры рельефа, спускалась несколько ниже в сторону Воскресенской башни.

В результате исследований каменных укреплений с восточной и южной сторон древней крепости было установлено, что они возведены в домонгольский период, во второй половине XII в., на месте более ранних фортификационных сооружений в виде вала и рва, строительство которых связано с возникновением поселения на Кремлевском холме в конце X – начале XI в.* Важно также отметить, что на отдельных участках эти каменные укрепления сохраняли свое значение длительное время, а на некоторых местах с перестройками продолжали функционировать до середины XVIII в.

Не менее интересные результаты были получены при изучении районов, прилегающих к восточной линии стен древнейшей крепости. Так, в раскопе IX, заложенном нами в 1997 г. к востоку от Благовещенского собора вдоль ограды Президентского дворца, были получены интересные материалы по топографии раннего города и найдены уникальные находки раннедомонгольского времени [62].

Домонгольский слой в раскопе IX сохранился фрагментарно. Особенно сильно он разрушен в восточной части раскопа. Слой V состоял из коричневой плотной гумусированной супеси с тонкой углистой прослойкой в основании (рис.6). На небольшом участке в западной части был зафиксирован участок без следов застройки, но с остатками древесного тлена уличной мостовой. Прослойки мощения связаны с верхними горизонтами домонгольского слоя. В завершении слоя имеются включения мелкой известняковой крошки с линзами материковой супеси, связанных, очевидно, со строительством каменных построе-

* Следы первоначальных городских укреплений в виде деревянного частокола и заменивших их каменных стен были обнаружены Ф.Ш.Хузиным в 2003 г. раскопами XXXV, LXI, LVII на северном склоне Кремлевского холма. Остатки каменных укреплений перекрывают ранние напластования Казанского ханства.

ек. В ходе выборки сооружения 48 (V слоя) при зачистке северной стенки участка Б/1 на уровне -315 от 0 в слое была обнаружена подвеска из монеты – чешского денария первой трети X в. (рис.120) [825]. В слое найдено всего пять фрагментов керамики, из которых два – от лепного горшка шамотного теста, относящиеся к XI (салтово-маяцкой) группе по классификации Т.А.Хлебниковой, а также бузина из глухого темного стекла с невыпуклыми белыми глазками (рис.78).

К этому слою восходят дневные уровни 9 сооружений хозяйственного назначения.

Сооружение 15 – овальная в плане яма размерами 200 x 184 см с отвесными стенками и чашевидным дном на глубине 169 см от уровня выявления. Заполнение состояло из двух горизонтов. Верхняя часть представляла собой запад грунта IV слоя. Ниже яма была заполнена светло-серой плотной супесью с включениями известняковых камней.

Сооружение 24 – овальная в плане (50 x 74 см) яма с покатыми стенками и ровным дном. В заполнении плотная светло-серая супесь.

Сооружение 26 – подпрямоугольная в плане яма с отвесными стенками и ровным дном на глубине 49 см от края. Заполнение состояло из серой плотной супеси с комковатыми включениями материкового подзола.

Сооружение 29, срезанное сооружением 12 А (III слоя), имело неопределенную в плане форму (90 x 40 см) с отвесными стенками с подбоем и чашевидным дном на глубине 72 см. Верхний горизонт – запад IV слоя мощностью 30 см. Нижний, относящийся к V слою, представлял собой светло-серую плотную слабо гумусированную супесь с небольшим количеством костей животных.

Сооружение 36 – яма неопределенной формы (120 x 40 см), срезанная с северной стороны сооружениями 12А, 32 (III слоя), 20, 30 (IV слоя). Она имела отвесные стенки и ровное дно на глубине 26 см от дневного уровня. Яма была заполнена серой плотной супесью с включениями материкового подзола.

Сооружение 39 выявлено в виде прямоугольной ямы с отвесными стенками и ровным дном на глубине 70 см от уровня выявления. Заполнение состояло из двух прослоек. Верх-

няя – запад IV слоя; нижняя, мощностью до 30 см, представляла собой светло-серую плотную супесь с включениями суглинка.

Сооружение 43 – подпрямоугольная в плане яма (225 x 138 см), перекрытая сверху сооружением 19 IV слоя. Она имела отвесные стенки и чашевидное дно на глубине 60 см от уровня выявления. Заполнение содержало светло-серую плотную супесь.

Сооружение 48 определилось в виде ямы овальной в плане формы (158 x 138 см), прорезанной сооружением 47 IV слоя. Она имела отвесные стенки с небольшим подбоем и чашевидное дно на глубине 79 см. В заполнении (светло-серая плотная супесь с включениями материкового подзола) были найдены фрагменты домонгольско-булгарской гончарной керамики и кости животных.

Сооружение 49 – овальная яма (180 x 200 см), врезанная в материк, имела покатые стенки и чашевидное дно на глубине 60 см от дневного уровня. Заполнение состояло из серой плотной супеси с включениями подзола.

Таким образом, исследования, проведенные на раскопе IX, позволили дополнительно изучить напластования и стратиграфически связанные с ними объекты домонгольского времени. В этом слое были обнаружены находки, в том числе нумизматическая, указывающие на раннее заселение булгарами этой территории не позднее начала XI в. Были также получены некоторые сведения о топографии древнейшего поселения, в частности, прослежены остатки уличной мостовой.

Исследования слоев, связанных с ранним периодом существования крепости, были продолжены нами в раскопе XI (50 м²), заложенном вплотную к центральной и двум крайним восточным апсидам Благовещенского собора (рис.6, 72) [64; 672]. Они проводились главным образом с целью установления времени строительства собора. По предположению некоторых ученых, он представляет собой перестроенную по приказу Ивана Грозного мечеть ханского времени. Результаты исследований не подтвердили это предположение: строительный горизонт собора на данном участке перекрывал прослойку пожарища 1552 г. (рис.83).

Домонгольский слой в раскопе аналогичен по содержанию общей характеристике V слоя кремля (рис. 132). В его завершении фиксируются включения мелких известняковых камней и известкового раствора. Из слоя происходит всего 11 фрагментов болгарской красноглиняной керамики и один фрагмент лепного горшка шамотного теста салтово-маяцкой группы. Со слоем связано три хозяйственные ямы.

Сооружение 5, срезанное с северной стороны сооружением 4 III слоя, имело овальную форму (60 x 30 см), покатые стенки и чашевидное дно, углубленное в материк на 56 см.

Сооружение 7, прорезанное сооружениями 3, 9 III слоя, представляло собой яму неопределенной формы (278 x 178 см) с отвесными стенками и чашевидным дном на глубине 138 см. Она была заполнена светло-серой плотной супесью с комковатыми включениями материкового суглинка.

Сооружение 10 – овальная яма 65 x 22 см с отвесными стенками и чашевидным дном на глубине 70 см. В углубление сооружения западал верхний горизонт V слоя. Заполнение в нижней части мощностью 30 см состояло из светло-серой плотной супеси.

Исследования в районе апсид Благовещенского собора позволили не только дополнительно подтвердить наличие V домонгольского слоя, но также продемонстрировать на небольшой площади интенсивную для этого периода застройку. Были также получены материалы, определяющие нижнюю дату начала отложения этого слоя.

Дополнительные сведения о домонгольском времени освоения верхней части Кремлевского холма дал раскоп XXII, заложенный в сквере Президентского дворца на территории бывшего ханского двора. Слои на исследуемом участке были почти полностью разрушены в период нивелировки площади в XIX в. На участках, где сохранился светло-серый подзол, были найдены фрагменты болгарской домонгольской керамики, в том числе и обломки лепных сосудов с примесью шамота в тесте, близких к посуде салтово-маяцкого круга. Со слоем стратиграфически увязывается единственное *сооружение 8*, в ко-

тором встречены фрагменты такой посуды.

Обширные исследования, проведенные во дворе Президентского дворца и прилегающих к нему районах, раскопами XXXII, XXXIV, XLI, XLV, XLVIII, XLIX подтвердили наличие в данном районе напластований и объектов домонгольского времени при значительной их разрушенности, что не противоречит результатам исследований 1970-х годов.

Раскоп XXXIV был разбит на территории Президентского сада вдоль южной ограды [204, с.8-11]. Общая площадь раскопа составила 425 м² при мощности культурного слоя от 80 до 180 см.

На этом раскопе V домонгольский слой значительно переработан более поздними напластованиями и фиксируется фрагментарно. Он был прослежен лишь в южной части секторов 2, 3. По структуре это серая плотная гумусированная супесь с мелкими вкраплениями древесного угля мощностью 15–20 см. Находки из слоя представлены характерными фрагментами немногочисленной болгарской керамики, изделиями из железа и костями животных. С периодом его формирования по характеру вещевого материала и грунту в заполнении связано около десятка объектов, представленных хозяйственными ямами.

В остальных раскопах, к сожалению, V, IV слои сохранились фрагментарно из-за их почти полной переработки в период формирования III слоя. На сохранившихся участках их мощность составляет до 30 см. С ними связано несколько десятков хозяйственных ям.

Принципиальное значение имели результаты исследований, проведенных под восточным склоном Кремлевского холма вне пределов укреплений раннего поселения [204, с.20-23; 863]. В раскопе XIII, располагавшийся в 40 м к юго-западу от Воскресенской башни (рис. 6, 76), общая мощность культурного слоя колебалась от 410 см у склона, где более двух метров напластований составляет строительный мусор, связанный с постройкой Губернаторского дворца в середине XIX в., и до 100 см у восточной стенки. Чрезвычайный интерес у специалистов вызвали выявленные в раскопе объекты, отно-

сящиеся к болгаро-татарскому периоду. Близость грунтовых вод в этом районе и большая влажность грунта благоприятствовали великолепной сохранности деревянных сооружений и изделий из кожи. Было обнаружено несколько деревянных срубов, в одном из которых располагалась кожевенная мастерская, а также несколько ярусов деревянной мостовой из коры лиственных деревьев (липа, дуб), которая с подновлениями функционировала, начиная с ханского времени вплоть до XIX в.

Домонгольский слой толщиной до 20 см прослежен на северо-западных участках раскопа на глубине от 380 до 80 см от современной поверхности. К находкам из него относятся железный наконечник стрелы типа 43 по классификации А.Ф.Медведева (рис.142, 13) [540, с.66], бронзовая пряжка (рис.143а, 10; 143в, 4), фрагменты люстровой чаши, костяной наконечник стрелы (рис.142, 2), шиферное пряслице (рис.143а, 32), кусочки необработанного янтаря. Обнаружена также ножка от глиняного трипода, фрагмент неполивной гончарной керамики с каннелюрами и орнаментом, характерным для болгарской посуды второй половины домонгольского времени (рис.141, 13, 14). В мастерской кожевника первой половины XVI в. была найдена переотложенная из древнейшего слоя бронзовая накладка с позолотой (рис.143а, 7; 143в, 2). В числе находок необходимо обратить внимание на бусину из глухого темного стекла с выпуклыми белыми глазками, происходящую из основания V слоя (рис.143а, 17; 143б, 7).

Со слоем связано подпрямоугольное сооружение 10 (240 x 260 см), из засыпи которого происходит половина серебряного дирхема саманидского чекана первой половины X в. (рис.88) и фрагменты гончарной керамики. Изученное сооружение представляет

собой остатки жилой постройки наземного типа [301-303; 573-576].

Основываясь на материалах XIII раскопа, можно заключить, что болгарское поселение X–XI вв. существовало не только на верхней укрепленной площадке современного Кремлевского холма, но и в низменной части его, на склоне мыса у реки Казанки, т.е. вне укреплений. Слой домонгольского времени, выявленный в раскопе, представляет собой, возможно, следы древнейшего посада, сформировавшегося одновременно с городом-крепостью*.

В результате исследований 2001 г. у Преображенской башни в зоне благоустройства территории, прилегающей к мечети Кул Шарифа, в раскопе L с юго-восточной стороны Спасо-Преображенской башни были исследованы остатки раннего могильника [675]. Здесь зафиксировано пять грунтовых погребений с обрядом труположения в могильных ямах подпрямоугольной формы. Костяки вытянуты по линии ЮЮЗ, лежат на спине, руки положены вдоль тела, голова повернута лицом к югу. В одном из погребений под черепом было обнаружено медное кольцо диаметром 1,8 см. Заполнение ям состояло из переработанного материкового подзола с включениями небольших комков красного суглинка. Слой выброса из могильных ям покоится на материковом подзоле.

В Среднем Поволжье подобный обряд характерен для мусульманских захоронений. Наличие вещевого материала, возможно, связано с пережитками язычества. При этом необходимо отметить, что могильник расположен за пределами городских укреплений домонгольского городища (на расстоянии 230 м). Погребения относятся к наиболее раннему некрополю на территории Казанского кремля, возможно, он функционировал до расширения города за пределы первоначальных укреплений.

* Археологические исследования 2000–2002 гг. с восточной стороны Кремлевского холма позволили выделить на уровне материка слой, содержащий находки домонгольского времени. Формирование слоя, возможно, связано с функционированием неукрепленного посада в этой части города. Заметное количество находок (более 80 фрагментов керамики) этого времени были обнаружены и в южной оконечности холма на территории главного здания КГУ. Имеется материал домонгольского времени с западной его стороны (наблюдения 2002 г. за прокладкой траншеи по ул. Баумана).

Ранний некрополь выявлен и в ходе исследований, проведенных в районе Пятигранной башни кремля, где были обнаружены три погребения. Пятна могильных ям были выявлены на уровне материкового подзола. Культурные напластования из-за поздних разрушений в период строительства здания казарм Юнкерского училища были сильно потревожены. Погребения представляют одиночные труположения, ориентированные головой на северо-запад (азимут 320°). Установление времени существования могильника затруднено значительной разрушенностью погребений и отсутствием целостной картины их погребального обряда. Они связаны с основанием культурных отложений и, возможно, имеют дату более раннюю, чем время возникновения булгарского города на Кремлевском холме.

Таким образом, во всех указанных раскопах удалось зафиксировать V домонгольский слой, представленный плотным грунтом из коричневато-серой, слабо гумусированной супеси с мелкими вкраплениями древесного угля. Мощность слоя не превышает 20–25 см вне объектов. Насыщенность находками относительно слабая. На ряде участков фиксируются выбросы материкового подзола и небольшие скопления известняковой щебенки, связанные со строительством каменных, хозяйственных и жилых построек. Была прослежена определенная закономерность в расположении построек, что позволяет говорить о начале формирования планировки поселения уже в это период. На основании проведенных раскопок древнее поселение удалось локализовать в северной оконечности кремля на площади около 6 га и установить наличие неукрепленного посада с восточной, западной и южной сторон Кремлевского холма.

Были сделаны стратиграфические наблюдения, указывающие на возможность выделения в будущем двух горизонтов в V домонгольском слое. Пока их удалось выделить в районах наиболее активной строительной деятельности, связанной с возведением каменных укрепле-

ний и функционированием мощных проездов. Выделение отдельных горизонтов в домонгольском слое в значительной степени условно, но материалы ряда наблюдений делают эту проблему для последующих исследователей древней Казани актуальной.

Хронология V слоя. Наиболее полно проблемы хронологии древнейшего слоя Казани разработана в публикациях Ф.Ш.Хузина [866-870; 872; 874-876; 877, с.185-217]. Хронологии отдельных категорий предметов посвящены работы Т.А.Хлебниковой [839], С.И.Валиуллиной [273], Й.Кальмера [455], И.Фодора [756]. Тем не менее, эта проблема все еще остается актуальной.

Вещевой комплекс находок из V слоя представлен значительным количеством гончарной и лепной керамики, предметами из черного и цветного металла, стекла, камня, часть которых встречается в переотложенном состоянии. При определении хронологии домонгольского слоя принципиально важное значение имеет установление его нижней даты. Это требует очень внимательного и тщательного подхода при датировке находок с учетом всех аналогий, стратиграфических сведений и результатов естественнонаучных методов исследований.

Наиболее массовыми и ярко датирующими находками из раскопов являются фрагменты гончарной и лепной посуды. В керамических материалах двенадцати раскопов (I, II, III, V, IX, X, XI, XIII, XVIII, XIX, XX, XXII – общая площадь более 3000 м²), расположенных в центральной части кремля, Т.А.Хлебниковой было выделено 1106 фрагментов, относящихся к культуре Волжской Булгарии [49; 56 и др.]. Непосредственно из V слоя происходит всего 187 фрагментов керамики, остальные в переотложенном виде из более поздних слоев (учтены только материалы 1994–1998 гг.).

Значительную долю керамики V слоя составляет общебулгарская гончарная посуда (более 80%)*, которая характеризуется желто-красным и коричневым цветом при хоро-

* Аналогичная керамика присутствует в материалах нижних слоев раскопов с западной, восточной и южной стороны Кремлевского холма (т.е. за пределами Кремля).

шем обжиге, с широким полосчатым и сплошным лощением и линейно-волнистым орнаментом (рис.20; 38; 41; 42, 1-6). Подобная керамика, распространенная в болгарских памятниках X – первой половины XIII в. [836, с.86 и сл.; 855, с.4-23], представлена почти всеми формами. Среди них можно выделить цилиндрические горшки с рифленой горловиной (рис.41, 7, 8; 42, 5, 6) и горшки с блоковидной горловиной (рис.38, 5, 7). Найдено несколько фрагментов кувшинов с подцилиндрической горловиной (рис.20, 1, 2), припухлым венчиком и подшаровидным туловом (рис.20, 5). В коллекциях находок имеются весьма выразительные для домонгольского времени обломки кружек и кружкообразных сосудов с характерной орнаментацией каннелюрами и заштрихованными треугольниками (рис.21, 1; 62, 7, 8). Помимо этого встречаются также блюдообразные, чашевидные сосуды (21, 2; 41, 9-13), триподы на ножках (42, 7; 41, 23). Некоторые корчаги имеют венчики с утолщенным желобком снаружи и скошенным вовнутрь краем (рис.38, 8; 41, 14,15). Встречаются весьма массивные венчики, характерные, по мнению Т.А.Хлебниковой, в основном для первой половины домонгольского периода [836, с.79].

Общеволгарская керамика домонгольского облика фиксировалась и в раскопах предшествующих лет, что нашло отражение в публикациях Н.Ф.Калинина и А.Х.Халикова [203, с.192, табл.ХVIII; 770] (рис.168, 12, 14-18). Большинство исследователей считает, что такая керамика аналогична гончарной посуде, бытовавшей на памятниках Волжской Булгарии X – начала XIII в. [836, с.86 и сл.; 500, с.6-7]. Это подтверждается также результатами термолюминесцентного анализа, проведенного проф. Й.Ридерером в ратген-лаборатории Государственного музея Берлина. Один из фрагментов гончарного сосуда из V слоя (р. II, уч. Ж-3/3, гл. 240) дал дату 888 ± 125 ; фрагмент гончарного сосуда (р. III, уч. Б/9, гл. 260) – 1021 ± 145 ; последний образец из смешанного слоя IV–V (р. XIII, уч. В/3, гл. 210) – 1261 ± 102 .

Небольшая группа среди керамического

материала представлена гончарной посудой с примесями в тесте, которая составляет в V слое до 8%. К ней относится керамика группы «джукетау» (8 фр.), традиционная для домонгольского периода (рис.21, 6; 40, 1, 2; 42, 10; XIII группа по классификации Т.А.Хлебниковой) [836, с.29-31].

Наиболее архаичной является III группа горшковидных сосудов с примесью растительности и мелкого шамота в тесте, украшенных полулунными и каплевидными вдавлениями по плечу. Она имеет салтово-маяцкие истоки (рис.141, 9, 10). Судя по материалам болгарских памятников, такая посуда бытовала только в первой половине домонгольского периода [838, с.18-20]. Большая часть керамики подобного типа обнаружена в переотложенном состоянии (14 фрагментов). Из непотревоженного слоя происходит всего 6 фрагментов.

В центральной части кремля в домонгольских слоях был выявлен также значительный комплекс лепной керамики. Она имеет важное значение при определении нижней даты отложений домонгольского слоя, так как изготовление подобной посуды характерно преимущественно для X – начала XI в. [858, с.111-113; 836, с.228; 501, с.227]. В наших раскопах эта керамика представлена тремя архаичными группами. Наиболее выразительная из них лепная, частично правленая на круге керамика салтово-маяцкого облика – XI группа по Т.А.Хлебниковой. Она состоит из фрагментов горшков из шамотного теста, с орнаментом в виде волны по плечу, линейным многозонным рифлением по тулову и насечками по венчику (рис.21, 7; 42, 11-13). Найдено 25 фрагментов такой посуды. Хронологические рамки ее бытования в работах Т.А. Хлебниковой, А.Х.Халикова, Н.А.Кокориной, Ф.Ш.Хузина определяются X – началом XI в. [500; 836, с.126, 228; 838, с.20-21; 855].

Другая, близкая к ней группа лепной керамики состоит из 19 фрагментов горшковидных сосудов с примесью растительности и мелкого шамота в тесте, украшенных пальцевыми защипами по краю венчика (II группа, рис.39, 5; 141, 8). Она имеет те же корни, что и салтово-маяцкая группа, и встречается в болгарских

поселениях первой половины домонгольского периода [836, с.36, 98, 217]. С этими двумя типами лепной посуды связаны несколько обломков плоских крышек с высокими пестикобразными ручками (рис.42, 9).

Таким образом, эти две группы керамики хронологически укладываются в раннедомонгольский период и дают важную дату – начало отложения V слоя, относящегося ко времени не позднее конца X – первой половины XI в. Дата подтверждается материалами других болгарских памятников и результатами термолюминисцентного анализа, выполненного И.Ридерером в ратген-лаборатории Государственного музея Берлина. Согласно его заключению, фрагмент лепного сосуда из V слоя (р. II, уч. С/12, гл. 280), перекрывающего подошву вала, имеет возраст 951 ± 55 лет.

Самостоятельную группу лепной керамики составляют фрагменты округлодонных чашевидных сосудов с толченой раковиной в тесте. В V слое найдено 7 обломков такой керамики. Среди них выделяется VII группа, украшенная гребенчато-шнуровым орнаментом по цилиндрической шейке и гребенчатым оттиском по краю венчика (рис.39, 6; 40, 5; 141, 4, 6). Этот тип керамики, получивший в работах Е.П.Казакова название «постпетрогром» [426, с.70-72], имеет прикамско-приуральские корни и встречается чаще всего на болгарских поселениях второй половины X–XII вв. [426, с.72; 858, с.113]. В материалах V слоя единичными экземплярами представлена керамика с примесями в тесте – V, VIII, XVII группы, имеющие также финно-угорские истоки (рис.21, 13; 38, 4; 39, 1; 40, 3).

Следующую категорию находок из древнейшего слоя составляют предметы украшения и одежды (бусы, подвески, браслеты, пряжки и др.). Часть из них имеет датирующее значение.

Среди стеклянных и каменных бус интерес вызывают те, которые имеют раннюю дату [455]. В их число входят шаровидные бусы из черного глухого стекла с синими глазками в белых кружках (7 экз.), происходящие из раскопок I, II, IX, XIII, XX (рис.17, 3; 79, 1; 120, 2; 143б, 7, 8). Две из них с более выпуклыми и крупными глазками (рис.143а, 15; 143б, 7) имеют аналогии в раннеболгарских и

ранневенгерских могильниках и поселениях Волго-Камья [305, табл. XIX; 858, рис.19, 20, 30; 616 с.278], а также в ранних горизонтах Старой Ладogi [532, рис.1, 22, 23] и Белоозера [314, рис.65,22]. Хронологические рамки их бытования определяются VIII–X вв. В числе ранних бус можно назвать и бусину из глухого бирюзового стекла с выпуклыми черными реснитчатыми глазками (рис.143а, 15), датируемую по материалам Белоозера [314, с.182, табл. 65, 30] и Болгара [616, с.158-159] X – началом XI в. На Северном Кавказе подобные изделия встречаются в более ранних погребениях VIII–IX вв. [616, с.159].

В раскопах II, XVIII найдены двучастные и многочастные пронизки из полупрозрачного желтого или синего стекла (рис.143б, 1, 2, 3) [872, рис.6, 1-3]. Время их массового распространения определяется X и частично XI вв. [273, с.33; 313, с.64; 532, с.88]. В это же время такие пронизки бытовали и среди болгарского населения [616, с.154, 159; 428, с.148; рис.47, 43;].

Из раскопок на территории кремля происходит также несколько бусин из полудрагоценных камней: сердоликовые шарообразные (10 экз., в т.ч. 2 экз. из раскопок Н.Ф.Калинина и А.Х.Халикова) (143а, 16), шестигранная призматическая (1 экз.) (рис.143б, 5), датируемые VIII–XI вв. [506, с.170; 617, с.22, 26], а также бипирамидальные многогранные из раскопа 1978 г. [770, рис.6, 2], известные в основном по памятникам XI–XIII вв. [506, с.171; 617, с.27]. Интересно отметить две хрустальные бипирамидальные бусины эллипсоидной формы с намечающимися гранями (рис.120, 8; 143а, 19), часто встречаемые в домонгольских памятниках [313, с.61; 617, с.34].

Среди украшений из полудрагоценных камней примечательна лазуритовая подвеска подтрапециевидной формы с узорами на обеих сторонах в виде параллельных линий (рис.143а, 26; 143б, 16). Подобного типа украшения связаны с кочевническим миром Евразии X–XI вв. [617, с.65], но, возможно, бытовали и позднее [492, с.241]. Другая подвеска из янтаря подромбической формы с выпуклой объемной лицевой стороной (рис.143а, 27; 143б, 15), судя по аналогиям из

Билира, датируются второй половиной домонгольского периода [617, с.67; 872, с.12].

С домонгольским слоем связан также не большой комплекс стеклянных бусин и браслетов. Из раскопа I 1995 г. на Пушечном дворе происходит бусина из бордового стекла с белым волнистым узором (рис.17, 2; 143, 21; 143б, 6), датируемая второй половиной домонгольского периода [616, с.179-180, рис.82, 32]. В раскопе XX 1999 г. обнаружена синяя бусина из прозрачного стекла средних размеров (рис.120, 3). Время ее бытования на болгарских памятниках определяется XII–XIII вв. [616, с.164]. Другую группу бусин этого времени составляют шарообразные с белой спиралью (рис.143а, 22, 23; 143б, 9, 10). На основании привязки к сопутствующему материалу из слоя их также можно датировать второй половиной домонгольского периода.

На территории Восточной Европы [215, с.88], в том числе и Волжской Булгарии [428, с.148; 616, с.154; 858, с.115], для периода конца I – начала II тысячелетий характерны так называемые «лимонки» из желтого полупрозрачного стекла подшаровидной формы с бугорками у отверстий. Единственный экземпляр такой бусины обнаружен в раскопе I (рис.143а, 18; 143б, 4).

Комплекс украшений, помимо бусин и подвесок, представлен также браслетами. Так, в раскопах А.Х.Халикова были найдены обломки трех стеклянных витых браслетов [203, табл.XVIII; 770, рис.6, 3] (рис.168, 3, 4). Аналогичные браслеты, по данным Ю.Л.Щаповой, изготавливались киевскими мастерами со второй половины XII в. и до монгольского нашествия [770, с.103].

Уникальной находкой, относящейся к раннедомонгольскому периоду и связанной, вероятно всего, с началом накопления культурного слоя, является позолоченная бронзовая ременная накладка диаметром 3 см, обнаруженная в переотложенном виде в постройке эпохи Казанского ханства (рис.143а, 7; 143в, 2). На лицевой стороне в центре у нее имеется округлый выступ, от которого к краям расходятся четыре симметричных лепестка выпуклых по контуру, упирающиеся в бордюр из также симметрично располо-

женных вплотную друг к другу округлых и вытянутых звеньев. Аналогичная находка сопровождала погребение IX в. в Танкеевском могильнике [425, с.163]. На археологических памятниках Венгрии, по сведениям И.Фодора, подобные накладки встречаются в массовом виде и распространены преимущественно до середины X в. [756, с.13]. С учетом использования накладки в качестве украшения, о чем говорит отверстие и сточенные крепежные ножки, время ее бытования можно определить не позднее конца X в., что не противоречит ранее описанным находкам, определяющим начало формирования домонгольского слоя.

Интерес вызывает также бронзовая ременная пряжка с овальной рамкой и слегка расширяющимся книзу подпрямоугольным щитком с фигурным концом (рис.143а, 10; 143в, 4). Идентичные находки датируются X–XI вв. [619, с.205, рис.66, 18; 782, с.41, 56, рис.34, 9]. К этому же времени относится бронзовая привеска-бубенчик грушевидной формы с рельефным геометрическим орнаментом (рис.143а, 9; 143в, 3). Подобные привески, судя по наблюдениям Е.П.Казакова, встречаются на болгарских памятниках X–XI вв. [428, с.119].

В числе находок, определяющих нижнюю дату V слоя, можно назвать еще три браслета. Два из них сделаны из бронзового дрота с утолщением на четырех- и шестигранных концах (рис.143в, 7, 8). Данные браслеты характерны для памятников поволжских финнов и волжских болгар IX – начала XI в. [209, с.32-33; 428, с.122, рис.41, 6]. Плетеный из четырех проволок с расплюснутыми концами для каплевидных вставок браслет (рис. 143а, 12; 143в, 6) датируется X–XII вв. [428, с.124-125].

Самостоятельную группу предметов домонгольско-булгарского времени составляют находки, связанные с конским снаряжением. К их числу относится, например, железная подпружная пряжка лировидной формы (рис.143а, 26; 143в, 5). Аналогичная пряжка была обнаружена также в раскопах А.Х.Халикова [112, рис.6, 4]. Их датируют обычно XI–XII вв. [428, с.107; 749, с.44; 854, с.201-202, рис.LXVI, 12]. Другой деталью конской сбруи является соединительное бронзовое

кольцо-тройник с выпуклым центром и тремя прорезями для продевания ремней оголовья (рис.143а, 8; 143в, 1). Идентичные находки из Биляра [854, с.199-201, рис.LXVI, 4] и других болгарских памятников [428, с.105] датируются X–XI вв.

Неожиданной находкой стала свинцовая чешская монета из раскопа IX 1997 г. (рис.78). Она найдена в основании домонгольского слоя, представленного темно-коричневой плотной супесью мощностью около 15 см (-315 от 0). Первоначальное определение монеты было проведено А.С.Беляковым (Москва, ГИМ), проф. В.М.Потинным (С.-Петербург, Гос. Эрмитаж) и специалистами из Германии: Д.Клозе, Г.Штумпфом (г. Мюнхен), проф. П.Клуге (г. Берлин) и др. Они признали ее как чешскую, чеканенную в пределах X–XI вв. Более детальное изучение монеты осуществила руководитель Нумизматического отдела Народного музея Чехии д-р Я.Хаскова (г. Прага). По ее мнению, монета чеканена в 929–930-х годах при жизни князя Вацлава в подражание раннебаварским монетам Конрада I и является пока единственно известной в мире самой ранней чешской монетой. Близкие к ней западноевропейские монеты XI в. встречаются на территории Волжской Булгарии [825, с.227-234], что говорит о торговых связях с европейскими странами. В слой Казанского кремля чешская монета попала, вероятнее всего, не позднее X в. Следы повреждений, имеющиеся на монете, позволяют говорить о том, что здесь она использовалась в качестве подвески.

Среди нумизматических находок следует упомянуть и обломок арабского дирхема (рис.88). Он был обнаружен в раскопе XIII 1997 г. при расчистке сооружения жилого характера, стратиграфически связанного с V слоем. На основе предварительного анализа (Д.Г.Мухаметшина, И.Г.Добровольского, Г.А.Федорова-Давыдова) было предложено время ее чеканки в пределах первой половины X в. [573-576], но в ходе более точной идентификации учеными из Каирского университета «Айн Шамс» удалось определить более точную дату – 892–907 гг. [301-303]. В культурный слой кремля монета могла попасть не позднее второй половины X в. В районе Волго-Камья клады во-

сточных монет, состоящие из арабских дирхемов, не редкость.

Обе эти монеты еще раз говорят о значительной роли региона в транзитной торговле. Возникновение болгарской крепости на Кремлевском холме отражает закономерный процесс развития регионального и международного товарообмена на территории Волжской Булгарии, происходивший в X–XI вв. Эти находки, помимо определения ранней даты формирования домонгольского слоя, определяют характер поселения, являвшегося, несомненно, одним из значимых торговых пунктов на Великом Волжском пути [866].

К числу находок из домонгольского слоя относятся фрагменты поливной керамики. Одна из групп подобной керамики представлена красноглиняной посудой с зеленой или темно-коричневой поливой (всего 7 фрагментов – рис.141, 16; 143а, 6), увязываемой рядом специалистов с местным производством [534, с.53-63]. Время ее бытования по материалам болгарских поселений относится к XI–XIII вв.

Помимо поливной местной керамики выявлено более 10 фрагментов так называемой люстровой посуды (рис.143а, 1-5), демонстрирующей размах международных торговых связей Волжской Булгарии [203, табл.XVIII] (рис.168, 13). Она представлена обломками чашевидных сосудов, производимых в средневековом Иране с начала XII до начала XIII в. Подобная посуда изготавливалась из белой высококремнеземистой массы, расписанной люстром золотисто-коричневого цвета в виде растительного орнамента по светлой глазури. Находки люстровой керамики встречаются в городских центрах памятников Волжской Булгарии и Древней Руси домонгольского времени [333, с.192, рис.1, А, Б].

Значительную группу датирующих материалов составляют железные наконечники стрел. В древнейших напластованиях кремля было обнаружено более 20 наконечников. По классификации А.Ф.Медведева, они относятся к типам 40 (рис.142, 4), 41:2 (рис.142, 8), 43 (рис.142, 12, 14; 157, 18), 52 (рис.142, 1, 3, 4), 63 (рис.142, 5), 69 (рис.142, 11), 84:2 (рис.142, 9; 157, 8), 92:2 (рис.142, 2), 100:2 (рис.142, 13) [540, с.65-67, 69, 74, 77, 82, 84,

86]. Среди наконечников есть также два костяных (рис.142, 7, 10; 161, 1-3), относящихся к пулевидному и усечено-коническому типам. Такие наконечники встречаются чаще всего в домонгольских поселениях [853, с.26, рис.27, 1-10, 12; 378, с.226, 228, рис.99, 1, 2].

Из числа деталей вооружения лучника следует отметить железные петли колчана в виде прямоугольных скобочек с широкими лопастями для крепления к деревянной основе (рис.142, 6; 143а, 31). Идентичные находки обнаружены в болгарских поселениях первой половины домонгольского периода [428, рис.34, 43-48]. К числу предметов второй половины домонгольского времени относятся также железная петля от колчана (рис.143а, 28) и железная накладка с колечком (рис. 143а, 30).

К железным изделиям универсального назначения относятся два железных топора. Один из них (рис.168, 11) был обнаружен Н.Ф.Калининым при раскопках 1929 г. в шурфе у башни Сююмбике и определен А.Х.Халиковым как топор, близкий к I типу новгородских (по классификации Б.А.Колчина), время бытования которых ограничивается серединой XII в. [505, с.25-26]. Другой топор (рис.55, 17; 143а, 36) – проушный узколейзвенный с округлым обухом и ромбическими заостренными щековицами – обнаружен в раскопе VI 1996 г. за пределами укрепленного городища. Период бытования подобных топоров ряд исследователей ограничивает X–XI вв. [209, с.43-44; 428, с.86-87; 643, с.15-16], но некоторые отмечают возможность их бытования до конца XII в. [789, с.40].

В домонгольском слое раскопа V 1977 г. была найдена одношипная конская подкова с четырьмя отверстиями для гвоздей [770, с.102-103, рис.6, 5] с широкой датой бытования [486, с.84, рис.49,1; 854, с.211].

Найденные предметы воинского вооружения и конского снаряжения позволяют говорить о характере поселения и его роли в защите северо-западных рубежей Волжской Булгарии. Это подтверждается и описаниями фортификационных сооружений крепости, постоянно совершенствовавшихся во все периоды их существования.

Интересную группу находок составляют бытовые предметы, часть которых имеет довольно раннюю датировку. Из раскопа I 1978 г. происходит обломок цилиндрического замка и железного ключа к нему [770, с.103, рис.6]. Подобный тип ключа был обнаружен и в раскопе XX 1999 г. (рис.118, 4). По материалам болгарских поселений и типологии ключей Древней Руси можно утверждать, что такие замки бытовали с XII в. в течение последующих двух столетий [858, с.122; 506, с.160, рис.3, тип В]. Привлекает внимание относительно большое количество розовых шиферных пряслиц – 7 экз. (рис. 143а, 32-35; 143б, 17-20; 168, 1, 2). Время их появления на юге Руси и наибольшего распространения на памятниках Восточной Европы падает на X–XII вв., но встречаются они вплоть до монгольского нашествия и даже чуть позднее [428, с.153; 858, с.121]. К числу находок, связанных с торговлей, относится раковина каури, которая, по мнению ряда исследователей, в домонгольский «безмонетный» период с XI в. могла играть роль мелкой разменной единицы [266, с.111-112].

В домонгольском слое постоянно встречаются вещи, не имеющие датирующего значения: глиняные пряслица, железные гвозди, скобы, костяные изделия и пр.

Массовый материал из археологических раскопок представлен многочисленными костными остатками животных [212; 604]. Osteологические находки (263 костных фрагмента) из напластований домонгольского времени свидетельствуют, что проживавшее здесь население употребляло в пищу большое количество говядины и конины (27,8 и 26,6%), хотя в мясном рационе преобладала баранина (44,1%). Среди них нет костей свиньи и диких животных. В сравнении с крупным и хорошо изученным Билярским городищем данные Казанского кремля свидетельствуют об их схожести при определенной специфике. На обоих поселениях преобладает osteологический материал, представленный крупнорогатым скотом и бараниной при незначительном проценте свинины в Биляре. В отличие от Казанского кремля конина в билярских материалах занимает всего 6,2% от общего количества osteологического материала.

ла. Различие, вероятно, объясняется особенностью характера поселений. Крепость на Кремлевском холме в значительной степени была обременена военной функцией, что требовало наличия относительно большого числа лошадей сравнительно других видов животных. Подобное соотношение, возможно, и наложило отпечаток на состав костного материала из домонгольского слоя кремля.

Интерес представляют результаты палинологического изучения проб из культурных напластований кремля, проведенного доцентами кафедры ботаники КГУ В.Т.Шаландиной и К.В.Николаевой [589; 911]. Установлено, что к моменту заселения Кремлевского холма его окрестности были заняты широколиственными лесами, в котором преобладали береза, дуб, вяз и липа, присутствовал орешник. Безлесные участки покрывали разнотравно-злаковые сообщества. Характеристика растительного покрова, по мнению палеоботани-

ков, свидетельствует о похолодании в этот период. На основании шкалы хронологии климатических изменений в голоцене, предложенной В.А.Климовым [490], экстремум похолодания проходил около 1200 лет назад.

С началом освоения Кремлевского холма булгарами специалисты отмечают уменьшение облесенности [589]. Сохранившиеся леса в основном состояли из дуба, вяза и липы с большими площадями злакового разнотравья, в котором преобладает полынь, указывающие на засушливость климата. Сухой и теплый экстремум, по В.А.Климову, наблюдается около 1000 лет назад, что соотносится с археологической датировкой V слоя [490]. Уменьшение облесенности в определенной мере может быть связано с хозяйственным освоением холма с вырубкой леса или его сжиганием, о чем свидетельствует наличие спор Иван-чая, прорастающего повсеместно в пустырях после пожаров.

2. ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ СЛОЙ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XV в.)

В период Золотой Орды был накоплен IV слой стратиграфической шкалы Казанского кремля. Как и древнейший слой, он в значительной степени переработан более поздними сооружениями и сохранился фрагментарно, но достаточно четко выделяется на участках со спокойным залеганием культурных отложений. Грунт состоит, как правило, из бурой плотной супеси с включениями подзола и материкового суглинка; мощность колеблется в пределах 20–60 см.

Представление об особенностях IV слоя дают материалы из отдельных раскопов.

В раскопах I и XVI на территории Пушечного двора [58] слой залегал на глубине 230–240 см от современной поверхности (рис.10). Средняя мощность его около 40–60 см. Слой отличается наличием обломков известнякового камня средних размеров, а также мелких известковых крошек – следов строительной деятельности. В слое встречаются мелкие включения и довольно значительные скопления обожженной глины, иногда с фрагментами глиняной обмазки.

На ряде участков по сохранившейся уличной мостовой удалось выделить два горизонта: нижний (слой IV ранний) и верхний (слой IV поздний).

Тщательные наблюдения при снятии культурных отложений выявили остатки деревянной мостовой шириной около 5 м, вытянутой по линии восток-запад (рис.10). Горизонты мостовой (10–15 см) состоят из темно-серой супеси с прослойками древесного тлена в 2–3 см. Они насыщены большим количеством костей животных и перекрываются прослойками светло-серого ила. Удалось проследить от трех до шести горизонтов (ярусов) мостовой на различных участках, относящихся к III–IV слоям. Ранняя прослойка древесного тлена мостовой лежит в нижних горизонтах IV слоя, верхняя – на границе III и IV слоев. К IV слою относятся три горизонта. Мостовая перекрывает ряд более ранних объектов, связанных с домонгольскими и раннезолотоордынскими слоями.

Аналогичные наблюдения были сделаны в 1995 г. Ф.Ш.Хузиным и Р.Ф.Шарифуллыным

в траншее, вырытой под котлован столовой у северных ворот Юнкерского училища (рис.6, 74). Результаты исследований в более влаготстойком районе под восточным склоном Кремлевского холма (раскоп XIII (рис.86; 89; 90)) позволили определить, что несколько уровней мощения периода Казанского ханства были выложены из коры лиственных деревьев (липы или дуба) [204, с.20-23].

Для определения времени отложения IV слоя имеется значительное количество находок. В нем обнаружена типично золотоордынская (позднебулгарская) керамика, иногда с характерным валиком по горлу у корчаг, тонким резным и мелкогребенчатым орнаментом по плечу [836, с.54 и сл.] (рис.22, 3). Встречены фрагменты поливной кашинной посуды с полихромной (синего, голубого, белого цветов) росписью (рис.146, 7, 12), а также обломки китайского селадона – фарфоровидной керамики с бледной серовато-зеленоватой глазурью (рис.30, 3, 7).

Среди индивидуальных находок следует отметить свинцовую plombу, глиняные пряслица, железный наконечник стрелы и пр. (рис.12-17). На участке И/1 раскопа I обнаружена медная джучидская монета, анонимная, чеканенная в Болгаре в 1280–1300 гг. (определение Д.Г.Мухаметшина).

В раскопе I исследовано 29 объектов IV слоя, которые стратиграфически разделились на три группы (рис.9; 10). Первая группа включает объекты, дневные уровни которых восходили к его основанию: сооружения 4, 5, 12, 15 Д, 23, 24 Б, 26, 33, 35, 37 и яма 16, перекрытые уличной мостовой. Вторую группу составляют объекты, связанные со средним горизонтом слоя – сооружение 36. К завершающему третьему горизонту относятся сооружения 16 А, 19, 27, 29, 31, 15 Ж. Все объекты верхнего слоя располагаются севернее или южнее «уличной» линии А-К/3-5 (рис.10).

Сооружение 4 выявлено после расчистки остатков деревянного настила в виде ямы овальной формы (295 x 180 см) глубиной 90 см. Находки из него включают фрагменты

красноглиняной керамики и сильно корродированные обломки железных предметов. Среди индивидуальных находок имеются глиняное грузило, известняковая плитка с прочерченным знаком, свинцовая plombа* и обломки бронзового колечка.

Сооружение 5 также выявлено под остатками деревянного настила. Яма имела в плане прямоугольную форму (340 x 195 см), отвесные стенки и ровное дно на глубине 140 см от верхнего края. По всему внутреннему периметру отмечена полоса древесного тлена от внутренних конструкций сооружения в виде остатков сруба из горбылей. Находки: керамика, кости животных, сильно ошлакованные железные предметы, крупный кусок железного шлака. Керамика красноглиняная, иногда со следами лощения, характерная для домонгольского периода. В качестве датирующего материала можно указать обломок кашинного сосуда, покрытого поливой голубого и темно-синего цвета, широко бытовавшего в золотоордынских памятниках XIV в.

Яма 12 имела округлую форму (150 x 160 см) с отвесными стенками и ровным дном на глубине 100 см. Находки: гончарная керамика, кости животных, сильно корродированные железные предметы. Керамика в основном красноглиняная, но встречаются и более поздние образцы, попавшие из III–II слоев (яма сильно нарушена в более позднее время). Среди индивидуальных находок имеются фрагмент поливной керамики с голубой и темно-синей росписью, железный бронебойный наконечник стрелы (рис.12, 3), близкий к типу 87 (по А.Ф. Медведеву), бытовавшему в XII–XIV вв.

Сооружение 15 Д выявлено в виде ямы неправильной формы (140 x 90 см) со скошенными стенками и неровным (чашевидным) дном на глубине 97 см от уровня выявления. Находок мало: несколько фрагментов красноглиняной булгарской керамики и кости домашних животных.

Сооружение 15 Ж зафиксировано в виде прямоугольной ямы (320 x 260 см) с отвесными стенками и ровным дном на глубине 74 см от уровня выявления. При зачистке дна

* Уч. В/5, гл. 320, соор. 4, КК.94-И/1159.

удалось проследить плетневую конструкцию вдоль стен ямы, укрепленную с внешней стороны вертикальными столбами по углам и посередине каждой стены. В заполнении обнаружены всего несколько фрагментов болгарской красноглиняной керамики, каменный оселок, сильно корродированный железный предмет, кости домашних животных.

Сооружение 16 А выявилось в виде ямы прямоугольной формы (320 x 200 см). Она имела отвесные стенки и ровное дно на глубине 80 см от уровня выявления (рис.19). При зачистке дна вдоль стенок была прослежена темная гумусированная полоса (с небольшими включениями древесной трухи) шириной 25–27 см – следы нижних венцов деревянного сруба. После выборки этой полосы образовалась канавка глубиной около 20 см от уровня пола. Сооружение представляло собой бревенчатую (срубную) постройку, возможно, подпольную часть жилого дома, функционировавшего в первой половине XV в. При расчистке сооружения обнаружены обломки позднеболгарской глиняной посуды, фрагмент облицовочной плитки с синей поливой, глиняное пряслице, каменное ядро диаметром 9,5 см, кости животных. Среди находок представляет интерес пластинчатый браслет, изготовленный из серебра невысокого качества с большим содержанием олова (рис.15, 3). На нем имеются растительный орнамент и знаки, напоминающие арабскую графику.

Сооружение 19 – яма округлой в плане формы с покатыми стенками и чашевидным дном на глубине 83 см от уровня выявления. В заполнении обнаружены гончарная позднеболгарская керамика и кости животных.

Сооружение 23 оконтурилось в виде ямы подпрямоугольной в плане формы (260 x 160 см). Она имела скошенные стенки и чашевидное дно на глубине 100 см. Находок не обнаружено.

Сооружение 24 Б представляло собой яму овальной в плане формы размерами 170 x 140 см. Ровное дно выявлено на глубине 146 см. В верхней части перекрывается сооружениями 24 А и 15 Б, относящимися к III слою. Находок мало: несколько фрагментов красно-

глиняной керамики и обломок лепного горшка поволжско-финского типа, кости животных.

Сооружение 26 – яма овальной в плане формы (55 x 40 см) с покатыми стенками и чашевидным дном на глубине всего 25 см от уровня выявления. В заполнении обнаружены всего несколько костей животных и камни.

Сооружение 27 в процессе выборки отделилось от более позднего сооружения 24 (III слоя). В плане оно представляло собой яму овальной формы (200 x 180 см) с отвесными стенками и ровным дном на глубине 110 см. В заполнении много древесного тлена и костей животных. Среди находок, кроме обломков красноглиняной посуды, имеется фрагмент кашинной керамики с голубой поливой и два скола каменного жернова. При выборке нижней части заполнения на уровне пола было собрано большое количество обугленных зерен пшеницы. Вероятно, яма служила зернохранилищем.

Сооружение 29 оконтурилось в виде узкого пятна вдоль восточной стенки раскопа, основная часть уходит за его пределы. Глубина в выбранной части около 30 см. В супесчаном заполнении много древесного тлена. Находок нет.

Границы *сооружения 31* определились при зачистке дна сооружения 28 (III слоя) в виде ямы овальной в плане формы (210 x 120 см). Стенки ямы покатые, дно чашевидное на глубине 123 см от верхнего края. Находки немногочисленны: 2 фрагмента кашинной керамики, обломок поливной облицовки голубого цвета, кости животных.

Сооружение 33 первоначально было зафиксировано в виде расплывчатого пятна на площади 310 x 270 см. В процессе выборки определились контуры трех самостоятельных объектов – сооружений 33 А, Б, В и ямки от колышков-столбиков в северной части. Сооружение 33 А представляло собой канавку длиной 205 см, шириной 20–30 см и глубиной до 35 см, вытянутую по линии запад-восток. Сооружение 33 Б – это край ямы в юго-восточном углу раскопа, уходящей за его пределы. Сооружение 33 В – часть небольшой ямы с продолжением в южной стенке раскопа. Конструктивную связь между объек-

тами установить не удалось.

Сооружение 35 попало в раскоп лишь незначительной частью. Стратиграфически восходит к основанию IV слоя.

Сооружение 36 – яма (110 x 45 см) с покатыми стенками, уходящая под стену кирпично-каменного здания. В числе находок имеются железная пряжка и кости животных.

Сооружение 37 обозначилось в виде овальной в плане ямы (150 x 125 см) с внешней стороны кирпично-каменной конструкции. В процессе расчистки внутреннего северного угла было выявлено *сооружение 41* слоя, которое совпадало контурами и заполнением с описываемым сооружением, поэтому не исключено, что они составляют один объект. Их заполнение состояло из бурой гумусированной супеси с подзолистыми включениями. В коллекции находок имеются обломки лепного горшка с грубыми шамотно-известковыми включениями в тесте, фрагмент кашинной облицовки с поливой голубого цвета, железный нож, кости животных.

В северной части раскопа были выявлены ямки, оставшиеся от деревянных столбов. Конструктивной связи между ними установить не удалось.

В примыкающем к раскопу I 1993–1994 гг. раскопе XVI со слоем IV связано пять сооружений, расположенных с южной стороны улицы. Все сооружения, кроме № 7, являются хозяйственными ямами овальной формы.

Сооружение 7 имело прямоугольную форму (248 x 204 см), по периметру прослеживались остатки деревянного сруба из горбылей, опущенного в яму с отвесными стенками и ровным дном на глубине 82 см. В насыпи найдены фрагменты красноглиняной керамики, обломок кашинного сосуда с двухсторонней поливой бирюзового цвета и несколько костей животных. Изученный объект предположительно является хозяйственной постройкой, более усовершенствованной, чем простые ямы.

Результаты исследований этих раскопов дали возможность представить развитие города в эпоху Золотой Орды. Были сделаны интересные наблюдения о характере его социально-исторической топографии. Важным

моментом наших наблюдений является то, что разрыва в отложениях более ранних и более поздних слоев не было зафиксировано и это позволяет говорить о непрерывном и преемственном развитии города с домонгольского времени.

Слои эпохи Золотой Орды были выявлены и в ряде других раскопов, расположенных в центральной части кремля.

Так, в ходе исследований в раскопе II 1995–1997 гг. удалось определить, что в период отложения IV слоя продолжала функционировать в качестве укреплений насыпь домонгольского вала, которая, как показали наблюдения на других раскопах, просуществовала до середины XV в. (рис.6; 68).

Слой на этом раскопе представляет собой желто-серую и бурую плотную супесь с включениями материкового суглинка (рис.35). В нем присутствуют мелкие включения и довольно значительные скопления обожженной глины, иногда с фрагментами глиняной обмазки. Толщина напластований составляет 40–60 см. Залегание IV (золотоордынского) слоя в раскопе соответствует его общей характеристике в стратиграфической шкале кремля.

В слое найдено несколько фрагментов поливной керамики из кашинного теста, обломки селадонного сосуда (рис.149, 6) и джучидские монеты (4 экз.) XIII–XIV вв. Керамический комплекс находит ближайшие аналогии в материалах ниже- и средневожских городов Золотой Орды. К слою IV относятся шесть сооружений и ям с соответствующими находками.

Сооружение 2 А выявилось после выборки постройки 2 (III слоя) в виде ямы подпрямоугольной формы размерами 175 x 150 см. Оно имело заполнение из плотной желто-коричневой, рыжеватой супеси с небольшими включениями древесного тлена. В южной половине среди обломков известняка была обнаружена монета Насир-лид-Дина, перечеканенная в годы правления Мунке-каана (определение Д.Г.Мухаметшина). Других находок не обнаружено. Сооружение имело, скорее всего, хозяйственное назначение.

Сооружение 20 было выявлено в виде углубления со светло-серой золистой супесью в

заполнении с включениями тлена деревянных конструкций, очевидно, связанных с каким-то наземным сооружением, основная часть которого располагалась за пределами раскопа. Среди находок из его заполнения имеется фрагмент венчика сосуда из кашинного теста.

Сооружение 26 – округлая в плане яма (125 x 110 см) с плоским дном на глубине 60 см от верхнего края (-410 см от 0). Заполнение – плотный супесчаный грунт темно-серого цвета, гумусированный, с вкраплениями древесного угля. Ближе ко дну отмечен желтый пестроцвет с подзолом. Находки представлены небольшим количеством костей животных. Стратиграфически и по характеру засыпи отнесено к числу объектов IV слоя.

Сооружение 27 – овальная в плане яма (180 x 140 см) с вертикальными стенками и ровным дном на глубине 130 см от уровня выявления. Заполнение – желто-красный пестроцвет с углистыми включениями. Из первой выборки (запада третьего слоя) происходят кости животных и несколько фрагментов красноглиняной керамики ханского времени. В последующих выборках обнаружены фрагмент кашинной керамики с голубой поливой и обломок гончарной водопроводной трубы, имеющие аналогии в материалах Болгара золотоордынского времени.

Сооружение 29 – небольшая яма округлой в плане формы (70 x 90 см) с чашевидным дном на глубине 40 см. Она была заполнена плотным пестроцветом с включениями подзола и угля, в котором обнаружено несколько костей животных. Стратиграфически увязывается с IV–V слоями.

Сооружение 39. Основная часть объекта, частично уходящая за пределы раскопа, имела округлую форму (350 x 300 см) с максимальной глубиной 185 см от уровня выявления. В засыпи обнаружены обломки гончарной посуды, в том числе один фрагмент с голубой поливой, точильный брусок, глиняное пряслице, железный гвоздь и джучидская монета XIV в.

Сооружение 39 Б, отделившись от общей ямы, приняло овальную в плане форму (220 x 140 см). Имело слегка скошенные стенки и чашевидное дно на глубине 50–60 см от выявлен-

ного уровня. В верхней части отмечен небольшой запад III слоя, где обнаружен обломок каменного ядра. В заполнении IV слоя найдены фрагменты болгарской гончарной посуды.

Сооружение 41 имело круглую в плане форму диаметром 102 см. Завершилось чашевидным дном на глубине 35–40 см. Из засыпи происходят несколько фрагментов болгарской гончарной керамики, обломок каменного ядра и кости животных.

В этом же районе южнее Благовещенского собора располагался *раскоп III 1995 г.* [882, с.28–29]. Содержание грунта и находок IV слоя не отличается от материалов других раскопов. При исследовании слоя и объектов было выявлено фрагменты кашинной поливной керамики и селадона, несколько джучидских монет, обломки болгарской гончарной и лепной поволжско-финской керамики. Со слоем в раскопе связано 11 сооружений, представленных пятью ямами хозяйственного назначения овальной и округлой формы (соор. 17, 21, 26, 28, 33), четырьмя объектами неопределенной формы (соор. 25, 30, 32, 34) и двумя срубными постройками, углубленными в землю (соор. 18 А, 27). Последние представляют собой подпрямоугольные в плане ямы, в которые опущен сруб из горбылей. Пространство между стенками ямы и срубом забутовано материковым суглинком. Эти конструкции являются остатками подпольных хозяйственных ям наземных жилых зданий.

Интересные наблюдения были получены в раскопе XX 1998–1999 гг., где изучены остатки фортификационных сооружений, функционировавших еще с домонгольского времени (рис.98) [665]. Слой IV, в значительной степени переработанный поздними сооружениями (рис.100–104), представляет собой желто-серую плотную супесь с включениями подзола и желтого суглинка. В нем присутствуют куски известнякового камня средних размеров, мелкая известковая крошка и довольно значительные скопления обожженной глины, иногда с фрагментами глиняной обмазки. Мощность его небольшая, в пределах 20–40 см. На ряде участков, особенно в районе каменной мостовой (см. ниже), можно было наблюдать разделение слоя на два горизонта: нижний (IV ранний) и

верхний (IV поздний) (рис.101). Это демонстрируется на примере каменной мостовой (рис.101). Она вытянута вдоль всей восточной стенки раскопа по линии ЮЮЗ-ССВ и примыкает к восточному торцу западного каменного пилона. Ширина мостовой в проезде ворот составляет около 5 м (с учетом расположения восточного пилона, найденного в раскопе 1978 г.) [770, с.92-95]. За пределами проезда мостовая расширяется еще на 1,5 м. Грунт в проезжей части отличен от напластований слоя, накопленного вне мостовой. Он состоит из прослоек серой рыхлой супеси с включениями плоских обтертых сверху известняковых камней, костей животных и с прожилками древесного тлена и ила (рис.101, 104; 113). Лишь один горизонт (ярус) каменной мостовой (мощностью 18 см) увязывается с IV слоем на основании комплекса выявленного материала и соотношения стратиграфии слоев с дневными уровнями сооружений. К IV слою относятся, возможно, и верхняя часть прослойки, отложившейся на каменной мостовой V слоя (см. описание соор. 12 Б). Материалы из слоя представлены десятком фрагментов гончарной керамики, бусиной из темного глухого стекла с белыми выпуклыми глазками (рис.120, 3), фрагментом поливной чаши, обломком железного ножа, штырем, крюком и другими железными предметами и костями животных.

В ходе исследований фортификационных сооружений в этом районе нам не удалось зафиксировать их изменений или перестроек. Использование ранее построенных укреплений с каменными проездными воротами продолжалось и в этот период, что нашло отражение в спокойном характере отложений слоев на участках мостовой, в заполнении рва, а также в планомерном ремонте с внутренней стороны вала подпорных клетей, зафиксированных на небольшом участке с внутренней стороны вала (рис.99 – уч. Г/3, 4). Стратиграфически удалось проследить два ремонтных горизонта углублений канавок, связанных с IV слоем (рис.99 – уч. Г/3). Это говорит о длительном использовании вала в качестве фортификационного сооружения. Аналогичные данные были получены и в результате наблю-

дений в разрезе котлована манежа бывшего Юнкерского училища и в раскопе XLII у бывшего Архиерейского дворца. Наши выводы по наблюдениям совпадают с теми, которые сделал в свое время А.Х.Халиков, определивший хронологические рамки их существования с момента основания города до первой половины XV в. [770, с.95-97].

У рва в этот период сохранялась большая глубина, следов подновления не наблюдалось (рис.100). Стратиграфически фиксируется процесс естественного его заполнения, имеющего мощность от 40-50 см у северного склона и до 80 см в донной части (уч. Б/8-10). В этом заполнении выделяются два горизонта, но определить хронологию их формирования из-за скудости материалов не удастся. Во рву было обнаружено несколько фрагментов болгарской красноглиняной керамики, наконечники стрел (рис.116, 1, 8, 11, 14, 18), конские одношипные подковы и гвозди от них (рис.115), стеклянный шлак.

Стратиграфически со слоем увязан только один объект – *сооружение 17*. Из-за неполного попадания в раскоп его не удалось полностью выявить в плане. Контуры углубления были прослежены в виде ямы с отвесными стенками и ровным дном на глубине 30 см от выявленного уровня. Яма была срезана с северной стороны сооружением 1 (III слоя). Заполнение состояло из серой плотной супеси с прожилками подзола и древесного тлена.

Таким образом, дополнительными исследованиями между Благовещенским собором и зданием Министерства здравоохранения были получены новые сведения о характере освоения этой территории в эпоху Золотой Орды. Следует подчеркнуть особую важность изучения остатков фортификационных сооружений вдоль южной границы поселения и определения характера их функционирования в этот период.

Не менее интересные сведения об укреплениях золотоордынской Казани дали раскопы V, X, XV, XVIII, XIX, XXXIII, расположенные по восточному гребню Кремлевского холма (рис.6) [877]. На некоторых из них фиксировались следы разрушения и ремонта камен-

ной стены в период накопления IV слоя*.

Обратимся к материалам X раскопа [63]. IV слой представлен здесь бурой плотной супесью с включениями материкового суглинка и подзола на глубине 220 см в западной части раскопа и 410 см в восточной мощностью 60 см в восточной и 20–30 см в западной (рис.81). Он был в значительной степени переработан в период Казанского ханства, а на некоторых участках и вовсе уничтожен вместе с домонгольским слоем. Из него происходит более 1000 фрагментов гончарной, несколько фрагментов поливной керамики, селадон, рыболовный крючок, наконечник стрелы и кости животных.

Основным объектом исследований в раскопе являлась каменная стена, существовавшая, как уже отмечалось, с домонгольского времени. На менее потревоженных участках удалось зафиксировать следы перестройки каменной стены в завершении отложений IV слоя в виде прослойки известняковых камней и известкового щебня. Кладка, связанная с этой прослойкой, разрушает нижележащую, более древнюю, на некоторых участках до основания, и отличается от нее приемами кладки. Если более ранняя кладка выложена «всухую», то более поздняя, IV слоя, скреплена известковым раствором**. Стена с небольшими подновлениями продолжала функционировать и в более поздние периоды. Окончательно она прекратила свое существование только в середине XVIII в.

Помимо крепостной стены в раскопе было изучено семь сооружений хозяйственного назначения и десять столбовых ямок.

Сооружение 39 Б – это яма овальной формы (90 x 80 см) с отвесными стенками и чашевидным дном на глубине 38 см от уровня выявления. При выборке заполнения в нижних горизонтах обнаружено около 40 фрагментов красноглиняной керамики в болгарских традициях и кости животных.

Сооружение 40 определилось в виде пятна

прямоугольной формы (280 x 125 см) со следами деревянного сруба из горбылей. В ходе разборки было расчищено углубление сооружения. Оно имело отвесные стенки и ровное дно на глубине 190 см от края. Внутри сруба заполнение состояло из бурой плотной пестроцветной супеси с прожилками материкового суглинка. На уровне дна фиксировались следы древесного тлена, являющегося, возможно, остатками настила пола. В сооружении было найдено несколько костей животных.

Сооружение 45 – яма округлой формы (390 x 260 см) с покатыми стенками и ровным дном на глубине 61 см от края. Из верхней части заполнения происходит более 10 фрагментов красноглиняной керамики. В нижних прослойках материал практически отсутствовал, за исключением костей животных и кусков глиняной обмазки.

Остальные сооружения 2, 8, 9, 55 представляют собой округлые в плане ямы хозяйственного назначения с небольшим комплексом вещевого материала. Столбовые ямки, выявленные в данном слое, имеют округлую в плане форму (20–30 см) с небольшим углублением (15–30 см). Весь комплекс сооружений свидетельствует о незначительной освоенности северо-восточной части кремля в период отложения IV слоя, что определено связано с функционированием здесь фортификационных сооружений.

Некоторые важные наблюдения, касающиеся истории фортификации золотоордынской Казани, были сделаны при исследовании руин каменной стены в северо-восточной части кремля (раскоп XVIII, XIX) [204, с.12–18]. Как было сказано выше, строительство этой стены Ф.Ш.Хузин относит ко второй половине домонгольского периода. В указанных раскопах удалось впервые проследить следы ее разрушения в раннезолотоордынское время в виде скопления камней в завершении V и основании IV слоев (рис.94; 97). Кроме того, среди камней, лежащих на склоне холма рядом со

* По результатам исследований 2003 г. на южном склоне слой обрушения стен перекрывается напластованиями эпохи Казанского ханства.

** На эти признаки наше внимание обратили проф. А.Н.Кирпичников (С.Петербург) и доктор архитектуры С.С.Айдаров (Казань), которым я весьма признателен.

стеной, найдены фрагменты болгарской керамики, характерной, по определению Т.А.Хлебниковой, для позднедомонгольского и, может быть, раннезолотоордынского времени. От стены сохранилось только ее основание и поэтому по технике кладки четко выделить отдельные строительные периоды затруднительно. Можно лишь отметить различный состав связующего раствора (глинистый, глинисто-известковый и известковый) на отдельных участках кладки. Это говорит о том, что укрепления, построенные в домонгольское время, продолжали использоваться и в золотоордынское время. Южная линия укреплений (см. раскоп XX) сохранилась и продолжала функционировать с небольшими подновлениями. Каменная стена вдоль восточного склона, как отмечают исследователи раскопов XVIII, XIX, XXXIII, была разрушена или обрушилась из-за ветхости, возможно, в конце золотоордынского периода и позднее отстроена заново.

Изучение районов, прилегающих к укреплениям, дало возможность создать представление о развитии внутренней планировки города в рассматриваемый период. В раскопе IX 1997 г. золотоордынский слой очень сильно разрушен в период Казанского ханства [62]. В большей мере он сохранился только в углублениях ям. Исследуемая территория в период отложения IV слоя была активно освоена, о чем говорит большое количество сооружений. На основании находок, а на ряде участков и стратиграфических наблюдений, со слоем удалось увязать 15 сооружений, представленных овальными и округлыми хозяйственными ямами (соор. 12 В, Е, Ж, 14, 19, 20, 21, 23, 30, 33, 38, 47, 50, 52, 53, 54), а также 9 столбовых ямок (№ 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45).

Необходимо обратить внимание на то, что на исследованном участке, как и в Пушечном дворе (раскоп I 1994–1995 гг.), а также в западной половине раскопа XXXIV, были зафиксированы связанные со слоем остатки уличных деревянных мостовых (рис.9; 10) [204, с.8-11]. Ширина проезда составляет чуть более 4,5 м. Первая прослойка древес-

ного тлена от мостовой соответствует нижним горизонтам IV слоя. В общей сложности в этом слое выделяется два или три горизонта (яруса). Все объекты располагаются вдоль уличной мостовой.

В раскопе XI (у апсид Благовещенского собора) мощность IV слоя колебалась в пределах 27–52 см [64; 672]. Он состоял из серой плотной и бурой рыхлой пестроцветной супеси. В ходе исследований в нем было найдено более 20 фрагментов позднеболгарской керамики XIII–XIV вв., развал кумгана и кости животных. Объектов, связанных со слоем, не выявлено.

В раскопе XII, расположенном южнее Тайницкой башни, V и IV слои не удалось четко разделить друг от друга из-за небольшого количества находок и объектов. Слой мощностью до 20 см сохранился в основном в восточной части раскопа и представлен двумя горизонтами. Они с известной долей осторожности определены как слои, отложившиеся в домонгольский и золотоордынский период существования поселения на северной оконечности Кремлевского холма. Полученные материалы позволяют говорить о слабой освоенности этого района.

В раскопе XIII у восточной подошвы Кремлевского холма из-за сильной переработанности грунта отложения IV слоя удалось выявить лишь на отдельных участках [863; 204, с.20-23]. К находкам золотоордынского времени, кроме обломков гончарной посуды, относятся остатки сильно корродированного бронзового зеркала (рис.160, 17). Найдено пять фрагментов поливной кашинной керамики XIII–XIV вв. Из слоя происходит также «трехпалая» ручка сосуда*, широко распространенная, по наблюдениям Т.А.Хлебниковой, только в золотоордынское время.

В раскопах XXII, XXXII, XXXIII, расположенных в центральной части кремля к югу от Губернаторского дворца, культурные слои были срезаны почти до материка в середине XIX в. [204, с.12-15]. Не были выявлены слои и в южной части Кремлевского холма (к югу от Тезицкого оврага, см. раскопы VI, VII, XVII,

* «Трехпалая» ручка сосуда, уч. Г/10, гл. 180 см, КК.98-XIII/197.

XVII а) [50-53; 701], а также в его северной оконечности у Воскресенской башни (раскоп IV) [55; 883], хотя во всех были обнаружены единичные материалы XIII–XIV вв.

Характеризуя слой в целом, надо отметить, что в его отложениях не фиксируются значительные выбросы, связанные с активным строительством, нет и следов обширных пожаров. Это позволяет говорить, что город в этот период развивался в пределах территории домонгольского города без значительных потрясений. Рост Казани проходил в прилегающих к Кремлевскому холму районах, в более удобных для ремесленного производства и торговли, что видно по раскопам, расположенным на холме восточнее кремля (раскопы XXVI, XXVII, XXVIII).

Слабый по мощности IV слой в значительной мере был потревожен в период Казанского ханства, когда происходили большие перемещения грунта в связи с интенсивным развитием города. На некоторых участках Кремлевского холма слои ханской Казани перерабатывают культурные напластования до материка, что лишает возможности целостно понять процесс формирования IV слоя.

Хронология IV слоя. Материалы, связанные с золотоордынским временем существования города, обнаружены в относительно небольшом количестве, как и домонгольские, причем часть из них оказалась в слое Казанского ханства и даже в более поздних отложениях. Основным критерием выделения IV слоя, помимо особенностей грунта, служат, тем не менее, характерные для этого периода находки, в том числе и хорошо датирующие.

Массовый материал из IV слоя отличается от находок из других слоев. Керамическая посуда представлена фрагментами гончарных сосудов. Этот комплекс находит ближайшие аналогии, как уже отмечалось, в материалах ниже- и средневожских городов эпохи Золотой Орды [749, с.91].

В круговой гончарной керамике преобладают две большие группы. Одна из них – керамика в болгарских традициях в развитие общевосточной, хорошо известная по археологическим памятникам X–XIV вв. (рис.22; 23; 56; 57; 71). Она представлена мелкопесочной хорошо

обожженной красноглиняной керамикой с более редким и узким лощением, чем домонгольско-болгарская, а также с многозонным частым орнаментом в виде волны и пояса резных линий. Наиболее многочисленной формой сосудов являются кувшины (рис.22; 56; 71, 2, 5, 7). Кроме них встречаются кумганы, горшки, корчаги, блюда и др. Часть подобной посуды, по мнению Т.А.Хлебниковой, продолжает свое развитие в более поздней «казанской» и т.н. «татарско-русской» керамике, сохраняя свои традиционные черты даже в керамике русского периода [838, с.13-14, 147]. Датирующее значение в этой группе представляют собой ручки глиняных сосудов, так называемые «трехпалые». Как отмечает Т.А.Хлебникова, ручки такой формы были характерны для сосудов XIX этнокультурной группы, появившейся в болгарских памятниках не раньше золотоордынского времени [838, с.129-130].

Не менее характерным для второй половины XIII–XIV вв. являются фрагменты красноглиняных сфероконусов [838, с.92-94]. Впервые они были обнаружены еще в XIX в. при постройке фундаментов зданий Юнкерского училища [767, с.112]. В сохранившихся коллекциях они представлены несколькими фрагментами и одним целым сосудом. Фрагменты сфероконусов были найдены и в раскопах Н.Ф.Калинина; один из них имел поверхность с темно-зеленой поливой [788, с.69]. В небольшом количестве фрагменты сфероконусов встречались и в раскопах 1990-х годов (рис.71, 4).

Вторая количественно заметная группа керамики из этого слоя – так называемая «казанская» (по терминологии Т.А.Хлебниковой), близкая к позднеболгарской керамике и посуде золотоордынских памятников Нижнего Поволжья [500, с.18; 838, с.99-100; 316]. Она гончарная с включением большого количества песка в тесте, окислительного обжига с хорошим прокалом (рис.24; 58; 72). Эта группа керамики представлена кувшинами, горшками, чашами, мисками. Преобладающей формой являются кувшинообразные сосуды, преимущественно без лощения, а иногда с очень тонким и редким вертикальным лощением, с характерным многозонным резным орнаментом (рис.58, 2, 4-6).

Помимо фрагментов посуды укажем несколько обломков труб с признаками муфт, которые связаны с функционированием водопроводных и отопительных систем [56, рис.23, 13]. Характеризуя эти группы в целом, следует отметить, что они имеют корни в традиционном болгарском керамическом производстве, сформировавшемся в домонгольский период [500, с.18-19; 834]. Данный материал еще раз иллюстрирует культурную преемственность населения, проживавшего на Кремлевском холме.

В слое присутствует незначительный процент русской белоглиняной (рис.26, 6), песочно-дресвяной керамики (рис. 31, 3). Хронологические рамки бытования аналогичной керамики для русских памятников – XIII–XVI вв. [231, с.18; 237, с.38; 275; 297, с.119-120; 299; 893]. В керамическом комплексе из IV слоя имеется также небольшое количество лепной посуды местного поволжско-финского населения, состоящей из широкодонных горшков из грубого теста с включением шамота и известняка (рис.33, 6). Временные рамки для этой посуды имеют большой диапазон, начиная с раннего средневековья до нового времени [838, с.33]. Наличие подобных типов керамики говорит о присутствии на территории города в этот период местного финского (черемисского) населения и об усилении контактов с русскими княжествами.

Характерной особенностью слоя и связанных с ним объектов, является наличие в них золотоордынской поливной керамики из кашинного теста с полихромной (синего, голубого, белого цветов) росписью (более 40 фрагментов) (рис.146; 147) и обломков селадонных чаш светло-зеленого цвета (около 20 фрагментов) (рис.149, 1-7). Такие находки известны также по раскопам наших предшественников [5, с.222-257; 788, с.321-333]. Аналогии им в большом количестве встречаются в IV (золотоордынском) слое Болгарского городища [838, с.68] и других золотоордынских городах [252]. В числе привозных керамических сосудов, датируемых XIII–XIV вв., можно назвать сероглиняную штампованную керамику с тонким растительным орнаментом, известную также по раскопам Н.Ф.Калинина 1953 г. [788, с.329].

Она имеет среднеазиатское (хорезмское) происхождение и датируется XIII–XIV вв. [788, с.329]. В верхних горизонтах IV слоя появляется, правда, пока в небольшом количестве, белоглиняная керамика с рельефным орнаментом зеленой или коричневой поливой (рис.151-153), а также плотная красноглиняная керамика с голубой поливой (рис.148).

В ходе предшествующих и наших исследований было обнаружено значительное количество предметов вооружения, конского снаряжения и повседневного быта, относящихся к золотоордынскому времени.

Из золотоордынского слоя происходит более 10 железных наконечников стрел, представленные несколькими типами: 40 (рис.116, 11, 18; 157), 49 (рис.12, 5), 66 (рис.55, 2), 97:3 (рис.116, 19), по А.Ф.Медведеву [540, с.64-65, 69, 75, 85]. Хронологические рамки их бытования определяются в большинстве случаев широко – с X по XIV вв. Они характерны для памятников Золотой Орды [751, рис.5, 24; 553, с.16]. Со стрельбой из лука связано и два костяных кольца, которые использовались для предохранения пальцев от удара тетивы при стрельбе из лука (рис.79, 5; 161, 10) [752, с.225]. Вероятно, к числу вооружений относится полое костяное изделие с двумя небольшими отверстиями в верхней части (рис.161, 27).

С предметами вооружения ближнего боя связаны и перекрестия сабель. В ходе исследований в районе вала было найдено перекрестие [тип III по Кирпичникову – 485, с.71.] (рис.116, 21), которое по аналогиям из древностей Булгара и древнерусских памятников датируется XIII–XV вв. [853, с.177-178, табл. LIX, 6].

Остатки конского снаряжения представлены серией железных предметов с широкой датой XI–XVI вв.: одношпные подковы с четырьмя отверстиями для гвоздей, пряжки, гвозди от подков и пр., встречающиеся на многих болгарских памятниках [486, с.84, рис.49, 1; 854, с.211].

Среди предметов туалета имеются обломки бронзовых зеркал (рис.77, 12; 160, 17, 18, 19). Все они сильно корродированны. По характерному вертикальному бортику одно из них (рис.116, 10) можно отнести к типу

В-II-14 по классификации Г.Ф.Поляковой [619, с.232, рис.74, 5]. На обратной его стороне имеется изображение журавлей (лебедей?). Аналогии подобным зеркалам есть в материалах нижеволжских городов Золотой Орды, а также г. Болгара [749, с.82].

К бытовым предметам относятся железные гвозди, ножи, скобы [643, с.17-39] и др., а также предметы из кости и камня – шашечки, оселки, жернова [378, с.221-233]. Большая часть вещей этой группы имеет широкий диапазон бытования.

Среди изделий золотоордынского слоя имеется и медный подсвечник (рис.160, 20). Он имеет аналогии среди находок из памятников XIII–XV вв. [752, с.226-227].

К промысловым предметам относятся железные рыболовные крючки двух типов. Тип А [643, с.19-21] – одноконечные крючки без петли для крепления лески (рис.82, 8; 125, 21). Второй тип происходит из смешанного III–IV слоя. Он сопоставим с типом Б (по Л.Л.Савченковой) – четырехконечный типа «якорь» (рис.77, 14). Эти типы имеют довольно широкую дату: судя по материалам г. Булгара [643, с.19-20] и г. Изборска они бытовали в XIII–XV вв. [201, с.77].

Женские украшения из золотоордынского

слоя представлены небольшим количеством находок. В их числе можно назвать, в частности, пластинчатый серебряный браслет со стилизованными под арабские надписи рисунками, геометрическим рисунком по поверхности и S-образным рисунком на концах (рис.15, 3).

Уникальной находкой является медный мошечник с рельефным библейским сюжетом – введения Христа во храм (рис.15, 5; 160, 15), датированный М.В.Седовой началом XIV в. В числе предметов культа имеется также энколпион, датированный М.В.Седовой рубежом XIII–XIV вв. (рис.160, 16).

Важно отметить, что с IV слоем связано нахождение небольшого количества фрагментов поливной облицовочной плитки (рис.154). Они имеют голубую, ультрамариновую поливу на кашине. Такие находки есть в нижеволжских городах Золотой Орды и в Булгаре [751, с.96, 105, 118].

Изредка в раскопах встречаются джучидские монеты XIII–XIV вв. Они известны по монетнымкладам, найденным в кремле во второй половине XIX – начале XX в. [17, л.5-7]. В ходе последних исследований было обнаружено 8 экземпляров джучидских монет (определение Д.Г.Мухамедшина, А.С.Пачкалова)* (см. табл. ниже).

	Описание монет	Местонахождение	Металл	Колл. номер
1.	Золотая Орда, пул, анонимная, Болгар 1280–1300 гг.	раскоп I, кв. И/1, зачистка стенки, сл. IV	медь	К.К.95-I/852
2.	Золотая Орда, пул, анонимная, Болгар 1280–1300 гг.	раскоп II, соор. 15, глубина 460 см, сл. III–IV	медь	К.К.95-II/141
3.	Золотая Орда, дирхем, анонимная, Болгар 80-е г. XIII в.	раскоп II, соор. 1, глубина 420 см.	серебро	К.К.95-II/256
4.	Золотая Орда, пул, Менгу-Каан, Болгар 1250 г.	раскоп II, кв. К/19, шт. 23	медь	К.К.95-II/824
5.	Золотая Орда, дирхем, Даулет-Берди, Хаджи-Тархан, 1420 г.	раскоп III, кв. И/7, гл. 155 см	серебро	К.К.95-III/1460
6.	Золотая Орда, пул, Менгу-Каан, Болгар, 1250 г.	раскоп III, соор. 28, гл. 300 см.	медь	К.К.95-III/1693
7.	Золотая Орда, пул, Джанибек, Сарай ал Джедид (двухглавый орел), XIV в.	Р-II, соор.39, шт.14, выб.2	медь	Без номера
8.	Золотая Орда, пул, Хизр-хан, 1361–62, Гюлистан	Р-II, уч.Н/12, гл.270 см	медь	Без номера

* В результате исследований последних лет накоплен материал золотоордынского времени и за пределами кремля. Медный пул хана Хызыра 1361 г. (определение А.И.Булыгина) обнаружен, в частности, на территории КГУ в раскопе 2001 г.

Костные остатки из напластований IV слоя повторяют по своему составу и процентному соотношению характеристику остеологического материала из отложений домонгольского времени [212]. В числе небольших отличий аналитики указывают наличие костей свиньи, верблюда, а также собаки и кошки. Наличие костей свиньи и верблюда является ярким свидетельством присутствия в городе населения, отличного от болгаро-мусульманского, и усиления контактов с другими регионами, в частности, с южными районами, русскими княжествами.

Как показал спорово-пыльцевой анализ образцов из IV слоя, растительный покров на территории Кремлевского холма в золотоордынский период претерпевает определенные изменения: формируются сосново-широколиственные леса при влажном и прохладном климате [589]. Сохраняются, конечно, и широколиственные леса. Подобная характеристика растительного покрова хронологически

соответствует интервалу экстремума похолодания, отмеченного около 700 лет назад, т.е. приходится на период между второй половиной XIII – первой половиной XIV в., что дополнительно подтверждает датировку слоя.

Обобщая материалы IV слоя, надо отметить, что они очень близки к материалам многих золотоордынских поселений Среднего и Нижнего Поволжья. Хронологические рамки отложения IV слоя определяются эпохой Золотой Орды (вторая половина XIII – первая половина XV в.). IV слой имеет свою специфику, обусловленную особенностями отложения грунта, размещением объектов и находками. Это позволяет, несмотря на большую разрушенность слоя, отделить его от отложений домонгольского и ханского времени. Важным моментом является преемственность IV слоя с более ранним поселением и отсутствие в нем следов перерыва в накоплении напластований, что уже отмечалось предшествующими исследователями.

3. СЛОЙ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА В КУЛЬТУРНЫХ ОТЛОЖЕНИЯХ КРЕМЛЯ

Значительные изменения в истории Казанского кремля происходят с середины XV в., когда город приобретает статус столицы Казанского ханства. Из небольшого городка Казань с резиденцией в кремле хана правителя превращается в крупный центр обширного региона. Это наложило определенную специфику на процесс формирования культурного слоя и нашло отражение в характере и размещении культурных напластований, относящихся к этому периоду.

С периодом отложения напластований Казанского ханства связан III слой, расположенный на IV слое и разграниченный со вышележащим II слоем углистой прослойкой пожара 1552 г. Средняя мощность составляет 70–80 см, уменьшаясь в южной, менее освоенной части поселения до 20–30 см.

С ханским временем увязывается большое количество строительных горизонтов различных объектов, фиксируемых на всей площади современного кремля. Подобная активность в застройке приводила к разрушению более ранних напластований и включению

в горизонты слоя значительного объема материкового грунта.

Исследования в центральной части кремля были осуществлены раскопом I 1994–1995 гг. [58]. Первые объекты в слое, накопленном в период ханства, начали выявляться на глубине 180–190 см от современной поверхности при общей мощности культурного слоя более 300 см (рис. 8). Вне объектов толщина самого III слоя достигала 80–100 см. Напластования слоя состояли из плотной бурокоричневой пестроцветной супеси с включениями угля, древесного тлена, известняковых камней, обломков кирпичей. Линзы желтого суглинка, имеющиеся в слое, – это выбросы из ямных сооружений и котлованов жилищ, а несколько углистых прослоек в разных горизонтах связаны с пожарами.

Один из интереснейших объектов на I раскопе – *следы настила мостовой улицы* шириной около 4–5 м дошли до нас в виде древесной трухи, выявленной на участках А-К/3–5 на глубине -200 см от 0 (рис.8; 10). Зафиксировано четыре прослойки спрессованного древес-

ного тлена, относящиеся к разным строительным горизонтам III слоя (рис.10). Пространство между прослойками обильно насыщено костями животных. Каждый из горизонтов состоит из темно-серого плотного супесчаного грунта с чередующимися тонкими прослойками древесного тлена, светло-серой массы мелкого речного песка. Следует заметить, что на некоторых участках такой характер грунта прослежен и в основании II слоя. Особенностью этих участков является полное отсутствие на них построек, хронологически связанных с периодом Казанского ханства, за исключением нескольких ямных сооружений раннего горизонта. Аналогичные наблюдения были сделаны Ф.Ш.Хузиным и Р.Ф.Шарифуллиным в профиле стенки котлована фундамента столовой в 1995 г. Здесь выявлены плохо сохранившиеся следы мощеной деревянным настилом улицы, упомянутой в «Писцовой книге города Казани 1565–1568 гг.» под названием «Переулк против Благовещения», т.е. Благовещенского собора [24, с.8]. В ходе раскопок 1995 г. были обнаружены остатки нескольких уличных мостовых периода Казанского ханства в раскопах IX, XIII, XX, XXXIV. В средневековые улицы с деревянной мостовой были нередким явлением. Они, например, обнаружены при раскопках Болгарского городища [837, с.70], Чебоксар [516, с.63] и многих древнерусских городов [201, с.16; 334, с.94-95].

В раскопе было обнаружено более трех десятков объектов, связанных с III слоем (рис.8; 10; 11). Выделяются четыре строительных горизонта, свидетельствующие о высокой интенсивности жизни в тот период. К самому завершению слоя (1 строительный период) относятся сооружения 2, 3, 9, 10, 15, 153. Все они были уничтожены пожаром 1552 г. К верхней части слоя (2 строительный период) восходят дневные уровни сооружений 9 А, 13, 14, 15 А и др., часть которых перекрыта объектами более позднего периода. К 3 строительному периоду слоя можно отнести сооружения 15 Б, Г, Е, 24 А, 28. С основанием слоя (4 строительный период) связаны сооружения 30, 38 и яма 16, перекрытые более поздними объектами.

Остановимся более подробно на характе-

ристике сооружений и определении их относительной хронологии. Ряд объектов *первого строительного периода* были зафиксированы в виде беспорядочно лежащих обугленных бревен и скопления древесного тлена, не связанных между собой конструктивно. Так, на глубине 280-290 см от современной поверхности в южной половине раскопа 1994 г. начали выявляться деревянные конструкции, стратиграфически связанные с III слоем (рис.13). На участках А-Д/4-5 они сохранились в виде древесного тлена толщиной 2-3 см от горизонтально лежавших досок, направленных с запада на восток, а между сооружениями 2 и 3 (уч. В/5-7) доски лежали по направлению север-юг. На участках Д/4, Г/5, Б/5-6 и Д/7 отмечались пятна прокала, в районе которого эти конструкции имели следы обугленности. Назначение этих конструкций трудно определить. Скорее всего, они связаны с разрушением наземных конструкций жилищ в 1552 г., в качестве подполий которых выступали сооружения 2, 3.

Сооружение 2 было выявлено после снятия слоя пожарища 1552 г. в виде подпрямоугольного в плане пятна (360 x 240 см). Западной половиной сооружение уходит за пределы раскопа. После выборки оно имело вид ямы с отвесными стенками, укрепленными срубом из толстых горбылей шириной 18–22 см и ровным дном, углубленным на 85 см от выявленного уровня. Пространство между стенками ямы-котлована и срубом было забутовано почти стерильным желто-красным суглинком. На дне выявился деревянный пол из досок, положенных по направлению север-юг на двух поперечных брусках с расстоянием 140 см друг от друга. Деревянный пол покоился на материке. Перед нами, очевидно, подпольная часть жилого или хозяйственного сооружения. Возможно, вышеупомянутые деревянные конструкции на участках А, Б/4, В/4-7 связаны с верхними частями этой постройки.

В рыхлом супесчаном, сильно гумусированном заполнении обнаружены фрагменты красноглиняной посуды периода Казанского ханства, несколько обломков русской керамики, в том числе белоглиняной, и обло-

мок лепного горшка из грубого теста с включениями известковой крошки (поволжско-финская керамика). Следует отметить также фрагменты поливной кашинной чаши синеголубого цвета, сильно корродированные предметы из железа и меди. Интересны находки яичной скорлупы, обнаруженные в слое ближе ко дну постройки.

По данным стратиграфии время функционирования данного сооружения, уничтоженного пожаром 1552 г., можно датировать второй четвертью XVI в.

Сооружение 3, синхронное по времени вышеописанному, четко выявилось на глубине 280 см от современной поверхности в виде пятна размерами 340 x 300 см прямоугольной в плане формы. По периметру пятна отмечена суглинистая полоса с древесным тленом, в центре – небольшое скопление извести. В сохранившемся виде сооружение представляло собой яму-котлован с отвесными стенками и ровным дном на глубине 150 см, слегка наклоненным в юго-восточную сторону. В яме хорошо прослеживались остатки сруба (240 x 220 см) из толстых, до 10-15 см, горбылей шириной 20-25 см. Как и в предыдущем сооружении 2, пространство между срубом и земляными стенками котлована было забутовано стерильной материковой глиной.

В пестроцветном заполнении ямы, особенно ближе к дну, отмечены известняковые камни. Находки представлены фрагментами глиняных сосудов ханского времени. Имеются также более ранние образцы посуды, вероятно, даже домонгольского времени. Последние попали, несомненно, из объектов нижележащих слоев. Среди прочих находок имеются три диска каменных жерновов (один из них в обломках), кости животных и рыб.

Близким сооружению 3 по времени является *сооружение 9* – яма прямоугольной в плане формы (420 x 230 см) с отвесными стенками и ровным дном со следами деревянного настила на глубине 60 см. В яме были зафиксированы остатки сруба размерами 330 x 215 см (далее следы сруба уходили за пределы раскопа), сложенного из горбылей толщиной 5–6 см. Пространство между срубом и земляными стенками ямы утрам-

бовано светло-бурой пестроцветной супесью. Заполнение внутри сруба состояло из темно-серой пестроцветной супеси с обильным содержанием древесного угля (развал кровли?). При выборке были отмечены участки прокала и большое скопление обугленных зерен пшеницы (прослойка зерен толщиной до 10 см на всей площади). Найдены фрагменты шерстяной и льняной ткани, кусочки войлока. В коллекции находок имеются фрагменты красноглиняной керамики, железные кольцо, пряжка, шилообразный предмет, сильно корродированный топор, точильный камень. В числе редких предметов вооружения следует отметить глиняное зажигательное ядро диаметром 9 см со сквозными отверстиями и полое внутри (рис.153, 27), в результате попадания которого постройка, видимо, и сгорела. Из предметов с невыясненным функциональным назначением представляют интерес два каменных изделия. Один из них (рис.162, 2) имеет вид хорошо обработанного, тщательно отшлифованного диска диаметром 25,5 см и толщиной 14 см с небольшим углублением с обеих сторон; на одной стороне изображен знак в виде трезубца. Другой экземпляр также дискообразной формы размерами 25 см в диаметре и 18 см в высоту обработан небрежно. Вес каждого камня около 10 кг. Эти предметы могли использоваться в качестве своеобразных гирь при взвешивании товаров.

В сооружении 9 были обнаружены также немногочисленные обломки сероглиняной керамики более позднего происхождения, попавшие в результате значительного запáда в центральную часть сооружения грунта II слоя. Обилие древесного угля в заполнении, несомненно, связано с пожаром 1552 г. В функциональном отношении сооружение, возможно, являлось житницей, о чем свидетельствует большое количество зерна в заполнении, или же жилищем наземного типа с подпольной хозяйственной частью.

Стратиграфически оно, как было уже отмечено, перекрывалось пожаром 1552 г. и, в свою очередь, разрушало более раннее сооружение 9 А, относящееся к второму строительному периоду (рис.10 – уч. К/2, 3).

Сооружение 10 выявлено на уровне -184 от 0 в виде обугленных бревен, лежащих по линии восток-запад и уходящих далее в восточную стенку раскопа. 8 бревен диаметром 10–15 см располагались параллельно друг к другу и занимали площадь 100 x 130 см. Здесь отмечено большое количество древесного угля, золы, прокаленной глины с находками красноглиняной болгаро-татарской керамики, обнаружены железный пробой, медная пластина с заклепкой (возможно, от металлического сосуда) и кости животных.

Сооружение связано с завершением III (рис. 10 – уч. К/5) и основанием II слоя, чем и объясняется наличие среди находок единичных фрагментов серой русской керамики. Функциональное назначение сооружения не установлено, не исключено, однако, что оно является остатками какой-то наземной бревенчатой постройки, погибшей в пожаре 1552 г.

В южной части раскопа на участках 3, И, К/5-8 изучена серия сооружений 15, 15 А-3, относящихся к разным слоям болгаро-татарского времени, отложившимся до русской колонизации (рис. 8; 10 – уч. К/5-8). Все они выявились в процессе разборки сооружения 15 и были определены первоначально как его подпольная часть. В результате тщательных наблюдений удалось разграничить последовательность выявленных объектов и определить время их функционирования относительно друг друга. Сооружения 15, 15 А-Г, 15 Е, 15З были отнесены к III слою, сооружение 15 Д – к IV слою и сооружение 15 В – к V слою. Большое количество выявленных на небольшом участке объектов свидетельствует об интенсивности строительства и территориальной преемственности этих построек в продолжение длительного времени.

Сооружение 15, связанное с первым строительным периодом, было выявлено после зачистки на уровне -195 от 0 под слоем пожара 1552 г. Первоначально оно фиксировалось в виде прямоугольного пятна размерами 350 x 375 см, уходящего восточной половиной за пределы раскопа. Выборка пятна обнаружила яму с отвесными стенками, укрепленными деревянным срубом из горбылей размерами 300 x 250 см (с продолже-

нием в восточной стенке) и ровным дном. Пространство между земляными стенками ямы и срубом было утрамбовано темно-коричневым плотным грунтом с включениями культурных остатков (керамика, кости). Эта забутовка, как и в других сооружениях с подобной конструкцией, играла роль гидроизоляции деревянного сруба. На дне сооружения прослежены обугленные, или же в виде тлена, остатки деревянного настила-пола. Заполнение в нижней части и по краям представляло собой плотную коричневую супесь со значительными включениями угля, обгорелых зерен пшеницы, связанных с периодом разрушения сооружения в 1552 г. Подавляющее большинство керамического материала представлено фрагментами красноглиняной болгаро-татарской керамики. Верхние пласты заполнения в центральной части составила темно-серая менее плотная песчаноцветная супесь с мелкими включениями угля и известковой крошки – запад грунта II слоя. Керамический материал из него включает обломки русской сероглиняной посуды.

В центральной части сооружения, ближе к дну, были отмечены два больших прокаленных пятна с находками обломков кирпичей и кусков глиняной обмазки в виде «плиток». Возможно, это остатки разрушенной печи.

Время функционирования сооружения 15 синхронно с вышеописанным сооружением 9; они схожи и по конструкции и, стало быть, по назначению. Это – остатки либо хлебного амбара, либо подполья жилого дома.

Сооружение 15 З, стратиграфически относящееся к завершению III слоя, определилось на уровне -199 от 0 в виде обугленных бревен диаметром 20–25 см, расположенных вдоль южной и западной стенок сооружения 15.

Бревна у западной стенки сооружения лежат в основном по направлению север-юг, иногда в два слоя. Первый слой выявлен на участках 3, И/7 в виде настила из 8 рядов бревен длиной около 100-105 см. С западного края посередине они перекрыты перпендикулярно положенным бревном. Второй слой на этом участке выявился на отметке -216 от 0; бревна длиной около 160 см были уложены в 6 рядов. Они были сильно

обуглены и прерывались участками пепла и прокала. Северный конец конструкции перекрывает перпендикулярно положенное бревно длиной 100 см.

Бревна длиной до 210 см, расположенные по линии восток-запад, расчищены у южной стенки сооружения 15 на уровне -210, -239 от 0. Эта часть конструкции включает в себя 8 параллельно уложенных, сильно обугленных бревен, не полностью попавших в раскоп.

При разборке этих конструкций было найдено всего несколько фрагментов «русско-татарской» (по определению Т.А.Хлебниковой) керамики и костей животных.

Назначение изученной конструкции не определено. Важно отметить то, что обугленные остатки сооружения перекрывали кирпичную часть сооружения 14 (третьего строительного периода). Возможно, описываемое сооружение является остатками наземных конструкций, связанных с сооружением 15.

С первым строительным горизонтом связано и *сооружение 13* (печь), хорошо оконтурившееся в виде пятна подпрямоугольной формы размерами 170 x 146 см, вытянутого по линии запад-восток (рис.8). Удалось зафиксировать и остатки свода печки и ее под, выложенный из половинок кирпичей. Форму и размеры ее определить не удалось. Высота сооружения в сохранившемся виде не превышала 60 см. Основание печи покоилось на бревенчатой конструкции в виде деревянных брусьев диаметром 7–8 см, а также известняковых камней. Связь изученного объекта с какой-либо постройкой жилого характера не установлена.

Были обнаружены следующие находки: глиняное грузило, развал чугунного котла из 6 обломков, каменный оселок, железное ядро, сильно корродированный предмет из меди. Керамический материал представлен фрагментами красноглиняной болгаро-татарской и несколькими обломками серой русской посуды. Присутствие последних, также как и железного ядра, объясняется стратиграфическим положением объекта на границе III-II слоев и западом из II слоя.

Со вторым строительным периодом связано *сооружение 9 А*, выявленное при зачис-

тке дна сооружения 9. Оно имело прямоугольную форму размерами 230 x 190 см (с дальнейшим продолжением в восточную стенку раскопа). Сооружение представляет собой яму с отвесными стенками и ровным дном, углубленным на 193 см от уровня фиксации. В ней прослежены следы сруба (180 x 155 см), не полностью попавшего в раскоп. Сруб был сложен из горбылей толщиной 3–5 см. Пространство между срубом и земляными стенками ямы по всему периметру забутовано светло-серым подзолом с небольшим содержанием культурных остатков.

Яма была заполнена бурой пестроцветной супесью с обильными включениями древесного угля. Ближе ко дну отмечено скопление глиняных обмазок в виде характерных для III слоя «плиток». Среди находок красноглиняная керамика, плоская шестигранная сердоликовая бусина (рис.17, 1) и обломок поливной чаши из кашинного теста.

Сооружение являлось подпольной частью наземной постройки, возможно, жилища. Стратиграфически оно соотносится с сооружением 15 А, также перекрытого объектом первого строительного периода.

Сооружение 15 А оконтурилось при зачистке пола вышеописанной постройки в виде пестроцветного пятна с древесным тленом по краям. Ниже оно приняло прямоугольную форму (325 x 210 см), вытянутую по линии восток-запад, и после выборки определилась как яма с отвесными стенками и ровным дном на глубине 238 см от уровня выявления. В яму был встроен деревянный сруб из горбылей размерами 300 x 150 см. Доски были скреплены с внутренней стороны вертикальными столбами диаметром 15–20 см, заглубленными в дно сооружения на 15–20 см. Столбы располагались по углам и вдоль стенок на расстоянии 85-95 см друг от друга. Пространство между срубом и земляными стенками ямы было заполнено пестроцветным плотным грунтом с незначительными включениями культурных остатков в виде фрагментов керамики. Яма была засыпана бурой супесью с большим количеством древесного угля. При выборке зафиксированы участки прокаленной глины, где обнаружены и обломки кир-

пичей (следы печи?), а также скопления известняковых камней. Из заполнения извлечены: остатки соломенной циновки, фрагменты обугленной деревянной миски со спекшейся массой каши на стенке, красноглиняный кувшин, обмотанный берестой (плетушка) (рис.18, 2), развал еще одного сосуда, железный наконечник стрелы, фрагмент селадоновой чаши, железный пробой, поделка из кости, обломок поливной чаши из кашинного теста, образцы серой и белоглиняной посуды, нередко встречаемой в напластованиях ханского периода. Среди находок примечателен также каменное изделие дискообразной формы диаметром 27 см, толщиной 10 см, весом около 10 кг. Оно напоминает находки из вышеописанного сооружения 9.

Данное сооружение следует рассматривать как подпольную часть наземной, скорее всего, жилой постройки, функционировавшей в первой половине XVI в.

К этому строительному периоду относится также *сооружение 14*, представляющее исключительный интерес среди объектов III слоя (рис.11). Оно выявлено на уровне -184 см от 0 в виде обширного пятна неправильной формы, вытянутого по линии ЮВ-СЗ. Грунт этого пятна представлял собою светло-бурую пестроцветную рыхлую супесь с большими включениями строительного мусора в виде кирпично-каменного щебня. В процессе расчистки сооружение приняло П-образную форму, срезанную в западной части сооружением 12 (I слоя). Дальнейшая выборка выявила плохо сохранившиеся остатки кирпично-каменной постройки (рис.8).

Каменная конструкция сооружения первоначально была вскрыта при разборке заполнения углубления со строительным мусором. Северо-восточная стена, вытянутая по линии ССВ-ЮЮЗ длиной 410 см, определилась под мусором на глубине 18 см от уровня выявления, перпендикулярный ей северо-западный участок стены длиной 225 см (далее срезан сооружением 12 А) был обнаружен на глубине 59 см. Они имели ширину 80 см и были сложены в перевязку в один, иногда в два ряда высотой 50–60 см из неплотно подогнанных крупных известняковых камней без следов

обработки, скрепленных известковым раствором толщиной до 10 см. Их кладка перекрывала в юго-восточной части перпендикулярно сложенную к ним стену из кирпичей и тесанных каменных блоков.

Юго-восточная стена, вытянутая по линии ЮЮЗ (аз. 235 °) и длиной 225 см выложена кирпичом. С юго-западной стороны она разрушена сооружением 12 А. До расчистки была перекрыта непотревоженными культурными напластованиями, стратиграфически связанными с завершением III слоя. Кирпичная кладка стены покоилась на плотно подогнанных друг к другу тесаных известняковых камнях-квадрах (40 х 40 х 40 см), сложенных в котловане глубиной 40 см. Под белокаменной кладкой была зафиксирована строительная «подушка» толщиной 5–7 см из кирпичной крошки и тощего известкового раствора. Кирпичная кладка стены шириной 95 см поверх фундамента сохранилась на высоту в 8 рядов кирпичей, скрепленных между собой известковым раствором толщиной 2–3 см. Брусковые кирпичи имели размеры 29–30 х 16–17,5 х 8–8,5 см и были положены по ширине стены в три ряда (рис.11).

Все выявленные участки конструкции перекрывали напластования III раннего, IV и V слоев. В то же время каменная часть стены без следов кирпичной кладки (например, на участке Ж/7) представляет собой, возможно, следы реконструкции ее в более позднее, не исключено в раннерусское, время. К сожалению, нам не удалось точно определить время функционирования этой части сооружения.

Существенным моментом в определении времени постройки здания является зафиксированный на участке Ж/9, вне сооружения, на отметке -257 от 0 строительный горизонт его в виде линзы мелкого каменного щебня и известкового раствора. Этот горизонт стратиграфически относится к среднему горизонту III слоя. Отметим также находку наконечника стрелы (рис.12, 5), извлеченного из слоя, отложившегося над кирпичной кладкой. Он напоминает тип 67 по классификации А.Ф.Медведева («веслообразные»), занесенный в Восточную Европу монголо-тарами и широко распространенный в памят-

никах второй половины XIII – XIV в. [540, с.75]. Такие формы наконечников могли быть в употреблении и в более позднее время. Изученный фрагмент в целом представляет большой интерес в качестве первого кирпично-каменного сооружения ханского времени.

Яма 13 зафиксирована на уровне -330 в виде пятна овальной формой в плане (260 x 160 см) и была углублена на 90 см от уровня фиксации. Она была заполнена рыхлой темно-коричневой пестроцветной супесью, насыщенной древесной трухой. Обнаружены фрагменты красноглиняной керамики, обломки лепной посуды из грубого шамотно-известкового теста, кусочки глиняной обмазки – «плитки», характерные для материалов III слоя кремля.

Эта яма прорезала яму 16 III слоя, связанную с четвертым строительным периодом, и имела запад более поздних напластований этого слоя.

Третий строительный период связан с сооружением 15 Б. Оно определилось как прямоугольная в плане яма (315 x 350 см) с отвесными стенками и ровным дном на глубине 193 см от уровня первоначальной фиксации. Сильно разрушена сооружением 15 А. Была заполнена плотной бурой супесью с включениями мелкого угля. При выборке обнаружены большое количество фрагментов болгаро-татарской красноглиняной посуды, обломок железного ножа, фрагмент кашинной облицовочной плитки с голубой поливой, железное кольцо и кости животных.

Данный объект мог быть подпольной частью какой-то наземной постройки, предшествовавшей строительству сооружения 15 А. Строительный горизонт ее лежит в нижних напластованиях III слоя.

Сооружение 15 Г выявилось на отметке -305 от 0 в виде пятна неправильной треугольной формы (205 x 50 см), вытянутого по линии север-юг и разрушенного западной стороной сооружения 15 А. Оно представляет собой хозяйственную яму с неровными стенками и чашевидным дном на глубине 275 см от верхнего края. В заполнении отмечены вкрапления угля и единичные зерна пшеницы. В числе находок – красноглиняная керамика, железная подковка для обуви, про-

бой и небольшое количество костей животных. Стратиграфически не удалось определить соотношение между вышеописанными сооружениями 15 Б и 15 Г.

Сооружение 15 Е выявлено на уровне -305 от 0 в виде пятна неправильной треугольной в плане формы (50 x 205 см), вытянутой по линии север-юг вдоль восточной стенки сооружения 15 А. В результате выборки ямы сооружения определились крутые стенки и ровное дно с небольшим чашевидным углублением в виде неправильного овала (120 x 80 см), вытянутого по линии восток-запад и срезанная в западном секторе аналогичным углублением сооружения 15 А. Максимальная глубина ямы составила 275 см от уровня выявления. Она была заполнена плотной бурой сильно переработанной супесью с мелкими включениями древесного угля. Из заполнения происходят: фрагмент красноглиняной керамики, железная подкова и кости животных.

Для сооружений 15 Б, 15 Г, 15 Е не удалось установить их относительную хронологию. Важно отметить, что все они прорезаны сооружением 15 А второго строительного периода, что еще раз свидетельствует об активной застройке и преобладании планировки в описываемом районе.

Сооружение 24 было выявлено почти на уровне материка и первоначально представляло собой пятно (475 x 400 см) с продолжением под сооружение 14 и срезанное сооружением 15 Б. Заполнение состояло из бурой пестроцветной супеси с обильными включениями угля, древесного тлена, прокаленной глины, костей животных.

Разборка сооружения позволила выделить из общего пятна ряд объектов. На участках Ж, 3/8-9 оконтурилось сооружение 38, относящееся к III слою, которое прорезало сооружение 40 V слоя. Оба они перекрывались сооружением 14. На участках 3, И/8-9 на уровне -302 см выявилось сооружение 27, связанное с IV слоем.

Выборка сооружения 24 на уровне -318 см показала разделение его на две части: южная была зафиксирована как сооружение 24 А (III слой), северная – как сооружение 24 Б

(IV слой). Таким образом, на описываемом здесь сооружении, начиная с уровня его фиксации, было определено 5 разновременных объектов.

Сооружение 24 А имело овальную в плане форму (240 x 140 см), вытянутую по линии запад-восток и срезанную более поздним сооружением 14. В свою очередь, оно перекрывало в северо-восточной части более раннее сооружение 24 Б, а в юго-западной — сооружение 27. В ходе выборки заполнения (темно-бурая супесь с обильными включениями угля и древесного тлена) определилась яма с отвесными стенками и ровным дном со следами прокаленности на глубине 63 см. Были обнаружены несколько фрагментов красноглиняной керамики, обломки лепного горшка поволжско-финского типа, кусочки глиняной обмазки, а также большое количество костей животных.

Сооружение 28 хозяйственного назначения зафиксировано на уровне -310 см от 0 в виде пятна прямоугольной формы (275 x 280 см), срезанного в западной части сооружением 17 II слоя. Оно представляет собой яму с отвесными стенками и ровным дном на глубине 40 см от верхнего края и небольшим чашевидным углублением в центре. В ней были четко прослежены следы дощатого ящика (обкладки), сохранившегося в виде обугленных остатков, вплотную примыкавших к земляным стенкам ямы. В пестроцветном заполнении найдены фрагменты красноглиняной керамики времен Казанского ханства, небольшое скопление медной окиси, точильный камень, два железных предмета неопределенной формы, яичная скорлупа, кости животных и рыб.

Стратиграфически сооружение 28 связано с III слоем, перекрывало более ранние сооружения 30, 31, 32, 37.

Четвертый строительный период связан с основанием слоя. К этому периоду относится сооружение 30. Оно полностью оконтурилось в донной части сооружения 28 четвертого строительного периода на уровне -287 см от 0 в виде пятна овальной формы (165 x 120 см), перекрыто сооружением 14 второго строительного периода. Яма со слегка скошенными стенками и чашевидным дном

на глубине 123 см от уровня выявления, была заполнена плотной гумусированной темно-серой супесью с вкраплениями угля. В яме были обнаружены фрагменты болгаро-татарской керамики, обломки лепной горшечной посуды поволжско-финского типа, обломок железного ножа, глиняное пряслице, железное кольцо, 3 фрагмента чаши из кашинного теста с голубой поливой и столько же фрагментов с синей поливой. Встречены кусочки глиняной обмазки с отпечатками прутьев. Кроме того, собрано большое количество костей животных и рыб.

Яма, скорее всего, хозяйственного назначения, относится к числу ранних объектов III слоя. Она перекрывала сооружение 31 V слоя.

Сооружение 38 отделилось от сооружения 24 на уровне -305 в виде пятна вдоль внутренней и внешней сторон юго-восточной стены кирпично-каменного сооружения 14. Первоначально представляло собой овальную в плане яму (180 x 100 см), вытянутую по линии запад-восток. Имеет скошенные стенки и чашевидное дно на глубине 59 см от уровня фиксации, но в центре, возможно, она более глубокая, но основная часть сооружения осталась под стеной кирпично-каменного здания. Яма была заполнена рыхлой коричневой пестроцветной супесью, насыщенной древесным тленом. При выборке было найдено фрагменты красноглиняной керамики, характерной для III слоя, и кости животных.

При зачистке дна определилось пятно сооружения 40, относящегося к V домонгольскому слою.

Яма 16 первоначально выявлена на уровне -330 см от 0 в виде пятна расплывчатых очертаний на площади 350 x 170 см, прорезанного ямой 13 (второго строительного периода). В процессе выборки яма приняла четырехугольную в плане форму (170 x 160 см) с отвесными стенками и ровным дном на глубине 78 см. В центре — чашевидное углубление (110 x 105 см). В пестроцветном заполнении отмечено большое количество древесного тлена, особенно вдоль стенок, что, вероятно, связано с деревянной конструкцией внутри ямы. Находки единичны: фрагмент лепной керамики поволжско-финского типа и кости животных.

Часть сооружений и ям не удалось стратиграфически четко привязать к тому или иному горизонту: *сооружение 7, ямы 8, 9, 5, 5 А, Б, 6, 7*. Некоторые из них (см. ямы 5, 5 А, Б, 6 и 7) в сохранившемся виде представляют собой лишь нижние части более крупных сооружений ханского времени, разрушенных поздними объектами XVIII–XX вв.

Как видим, в материалах раскопа I имеются очень интересные сведения, свидетельствующие не только о застройке и планировке, но и о степени интенсивности освоения кремля в период Казанского ханства.

Уникальная информация о строительстве ханского времени была получена также в раскопах II и III [863, с.133-134; 883, с.86-87], XL, XIII, XLI. Исследованиями на раскопах II–III в течение нескольких сезонов изучалось около трех десятков сооружений периода ханства (рис.6, 62, 63).

Общим для обоих раскопов являются остатки конструкций монументальной постройки периода Казанского ханства. Возможность его существования в этом районе отмечали еще А.Х.Халиков и Л.С.Шавохин, зафиксировавшие строительный горизонт в III слое с большим количеством выброса материкового грунта в профиле раскопа 1975 г. [42; 788, с.334-337].

В раскопах 1994–1997 гг. Ф.Ш.Хузиным и Р.Ф.Шарифуллиным были выявлены следы фундамента каменного здания, сохранившегося лишь в виде полосы дубовых свай-коротышей, вбитых в целях уплотнения грунта, и небольших фрагментов кладки из известняковых камней (рис.34) [54; 57]. В раскопе II было расчищено сооружение 1 (II слой) на глубине 60–70 см от современной поверхности, под которым обнаружены остатки фундамента из известняковых камней (сооружение 2 слоя III). В ходе разборки сооружения 2 была обнаружена также типичная красноглиняная керамика, обугленные человеческие останки и каменное ядро. Параллельно с этим объектом чуть севернее в раскопе III 1995 г. был выявлен небольшой фрагмент каменного здания, сохранившегося, к сожалению, лишь в виде полосы свай-колышков на глубине 240 см от современной поверхности (сооружение 13 – северо-восточ-

ный угол здания). Реальные границы всей постройки удалось определить в результате соединения в 1996 г. раскопов II и III. В раскопе II 1996 г. ее остатки были обозначены как сооружение 8. Время строительства этого довольно крупного здания на основании исследований 1970-х годов, новых стратиграфических наблюдений и археологического материала было определено первой половиной XVI в. Напомним, под его фундаментом были спрятаны две клада древнерусских монет, датированных не позднее начала 1530-х годов. Сооружение было выявлено на уровне 150 см от современной поверхности, в виде остатков кирпичного пола, оконтуренного полосами ям-выборок стен. В основании ям-выборок исследователям удалось проследить углубления свай-коротышей на глубине 240 см от современной поверхности. Сами постройки были полностью разобраны в конце XVIII – начале XIX в. (рис.179-184)

Опираясь на сведения письменных источников [87, с.255], можно предположить, что эти постройки представляли собой руины тех зданий, возле которых произошло в 1552 г. столкновение штурмующих и защитников города, возглавляемых Кул Шарифом. Важно отметить, что мечеть, связываемая с именем Кул Шарифа, включала в себя и медресе [539, с.199-200]. Это позволяет говорить о довольно большом комплексе зданий, остатки которых были обнаружены и в раскопе XX 1998–1999 гг., располагавшемся с западной стороны раскопов II и III (рис.6, 62, 63, 84).

Кроме крупных монументальных каменных конструкций ханского времени, на раскопе XX удалось проследить и дальнейшую судьбу ранних укреплений города [665]. Установлено, что к середине XV в. фортификационные сооружения здесь еще сохранялись, но вскоре, предположительно во второй половине XV в., укрепления перестали выполнять свою функцию. Это привело к разборке каменных пилонов ворот, что в свое время отмечал и А.Х.Халиков [770, с.96-96].

На месте разрушенного западного пилона домонгольских ворот была построена каменная конструкция (рис.98). Ее остатки (сооружение 12а) были выявлены в виде II-об-

разной постройки, вытянутой по линии С-Ю (аз. 341°). Сохранившаяся высота ее от основания 164 см (12-15 рядов кладки). На уровне материкового подзола по периметру постройки выявлены контуры котлована, имевшего отвесные стенки и ровное дно на глубине 138 от дневного уровня. Его заполнение состояло из желтого суглинка с включениями известкового раствора.

Сооружение имело панцирную кладку, скрепленную известковым раствором (рис.98; 105). По ее периметру, с внешней стороны, регулярной горизонтальной кладкой были выложены крупные камни из тесаного известняка. Внутренняя кладка состояла из камней средних и мелких размеров без регулярной кладки. Функциональное назначение объекта установить не удалось.

Через короткий промежуток времени к нему с западной стороны было пристроено каменное здание (*сооружение 12 В*). Оно попало в раскоп не полностью (рис.98; 109; 110). В изученной части здание имело прямоугольную форму (11,5 x 5 м), вытянутую по линии С-Ю (аз. 346°). Продолжение постройки геофизическим методом (проф. З.М.Слепак) было прослежено на участке проезда Шейнкмана. Характер кладки аналогичен сооружению 12 А (рис.109). С южной напольной стороны в завершении III слоя было найдено 8 наконечников стрел, в том числе и наконечник стрелы арбалета (рис.116, 19). У большинства наконечников были погнуты черешки и острие вследствие сильного удара о твердую каменную преграду, которой бесспорно являлась стена сооружения 12 В. Это, очевидно, демонстрирует яростный натиск штурмующих и упорное противостояние обороняющихся в сражениях 2 октября 1552 г. Очевидно, это было одно из последних мест отчаянного сопротивления казанцев войскам Ивана Грозного и сопоставимо по топографии размещения постройки с комплексом мечети Кул Ша-

рифа, располагавшегося как раз у Тезицкого рва [671а, с.178-179]. На основании более поздних письменных источников можно говорить, что здание уже было разобрано к моменту составления «Писцовой книги города Казани 1565–1568 гг.», где оно не упоминается [96]. Часть комплекса, в частности, выявленная в раскопе II и III, использовалась, судя по архивным и археологическим данным, еще в начале XIX в. (рис.184) [54; 57; 60; 61].

Ров был практически засыпан, сохранялось только углубление с максимальным понижением в центре до 1,5 м (рис.100). Вал был частично срезан. Продолжала использоваться уличная каменная мостовая. С периодом Казанского ханства связано два ремонтных горизонта этой мостовой (рис.101; 102).

Раскопами V, X, XV, XVIII, XIX по восточному склону Кремлевского холма, как уже отмечалось, были выявлены остатки каменной стены [63; 204, с.12-18; 559]. В этот период она выполняла функцию ограды ханского двора (рис.6). Укрепления этого двора упоминаются в описании Казани А.Курбским [82, с.131]. Предположение о принадлежности этой стены к ограде ханского двора было сделано Л.С.Шавохиным [69, с.126-127], хотя еще раньше Н.Ф.Калинин писал, что стены ханского двора были, скорее всего, каменными [5, с.276]. В русское время, очевидно, часть стены была разобрана и перенесена немного к западу от склона холма, о чем говорят результаты исследований 1998–2000 гг. (раскопы XVIII, XIX, XXXIII). Северный конец стены, возможно, примыкал к Северной квадратной башне, выявленной под основанием круглой башни второй половины XVII в.* Время строительства Северной квадратной башни, как установлено раскопками А.М.Губайдуллина, относится к первой половине XVI столетия [204, с.24-26]**.

Интересные результаты о характере культурных напластований в южной части крем-

* Северная линия укреплений по результатам исследований 2003 г. после обрушения в середине XV в. была возведена на 6 м дальше от края склона. Сохранившееся основание стены со следами поздних подновлений фиксируется на всем протяжении северного склона.

** Северная квадратная башня на основании данных, полученных в 2003 г., была перестроена в круглую после взятия Казани не позднее начала XVII в.

ля были получены при исследовании в районе строительства мечети Кул Шарифа (раскопы VI, VII, XVII, XVII А – общая площадь 1246 кв. м) (рис.6, 67, 68, 80, 81).

В раскопе VI 1996 г. ранних слоев не зафиксировано [50; 51]. Начало формирования культурных напластований связано с периодом Казанского ханства (рис.73). Мощность слоя ханского времени достигает 85 см в северной части и 15 см в южной.

В ходе раскопок выявились особенности рельефа территории кремля ханского времени. Так, удалось выявить древнюю ложбину, вытянутую по линии В-3 поперек Кремлевского холма с устьем на запад. Максимальное углубление ее в центре составляло 4 м от современной поверхности (рис.50, уч. 6-8). Она была практически уже засыпана и, как это установлено стратиграфическими наблюдениями, в период накопления верхних горизонтов III слоя над ней проходила улица. При этом стенки ложбины сохранили следы деятельности человека до ее засыпки, связанные, возможно, с ранним периодом освоения этого холма булгарами (рис.49; 50; 54). С южной, относительно покатой стороны наблюдались округлые ямы с подбоем под склон, представляющие собой, вероятно, места выборки глины для строительства. С северной стороны фиксировались аналогичные ямы с подбоем под склон, которые частично разрушены вертикальным искусственным срезом высотой 1 м. Дневные уровни этих объектов выходят на материковый подзол и не связаны с культурными слоями. Возможно, они отражают процесс освоения южной части Кремлевского холма до периода Казанского ханства, о чем свидетельствуют единичные находки из частично переработанной погребенной почвы, относящиеся к домонгольскому (рис.55, 17; 69, 2; 143а, 36) и золотоордынскому времени (рис.147, 5).

С III слоем в раскопе VI соотносятся около 20 сооружений, в расположении которых прослеживается закономерность, связанная с функционированием улицы (рис.50). Они фиксируются вдоль участков, относящихся к улице. Характер залегания грунта на улице и его содержание идентично описанию дере-

вянной мостовой в раскопах I, IX, XIII. Выделяется от 3 до 4-х горизонтов древесного тлена. Среди сооружений, кроме хозяйственных ям, интерес вызывают остатки моста (сооружение 13) через ложбину, связанного с нижними горизонтами III слоя (рис.53), а также углубленные в землю срубы из горбылей (сооружения 9, 14), разрушенные при пожаре 1552 г. (рис.50).

Важные стратиграфические наблюдения получены в раскопах IX, XI 1997 г. с восточной стороны Благовещенского собора (рис.6) [62; 64]. С отложениями периода Казанского ханства в раскопе IX соотносятся более 20 срубных построек и хозяйственных ям, из которых 4 погибли при пожаре 1552 г. (рис.76а; 76б) В их расположении также наблюдается определенная система – они образуют улицу шириной около 3,5 м и увязываются с тремя ремонтными горизонтами деревянной мостовой (рис.76а). Улица продолжала функционировать в русское время, что нашло отражение в Писцовой книге 1565–1568 гг., где она упоминается как «переулок х Благовещенью», идущей от Воскресенской башни к собору [96, с.11].

Привлекает внимание *сооружение 16*. Оно представляет собой срубную конструкцию размерами 380 x 270 см в плане, углубленную в землю всего на 54 см. Заполнение сооружения состояло из темно-бурой плотной пестроцветной супеси с мощными прослойками угля, золы, прокаленной земли. Прослойка пожара четко увязана с завершением III слоя и сопоставима с событиями 1552 г. Под сгоревшими деревянными конструкциями лежали обугленные человеческие останки, а также комплекс бытовых предметов – обломки керамики, комки шерсти, мотки шерстяных ниток, обломки обугленной прялки (рис.80, 1-6), кусочки ткани, лапти (рис.80, 7), куски оплавленной меди, глиняная обмазка и пр. Постройка, очевидно, была жилищем-мастерской, хозяин которой занимался домашним ткачеством и прядением и погиб во время штурма города войсками Ивана IV.

В это же время была разрушена срубная конструкция – *сооружение 3* в раскопе XI 1997 г.

Сруб размерами 230 x 98 см (объект не попал полностью в раскоп), был углублен в землю на 171 см. Его заполнение состояло из бурой пестроцветной рыхлой супеси с большим количеством включений угля, шлака, золы. В центре сруба фиксировалось большое пятно (120 x 50 см) прокала толщиной 20–30 см, возможно, на месте бывшей печи. Подтверждением гибели объекта в пожаре 1552 г. является обнаруженное в ее заполнении глиняное зажигательное ядро, расколотое пополам, полое внутри с отверстиями по бокам. Изученный объект, скорее всего, представлял собой подполье наземной постройки.

Раскопы 2000–2001 гг. в центральной части двора современной резиденции Президента РТ позволили относительно полно исследовать территорию ханского двора. Общая площадь исследований (раскопы XLVIII, XLIX, XXXII, XXXIV, XLI, XLII, XLVIII, XIX и наблюдения в ходе замены коммуникаций) приближается к 2000 тыс. м² (рис. 6). В раскопе XXXIV, где отложения ханского времени сохранились фрагментарно (под современным слоем), удалось исследовать, тем не менее, более десятка сооружений [204, с.8–11] (рис.121; 122; 123). Большинство объектов Казанского ханства представляют собой остатки прямоугольных в плане ям (310–380 x 310–380 см) с опущенными в них срубами из горбылей, ориентированными по линии Ю-ЮЗ (аз. 205–210°). Заполнение сооружений представляет собой темно-бурую пестроцветную супесь, насыщенную углем и прокалом. В размещении сооружений сектора 3 прослеживается определенный порядок. Они расположены в два ряда вдоль незастроенной полосы (аз. 205–210°) шириной 200–250 см со следами деревянного мощения, связанного, предположительно, с остатками небольшого переулка. Важно при этом отметить, что ориентировка выявленных объектов соответствует региональному азимуту на Мекку. Подобная планировка, на наш взгляд, объясняется привязкой построек к находящимся вблизи мусульманским культовым постройкам, не попавшим в раскоп. Заметим кстати, что рядом с раскопом напротив северного придела Благовещенского собора, судя по данным Писцовой книги 1565–1568 гг., находилась мечеть [96, с.11].

Характеризуя вещевой материал из объектов III слоя, следует остановиться на «кладе», обнаруженном в сооружении 23 [253; 578]. Последнее представляло собой яму с отвесными стенками и ровным дном на глубине 77 см от уровня выявления. По периметру дна фиксировалась небольшая канавка (пролежень бревна) шириной до 15–20 см и глубиной около 20–25 см от уровня дна. В яму был опущен сруб (440 x 418 см) из горбылей толщиной до 5 см, обугленных в пожаре 1552 г. Заполнение внутри сруба состояло из темно-бурой пестроцветной плотной супеси с включениями угля сгоревших остатков верхних конструкций и пола наземной постройки. На полу обнаружены фрагменты трех разбитых чернолощенных кубышек и россыпь сильно окисленных серебряных монет первой половины XVI в. (рис.145, 2). Из более чем трехсот монет, к сожалению, удалось зачистить и дать на определение только 160 штук. В этой же постройке обнаружены свинцовые пуговицы (рис.160, 1–3), смятые свинцовые пищальные пули, развал белоглиняного кумгана с зеленой поливой (рис.151, 8; 153) и другие находки.

Во всех объектах III слоя XXXIV раскопа встречены характерные для этого времени фрагменты неполивной и поливной керамики, обломки медных котлов, железные ножи и ножницы, кусочки тканей, детали ткацких станков, ожерелье из полудрагоценных камней, китайский фарфор, свинцовые деформированные пищальные пульки, костяные и железные наконечники стрел, ядра и др (рис.124; 125).

В ходе охранно-спасательных работ 2001 г. в центральной части двора перед резиденцией Президента были выявлены каменные конструкции, на месте которых был заложен раскоп XLVIII. Здесь были изучены остатки подвальных помещений каменного здания (18 x 22 м) эпохи Казанского ханства [583] (рис.126; 127). Стратиграфически сооружение располагалось сразу под слоем современного дерна. Культурные отложения в раскопе сохранились лишь в западной части толщиной до 100 см. Фрагментарность напластований в этом районе объясняется срезкой грунта в период строительства Губернаторского дома в 1852 г. В за-

полнении помещений сооружения выделялся слой разрушения в виде строительного мусора, датируемый концом XVII в. Под ним находились напластования времени его функционирования, разделявшиеся на два горизонта. Верхний горизонт толщиной до 60 см состоял из древесного тлена и большого количества рыбьей чешуи. По выявленному материалу он датируется второй половиной XVI–XVII вв. Нижний мощностью до 30 см представляет собой бурую пестроцветную супесь с включениями угля. Время его накопление связано с функционированием здания в период Казанского ханства. Здание перекрывает ряд построек, времени раннего Казанского ханства, а также золотоордынского и домонгольского времени.

На участках, где сохранились напластования в относительно спокойном состоянии, удалось выявить прилегающую к зданию застройку ханского времени. Фиксировались остатки деревянных сооружений 3,5 x 3,5 м, углубленных в землю и имеющих преобладание в расположении относительно предшествующей застройке. Строительная техника была аналогична деревянным постройкам выше описанных раскопов. В прямоугольную яму опускался сруб из горбылей, а пространство между стенками утрамбовалось суглинком.

Жилая застройка данного района также была прослежена и в раскопе XLIX (рис.128, 129). В нем выявлены остатки углубленных в землю деревянных сооружений. Застройка двора с учетом данных, расположенных рядом раскопов, была достаточно плотной. Расстояние между объектами не превышало 3–4 м. Они располагались вдоль улицы, имеющей продолжение и в XXXIV раскопе.

Кирпично-каменное сооружение ханского времени обнаружено также в результате археологических исследований Р.Ф.Шарифуллина с северной стороны башни Сююмбеки (рис.6, раскоп XLI). Его продолжение зафиксировано нами в ходе наблюдений в траншее для коммуникаций с восточной стороны упомянутого раскопа. Сооружение состояло из двух частей: белокаменной и кирпичной. Белокаменная часть здания стратиграфически связана с нижними горизонтами III слоя.

Дневной уровень кирпичной части здания, обнаруженной в шурфе № 1, восходит к верхним горизонтам III слоя. На сегодня пока не удалось выявить весь периметр стен. Размеры сооружения, по нашим предварительным подсчетам, составляют около 15 x 30 м. Чрезвычайно важно отметить тот факт, что юго-западная часть его уходит под основание башни Сююмбеки. Это свидетельствует о более позднем времени строительства последней. Изученное сооружение ориентировано на З-ЮЗ, т.е. в сторону Мекке, что дает нам некоторое основание видеть в нем плохо сохранившиеся остатки (Ханской?) мечети.

Судя по находкам из засыпи, можно предположить, что данное сооружение использовалось еще в русское время и прекратило свое существование только в конце XVII в. На месте разрушенной мечети в начале XVIII в. была построена башня, названная позднее Сююмбеки.

Уникальный материал был получен в результате исследований в низменной северо-восточной части современного кремля. В раскопе IV у Воскресенской (Елбугиной) башни были выявлены остатки бревенчатых конструкций, нескольких жилищ и хозяйственных ям (рис.45-48) [55; 883]. В числе находок имеется большое количество обломков поливных кашинных мозаичных вставок (154, 6, 17), которыми, возможно, были украшены постройки ханского двора, находившиеся на холме. Встречено также много наконечников стрел, что указывает на активные бои в этом районе, упомянутые в источниках при описании штурма города в 1552 г. Именно здесь последние защитники города в отчаянной схватке пытались выйти к р. Казанке. Однако предполагаемые в этом районе остатки Елбугиных ворот периода ханства найти не удалось.

Важным для изучения топографии ханской Казани в раскопе XIII являются остатки уличной мостовой шириной 360 см, расположенной между сооружениями (рис.86) [863; 204, с. 20-23]. Следы мощения прослежены в длину на 8,8 м. Под мостовой лежал небольшой культурный слой мощностью 10–15 см, который покоился на погребенной по-

чве (рис.86; 87; 89). Культурные слои в раскопе представляли собой влажную плотную гумусированную супесь с включениями большого количества древесной щепы и органики. Относительно хорошая сохранность деревянной мостовой из коры дуба и липы позволяет реконструировать покрытие других улиц, на которых следы мощения фиксировались лишь в виде остатков древесного тлена. На отдельных участках улица вымощена горбылями (рис.90, сооружение 25).

Вдоль уличного проезда фиксировались остатки деревянных построек. Среди выявленных конструкций имеются наземные не отапливаемые сооружения (рис.86, сооружение 14, 13а, 11; 89; 90, сооружение 30) и подпольные клетки, бревна у которых обернуты в бересту (рис.90, сооружение 27). На месте отдельных объектов фиксируется до трех строительных горизонтов, что свидетельствует о значительной интенсивности и преемственности застройки данного района в период Казанского ханства.

В раскопе были выявлены срубные постройки очень хорошей сохранности с большим количеством кожаных изделий (несколько тысяч фрагментов) (рис.91). Слои содержащие остатки кожевенного производства достигали мощности более 1,5 м, что позволяет предположить о расположении в этом районе мастерских по изготовлению кожаной обуви.

Представления о характере жилых построек эпохи Казанского ханства были дополнены в ходе наблюдений на разрушаемом при строительстве северо-восточном склоне холма (рис.136). В обнажении культурного слоя был зачищен участок длиной 24 м с мощностью культурного слоя 350 см вне сооружений. Выявленный в разрезе III слой состоял из бурой плотной пестроцветной супеси с включением прокала, угля. Его толщина достигала от 50 до 140 см. Интерес вызывает связанный с верхними горизонтами слоя сооружение 5 – остатки сгоревшего дома с подклетом и завалившейся глинобитной печью. Ширина наземной части дома в разрезе 5 м, подклета – 3 м. В разрезе выделяются следы провалившихся в подклет по-

перечных бревенчатых конструкций пола.

Следы ремесленного производства были выявлены в ходе исследований Северо-Восточной башни [204, с.27-29; 709]. Здесь, в районе башни, выявлены остатки металлургического производства эпохи Казанского ханства. Были изучены деревянные постройки с кирпичными печами и горн. Последний имеет круглую в плане форму диаметром около 1 м с сужением в верхней части. Стенки толщиной 15 см выложены из кирпича. В кладке кирпич скреплен глиняным раствором, а с внутренней стороны покрыт огнеупором. С южной стороны к нему примыкала предгорновая яма диаметром до 1,2 м. В заполнении найдено большое количество обломки кирпича, куски медного шлака, слитки металла. По мнению исследователя, выявленный комплекс объектов представляет собой остатки медеплавильных мастерских [709].

Одной из интересных, но слабо изученных проблем археологии кремля ханского времени остается вопрос о его укреплениях. Нет четкой ясности, что они из себя представляли, из какого материала были сооружены? Где они проходили? Какие были укрепления крепости с южной стороны? Какие реальные границы имел ханский двор? Решение всех перечисленных проблем, возможно, дело будущего. Однако частично ответить на некоторые из них уже возможно.

Важная информация была получена в ходе исследований 2001 г. между Преображенской (Тюменской) и Пятигранной башнями с внутренней стороны кремля – в разрезе траншеи шириной около 2 м, глубиной более 2 м. У северного пилона Преображенских ворот, где глубина траншеи достигала 3 м, фиксировалась ложбина шириной 14 м. Ее склоны уходили ниже уровня прокопанности траншеи. Заполнение углубления состояло из темно-серой плотной супеси с включениями древесного тлена, нижние горизонты которого связаны с напластованиями дорусского времени. Граница ранних отложений в западе ограничивалась прослойкой известкового раствора и известняковых камней мощностью до 50 см. Выше ее выделялись слои, формирование которых связано с жизнедеятельностью русско-

го населения. Не исключено, что в траншее зафиксирован участок рва, известного по описаниям «Писцовой книги города Казани 1565–1568 гг.» как остатки старых укреплений [96, с.12]. На этой же линии находится и ров, зафиксированный в раскопе 1928 г. [243]. По мнению Н.Ф.Калинина, данный ров следует рассматривать как остатки фортификационных сооружений ханской крепости [5, с.245].

Обобщая стратиграфические наблюдения о характере залегания III слоя, надо сказать, что отложения времени Казанского ханства распространены по всей территории современного кремля (рис.177). Слой представлен в целом желтовато-бурым пестроцветом относительно плотной консистенции. Для него характерно заметное содержание желто-красной глины. Обычны включения известнякового щебня, обломков кирпичей, угля и древесного тлена.

В северо-восточной части кремля слой III состоит в основном из плотной желтовато-серой (местами буро-коричневой) пестроцветной супеси со значительными включениями угля, древесного тлена. Вне объектов мощность слоя колеблется в пределах 80–110 см. В нем встречаются известняковые камни, обломки кирпичей и кости домашних животных. Прослежены линзы желтого суглинка, являющиеся выбросами из ямных сооружений и котлованов жилищ, а также несколько углистых прослоек в разных горизонтах, связанных, по-видимому, с пожарами локального характера. Для этой части кремля характерно активное строительство (до 5 строительных горизонтов на небольших участках), значительная переработка нижележащих слоев и наличие следов множества пожаров, что в совокупности и отразилось в специфике грунта.

В южной половине Кремлевского холма толщина слоя III вне объектов составляет не более 20–30 см. Он состоит из темно-бурой и бурой плотной супеси с включениями светло-серой супеси, угля и прокала. Верхний горизонт слоя в большинстве раскопов перекрывается тонкой прослойкой угля и золы. В этой части кремля III слой лежит на материковой светло-серой подзолистой су-

песи. Нижние горизонты слоя на некоторых участках перекрыты стерильным материковым подзолом в направлении западного склона холма, что, возможно, объясняется смывами грунта или геологическими сдвигами земли у склона. В слое отразилась менее активная строительная деятельность (не более двух строительных горизонтов). Во многих местах, особенно в районе деревянных сооружений, между II и III слоями выделяется прослойка пожарища 1552 г.

С прослойкой пожарища 1552 г. увязывается ряд специфичных находок, представленных большим количеством каменных ядер, глиняными зажигательными ядрами, накопниками стрел, ошлакованной под воздействием высокой температуры керамикой; в сгоревших постройках встречаются обугленные человеческие останки. Эта прослойка четко разграничивает слой Казанского ханства и слой, сформировавшийся после 1552 г. С нее начинается кардинальные изменения в содержании материальной культуры, что особенно отчетливо видно в соотношении различных групп керамики и их типов.

Как видим, разграничение верхней границы III слоя, благодаря прослойке пожарища 1552 г., очень четкое. Сложнее определить нижнюю границу, так как не наблюдается резкой смены вещевого, в частности, керамического материала. Основным критерием в ее установлении выступают стратиграфические наблюдения, изменения в общем облике материальной культуры. Важным показателем для слоя Казанского ханства является увеличение доли русской и татарско-русской керамики.

Хронология III слоя. Материальная культура ханской Казани позволяет определить с большой долей вероятности хронологию III слоя. Накоплен выразительный комплекс неполивной гончарной керамики. Большую долю в ней – более 40% от общего количества – занимает керамика, условно названная Т.А.Хлебниковой «казанской». Ее особенности: окислительный обжиг, большое количество песка, многозонный тонкий орнамент в виде широкой волны. Изредка на изделиях встречается узкое лощение (рис.24; 58; 72).

Технологические истоки этой керамики увязываются с золотоордынскими традициями Нижнего Поволжья, хотя одновременно наблюдается ее близость к болгарской посуде [501, с.29-32; 502, с.80-88; 834, с.225].

Другую большую группу – более 20% от общего количества – составляет керамика в болгарских традициях, не встречавшаяся ранее (рис. 22; 23; 56; 57; 71). По формам она близка к общевосточной керамике [501, с.29-32; 502, с.80-88; 834, с.225].

Как было уже отмечено, особенностью слоя является увеличение в нем содержания глиняной посуды татарско-русской и русской этнокультурных групп. Татарско-русская керамика в некоторых раскопах составляет до 30% от общего числа фрагментов (рис.27-30; 32; 61-64; 76). Появление черной и серой лощеной керамики (рис.27; 28; 30; 61; 62) характерно для памятников не только Казанского ханства [501, с.80-88], но и синхронных русских памятников [894, с.58]. Важно при этом отметить, что она появляется только в отложениях III слоя [501, с.29-32; 502, с.80-88; 834, с.225]. В слое на 10% увеличилось количество русской керамики. Столько же встречаются фрагменты лепной поволжско-финской посуды (рис.33; 65).

В числе керамических изделий значительное место занимают глиняные пряслица, рыболовные грузила (рис.19, 2, 7, 8, 9, 10, 14), а также игрушки в виде лошадок и свистульки (рис.79, 10; 158, 20, 22).

Качество продукции гончаров этого периода, как справедливо отмечают исследователи, несколько ухудшается по сравнению с болгарской. Это видно и по находкам в Казанском кремле и подтверждается исследованиями Русско-Урматского селища [502; 503] и Камаевского городища [501]. В местной керамике под воздействием инородных традиций появилась определенная специфика, началось сложение своеобразного «казанского» типа керамики, но процесс его формирования был прерван и не завершен.

Поливные изделия из III слоя составляют две группы находок: поливная посуда, облицовочные изразцы. Поливная керамика представлена самыми разнообразными ви-

дами. Значительную группу составляют фрагменты белоглиняных сосудов с рельефным орнаментом, покрытых двусторонней зеленой или коричневой поливой на белом ангобе, причем снаружи полива очень жидкая, тонкая (рис.151-153). Основная форма подобных сосудов кумганы. Аналогичные находки были обнаружены в соответствующих слоях Н.Ф.Калининым [5, с.135] и Л.С.Шавохиным [36, с.9]. Заготовки подобных ангобированных сосудов были выявлены в гончарной мастерской Русско-Урматского селища [502, с.85]. Со слоем Казанского ханства связаны и фрагменты красноглиняной посуды с голубой поливой (рис.148).

В раскопе 1 (1975) Л.С.Шавохина был найден обломок кашинного сосуда с поливой белого цвета, производившегося в Иране в XV–XVII вв., и фрагменты китайского белого фарфора с синей росписью, относящегося к эпохе династии «Мин» XV–XVI вв. [788, с.90]. Аналогичные фрагменты кашинной керамики и китайского фарфора имеются также из раскопов 1994–2003 гг. (рис.146; 147; 149).

Большую группу находок составляют фрагменты кашинных мозаичных вставок и кирпичиков с глухой бирюзовой и ультрамариновой поливой (рис. 154). Аналогичные изделия присутствуют в материалах нижеволжских и среднеазиатских городов XIV–XV вв. [751, с.96, 105, 118].

Помимо мозаичных кашинных вставок активно используется гериhi (рис.175), известные по материалам Н.Ф.Калинина [453, с.120] и А.Х.Халикова [45, с.65; 781, с.27]. Строительство монументальных зданий в период Казанского ханства приобретает большой размах, о чем свидетельствуют остатки самих построек и мощные напластования с включениями строительного мусора. При строительстве зданий использовался крупный брусковый кирпич размерами 7-7,5 x 15-14 x 28-30 см (рис.11) [58, с.29-31].

Специфичным строительным материалом, характерным только для слоев Казанского ханства, являются небольшие (20-16 x 20-16 x 2-3 см) обожженные глиняные плитки, которыми, вероятно, облицовывались печи [453, с.135].

Большое развитие в этот период получила резьба по камню. Известно большое количество надгробных камней, связанных со временем существования Казанского ханства [17, л.11; 539, с.208-209; 767]. На территории кремля обнаружено несколько надгробных камней XV – первой половины XVI в.: при изучении ханских мавзолеев у башни Сююмбике [781, рис.12], в кладке Благовещенского собора (Приложение 1).

За многие годы археологического изучения кремля собрана большая коллекция разнообразных ядер. Они известны еще по находкам XIX в. [5, с.222]. Ядра в основном изготовлены из известняка, гранита и железа (рис.67; 158, 23, 25-27). Известняковые ядра делятся на две большие группы, отличающиеся друг от друга размерами. Одна из них имеет диаметр 50-60 см, а другая – 25-30 см. Диаметр гранитных ядер 13-15 см, железных – 8-12 см. Зажигательные ядра изготавливались из глины: они были полые внутри (туда заливалась горючая жидкость), с 5-6 небольшими (0,5 см в диаметре) отверстиями на поверхности для фитилей. Диаметры этих ядер не превышают 9-12 см. Такие ядра были найдены на многих поселениях эпохи Золотой орды и Казанского ханства [502, с.84]. Подавляющая часть ядер происходит из верхних горизонтов III слоя, отражающих события октября 1552 г.

Собрана значительная коллекция (более 20 экз.) железных и костяных наконечников стрел (рис.12, 2, 3, 4, 8; 17, 14-16; 55, 1; 77, 1; 79, 8; 116, 7, 9, 10, 13, 16, 17, 19, 20). Особенно их много в прослойке пожара 1552 г. По своим формам они очень близки к типам, распространенным в XII-XIV вв. [540]. Учитывая условия их находок, в некоторых случаях не исключается вероятность их переотложенности из более ранних слоев. К сожалению, супесчаный грунт Казанского кремля приводит к значительному окислению предметов, что не дает возможности даже после реставрации четко определить их форму.

В числе изделий из кости имеется спусковой курок от арбалета (рис.161, 26). Аналогичное изделие известно по материалам раскопам в Берестье [529, с.221, 224, рис.150, 3,

4]. Они датируются XV-XVI вв.

В слое собрано большое количество железных предметов конского снаряжения, представленных подковами, удилами, стременами, ременными пряжками и гвоздями к ним (рис.68, 4, 6; 77, 2; 82, 17; 125, 3-5; 134, 9; 115, 32, 33; 132, 3, 4). Подковы в основном одношипные с четырьмя отверстиями (рис.44; 4; 68, 4, 6). Подобные изделия имеют большой хронологический диапазон бытования – с XI по XVII вв. [854, с.211, рис.LXXI, 3].

Среди бытовых вещей из железа чаще всего встречаются скобяные изделия: гвозди, скобы, дверные петли, пробойники (рис.24; 25; 132). Имеется большое число обломков чугунных котлов (рис.133, 4; 156; 6, 8, 14, 18, 20, 21), которые появляются, судя по материалам Болгарского городища, в XIV в. [643, с.58-59]. Большим разнообразием, как по форме, так и назначению, выделяются ножи (125, 13, 15, 16; 131, 11-13), а также несколькими экземплярами находок представлены шарнирными ножницами (124, 14, 15). Многочисленную группу железных изделий составляют также сапожные подковы и гвозди к ним (рис.68, 1-3; 116). Среди подков выделяются типы А и Б по классификации Б.А.Колчина [505, с.108-110]. В русских памятниках их появление связывают с XIV в. [201, с.82], но на Средней Волге у них более широкий диапазон бытования XI-XVI вв. [643, с.63-64]. Найдено несколько топоров (рис.55, 18; 77, 21). Встречены ключи от замков (рис.117, 3; 134, 6, 7), сопоставимые с ключами XV-XVI вв. из русских поселений (тип 3 по Б.А.Колчину – [505, с.92-93; 201, с.79, рис.32, 1]). Из слоя происходит несколько обломков железных и медных цилиндрических замков, датируемых XIV-XV вв. [643, с.40-45] (рис.55, 6-8; 118, 2; 134, 8). К сожалению, сильная коррозия находок не дает возможности сделать типологию находок.

Интересной находкой является подсвечник с тремя трубковидными пазами (рис.44, 3). Близкие аналогии имеются среди предметов, бытовавших в XIII-XVI вв. [505, с.99, рис.82; 643, с.62].

В числе находок, связанных с промысловой и сельскохозяйственной деятельностью насе-

ления, можно назвать обломок косы-горбуши (рис.14, 9; 131, 13, 14), серпы (рис.117, 6; 125, 18-20), железные ассиметричные сошники (рис.133, 5, 6) и каменные жернова и пр.

Большой пласт находок составляют предметы кожевенного производства, известные еще по исследованиям Н.Ф.Калинина [453, с.135-139], Л.С.Шавохина [40, с.19; 39, с.67] и А.Х.Халикова [774]. Найдено множество деталей кожаной обуви (более 3 тыс. экз.): подошвы, голенища со следами швов и орнамента, каблуки (рис. 91). Значительная их часть происходит из раскопа XIII, района кожевенной мастерской.

Многие жители края занимались изготовлением изделий из кости: различных накладок для рукоятей ножей и других бытовых предметов (рис.17, 17, 22; 79, 9; 163, 29-31), игрушек (рис.17, 8; 79, 2; 163, 12-25), в том числе и шахматная фигурка (рис. 161, 19), кочедыков (рис.16, 5; 17, 23; 163, 33), проколов, наконечников стрел (рис.79, 8; 163, 4-9) и др.

Среди находок много бытовых предметов из камня. Наиболее часты находки пряслиц (рис.27, 8, 14), оселков – точильных камней. Сохранились также вещи из дерева: обугленные миски, гребни, обломки прялок, ткацких станков (рис.80, 1-6). К редким находкам относятся лапти (рис.80, 7), а также изделия ткачей – кусочки тканей, клубки пряжи, комки свалявшейся шерсти.

Предметы украшения представлены тремя перстнями. Из раскопа XIII происходит два перстня: один из них из «оловянистой бронзы» (рис.160, 9), а другой – серебряный, инкрустирован камнем бирюзового цвета (рис.160, 8). В раскопе XX в слое Казанского ханства был найден обломок сердоликового перстня (рис.120, 12), аналогии которому известны из нижневолжских памятников Золотой Орды [617, с.70-73].

Среди находок имеются бронзовые и серебряные литые подвески-пуговицы шаровидной и грушевидной формы с круглым ушком (рис.115, 1, 2; 117, 5; 160; 4-5). Аналогичные изделия датируются по новгородским материалам в пределах XI–XV вв., хотя, по наблюдениям М.В.Седовой, встречаются вплоть до XVIII в. [655, с.155].

Найдены и сами каменные литейные формы, по которым изготовлялись предметы украшения из цветных металлов (164, 14-17).

Произведением искусства являются изготовленные казанскими мастерами украшения саркофага одного из ханов, найденного в 1977 г. [781, рис.6-8]. Деревянная конструкция гроба была обита кожей с использованием серебряных накладок и гвоздей с рельефным растительным орнаментом (рис. 175). Представляет интерес медный гвоздик с изображением барса, обнаруженный в раскопе III 1994 г. (рис.44, 1)

При определении хронологии III слоя кремля важное значение имеют клады монет, известные еще по находкам XIX в. [17, л.3-11]. Как уже отмечалось, на раскопе II под фундаментом каменного здания периода Казанского ханства в 1996 г. Ф.Ш.Хузиным были обнаружены два больших клада монет [863, с.133]. Их определение было сделано А.С. Мельниковой и Д.Г.Мухаметшиным.

Клад № 1 серебряных монет обнаружен под северо-восточным углом здания. Непосредственно в районе клада были зафиксированы кусочки берестяного туеска (некоторые с прилипшими монетками). Клад содержал 556 монет – «чешуек» довольно хорошей сохранности. Клад № 2 был найден под северо-западным углом того же здания и состоял из 1449 монет – «чешуек». Монеты, видимо, находились в кожаном кошелье, от которого сохранились лишь мелкие обрывки.

Большой клад (№ 2) содержал по одной монете Ярославского и Можайского княжеств, 16 монет чеканены в Рязани. Города Тверь и Новгород представлены соответственно 32 и 42 монетами, Псков – 181 монетой. Остальные монеты чеканены в Москве. Самыми ранними, старшими, монетами следует считать, по заключению Д.Г.Мухаметшина, монеты Ивана Дмитриевича, Федора Васильевича и Александра Федоровича (до 1450 г.), а также монеты Новгорода и Пскова периода самостоятельности. Младшими являются монеты великого князя Василия III (1505–1533 гг.). Около 90 % монет клада чеканены в период правления великого князя московского Ивана III (1462–1505 гг.).

Малый клад (№ 1) по составу монет не сильно отличается от Большого. Это свидетельствует об одновременности их накопления. Однако в Малом нет именных монет Василия III (они считаются более поздними) и больше монет удельных княжеств. Таким образом, Малый клад формировался чуть раньше Большого. Следует подчеркнуть, что в обоих кладах отсутствуют монеты Ивана IV и обрезанные новгородские и псковские монеты, появившиеся в начале 30-х годов XVI в.

Данные клады ярко иллюстрируют период зарождения общерусской денежной системы. В начале XV в. самостоятельно чеканили монеты Псков, Великий Новгород, Великие княжества Тверское, Рязанское, Ярославское, Москва и ее уделы (Можайск). Они и представлены в найденных кладах. Оба кремлевских клада относятся к Великокняжескому периоду.

С более поздним временем связан еще один клад монет. Он происходит из раскопа XXXIV, исследованного А.Г.Ситдиковым [578].

Что же представлял собой третий клад монет, найденный в постройке, погибшей в дни трагичных событий 1552 г.?

В 1533 г. после смерти великого князя Василия III на русский престол был посажен Иван IV, а регентом была определена мать малолетнего Ивана – Елена Глинская. Социально-экономическое положение требовало проведения денежной реформы, которая должна была покончить с феодальной раздробленностью в денежной системе Руси. В Никоновской летописи под 7043 г. (1535) читаем: «Того же месяца марта князь великий Иван Васильевич всея Руси и его мать великая княгиня Елена велели переделывать старые деньги на новые» [117а, с.85]. В обращение выпускаются копейки, деньги и полушки нового образца. Полушки чеканились эпизодически и встречаются крайне редко, поэтому естественно, что в Казанском кладе имеется только 2 номинала – копейка, деньга. Для этих номиналов нового образца был выбран рисунок всадника, причем для копейки – с копьем, для деньга – с саблей. Деньги в основном чеканились в Москве, частично в Твери. Таких монет в кладе 138 шт. Копей-

ки чеканились в Новгороде и Пскове, их в кладе 22 шт. Денежная реформа строго регламентировала монетное производство. Было ликвидировано право откупа монетного регалия частными лицами. Чеканить монеты разрешалось только на государственных монетных дворах. Все монетное производство сконцентрировалось на трех монетных дворах – Москвы, Новгорода, Пскова.

В начальной период реформы чеканили мечевые копейки – монеты с новым рисунком (всадник с саблей), но с прежним весом, т.е. в два раза большим. Вскоре в 1538 г. все старые деньги были «заповеданы», т.е. запрещены и изъяты из обращения. Отсутствие в кладе дореформенных денег указывает на формирование Казанского клада после изъятия из обращения старых денег, т.е. после 1538 г. Основная масса клада состоит из монет Москвы, Твери, Новгорода начало 40-х гг. XVI в. Эта копейка Новгорода с буквами ФС под копьем, чеканившаяся после 1542 г.; деньга Твери с буквой XV под копьем и деньги Москвы с надписью «князь великий Иван». К начальному периоду реформы относятся копейки Пскова, в количестве трех штук, с буквой А под копьем. В 1547 г. Иван IV получил царский титул, поэтому легенда на монетах размещалась в виде: «Царь и Князь великий Иван». В кладе имеются 6 таких монет чекана Москвы и Новгорода. В связи с принятием царского титула изменился головной убор всадника, теперь он имеет форму царской короны. В 1547 г. начался выпуск новых типов денег Москвы, с буквой ДЕ, таких в кладе не оказалось. Нет в кладе и копеек Новгорода и Пскова, выходящие за рамки 1547 г. Таким образом, можно говорить, что формирование этого комплекса монет завершается в 1547 г., в основном из монет Москвы. Имеется всего одна монета, отчеканенная, по мнению А.И.Булыгина, в начале 50-х годов XVI в. [253].

Казанский клад с учетом неопределенных монет и фрагментов составляет сумму приблизительно в 2 рубля. Принимая во внимание, что клад не является специально спрятанным и в объекте обнаружены разбитые кубышки крупных размеров, надо полагать,

в данном случае это остатки большой суммы денег, которые находились в одной из построек ханского двора. В момент попытки забрать накопленные богатства часть монет, находившихся в кубышках, видимо, была

рассыпана и была погребена под сгоревшими конструкциями дома, что и было выявлено в ходе раскопок.

Имеются и отдельные монетные находки из слоя Казанского ханства.

№	Место нахождения	Чеканка	Металл
1.	Раскоп XIII, уч.В/30, гл.260 см	Мухаммед Тимур (Кичи-Мухаммед), Орда-Базар б.г. 1424–1485	серебро
2.	Раскоп XVIII	Мухаммед Тимур (Кичи-Мухаммед), Орда-Базар б.г. 1424–1485	серебро
3.	Раскоп XVI	Мухаммед Тимур (Кичи-Мухаммед), Орда-Базар б.г. 1424–1485	серебро
4.	Раскоп XIII, А/25 -55 от 0	Олу-Мухаммед, Орда-Базар, XV в.	серебро
5.	Раскоп XIII, уч.А/25	Олу-Мухаммед, Орда-Базар, XV в.	серебро
6.	Раскоп III, уч.И/7, гл.155 см	XV в., 1420-е гг. Давлет Бердихан аджи Тархан	серебро
7.	Раскоп IV, уч.В/3, гл.180-185 см	Деньга Тверь 1535–38 гг.	серебро
8.	Раскоп IV, уч.В/3	Иван IV (?), 1535–38 г.	серебро
9.	Раскоп III, И/7, гл.155 см	Давлет Барли хан, Хаджи-Тархан, 1420 гг.	серебро

Ярким материалом, иллюстрирующим активность городской жизни, являются костные остатки. В общей сложности из III слоя раскопов Казанского кремля происходит более 130 тыс. костных фрагментов [212]. Рацион питания населения ханской Казани несколько отличается от предшествующего периода. Например, возрастает количество костей свиньи, что, несомненно, связано с ростом числа русских поселенцев на территории кремля. Много также лошадей. В числе домашних животных палеозоологи отмечают кошку и собаку. Отпечаток лапки кошки был обнаружен на одной из глиняных обожженных плиток (рис.158, 24). Об активных торговых контактах Казани свидетельствует наличие костей верблюда. В слое заметно увеличение доли охотничьей промысловой фауны (лось, косуля, кабан, медведь, заяц), обнаруженной в большинстве своем вблизи ханского двора, что, вероятно, говорит об увлечении хана и его окружения охотой.

В слоях эпохи Казанского ханства было собрано большое количество образцов зерен и семян культурных растений [589]. Видовой состав сельскохозяйственных культур в значи-

тельной степени состоит из ржи. Показателем преобладания ржи является и слабая засоренность зернового материала, что объясняется ее способностью подавлять сильнее других культур рост сорняков и спецификой его посева после чистого пара. Среди выделенных культур имеется большой процент пшеницы летней, присутствуют зерна ячменя, овса, гороха. В одной из проб зафиксированы зерна южной туранской пшеницы. Одна из проб целиком состояла из зерен малины.

Обобщая результаты исследования слоя Казанского ханства, нужно сказать, что уже накоплен значительный и уникальный комплекс вещевого материала, ярко иллюстрирующий особенности материальной культуры города этого времени. Массовый вещевой материал и отдельные предметы быта, монетные находки придают слою «свое лицо» и позволяют определить хронологические рамки его отложения. Весь объем полученных сведений и находок представляет обширную базу для последующего более детального изучения различных сторон жизни средневекового города и всего Казанского ханства.

4. КУЛЬТУРНЫЕ СЛОИ, СФОРМИРОВАВШИЕСЯ ПОСЛЕ 1552 г.

Отложившиеся после 1552 г. слои в разных раскопах имеют различную мощность. Это зависит от интенсивности хозяйственной жизни, темпов строительных работ, производившихся со второй половины XVI в. и до настоящего времени.

II слой в стратиграфической шкале Казанского кремля характеризует жизнь города второй половины XVI–XVIII вв. Он фиксируется на всей площади Кремля. У погоста Троице-Сергеевского монастыря мощность слоя не превышает 20 см, в архиерейском дворе достигает 80 см. В некоторых местах, например, на территории ханского двора слой срезан или подвергся разрушению в процессе формирования I слоя. В среднем мощность II слоя на непо потревоженных участках не превышает 50–70 см. Практически во всех раскопах он представляет собой серую или темно-серую плотную супесь с включением большого количества гумуса, древесного тлена, немногочисленных прослоек угля, кирпичного щебня и известкового раствора, выбросов материковой желтой супеси.

Наиболее интересные материалы были получены при изучении центра Кремля. Так, в раскопе I 1975 г. был обнаружен фундамент крыльца архиерейского двора второй половины XVI–XVII в., выявленный также в раскопе III 1995 г. [42, с. 11–13]. В результате раскопок 1978 г. у проезда Шейнкмана были расчищены основания каменной ограды архиерейского двора, а также следы ее более поздних перестроек в XVIII в. [46, с. 5–7].

Раскопы II, III, XX 1994–2000 гг. в сквере южнее Благовещенского собора располагались на месте каменных построек архиерейского двора второй половины XVI–XVIII в. (рис. 178–183). Культурные напластования в раскопах отличались большим количеством находок и их разнообразием. Среди вещей отмечалось значительное число привозных изделий, печных изразцов с богатой ornamentацией, часто с поливой (рис. 43). Это связано, конечно, с высоким социальным положением проживавшего здесь населения.

Здания архиерейского двора известны по

Писцовым книгам с первых десятилетий после взятия Казани русскими [96, с. 8]. Сохранились детальные планы этих многоэтажных каменных построек, выполненные в начале XIX в. [61]. Они повторяют положение построек эпохи Казанского ханства (рис. 184). Возможно, часть этих построек связана с остатками известной мечети Кул Шарифа. Однако, несмотря на неплохую письменную источниковую базу, до археологических исследований не было точно известно время их строительства.

Как уже отмечалось при описании слоев Казанского ханства, уцелевшие от разрушений фундаменты и нижние части многих зданий первой половины XVI в. продолжали активно использоваться в постройках русского времени. Сложившаяся в булгаро-татарское время планировка и особенности застройки Кремля – крепости ханской Казани после 1552 г. претерпели небольшие изменения. В целом же мы имеем полное основание утверждать, что, несмотря на значительные разрушения Кремля во время взятия города, в нем продолжала сохраняться и практически существует до сих пор структура, сформировавшаяся в предшествующие столетия.

Доминирующим и исторически наиболее значимым объектом в районе архиерейского двора, бесспорно, является пятиапсидный Благовещенский собор с большой трапезной. Он был заложен сразу после взятия Казани в 1552 г. [923]. Первоначально собор был деревянным. Ко времени составления Писцовой книги 1565–1568 гг. был уже перестроен псковскими строителями из камня. С восточной стороны северного придела собора, как записано в Писцовой книге, стояла каменная мечеть. В XVII в. с северной стороны вплотную к апсидам собора пристроили теплый каменный храм Рождества. После пожара 1815 г. храм был разобран, а собор перестроен в теплый, с калориферной системой отопления в подвальной части.

Благовещенский собор стал предметом исследования многих ученых. Не останавливаясь на достаточно обширной историографии вопроса, отметим лишь, что некоторые

исследователи до сих пор пытаются увязать его с мечетью Кул Шарифа, отмечая, что последняя просто была перестроена после взятия Казани в православный собор [196, с.46-48]. Для более полного и объективного изучения этого спорного вопроса нами в 1997 г. был заложен раскоп XI с восточной стороны собора, где были исследованы центральная и две северные апсиды [672].

Стратиграфически с собором связано два строительных горизонта, выявленные на глубине 80 см от современной поверхности (рис. 83). Нижний горизонт отражает период строительства центральной и северной апсид. Он представляет собой прослойку желтой материковой супеси, насыщенной известняковыми камнями и известковым раствором. Эта прослойка покоится на следах пожарища 1552 г. Второй строительный горизонт, состоящий из бурой плотной супеси с включениями большого количества материкового суглинка и известнякового камня, ложится на небольшую прослойку грунта в 5–7 см толщиной, сформировавшегося над первым строительным горизонтом. Центральная и примыкающая к ней с севера апсида имеют одинаковую глубину основания фундамента – 512 см от современной поверхности, крайняя северная – 387 см (рис. 83; 84). Важно обратить внимание также на этапы сооружения фундаментов апсид. Крайняя северная апсида примыкает к южной от нее апсиде без перевязки в кладке, что говорит о более позднем характере ее возведения. Итак, удалось установить, что центральная и ближайшая к ней северная апсиды построены одновременно в раннерусское время, а северная крайняя апсида была пристроена к ним позднее. О русском времени строительства Благовещенского собора свидетельствует также выявленный в кладке стены, над дверью, надгробный камень периода Казанского ханства (приложение 1). Существование таких камней с арабской вязью в кладке собора отмечалось и путешественниками XIX в. [145, с.83]. Подобное использование мусульманских надгробных камней характерно для православных храмов Среднего Поволжья, что мы знаем по церквям в г.

Булгаре и архиерейской даче в Казани.

Дополнительные исследования 2001 г. были проведены во внутренней части Благовещенского собора [678]. Исследования велись в подвале собора раскопом и двумя шурфами, заложенными на разрушенном участке лестничного марша со стороны северного придела под бывшей ризницей святителя Гурия.

Археологические исследования внутри Благовещенского собора позволили определить этапы строительства его северного придела. Характер белокаменной кладки стены и лестничного марша собора говорит об их единовременной постройке. Под лестничным маршем фиксируются остатки культурного слоя эпохи Казанского ханства и более ранние напластования, относящиеся к домонгольскому времени. Здесь были отмечены объекты дорусской застройки, в частности, хозяйственные ямы булгаро-татарского времени в верхней части лестничного марша.

Полученные результаты указывают на то, что собор был возведен сразу после 1552 г. с тремя апсидами, к которым через определенный промежуток времени были пристроены две крайние апсиды. Конечно, собор был построен не на пустом месте и предположения о существовании в этом районе постройки ханского времени, возможно, и мечети не безосновательны. Они согласуются с упоминанием в Писцовой книге 1565–1568 гг. мечети напротив северного придела собора [96, с.3]. Известно также, что при расширении собора, в западной его части, в середине XIX в. было найдено несколько кладов джучидских монет и архитектурные детали в виде восточных гипсовых герихов [453, с.118]. По всей вероятности, вблизи, но не на месте собора находилось здание (мечеть?), с которым связаны эти клады и архитектурные детали.

Длительное время сохранялась застройка и ханского двора. Каменные постройки продолжали использоваться до рубежа XVII–XVIII вв. Чуть позднее на их месте с сохранением характера предшествующей застройки возводится ряд новых объектов, что наглядно продемонстрировали археологические исследования 1998–2001 гг. (рис. 121;

126, 127). К этому времени, в частности, относится строительство башни Сююмбеки, Введенской церкви, построенных на месте Ханской мечети и мавзолеев.

В начале XVIII в. на бывшей территории ханского двора возводится комплекс Оберкомендантского дома [204, с. 8-11]. В раскопе XXXIV разбитом на территории Президентского сада вдоль южной ограды, фиксировались слабо сохранившиеся из-за поздней срезки напластования II слоя. С ними связаны остатки сильно разрушенного кирпично-каменного сооружения. Данное сооружение было зафиксировано в виде следов свай-коротышей с кирпично-известняковым щебнем и древесной трухой в заполнении. Сваи имеют в сечении треугольную и округлую форму диаметром 15–20 см и заглублены в грунт на 30–40 см. Они образуют полосы в три ряда, в которых расположены на расстоянии 20–25 см друг от друга. Эти полосы шириной 100–120 см и создают контуры прямоугольного здания размерами 10 x 15 м, вытянутого по линии запад-восток (рис. 183).

С восточной стороны кирпично-каменного здания было выявлено еще одно крупное сооружение, углубленное нижней частью в землю. Оно представляло собой подпрямоугольное в плане яму (13 x 5,5 м), ориентированную по линии запад-восток, в которую были опущены два сруба размерами 12,5 x 5 м каждый. Заполнение западного сруба состояло из рыхлой серой супеси с включениями угля, кирпичного щебня. Внутри, у юго-западного угла, располагались остатки кирпичной печи (180 x 140 см). В срубе было найдено большое количество ошлакованных поливных печных изразцов, бутылочного стекла, монет начала и первой половины XVIII в. В восточном срубе заполнение представляло собой скопление крупных кусков железного шлака, кирпича и известняковых камней, в котором в центральной части сруба найдены множество оплавленных и целых стеклянных изделий, медные кресты, монеты первой половины XVIII в., белоглиняные голландские трубки, бутылочное стекло, различные железные изделия (рис. 122; 124, 6, 9, 11, 13, 159, 1-3). На основании собранных материалов можно говорить, что оба сруба

являются синхронными объектами, существовавшими с начала XVIII в.

Активным исследованиям в последние годы были подвергнуты фортификационные сооружения Кремля. По письменным источникам начало их строительства увязывается с каменным строительством псковских мастеров. Уже через несколько лет после взятия города, согласно Писцовой книге 1566–1568 гг., в Казанском кремле были построены из камня здания и часть стен. К 60-м годам XVI в. Кремль имел 300 сажень каменных стен с южной стороны. С северной стороны, по Писцовой книге: «...до Никольских и Воскресенских ворот каменные ж стены меж городовых дубовых стен меры 15 саж.» [96, с. 1]. Следовательно, где-то между Тайницкой (Никольской) и Воскресенской башнями имелся участок каменной стены длиной более 30 м.

В течение всего периода существования каменные стены и башни Кремля неоднократно подновлялись [65, с. 13-15]. Крупные ремонтные работы были проведены в 30-е годы XIX в. на значительном протяжении стен с заменой старой облицовки известняковым камнем в нижней части с закладкой камор. С внутренней стороны кремлевских стен начал интенсивно нарастать культурный слой, особенно в местах понижения холма. На отдельных участках к концу XX в. он вырос до поверхности боевого хода.

Обширные исследования каменных фортификационных сооружений были проведены в северной оконечности Кремлевского холма. Исследуемый раскопами XLIII, XLIII А, Б, В участок прясла стены (7–8 по современной нумерации) находился между Тайницкой и Северной башнями [674]. Общая длина этой части стены составляет 124 м. Она является северной частью оборонительной системы Кремля, расположенной вдоль реки Казанки в верхней части крутого склона холма.

В 1935 г. Н.Ф.Калининым в районе северной стены кремля за бывшим Губернаторским дворцом был заложен небольшой раскоп площадью 12 м², глубиной более 5 м [14; 446]. В разрезах культурных напластований Казанского ханства фиксировались прослойки строительного мусора и отмечался котло-

ван со стороны кремлевской стены, прорезанный частично котлованом ее ремонта XIX в. Возможно, обнаруженный им котлован связан с каменной стеной северной ограды ханского двора.

В раскопах слой русского времени состоял из серой плотной супеси с включениями угля, древесного тлена и мелкого известнякового щебня [674]. Мощность отложений достигает 60 см с резким увеличением до 100 см в западной части раскопа 43 Б. С периодом его формирования связано функционирование более 50 объектов хозяйственного и жилого назначения. Интерес вызывает две небольшие прямоугольные жилые постройки (320 x 200, 440 x 460 см) в 1 секторе раскопа 43 Б. В них обнаружены неполные красноглиняные изразцы, железные светцы, большое количество керамического материала. Дневные уровни построек восходят к средним горизонтам II слоя.

Северная стена прослежена в раскопах на высоту 5 м, из них верхняя, кирпичная кладка фиксируются на высоту до 3 м, известняковые блоки в основании фундамента – более 2 м. Отмечается три горизонта подновления стен. Большая часть облицовки выполнена из красного современного кирпича. На некоторых участках сохранилась часть кладки из кирпича более ранних ремонтов. Основная часть стены состоит из плохо отесанных известняковых блоков средних и крупных размеров (высота – 20–40 см, длина – 30–80 см). В значительной степени эта кладка представляет собой результат поздних подновлений. Следов камор и мест их закладки не выявлено. Вероятно, из-за значительных разрушений, отмеченных на плане 1809 г. с указанием ремонтных работ с внутренней стороны стен с полной заменой облицовки, каморы к нижним бойницам не восстанавливались. Нижняя часть кладки в два-три ряда каменных блоков, отличная от вышележащих, связана с ранним строительством стены. К сожалению, определить время их возведения оказалось невозможным из-за многочисленных поздних ремонтных перекопов, уничтоживших дневной уровень строительства стен. Важно, однако, отметить, что в культурных напла-

стованиях, начиная с верхних отложений Казанского ханства, фиксируются выбросы материкового суглинка и прослойки строительного мусора, насыщенного известняковыми камнями и известковым раствором. Отмечаемые в слоях строительные горизонты имеют увеличение со стороны стены. Аналогичные отложения отмечаются и в более поздних слоях. По нашему мнению, обнаруженные прослойки связаны с различными этапами возведения стен и их ремонта. По большому счету, вопрос о преемственности оборонительных сооружений булгаро-татарского и раннерусского времени на этом участке стен Кремля остается пока открытым.

Археологическим исследованиям был подвергнут небольшой участок стены между Северо-Западной и Тайницкой башнями. Основание стены было выявлено на глубине 370 см от современной поверхности. Оно прорезало все объекты дорусского времени. Котлован фундамента использован в качестве опалубки. Кладка вплотную примыкала к ее стенкам. Фундамент стены на разных уровнях различался по характеру кладки. В основании ее выделялась прослойка из средних и мелких известняковых камней высотой до 25 см, скрепленных известковым раствором. Выше на высоту 74 см залегала кладка из крупных известняковых камней. Они выложены ленточной кладкой с проливкой известкового раствора толщиной до 15 см между горизонтальными слоями. Над вторым горизонтом фиксировалась кладка высотой 120 см из крупных известняковых камней, скрепленных известковым раствором. Поверх них идет ремонтная облицовка второй половины XX в. Стратиграфически время строительства первоначальной каменной стены датируется второй половиной XVI в.

Самостоятельным исследованиям были подвергнуты некоторые сохранившиеся и разрушенные каменные башни Кремля. Раскопом IV были изучены с внутренней, юго-восточной стороны Воскресенские ворота [883]. Они расположены в низменной части Кремля со стороны р. Казанки. Местоположение Воскресенской проездной башни соотносится с Елбугиными воротами периода

Казанского ханства [5, с.312]. Судя по письменным источникам, ворота были построены из камня к 60-м годам XVI в. с надвратной церковью Воскресения Христова. Во второй половине XIX в. башня была заложена и перестала быть проездной. В середине XX в. в связи с подъемом воды Куйбышевского водохранилища она почти до половины своей высоты была засыпана.

Здесь был вскрыт фундамент башни из крупных известняковых камней, скрепленных известковым раствором (рис. 46; 48). Он уходил на глубину 230 см от основания заложеного проема въезда. В данном облике Воскресенские ворота построены уже после взятия Казани [883, с.88]. Строительный горизонт стены был связан с нижними напластовками II слоя и перекрывал слой Казанского ханства.

Интересные сведения были получены исследованиями северного пилона Преображенской проездной башни в юго-западной части Кремля. Время ее возведения априорно относят к 50–60-м годам XVI в., полагая, что она построена псковскими мастерами. В Писцовой книге 1565–1568 гг. Преображенские ворота упоминаются и под названием Сергиевские, при этом составители отмечают, что раньше они назывались Тюменскими [96, с.6].

Охранные работы в 2001 г. осуществлялись раскопом L, заложным с юго-восточной стороны ворот [675]. Была исследована кладка фундамента башни и примыкающий к ней небольшой участок стены. Котлован фундамента имел отвесные стенки и ровное дно на глубине 120 см от уровня материкового подзола (по наблюдениям с северной стороны он залегал намного глубже). Стенки котлована использовались в качестве опалубки кладки. Нижняя часть башни и стен была сложена в перевязку из белокаменных тесаных блоков ленточной кладкой, скрепленных известковым раствором. Выше поверхности подзола фиксировалась замена внешней белокаменной кладки стен кирпичной рубашкой. Дневной уровень уничтожен во время срезки грунта. Наши наблюдения позволили подтвердить единовременный характер строительства Преображенской проездной башни и примы-

кающей к ней стены.

Наблюдения в траншее с северной стороны ворот позволили изучить специфику строительной техники ее северного пилона. На данном участке был отмечен контрфорс со значительным расширением книзу. Основание фундамента покоилось глубже уровня прокопанности траншеи (около 3 м). Большая глубина залегания основания фундамента, возможно, объясняется находящимся под ним углублением ложбины. По этой причине основание ворот с этой стороны было заложено намного глубже, чем с южной стороны. Строительный горизонт башни перекрывает напластования булгаро-татарского времени.

Северо-Восточная круглая башня расположена в низменной части Кремля и предположительно построена в конце XVI в. Аварийное состояние башни из-за неблагоприятных геологических условий стало причиной ее разборки в начале XIX в. Археологически она вскрывалась П.Н.Старостиным в течение полевых сезонов 2000–2001 гг. [204, с.27–29; 709]. Изучение стратиграфии культурных напластований показало, что строительный горизонт башни покоился на углистой прослойке, предположительно связанной с пожаром 1552 г. Датирующей время возведения башни находкой, по мнению автора раскопа, является наличие обломка мусульманского надгробного камня в кладке фундамента, который мог использоваться в таком качестве только после событий 1552 г.

Сохранившаяся высота основания Северо-Восточной башни составила около 3,5 м, диаметр около 7 м. С внутренней стороны Кремля фиксируется проем-вход в нее. Котлован фундамента башни был использован в качестве опалубки. Кладка выполнена из крупных известняковых камней, скрепленных известковым раствором путем заливки. Пространство между внешними тесаными камнями крупных размеров заполнено нетесаными известняковыми камнями мелких и средних размеров и залито известковым раствором. Внутренняя часть башни на высоту более 2 м от основания фундамента до уровня основания проема входа заполнена известняковыми камнями, скрепленными заливкой известкового

раствора. С внешней стороны фиксируется разрушение внешней кладки и сползание камней по склону холма. Возможно, с этими естественными процессами и связано разрушение башни в начале XIX в.

Интересными представляются результаты раскопок Пятигранной башни, располагавшейся на крутом изломе западной кремлевской стены на узком и высоком участке склона [851]. Раскопом были вскрыты контуры пятигранной в плане верхней части основания башни, повторяющей контуры края склона (рис. 137; 138). Внутренние ее очертания в нижней части имели округлую форму, в верхней – прямоугольную. Стены башни с северной стороны имеют длину 15,5 м, ширину 3,5 м, с южной стороны – соответственно 14 и 3,5 м, с западной – 13 и 2,7–3,6 м. Сохранившаяся высота – 4,5 м. Кладка стены башни ленточная из крупных известняковых камней, скрепленных известковым раствором толщиной до 3 см. Она идет в перевязку с кладкой стены Кремля. С внешней стороны башни фиксируются остатки контрфорсов по укреплению стен от сползания. По наблюдениям исследователя, контрфорсы имеют несколько этапов подновления. Наиболее ранняя связана с периодом сооружения башни в конце XVI столетия. По имеющимся данным, башня разбирается в начале XIX в. после серьезных повреждений во время штурма Кремля в 1774 г. пугачевскими войсками, фиксируемого в раскопе слоем пожара толщиной до 60 см, а также из-за естественных деформаций в связи со сползанием ее по склону холма.

В числе относительно полно изученных ворот Казанского кремля является Тайницкая проездная башня в северо-западной части Кремля [582]. По Писцовой книге 1565–1568 гг. эти ворота известны как каменные Никольские [96, с.1]. Название связано с располагавшимся рядом приделом Николы Чудотворца церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы. На месте этих ворот или поблизости от них в период Казанского ханства находились Муралеевы ворота [96, с.8]. Наименование «Тайницкие» закрепилось за ними только в начале XIX в.: в 47 саженях к

юго-западу от них, у источника питьевой воды, располагались посадские Тайницкие ворота, сломанные в 30-е годы XVIII в.

Археологическое изучение Тайницкой башни предпринималось еще в начале 1950-х годов Н.Ф.Калининым. Был изучен спуск к нижним бойницам башни, известным еще по описаниям Ю. фон Каница как засыпанная лестница к тайному источнику [459]. Небольшие раскопы Н.Ф.Калинина были заложены и с юго-восточной стороны башни [24]. Удалось выявить основание башни, изучить технику кладки и определить время ее строительства. Стратиграфически строительный горизонт башни, по его мнению, связан с ранними горизонтами II слоя. Аналогичные выводы были сделаны Н.Г.Набиуллиным по результатам исследований 2001 г.

Изучение Северной башни Кремлевской стены начинается в конце 1960-ых годов. В ходе исследований были выявлены основания двух разновременных каменных башен: круглой, построенной во второй половине XVII в. (ранее 1675 г.), и квадратной, о времени строительства которой в источниках не содержалось никаких сведений.

В результате археологических работ 2000–2003 гг. удалось установить, что башня сооружена из крупных, хорошо отесанных белокаменных блоков, скрепленных известковым раствором [204, с.24–26]. Сохранившаяся высота башни 4 м при толщине стен до 2,5 м. В плане она вытянута вдоль кремлевской стены, имеет размеры 9,5 x 8 x 7,6 м. Внутри башни сохранились контуры трех камер. Кладку стены квадратной башни перекрывают плохо сохранившиеся остатки круглой башни. Она сложена из крупных известняковых блоков, скрепленных заливкой известковым раствором с включениями кирпичного щебня. Фундамент несколько сдвинут по направлению понижения склона, что, возможно, и объясняет ее разборку в XIX в.

Строительный горизонт квадратной башни был четко зафиксирован в верхнем горизонте III слоя. Она построена, по мнению исследователей, не позднее первой четверти XVI столетия [204, с.24–26]. Этим же временем, возможно, датируется и часть каменной

стены, примыкающей к башне с двух сторон.

Укрепления раннего, болгаро-татарского кремля, расположенные с восточной стороны архиерейского двора вдоль склона Кремлевского холма, продолжали функционировать и в русское время [61, с.41–66; 62, с.26–44; 204, с.12–18]. Эта стена, зафиксированная на чертежах конца XVII в. (рис. 182), была разрушена лишь в середине XVIII в. (рис. 183) [61; 191]. В этом районе на плане XVII в. обозначены кирпичные и деревянные постройки архиерейского двора, которые были разрушены в начале XIX в. (рис. 184).

Наиболее четко весь процесс перестроек и разрушений удалось проследить в раскопе X [63]. В нем стратиграфически зафиксирован котлован фундамента стены, связанный с ее реконструкцией (рис. 81). В раскопе, кроме того, были выявлены следы последующего использования остатков стены в качестве фундамента для хозяйственных построек архиерейского двора, известных по чертежам второй половины XVIII в. Эти здания были уничтожены также в начале XIX в.

В раскопах XVIII, XIX, XXXIII следов реконструкции каменной стены болгаро-татарского времени во второй половине XVI–XVIII вв. не было выявлено [204, с.12–18]. Как установлено раскопами 2000–2002 гг., здесь, в районе Губернаторского дворца, новая (русская) линия укреплений отходила от линии болгаро-татарской стены и шла в сторону Северной башни, не повторяя, как прежде, рельеф местности.

Таким образом, новые данные археологических исследований говорят о появлении белокаменных стен кремля в основном во второй половине XVI в., т.е. в раннерусское время. При этом надо учесть, что на отдельных участках каменные укрепления, построенные еще в домонгольское время и в ханский период (Северная башня и, возможно, прилегающие участки стены), не утратив своего фортификационного значения, органично вошли в систему фортификации русского кремля и стали неотъемлемой частью его структуры. В целом же следует признать, что расположение стен русского кремля почти в точности повторяет линию их разме-

щения в эпоху Казанского ханства.

Интересные результаты о характере напластований II слоя были получены в раскопах VI, VII во дворе Юнкерского училища [50–53]. Здесь была исследована территория, принадлежавшая с середины XVI в. до конца XVIII в. Троице-Сергиевскому монастырю. Археологически прослежено два этапа его функционирования [882, с.88].

К первому периоду существования монастыря относится погост (вторая половина XVI – вторая половина XVII в.). Определены границы раннего монастырского кладбища площадью 4500 м² (рис. 181), где было вскрыто более 50 погребений (рис.50–53). Могильные ямы имеют прямоугольную форму с отвесными стенками и ровным дном на небольшой глубине – 30–40 см. В ряде случаев могильные ямы перекрывают более ранние, что говорит о длительном периоде существования этого погоста. Все погребения грунтовые с единым обрядом погребения, соответствующим православным канонам. Умершие лежат на спине головой на запад, руки скрещены в области груди или на животе. Лицевая часть черепа обращена вверх, хотя в некоторых случаях повернута или на север, или на юг, что, вероятно, связано с последующим их сдвигом. Костяки в основном одиночные, иногда и парные. В большинстве случаев это останки взрослых людей, реже детские (Приложение 4). Все они покоятся в дощатых гробах, сколоченных без гвоздей. По форме гробы в виде трапеции с сужением к ногам костяка.

После прекращения функционирования погоста территория была использована под жилые и хозяйственные постройки монастыря. Эти постройки в некоторых случаях прорезали могильные ямы. В жилых помещениях были выявлены остатки печей, украшенных красноглиняными изразцами (рис. 70). Поздняя монета из этих помещений датируется первой половиной XVIII в. (деньга 1748 г.) По письменным источникам, Троице-Сергиев монастырь не восстанавливался после его гибели в пожаре 1774 г. во время штурма кремля Е.Пугачевым [757, с.182–183]. До начала XIX в. эта территория при-

надлежала мастерским Пушечного двора.

Южнее вышеописанных раскопов в 1998 г. были заложены раскопы XVII, XVII А (рис.6). Упоминания о застройке этой части Кремля до завоевания края русскими отсутствуют [701]. В последующие годы, судя по письменным источникам, этот участок осваивался интенсивно. Описание этого места можно найти в Писцовой книге 1565–1568 гг., где упоминается район у Преображенских ворот и старых городских стен ханского времени [96, с.8–10]. В ранний период освоения русскими он являлся частью Троицкого монастыря или примыкал к нему с южной стороны. Недалеко от них проходили старые «городовые» деревянные стены. После их разрушения эта территория использовалась Преображенским монастырем. У кремлевских стен располагались монастырские конюшни, возможно, кирпично-каменные, к которым с восточной стороны примыкал сад, как это можно видеть на чертежах XVIII в. (рис. 182; 183). В 20-е годы XIX в. вся площадь от Пушечного двора до Преображенского монастыря была отдана военному училищу. На этом месте было построено здание казармы, которое использовалось до 1993 г. С началом строительства мечети Кул Шарифа в 1996 г. здание казармы было снесено.

В раскопах выявлены остатки нескольких хозяйственных построек с глинобитными печами, а также кладка кирпично-каменных зданий, связанных, по всей вероятности, с вышеупомянутыми конюшнями Преображенского монастыря. Мощность слоя не превышала 70–80 см. Помимо массовых находок привлекает внимание деревянный кубок высотой 24 см, сделанный на токарном станке. Он обнаружен в завершении напластований II слоя.

Были получены новые сведения по планировке улиц Кремля в русское время. В раскопе I были выявлены остатки деревянного мощения улицы, упоминаемой в Писцовой книге 1565–1568 гг. [58]. Она полностью ложилась на улицу Казанского ханства (рис.10). С ее прослойками соотносились строительные горизонты нескольких построек (рис.10). Застройка этого района в сравнении с ханским периодом была менее загружена. Передача этой территории под Пушечный двор во

второй половине XVII в. привела к появлению здесь производственных сооружений. В раскопе были выявлены две постройки прямоугольной формы, углубленные в землю, с известковыми стенками, заполненные железным шлаком и древесным углем.

Остатки улицы, относящиеся ко II слою, были обнаружены также в раскопе XIII (рис.6). Она, как и в других раскопах, проходила по верх уличных мостовых Казанского ханства [863]. Мощение улицы на этом участке не прекращалось до начала строительства Губернаторского дворца в середине XIX в.

Аналогичная картина наблюдалась и в раскопе IX, где проходила описываемая в Писцовой книге 1565–1568 гг. улица от Воскресенских ворот к Благовещенскому собору [62; 96, с.11]. Она функционировала также с болгаро-татарского времени до XIX в. (рис. 76а; 76б).

Как уже отмечалось выше, планировочная структура Кремля в этот период не претерпела значительных изменений по сравнению с предыдущим периодом. Он продолжал развиваться в рамках уличной сетки, сформировавшейся в болгаро-татарский период.

Хронология II слоя. Наиболее массовыми находками из слоя являются фрагменты глиняной посуды. 70% от общего количества керамики составляет так называемая «татарско-русская керамика» (по определению Т.А.Хлебниковой). В этой группе преобладает серая мелкопесочная лощеная и нелощеная посуда, которая составляет до 50% от ее общего количества. Форма сосудов отличается большим разнообразием (горшки, кувшины, сковородки, рукомыльники и др.) (рис. 30; 63; 76). Многочисленная в составе этой группы керамика бурая (серая) с черной поверхностью – до 40% от общего количества керамики (рис. 27, 45; 61). Важное место занимает также керамика в развитии белоглиняной (рис. 32; 64). Она достигает до 20% от состава группы, а преобладающей ее формой являются горшки.

В керамическом материале большую долю – до 20% от общего количества всей керамики – занимает «русская». В ней выделяется белоглиняная (рис. 25; 26; 59; 60; 73; 74) и серая песочно-дресвяная керамика (рис. 31; 61; 75). По форме это в основном горшки.

Керамический комплекс из II слоя несет все черты, характерные для русской глиняной посуды XVI–XVIII вв. [626, с.61–64, 73–80; 624, 31–34; 625, с.59–62; 631, с.22–78; 392]. Абсолютное преобладание в составе находок из II слоя подобной керамики является свидетельством того, что со второй половины XVI в. Казань стала городом с преимущественно русским населением.

В числе керамических изделий этого времени важное место занимают изразцы и глиняные игрушки – также характерные элементы материальной и духовной культуры русского городского населения XVI–XVIII вв. Изразцы представляют собой яркий вещевой комплекс с сюжетными и растительными рисунками (рис. 43; 70; 155). На сегодня в Кремле выявлено более 1000 фрагментов изразцов, из них более десятка целых. Значительная их часть состоит из красноглиняных изразцов без поливы, иногда с сюжетным рисунком, характерным для более ранних форм XVI–XVII вв. [598, с.46–49; 625, с.62–66; 626, с.83–88]. Среди них имеются настенные изразцы, хотя присутствует небольшая группа поясовых и перемышных.

Очень яркую и выразительную группу составляют поливные изразцы (рис. 43, 1, 2). Среди них есть несколько ранних красноглиняных с зеленой поливой и сюжетным орнаментом, характерным для середины XVII в. [625, с.66; 624, с.88–90]. Большая их часть представлена полихромными рельефными изразцами. Они датируются по материалам памятников XVII в. [625, с.66–68; 624, с.90–93]. Реже встречаются белоглиняные изразцы с бело-голубой плоской росписью, характерные для более поздних периодов [624, с.90, 93].

Своеобразную группу керамических изделий составляют игрушки. В ней выделяется большая группа птичек-свистулек (рис. 17, 27; 69, 8; 79, 5; 158, 14–19, 21). В меньшей мере представлены красноглиняные лошади без ангоба и со сплошным ангобом без всадника или вместе с ним (рис. 69, 7; 119, 6). Имеется один экземпляр игрушки в виде медведя в наморднике (рис. 17, 25). Весь этот комплекс игрушек характеризует русскую эпоху XVI–XVII вв. [626, с.268–272].

Своеобразную группу находок составляют красноглиняные и сероглиняные курительные трубки турецкого типа (рис. 82, 1, 2; 158, 4–8), а также белоглиняные трубки голландского типа (рис. 158, 1–3) и поливные керамические аптечные банки («помадки») (рис. 159, 10, 11), появление которых увязывается с концом XVIII – началом XIX в. [285; 369; 625, с.72–74; 512, с. 44; 514, с. 60–68].

Поливная керамика из этого слоя состоит в основном из белоглиняных поливных сосудов грязно-желтого, грязно-зеленого, бурокоричневого цветов (рис. 159, 1–9). Подобная керамика встречается обычно при раскопах объектов XVII–XVIII вв. [516, с.101–102; 631, с.51–52; 514, с. 61].

В числе массовых находок без четкой даты можно назвать каменные и глиняные рыболовные грузила различных форм (рис. 19, 1, 3–6; 55, 13; 79, 8), пряслица (рис. 19, 11–13).

В слое также встречаются кирпичи. Их размеры: длина от 21 до 31 см, ширина 12–15 при толщине 6–8 см. Этот разноразмерный объясняется изменением их стандарта в период отложения II слоя [626, с.96]. Для ранних горизонтов и сооружений характерны большемерные кирпичи. Интересны лекальные кирпичи, обнаруженные преимущественно в постройках XVII в. В основном они тесаны из целых кирпичей, имеют грубые формы в виде карнизов, пилястров, а иногда настенные узоры в форме цветка. В числе строительных материалов из глины можно назвать ромбовидные (20 x 20 x 6 см) сероглиняные со сплошной черной лощеной поверхностью половые плитки, известные также по московским материалам с XVI в. [624, с.35–36; 626, с.97]. Снизу у плиток имеется также ромбовидная полость (5 x 5 см) глубиной 3 см. Все они происходят из района архиерейского двора.

Обширным комплексом представлены предметы быта, изготовленные из железа. Наиболее массовыми находками являются гвозди (рис. 13, 13–16, 22–24), скобы (рис. 13, 3), обувные подковки, ножи (рис. 55, 14), встречаются также подсвечники (рис. 77, 3, 4; 85, 10; 125, 11), топоры (рис. 55, 16, 18). В числе подобных находок имеется биметаллический антропоморфный ключ (рис. 160, 21).

К числу металлических предметов относятся несколько чугунных пушечных ядер. Основная их часть встречена в завершении II слоя, что позволяет увязывать их событиями штурма Казани Е.Пугачевым в 1774 г.

Среди предметов вооружения следует отметить свинцовые пульки.

Небольшой комплекс датирующих предметов составляют монеты. В значительной степени это медные и серебряные монеты XVIII в.

Описание монет	Местонахождение	Металл	Коллекционный номер
Россия, гривенник 1742 г.	раскоп II, уч. 3 / 10	Серебро	К.К. 95- II/
Россия, гривенник 1751 г.	раскоп III, уч. И / 8, шт. 2	Серебро	К.К. 95- III / 355
Россия, деньга 1737 г.	раскоп IV, уч. Б / 5, сл. II, гл. 217	Медь	К.К. 95- III/
Россия, копейка 1756-1757 г.	раскоп IV, уч. В/7, шт. 11	Медь	К.К.95-IV/ 773
Россия, полушка 1769 г.	раскоп IV, уч. В/7, сл. II	Медь	К.К.95-IV/
Россия, деньга 1750 г.	раскоп IV, уч. В/8, сл. II	Медь	К.К.95-IV/
Россия, копейка сибирская 1779 г.	раскоп IV, уч. В/8, сл. II	Медь	К.К.95-IV/
Россия, полушка 1731 г.	раскоп IV, соор. 1, шт. 7	Медь	К.К.95-IV/ 152
Россия, деньга 1748 г.	раскоп VI, соор. 35, сл. II, выб. 2	Медь	К.К.96-VI/ 429
Россия, полушка 1736 г.	раскоп VI, соор. 35, сл. II, выб. 2	Медь	К.К.96-VI/ 428
Россия, деньга 1759 г.	раскоп VII, уч. А/1, шт. 14, сл. II	Медь	К.К.95-VII/
Россия, деньга 1737 г.	раскоп VII, соор. 8, сл. II, выб. 1	Медь	К.К.95-VII/
Петр I, копейка	раскоп VIII	Серебро	К.К.95-VIII/ 253
Петр I, копейка 1690 г.	раскоп VIII	Серебро	К.К.95-VIII / 254
Петр I, копейка 1705 г.	раскоп VIII	Серебро	К.К.95-VIII / 225
Петр I, копейка 1705 г.	раскоп VIII	Серебро	К.К.95-VIII / 256
Алекс.Мих., Москва, копейка 50-е годы XVII в.	раскоп VIII	Серебро	К.К.95-VIII / 257

Среди находок есть предметы православного христианского культа. Это нательные кресты из меди и латуни (рис. 160, 12, 13). Большая их часть была обнаружена на территории архиерейского двора. В числе культовых предметов можно назвать медный колокольчик, обломки латунного оклада иконы.

Привлекает внимание комплекс стеклянных изделий: многочисленные обломки вино-водочной посуды отечественного и импортного производства. Большая их часть была обнаружена на территории архиерейского двора и в постройках Троице-Сергеевского монастыря. Штофы были изготовлены

из прозрачного стекла, иногда с зеленоватым оттенком. Бутылки были из темного зеленого стекла с выпуклым глубоко вовнутрь дном. На некоторых встречаются пломбы «LONDON». Аналогичная посуда бытовала в XVIII-XIX вв. [514, с. 66-67]

В числе стеклянных изделий назовем большое количество бус; около 200 обнаружено в засыпи подвала оберкомендатского дома. В нем же были найдены более 20 стеклянных пуговичных вставок и пуговиц со вставками.

Характерными и многочисленными находками из этого слоя является оконная слюда со следами отверстий для крепления к раме

(рис. 164, 11-13). Они хорошо известны по археологическим материалам русских городов этого времени [320, с.46; 512, с. 44].

Среди изделий из камня выделяется небольшая группа кремневых сколов, обнаруженных в объектах конца XVII до XVIII вв. (рис. 1-10). Вероятно, они использовались в качестве пищального или кресального кремня [514, с. 61, 68, таб. 5, рис. 4, 10, 11].

Видовой состав животных, реконструируемый А.Г.Петренко по костным находкам из русского слоя, сильно отличается от предшествующего времени [603; 604]. Происходит заметное увеличение доли свиньи (7,9%). При этом любопытно сопоставление остеологического материала Казанского кремля с материалами русских городов этого же времени. Так, в Казани сохраняется, как и прежде, большой процент потребления конины (27%), тогда как в Москве XVI в. она не превышает 4,5% (потребление свинины достигает 27,6 %). Объяснением этому могут служить, возможно, две причины. Одна из них связана с влиянием на русских переселенцев местных традиций и специфики расположения города на южном торговом пути, с тесными контактами со степными скотоводами-кочевниками. Другая, видимо, кроется в активном механическом вовлечении в процесс формирования II слоя материалов нижележащих, более ранних слоев с иным соотно-

шением костных остатков, что накладывает отпечаток на видовую пропорцию.

I слой*, накопленный в XIX–XX вв., характеризуется позднейшими отложениями строительного мусора, небольшими ремонтными прослойками над уличными мостовыми в центральной части и засыпью понижений холма у кремлевских стен мощностью до 3 м. Верхний его горизонт связан с современной поверхностью. В целом этот период в истории Казани хорошо обеспечен письменными источниками и не требует подробного описания специфики археологического залегания напластований и характеристики полностью сохранившихся объектов.

Итак, проведенные исследования на территории Кремля позволили по-новому взглянуть на русский период ее освоения. Уточнена история возникновения и развития ряда объектов и целых комплексов в различные периоды их развития. Но остались открытыми проблемы, связанные с башней Сююмбике, Введенской церковью, Спасо-Преображенским монастырем, колокольной Благовещенского собора и др.

Изучение прошлого Казанского кремля после 1552 г., бесспорно, остается одним из актуальных направлений дальнейших исследований. Особенно значимыми эти проблемы становятся с началом широкомасштабных исследований за пределами Кремля.

* В последние годы в результате археологических исследований культурных напластований Казанского кремля накоплен значительный материал из напластований XIX в., что, несомненно, в дальнейшем станет основой их самостоятельного изучения.

ГЛАВА III

Историческая топография Казанского кремля (XI – XVII вв.)

Исследование проблем истории и археологии средневековой Казани имеет важное значение для решения более широкого круга вопросов – понимания общеисторического процесса образования и развития восточно-европейских городов, в первую очередь, конечно, болгаро-татарских. Одной из малоисследованных и спорных проблем является историческая топография кремля и окружающего посада. Последняя включает в себя изучение динамики территориального развития города, социально-экономической структуры, размещения производственных объектов, культовых и общественных зданий, некрополей на различных этапах истории.

Первоначальные (до начала археологических исследований) представления ученых о планировке и застройке средневекового кремля опирались преимущественно на скудные летописные источники, поздние картографические материалы. Эти построения, естественно, имели в основном гипотетический характер [197; 200; 218; 235; 236; 290; 918 и др.]. Н.Ф.Калинин и А.Х.Халиков при реконструкции планировочной структуры кремля и всей средневековой Казани начали использовать археологические источники. Однако эпизодические раскопки предшествующих лет не давали еще целостной и четкой топографической картины, хотя были получены интересные результаты по отдельным объектам, особенно болгаро-татарского времени. Сведения о планировке кремля были значительно пополнены в результате широкомасштабных исследований 1994–2003 гг., когда удалось проследить размещение, процесс образования и развития улиц, жилых построек, системы укреплений от возникновения города и практически до современности.

Как известно, городища мысового типа – а древняя Казань относится именно к этому типу городищ – были характерным явлением для Восточной Европы эпохи средневековья [326, с.74]. Особенности топографии подобных городищ во многом определялись рельефом, естественной защищенностью местности. Их заселение происходило с мысовой части холма с освоением более удобных для проживания районов, расположенных у его подножия близко к воде. Так, с использованием природных местных условий, шло и формирование Казанского кремля и прилегающих к нему низменных территорий.

На основании анализа результатов археологических исследований в истории развития кремля (и Казани в целом) можно выделить три основных этапа, знаменовавшие принципиальные изменения его внутренней планировки.

1. *Домонгольская и золотоордынская Казань* (XI – первая половина XV в.). Город функционирует в северной оконечности Кремлевского холма, ограниченной с юга Тезицким рвом; создаются укрепления, перестроенные в каменные во второй половине XII в.; возникает внутренняя планировка города; происходит формирование посада за пределами укрепленной крепости на холме.

2. *Казанская крепость ханского периода* (вторая половина XV – первая половина XVI в.). Город выходит за пределы болгарских укреплений XI–XIV вв., появляется новая топографическая единица в крепости – ханский двор, формируется планировка вновь освоенной территории, строятся крупные кирпично-каменные здания.

3. *Казанский кремль в русское время* (вторая половина XVI – XVIII в.).

Завершается строительство и реконструкция каменных укреплений кремля, возникают восемь православных храмов и два мо-

настыря при сохранении в основном прежней булгаро-татарской планировочной структуры.

1. ДОМОНГОЛЬСКАЯ И ЗОЛОТООРДЫНСКАЯ КАЗАНЬ (XI – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XV в.)

Процесс заселения Кремлевского холма, как уже отмечалось, шел с глубокой древности. Наиболее ранние находки в кремле относятся к эпохе мезолита и представлены небольшим комплексом кремневых изделий (рис. 139). Освоение этого района продолжалось и в эпоху бронзы, о чем свидетельствуют находки балановской, приказанской культур (керамика, обломки сверленного боевого топора и пр.) из наших раскопок (рис. 17, 2; 140, 2, 3). Встречаются предметы ананьинской (VIII – V вв. до н.э.) и азелинской (III – V вв. н.э.) культур (рис. рис. 140, 1, 4). Единичность этих находок и отсутствие культурного слоя позволяют рассматривать их в качестве остатков материальной культуры, связанных с кратковременным пребыванием здесь различных групп населения до проникновения булгар [766].

Большинство специалистов считает, что булгарские племена на Средней Волге появились в VIII в. [428, с.167; 861, с.39-47]. В конце IX – первой половине X в. в регионе происходит формирование оседлых поселений [228; 430; 657; 878].

Создание динамично развивающегося государства Волжской Булгарии в X – XI вв. привело к усилению ее экономической и культурной роли на обширной территории от Верхнего Поволжья до Урала. В этом регионе известно около 200 городищ, более 700 селищ, десятки могильников. Здесь в X–XI вв. сложились такие исторически известные города как Булгар, Биляр (Великий город), Сувар, Ошель, Кашан, Джукетау и др.

Влияние Волжской Булгарии распространялось далеко за границами ее основной территории. Большое количество изделий, производимых булгарскими мастерами, известны на финно-угорских и древнерусских памятниках [656, с.182-183; 334, с.81-82]. По-

селения с булгарскими материалами и производственными комплексами выявлены на территории Пермского края [228; 229].

Помимо центральной, Закамской территории Волжской Булгарии, шел активный процесс освоения булгарами и северных предкамских районов, где возникают ранние городские центры Алабуга, Керман, Кашан, Чаллы и др. Усилившаяся власть эмиров Волжской Булгарии позволяла обеспечивать контроль и защиту проходящим через ее территорию торговым путям. Безопасность торговли была одной из главнейших условий развития государства. На главных водных артериях возникали такие города-крепости, как Алабуга, Казань. Оба они расположены на берегах крупных рек, на высоких труднодоступных мысах, что позволяло контролировать обширные водные и пойменные территории. Эти города, располагаясь вблизи границ Волжской Булгарии, обеспечивали безопасность и стабильность торговли по Волге и Каме.

Другой их особенностью было то, что располагались они на землях, заселенных в значительной степени не булгарами, а местными финно-угорскими племенами. Это полностью подтверждается археологическими материалами. Так, в Алабуге, по данным исследователя А.З.Нигамаева, керамика постпетрогромского типа, имеющая прикамско-приуральские корни, составляет почти половину из общего количества керамики [587а, с.39]. Для нижних слоев Казани также характерно присутствие местного финно-угорского компонента, но в меньших пропорциях: в V, домонгольском, слое кремля в среднем встречается до 5% лепной поволжско-финской керамики.

Появление булгар в бассейне р. Казанки связано с общим процессом заселения ими

региона Волго-Камья. Активное их проникновение в этот район происходило уже на рубеже IX–X вв.* Основание Казани на современном Кремлевском холме было закономерным результатом освоения северо-западных территорий Булгарского государства и объясняется стремлением закрепиться на новой экономически выгодной территории.

Появление Казани на предкамских землях было частью общеисторического процесса возникновения городов Волжской Булгарии. Этот процесс, по мнению исследователей [228; 430; 657; 878], начинается у булгар в конце IX – начале X в., как и в древнерусских землях. К сожалению, многие аспекты этой интереснейшей проблемы должным образом еще не изучены. Оказались также безуспешными многочисленные попытки дать однозначное обобщающее определение понятия «средневековый город», очевидно, в силу разнохарактерности и многофункциональности самих городов [334, с.7-12; 332, с.126-134; 653а, с.12-13; 924, с.120-124].

Урбанизация раннесредневековой Восточной Европы – Древней Руси и Волжской Булгарии – проходила в близких природно-географических и социально-экономических условиях, поэтому булгарские и древнерусские города имеют общие причины возникновения, много сходства в топографии, материальной культуре и т.д. [326; 878].

В одной из своих работ, посвященной началу городов на Руси, В.В.Седов показал процесс их формирования на различных этапах развития древнерусской государственности [653а]. Для домонгольского периода он выделяет четыре этапа сложения городских центров. К первому этапу (VII–VIII вв.) относится возникновение ранних городских поселений (племенных центров) с укреплениями, большим разнообразием ремесленного производства, пестрым этническим составом населения, социальным расслоением среди них и выделением дружинной знати, а также с участием этих городов в межплеменной и международной торговле. На втором

этапе (IX – первая половина X в.) происходит эволюция племенных центров в раннефеодальные города. Эти города, по мнению В.В.Седова, являлись укрепленными поселениями с двучастным делением на детинец и окольный город. Они были административными центрами, в которых проживало население, которое занималось разнообразной ремесленной деятельностью, сельским хозяйством, участвовало в международной торговле. На следующем, третьем этапе (вторая половина X – первая половина XII в.), вновь возникающие города многофункциональны и разнохарактерны: они могли быть центрами древнерусских земель; торговыми поселениями, сочетающими, возможно, и административные функции; ремесленными центрами, обеспечивающими своими изделиями земледельческую округу; пограничными крепостями; опорными пунктами княжеской власти на окраинах Руси и т.д. При этом двучастная планировка для городов, возникающих в этот период, не обязательна. На четвертом этапе (вторая половина XII – первая половина XIII в.) формирование городов происходило в условиях усиления региональной власти и выделения отдельных княжеств. Отметим попутно, что В.В.Седов, определяя возраст русских городов, основывался не только на летописных данных, но и на результатах археологических исследований, которые обычно делают город значительно старше, чем первое упоминание в летописи [653а, с.28-30].

При сопоставлении процесса образования и развития булгарских и древнерусских городов можно отметить общие моменты. Формирование Казани сопоставимо с возникновением русских городов на третьем этапе, которые строились как пограничные крепости или опорные пункты княжеской власти. В Древней Руси многие города возникали на окраинах государства, важных торговых речных путях. В числе таких городов можно назвать Витичев на Днепре, поставленный против половцев [636, с.386]; Бере-

* Сообщение А.А.Чижевского на Международной конференции «Средневековая Казань: возникновение и развитие» по материалам раскопок 1998 г. на Аэродромном селище в г. Казани.

стье (первое летописное упоминание под 1090 г.) на границе с ятвягами на р. Мухавец при впадении ее в р. Западный Буг [653а, с.28]; Юрьев (первое упоминание под 1030 г.) на р. Эмайыги на территории эстов [653а, с.28]; Рязань (середина XI в.) на изгибе р. Оки у устья р. Проня, построенная против половцев [334, с.23-24] и другие. Строительство подобных городов отражает усиление могущества и роли государства. Города возводятся исходя из государственных интересов по указаниям князей, что зафиксировано, например, летописным сообщением под 988 г., описывающим градостроительную деятельность Владимира Святославича [636, с.385]. Как справедливо отмечает В.П.Даркевич, приводя в пример Старую Рязань, подобные города возникали намного раньше окружающих сельских поселений и знаменовали собой закрепление за княжеской властью стратегически важных мест [332, с.128]. Процесс сложения городов этого типа в Древней Руси и Волжской Булгарии совпадает по времени (X–XI вв.). Они имеют схожие топографические и функциональные признаки, располагаясь на стратегически значимых местах, важных с экономической и военной точек зрения [326; 878].

К числу подобных городов, бесспорно, можно отнести и древнюю Казань, которая возникает в период быстрого роста мощи Булгарского государства [866]. При этом надо учитывать, что Волга играла важную экономическую роль в качестве транспортного пути в международной торговле между Востоком и Западом, Севером и Югом. Используя это обстоятельство, население Волжской Булгарии успешно занимались торговлей, которая была весьма значимой частью экономического потенциала и определяющим фактором динамичного развития государства [430]. Это помогало булгарам прочно закрепить за собой места, контролирующие основные торговые пути, и обезопасить свои рубежи [326].

Природно-географические условия района расположения древней Казани отличались исключительными удобствами для жизни людей, о чем говорит активное освоение этой территории и в более ранние периоды.

Кремлевский холм, вытянутый с северо-запада на юго-восток с большим количеством поперечных оврагов и ложбин, для низменного левобережья Средней Волги является уникальным местом и занимает с военной точки зрения наиболее выгодное положение на всем протяжении этого берега (рис.1-3).

Освоение Кремлевского холма булгарами происходило с северной мысовой оконечности. Одновременно шло и заселение низменных районов у подножия холма, находящихся ближе к Казанке, а также Богородицкого холма, расположенного юго-восточнее (рис.4, 5). Этим периодом связано накопление нижнего горизонта V слоя стратиграфической шкалы Казанского кремля [869]. В нем сохранились фрагменты лепной керамики салтово-маяцкого типа, монеты начала X в., металлические, каменные, стеклянные предметы украшения и быта. Встречаются привозные вещи из Средней Азии, Западной Европы, Южной Руси, что указывает на торговый характер поселения. Древнейший слой хранит изделия булгарских мастеров и финно-угорского населения. Среди них значительный комплекс составляет предметы вооружения, преимущественно наколечники стрел. Это вполне соответствует характеру города-крепости. Как, например, и в Старой Рязани, в раннем слое нет объектов, говорящих о ремесленных и сельскохозяйственных занятиях населения. Ремесленные районы в Казани, как и в раннем Булгаре [837, с.46-54], располагались, возможно, за пределами укреплений, что частично подтверждается исследованиями последних лет.

Древнейшие укрепления булгарского поселения, сооруженные на рубеже X–XI вв., локализуется на северной оконечности Кремлевского холма. С момента их строительства начинается история Казани. Древнейшие культурные отложения в виде V слоя, начинают формироваться после возведения крепостных укреплений на площади около 6 га (рис. 176).

Наиболее мощная линия укреплений была с южной, напольной, стороны. Она пересекала холм с востока на запад вдоль Тезицкого оврага, полностью засыпанного только к

XVI в. Укрепления состояли из эскарпированного крутого рва-оврага шириной 14 м, глубиной 3,7–4 м, земляного вала шириной в основании 12 м и предполагаемой высотой до 3 м с проездными воротами. В основании насыпи вала ее центральной части были отмечены остатки деревянных конструкций из столбовых ям. Небольшой участок раскопа не позволил определить их назначение и соотношение друг с другом, но, возможно, они являются остатками внутри-вальных или надвальных конструкций. С внутренней стороны городища вал был укреплен деревянными подпорными клетями.

Восточная и северная линии укреплений в виде частокола бревен диаметром 20–25 см с заостренными обожженными концами шла по краю холма.

Северо-западный край поселения, скорее всего, также был защищен валом, укрепленным деревянными конструкциями. Он был выявлен в районе башни Сююмбике в виде земляной насыпи со следами пролежней на материковом подзоле. Стратиграфически они связывались с основанием культурного слоя [770, с.109–110]. В свете материалов новых исследований можно полагать, что выявленная конструкция вала также была сооружена на рубеже X–XI вв.

Следы укреплений по западному склону пока выявить не удалось. Вероятнее всего, они проходили вдоль края холма или же, не исключено, совсем отсутствовали, что вполне допустимо и оправдано естественной защищенностью местности.

Застройка древнейшего города была неплотной и не имела еще определенной системы. Фиксируется небольшое количество хозяйственных сооружений различного функционального назначения, жилищ выявлено мало. Единственной сквозной улицей, главной в кремле и по сей день, являлась, вероятнее всего, та, которая шла от южных ворот в северном направлении к предполагаемой деревянной дозорной башне в районе современной башни Сююмбике. Остатки более поздней каменной башни конца XII – начала XIII в. в этом районе были выявлены в раскопе А.Х.Халикова 1977 г. [777, с.376–377].

Вымостка центральной улицы в районе южных проездных ворот (раскоп XX) была из дерева [665]. О длительности функционирования проезда свидетельствует несколько ремонтных горизонтов. От центральной улицы сформировалась улица на северо-восток к пологому понижению в районе Северной башни (раскоп IX).

К юго-востоку от городских укреплений, за рвом, в районе современного здания кафе во дворе бывшего Министерства культуры [663, с.52], а также с северной стороны Гостиного двора [66, с.22–25; 661, с.42], с юго-восточной стороны Преображенской башни и с восточной стороны Пятигранной башни обнаружены остатки мусульманских кладбищ. Они возникают в домонгольское время и, вероятно, функционируют в более поздние периоды, до расширения города за пределы древних укреплений в XV в.

Период X – первой половины XII в. знаменует в целом процесс сложения города. Определяются его границы, осваивается укрепленная территория поселения, намечаются контуры внутренней планировки. Население города в этот период в основном занималось военным делом – защитой северо-западных границ Булгарского государства, а также местной и международной торговлей. Булгарский город на Кремлевском холме в начале XI – первой половине XII в. являлся оплотом северо-западных границ страны, создавшим серьезные препятствия посягательствам русских княжеств на Волжский торговый путь. Местное финно-угорское население, оказавшись в сфере влияния нового государства, попало под его контроль.

Булгары активно заселяли прилегающие к Казани территории. На археологической карте бассейна р. Казанки в округе города отмечено около десятка памятников домонгольского времени [742, с.47]. В 40 км от Казани в XII в. возникает и быстро развивается крупное ремесленное поселение, известное как Русско-Урматское селище [255, с.139–140]. Интенсивное освоение булгарами этой территории отражает дальнейший рост мощи Булгарского государства, достигшего в XII в. своего наивысшего расцвета.

Усиление роли Волжской Булгарии в регионе и военные набеги русских княжеств на ее территорию, особенно участвовавшие во второй половине XII в., повлияли на дальнейшее развитие Казани. Впервые в ее истории создаются каменные фортификационные сооружения. В результате этого строительства облик болгарской крепости на высоком мысу Казанки полностью преобразился [665]. На месте прежних деревянных укреплений уже стояли достаточно мощные белокаменные стены толщиной около 2 м. Стены возводили в основном из рваного бута, отесывая, да и то плохо, только внешнюю сторону камней. Камни обычно клали всухую, без раствора. Изредка в качестве связующего раствора использовалась глина. Кладка была регулярная с сохранением горизонтальных рядов. Новая линия укреплений в своем расположении повторяла более раннюю, дерево-земляную.

Восточная стена крепости шла вдоль склона холма. Фундамент был неглубоким, а на некоторых участках и вовсе отсутствовал. Белокаменные стены, существовали с подновлениями до эпохи Казанского ханства. Наиболее четко участок древнейшей каменной стены удалось проследить в раскопе X, где домонгольский слой разделен на два горизонта остатками этой стены.

Каменная обкладка вала с внешней стороны, возведенная по краю рва, защищала крепость с южной стороны. В раскопе XX были найдены остатки конструкций каменных проездных ворот с предмостными укреплениями и каменной мостовой. Пилоны сложены из местных известняковых камней, скрепленных глиной. Они стоят на частично срезанной насыпи вала и прослойках более ранней мостовой. Длина основания пилонов составляет 10 м, с южной стороны они дополнительно укреплены округлыми контрфорсами радиусом 1,5 м. Реконструируемая ширина пилонов 4 м, расстояние между пилонами, т.е. ширина проезда, составляет около 6 м.

Проезд между пилонами был выложен известняковыми камнями. Внешняя сторона камней мостовой в период использования была сильно обтерта и практически отшли-

фована. Грунт с вкраплениями мелких фрагментов сильно затертой красноглиняной керамики, отложившийся над проездом, перекрывает нижние ряды кладки пилонов ворот, т.е. формирование слоя происходило после их возведения. Горизонт каменной мостовой датируется второй половиной домонгольского времени. Мостовая функционировала, возможно, и в период отложения ранних напластований IV слоя.

В районе современной башни Сююмбике в этот период были построены, как считает А.Х. Халиков, каменные пилоны проездной и дозорной башни [777, с.376-377]. Горизонт ее разрушения перекрывается слоями функционирования ханских мавзолеев XV в. [781, с.29, 30]. Деревянные укрепления на этом участке продолжали использоваться до XIV в. [770, с.110]. Отметим, однако, что Л.С.Шавахин [69, с.127] и С.С.Айдаров [163, с.27] видят в этих сооружениях не пилоны дозорной башни XII–XIV вв., а минарет мечети у мавзолеев XV–XVI вв.

В предмонгольское время город сохранял во многом свою прежнюю функцию. Среди находок заметное место занимают привозные изделия и предметы вооружения. Город развивается вширь, в частности, за пределами Кремлевского холма, к востоку, на территории бывшего Богородицкого монастыря, выявлены следы неукрепленного ремесленного посада.

Начинается частичное освоение районов, расположенных к югу от крепости. Так, в раскопах во дворе Юнкерского училища в углублении оврага и на его склонах удалось выявить следы большого количества ям-выборок глины, которая использовалась при строительстве каменных сооружений и для других хозяйственных целей. Здесь же были найдены единичные предметы, относящиеся к домонгольскому времени (рис. 55, 17; 69, 21).

Таким образом, в XII – первой половине XIII в. город, сохраняя в значительной степени свое прежнее значение в качестве военной крепости и торгового центра, заметно преобразился. Его окружали белокаменные стены. За пределами крепости функционировал ремесленный посад, к сожалению, пока

плохо обследованный археологами.

Появление монголо-татар наложило свой отпечаток на развитие булгарских городов. Монголы-татары захватили большинство крупных городов Волжской Булгарии и подчинили себе ее население. Фактов, свидетельствующих о разорении Казани, пока не обнаружено, хотя в сочинении Гаффари (вторая половина XVI в.) она перечисляется среди городов, покоренных монголами [82, с.12-13].

С включением Волжской Булгарии и русских княжеств в единую административную систему Золотой Орды роль Казани как приграничной крепости была утрачена, изменились и торговые пути. Упала фортификационная роль каменной крепости, а Казань приобрела в тот период большую самостоятельность. Возможно, находясь в определенной зависимости от Золотой Орды, город контролировал в качестве княжеской резиденции поселения в регионе бассейна р. Казанки с крупным ремесленным центром (Русско-Урматское селище). Серьезным фактором в усилении этого региона стал приток населения из южных областей, продолжавшийся в течение всего периода. Новым моментом в истории края стало формирование феодальной знати из пришлого населения. Об этом свидетельствуют надгробные камни на территории Кабанского городища на берегу оз. Кабан [216; 899, с.77-79; 922, табл.2; 233, с.132; 438, с.65-66; 539, с.208-209]. В новых условиях происходит постепенный рост экономического значения Казани в регионе, усиление ее роли в политической жизни Булгарского улуса Золотой Орды.

В последующем город, бесспорно, был вовлечен в борьбу за контроль над территорией Волжской Булгарии, сохранявшей свой экономический потенциал и стремящейся освободиться от зависимости ордынских ханов [178]. Лидирующее положение в этой борьбе в XIII в. занимал г. Булгар. Желание Золотой Орды сохранить регион под своей властью выражалось в разорительных набегах на город Булгар и другие города с привлечением русских князей. Не исключено, что военные походы совершались и на Казань. С этим, возможно, связаны относящиеся ко вто-

рой половине XIII в. следы пожаров в культурных напластованиях.

В золотоордынский период Казань из окраинного города превратилась в один из заметных экономических и политических центров Среднего Поволжья. Внутри крепости происходило уплотнение застройки в рамках стен домонгольского города. К началу XVI в. неукрепленный посад города доходит, как считал А.Х. Халиков, до пересечения современных улиц Кремлевской и Чернышевского [404, с.23; 301]. Развивался и ремесленный посад в районе Богородицкого монастыря. Это место известно по «Писцовым книгам» как «Старое городище» [404, с.22]. Остатки предполагаемых его укреплений пока не обнаружены.

Ремесленное производство в этот период, возможно, проникает и в укрепленную часть города. Об этом свидетельствуют найденные в Тезицком рву остатки оплавленных огнеупоров, связанных с высокотемпературным производством.

Укрепления поселения на Кремлевском холме сохранялись весь золотоордынский период в тех же размерах, что и в домонгольское время (рис. 176). В завершении золотоордынского периода или в самом начале ханского времени по восточному и северному склону они прекратили свое существование, что, возможно, стало следствием их естественного обрушения из-за крутизны высокого холма. Позднее эта часть стены была восстановлена в период Казанского ханства.

Южная линия укреплений продолжала функционировать без значительных изменений также до середины XV в. Она, возможно, не подвергалась крупным разрушениям и перестройкам. Ров с этой стороны также сохранялся, но его глубина из-за постепенного заполнения грунтом, строительным и бытовым мусором уменьшилась до 3 м.

Постройки на укрепленной территории, связанные с нижними горизонтами IV слоя, были расположены вдоль центральной городской улицы без определенной системы. В связи с притоком населения строительство в крепости начали вести более интенсивно. Это предопределило формирование в будущем

регулярной застройки и создание новых улиц.

К концу этого периода в укрепленной части возникает внутренняя планировка поселения, просуществовавшая в основных чертах до конца XVII в. С верхними горизонтами IV слоя соотносятся, помимо центрального каменного проезда, еще две вымощенные деревом улицы. Одна из них, как и ранее, проходила от южных ворот к спуску в северо-восточной оконечности крепости. Другая улица шла перпендикулярно к центральной – от западной стены крепости к северо-западному краю современного здания Благовещенского собора. Все три улицы пересекались в районе южных ворот, образуя в этой части города небольшую площадь.

К концу XIV – началу XV в., как можно судить по имеющимся к сегодняшнему дню данным, относится возобновление после домонгольского времени каменного строительства. На территории Казанского кремля в золотоордынском слое довольно часто встречаются фрагменты поливных облицовочных плиток голубого, бирюзового и ультрамаринового цвета. Они связаны с внешней полихромной облицовкой каменных зданий. Подобные сооружения известны во многих ордынских городах. Аналогичные им постройки, возможно, возвышались и в Казани.

Таким образом, общеисторические процессы этого периода наложили определенный отпечаток на развитие самой Казани. Небольшое болгарское укрепленное поселение постепенно разрастается, превратившись к концу XIV в. в значительный политический и экономический центр региона, что приводит к усилению роли Казани в борьбе против Золотой Орды [404, с.20, 24-26]. С этим процессом В.Л.Егоров увязывает события, описанные в русских летописях под 1370 и 1376 гг. В них говорится о борьбе местного болгарского князя Хасана с Золотой Ордой за самостоятельное управление Болгаром [359, с.83-86; 360, с.102-105]. В результате конфликта с Ордой он был вынужден оставить город Болгар. Вскоре после этого, по мнению В.Л.Егорова, Хасан появляется в районе Казани. С могилой Хасана В.Л.Егоров связывал одно из надгробий XIV в. на берегу оз. Кабан [922,

табл.6]. Более того, он утверждает, что город на Кремлевском холме был основан именно Хасаном, что якобы доказывается названием самой Казани (Хасан – Хазан – Казан). Несмотря на гипотетичность построений В.Л.Егорова, следует подчеркнуть, что описываемые в летописи события отражали реальные стремления Болгара к независимости от Золотой Орды, гегемонии над городами Волго-Камья, а также усиление в этой борьбе региональных князей.

Именно в этот период Казань начинает играть все возрастающую роль среди других болгарских городов. Она становится новым центром на бывшей периферийной территории государства, о чем свидетельствует чеканка монет на рубеже XIV-XV вв. от имени Гиаязеддина с указанием места «Болгар аль-Джадид» [404, с.24] или «Болгар» [562, с.253]. Уже в этот период, возможно, с ней считались и другие болгарские княжества [404, с.25].

Являясь много десятилетий крупной крепостью, Казань в качестве признанного политического центра в русских летописях начинает упоминаться только с конца XIV в. [87, с.48; 110, с.380; 112, с.130; 114, с.72; 115, с.169; 123а, с.165; 126, с.219; 129, с.167; 130, с.89]. Правда, в поздних списках некоторых летописей она фигурирует еще в связи с событиями середины XII в. [116, с.210]. В качестве наиболее ранней достоверной даты упоминания города в летописях под названием Казань некоторые авторы считают 1278 г., когда описывается ее передача ханом Золотой Орды Менгу-Тимуром в числе 36 городов во владение смоленскому князю Федору Ростиславичу в качестве приданого за свою дочь [491, с.171]. Однако эти даты некоторые исследователи рассматривают как позднюю вставку в летописи [742, с. 104].

Одной из первых версий происхождения названия города является утверждение А.Курбского (вт. пол. XVI в.), связывавшего имя города с названием р. Казанки. На сегодняшний день известно около двух десятков версий и предположений об этимологии Казани. Подробно не останавливаясь на этом вопросе, отметим, в западноевропейских картах Казань появляется в первой по-

ловине XIV в. На многих из них севернее слияния р. Волги и р. Камы на месте современной Казани указан город *Castrum* (*Castrama*, *Castarina*) – *крепость* [831]. А.Х.Халиковым было высказано предположение, что Казань могла фиксироваться в русских и других источниках XII–XIV вв. под другими названиями: Керман, Карман – *крепость*; *Castrum* – *крепость*; Сабаккуль, Хомол – *дозорный, окраинный (город)*.

С.Г.Кляшторный, как и большинство исследователей, считает, что в русских летописях Казань под этим названием появляется только в конце XIV в. и происходит от имени собственного «*Казан*», распространенного среди ордынской аристократии в XIII–XIV вв. При этом он полагает, что это название обязательно было первоначальным и соглашается с позицией А.Х.Халикова относительно того, что поселение могло фиксироваться в источниках как Керман или *Castrum* – *крепость*, а также допускает, что в происхождении названия «Казань» могло быть использовано ландшафтное обозначение местности в

тюркском языке: «казган йер» – верхняя точка обрывистого берега, подмываемого с двух сторон рекой (Махмуд Кашгари, XI в.) [494, с.245]. Это предположение вполне увязывается с поселением первоначального поселения, зародыша Казани на высоком мысу, омываемом с западной стороны р. Булаком, а с восточной и северо-восточной – р. Казанкой и Черноозерской протокой.

Расположение Казани на одном из выгоднейших транзитных торговых путей на Волге, несомненно, заложило основы ее дальнейшего развития. Из небольшой пограничной булгарской крепости, преимущественно с военно-торговыми функциями на периферии Волжской Булгарии, она в период Золотой Орды превратилась в достаточно крупный региональный центр. К моменту появления на Средней Волге Олуг Мухаммада и его сыновей ей, возможно, подчинялись уже и другие булгарские княжества. Сложившиеся обстоятельства, несомненно, сделали неизбежным превращение города в столицу Казанского ханства.

2. КАЗАНСКАЯ КРЕПОСТЬ В ХАНСКИЙ ПЕРИОД (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XV – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVI в.)

История Казанского ханства, вобравшего в себя тысячелетнюю традицию тюркских государств Евразии и опыт своих великих предшественниц – Волжской Булгарии и Золотой Орды, окутано тайнами и легендами. Несмотря на небольшой промежуток существования, чуть более 100 лет, судьба этого государства была интересной и бурной, насыщенной великими и драматическими событиями, значение которых выходило далеко за его пределы, оказывая влияние на развитие многих народов и стран.

Уникальным явлением в истории Казанского ханства стала его столица Казань, ставшая реальным олицетворением его могущества. Сложнейшие перипетии социальной и политической истории государства, занимающего важное место в прошлом Евразии, вовлекали его столицу в круговорот всемирной истории, создавая образ величавого города.

Ослабление центральной власти Золотой

Орды вело к конфликтам за первенство между ее различными областями, где оседали опальные ханы. В борьбу подключились и окрепшие русские княжества, стремившиеся к самостоятельности [360 с.63–68]. Это отражало процесс усиления роли отдельных регионов, боровшихся за ордынское наследство.

В середине XV в. Казань становится административным центром государства, получившего в исторической литературе название «Казанское ханство». Образование «нового» государства многими увязывается отстранением от власти в 1445 г. в Казани булгарского князя Алибея и возведением на престол хана Махмуда (Махмутека), сына золотоордынского хана Улу-Мухаммада. Ряд исследователей относит время воцарения чингизидов в Казани к 1537 (1538) г. и считают основоположником династии Улу-Мухаммада. Вероятно, именно с началом правления ордынских ханов произошло окончательное подчинение

самостоятельных болгарских княжеств Волго-Камья и сложение единого государства. За сто с небольшим лет существования государства столичному городу было суждено увидеть 13 своих правителей, некоторые из которых оказывались на ханском троне по несколько раз.

Географическое расположение Казани способствовало возрождению былых торговых традиций Волжской Булгарии [178, с.37-54]. К началу XV в. Казань уже представляла собой крупный торгово-ремесленный город с международной ярмаркой на Гостином острове и значительной ролью в международной транзитной торговле. На ее территории располагались торговые районы (на площади в районе южных (Ханских?) ворот крепости, на улице Ташаяк) и слободы (Армянская, Кураишева, Бишбалта и др.), а также концентрировалось разнообразное ремесленное производство (кожевенное, ювелирное, гончарное, металлургическое и др.). Усилившаяся экономически и политически, Казань к середине XV в. превратилась в самостоятельный региональный центр. Эти объективные причины во многом и определили выбор первых казанских ханов, сделавших ее своей столицей, а укрепленную крепость на холме – местом своего постоянного пребывания.

К моменту образования Казанского ханства укрепленная часть города находилась в пределах крепости домонгольско-золотоордынского времени. После образования ханства численность населения быстро увеличивается, осваиваются новые территории, растет количество жилых и общественных построек. В этот период закрепляются ранее сформировавшиеся принципы внутренней планировки города, но происходят и изменения, особенно в расположении укреплений города.

По вопросу о южной границе укреплений Казанской крепости ханского времени среди исследователей нет единства. Они или вообще отвергают их наличие, отмечая существование только ханского двора (П.Е.Заринский, М.Г.Худяков, Л.С.Шавохин), или же по-разному реконструируют их расположение (Ю. фон Каниц, Н.П.Рычков, М.А.Богдановский, Ф.Ф.Ласковский, неизвестный автор статей в «Казанских губернских ведомостях»

1856 г., Д.Жеребов, Н.Ф.Калинин, А.Х.Халиков, Н.Халит и др.). Эта линия крепостных укреплений большинством исследователей определялась на месте чуть южнее бывшей церкви Киприана и Устины, поперек Кремлевского холма [5, с.275-284]. Она увязывалась с остатками «старых городней», упоминаемых в Писцовой книге 1565-1568 гг. [96 с.6], а также со рвом, зафиксированным в ходе наблюдений И.Н.Бороздина [243] и Н.Ф.Калинина [15, с.67] в 1928, 1947 г. Ров представлял собою незначительное углубление – чуть более 1,5 м от древней поверхности. В его засыпи фиксировалось скопление древесного тлена, а на северном склоне – нагромождение известняковых камней, остатков разрушенных укреплений [5, с.245]. В донной части рва были выявлены конструкции каменного и более раннего деревянного желоба дренажа. Этот ров исследователи идентифицировали с Тезицким, упоминаемым при штурме города в 1552 г. По реконструкции Н.Ф.Калинина, севернее этого, Тезицкого, рва проходил другой ров, называвшийся в более ранние периоды тоже Тезицким, поблизости которого располагалась мечеть Кул Шарифа, а далее к северу находился укрепленный Ханский двор (рис. 177).

Позиция Л.С.Шавохина, как и его предшественников П.Е.Заринского, М.Г.Худякова, строилась на основании того, что при описании боев при взятии города в источниках якобы отсутствует четкое упоминание штурма укрепленной крепости, кроме описания столкновений с сеидом Кул Шарифом и его шакирдами у мечети, расположенной на Тезицком рву, а дальше к северу перед наступающими стоял укрепленный ханский двор [69, с. 128-129]. Л.С.Шавохин считал, что выявленный Н.Ф.Калининым ров и упоминаемые в «Писцовой книге города Казани 1565–1568 гг.» «старые городни» – это остатки временных укреплений, возведенных русскими сразу после взятия города в 1552 г. и заброшенных после строительства южной белокаменной стены в 60-х годах XVI в. [70 с.5, 6].

Нам представляется, что Л.С.Шавохин без археологического изучения чисто умозрительно отвергает вероятность существования

деревянных городней, выявленных Н.Ф.Калининым, в ханское время, а представления Н.Ф.Калинина приходят в явное противоречие с описанием расположения Тезицкого рва в большинстве источников, в которых он локализуется у мечети Кул Шарифа.

Некоторые уточнения вносят письменные источники, детально описывающие штурм 2 октября 1552 г. Так, А.Курбский, руководивший штурмом Казани с северной стороны, замечает, что в структуре города выделяется три части: две из них располагаются на возвышенности, на горе, а третья в низине [94, с.253]. Возвышенный район города (вышград, арк) почти посередине разделен глубоким Тезицким ровом, пересекающим Кремлевский холм с востока на запад до р. Булак. Штурмующие войска, ворвавшиеся после взрыва с юга, заставили войска хана отступить за Тезицкий ров. Потом, с появлением свежих войск у русских, ханские войска были вынуждены бежать к мечети Кул Шарифа и дальше к Ханскому двору [94, с.255].

По описаниям Никоновской летописи, Тезицкий ров и мечеть располагаются нераздельно в одном месте, а за ними сразу находятся стены Ханского двора [82, с.46]. В этом источнике упоминаний о крепости как таковой действительно нет.

Интересное дополнение делает неизвестный автор «Казанской истории», упоминающий «Вышгород», в котором после взрыва обороняющиеся не успели закрыться и были вынуждены отступить к зданиям Ханского двора [82, с.110]. Заметим, что при описании Казанской крепости (кремля) составители «Писцовой книги города Казани 1565–1568 гг.» Тезицким назвали ров, проходящий перед Архиерейским двором [96, с.8].

Противоречивость русских источников объясняется рядом объективных и субъективных причин. А.Курбский, описывая штурм, видимо, не точно соотнес название Тезицкого рва с центральной частью крепости-кремля, тогда как в большинстве других источников он связан со рвом перед мечетью Кул Шарифа. Это вполне объяснимо, если учитывать, что Курб-

ский штурмовал город с другой стороны и писал свои воспоминания 10 с лишним лет спустя после этих событий. Важным является то, что Курбский подтверждает факты неизвестного автора, упоминавшего о наличии за стенами посада укрепленной возвышенной части. Отсутствие упоминаний о кремле в Никоновской летописи, возможно, связано с тем, что его укрепления в последний момент не были должным образом использованы осажденными казанцами и не привлекли внимания составителя этой хроники, который ограничился довольно общим обзором военных действий и описанием действий царя.

Чрезвычайно важную информацию дает ярлык хана Ибрагима второй половины XV в., где упоминается место его выдачи – «арк», что в переводе с персидского означает «цитадель-крепость» [278, с.318]. Этот документ служит ярким подтверждением предположения о существовании отдельной от посада укрепленной части города, соотносимой ныне с кремлем. Об этом же свидетельствуют более ранние (до 1552 г.) описания военных походов русских на Казань, в которых *град* воспринимается как самостоятельная, укрепленная часть города, т.е. крепость-кремль. Так, при описании осады Казани в 1469 г. говорится, что после уничтожения посада жители закрылись *во граде* и штурмующие отступили [110, с.149]. Упоминается он и при строительстве укреплений посада 1500 г. [117, с.253]. Существовал град как укрепленная часть Казани и во время его осады в 1530 г. – после захвата острога по р.Булаку войска хана отступили *во град* [114, с.273]. Во всех этих событиях град активно использовался и позволял казанцам организовывать надежную оборону. Вряд ли они, будучи искусными воинами, могли через двадцать лет лишиться город эффективной защиты в виде кремля-арка.

Таким образом, имеющиеся факты позволяют говорить, что Казань в 1552 г. имела крепость (кремль, арк) на холме, укрепления которой с южной стороны археологически зафиксированы пока лишь в виде рва (наблюдения И.Н.Бороздина и Н.Ф.Калинина)*.

* Следы рва выявлены в ходе наблюдений 2001 г. с северной стороны Преображенских ворот.

Вполне вероятно, что с глубоким рвом А.Курбского сопоставим большой овраг, проходивший с южной стороны современных стен кремля. Он делит Кремлевский холм пополам, спускаясь до Булака. В целом же вопрос о расположении южной линии укреплений Казанской крепости ханского времени остается слабо изученным в силу недостатков материала.

Не до конца решены и проблемы, связанные с расположением других стен кремля ханского времени. При их привязке к местности важную роль может играть локализация ворот этого периода, упоминаемых в письменных источниках русского времени. В «Писцовой книге города Казани 1565–1568 гг.» перечисляются названия кремлевских ворот, известных и сегодня, вместе со старыми названиями. Тайницкие (Никольские) ворота соотносятся с воротами Нур-Али (Муралеевы); Воскресенские – с Елбугиными; Преображенские (Сергиевы) – с Тюменскими; Дмитриевские – с Збойливыми воротами [96, с.6]. Опираясь на современное их расположение, можно примерно указать, где стояли ворота, и наметить предположительную линию стен Казанской крепости ханского времени.

Эти стены, используя рельеф местности, бесспорно, проходили поверх крутых склонов холма. Они должны были находиться на близком расстоянии от крепостных стен предшествующего и русского периодов, которые также располагались по краю холма. Допускаем, что остатки ранних стен в значительной степени разрушены поздними перестройками каменных укреплений, хотя в ходе более ранних наблюдений во дворе Юнкерского училища фиксировались большие обугленные бревна, увязываемые исследователями с городнями стен ханской Казани [375, с.97].

Возникают вопросы при определении назначения деревянных конструкций, выявленных Н.Ф.Калининым в раскопе 1953–1954 гг. в северо-восточной части кремля недалеко от Тайницкой башни. Здесь было обнаружено бревенчатое сооружение в несколько горизонтальных рядов, положенных друг на друга под углом и скрепленных между собой. Н.Ф.Калинин объяснял назначение этого объекта как горизонтальную площадку под основание

крупной вертикальной конструкции (башни?) [453, с.128]. Интересное предположение на основе представленных нами материалов высказал профессор А.Н.Кирпичников. По его мнению, это остатки раската – горизонтальной площадки для ведения орудийного огня. Подобные конструкции использовались с развитием огнестрельного оружия в крепостях Восточной Европы с начала XVI в. Существование раскатов может свидетельствовать о достаточно высоком уровне развития военного дела в период Казанского ханства с применением новых приемов для активного использования огнестрельных орудий.

Судя по письменным источникам, посад Казани был укреплен деревянной стеной, состоящей из городней [82, с.100]. На основании этого большинство исследователей придерживалось мнения, что и весь город, в том числе и крепость на горе, имел деревянные укрепления. Но в результате археологических работ на некоторых участках были выявлены остатки белокаменных стен ханского двора и связанная с ними Северная башня. Поэтому помимо проблем локализации линии укреплений, в последние десятилетия решается вопрос о протяженности каменных стен кремля еще в период ханства.

Не менее сложным в изучении северной части Казанской крепости остается вопрос о расположении стен и построек ханского двора. А.Курбский, описывая ханский двор во время штурма 1552 г., говорит: «Бо бе зело крепок, между палат и мечетей каменных, оплотом великим обточен» [94, с.238]. Пять каменных мечетей в этом районе упоминается и в Писцовой книге 1565–1568 гг. [96, с.3]. В других источниках также говорится о каменных строениях в этом районе [82, с.46; 110].

Попытка локализации упоминаемых в ней объектов в свое время была предпринята Н.Ф.Калининым [444]. Новые материалы, полученные в результате археологических исследований, позволяют несколько скорректировать его выводы, которые в целом оказались достаточно верными.

В описаниях дорусской Казани определенный интерес вызывают постройки, с которыми связаны погребения казанских ханов.

О существовании ханского некрополя у дворца писал А.Курбский, где, по его воспоминаниям, находятся останки пяти ханов [94, с.237]. Расположенная в районе бывшего Губернаторского дворца башня Сююмбике практически до сих пор в устной народной традиции увязывается с захоронением мусульманских святых или ханов [851, с.268; 82, с.89].

В ходе раскопок 1977 г. у Введенской церкви и башни Сююмбике А.Х.Халиковым были выявлены фундаменты двух ханских мавзолеев с несколькими погребениями [781] (рис. 178; 169)*. Стратиграфически оба мавзолея относились ко времени накопления отложений культурного слоя Казанского ханства. Строительный горизонт мавзолея 1 перекрывал верхние горизонты IV (золотоордынского) слоя [781, с.26-28]. На основании этого, время строительства мавзолея было датировано серединой XV в. К периоду его функционирования относилось погребение взрослого человека. На уровне пола были выявлены остатки орнаментированных гипсовых плит (рис. 175, 1), возможно, от облицовки саркофага или надгробия.

Время строительства мавзолея 2 восходит к верхним горизонтам III слоя или ко времени не позднее первой четверти XVI в. С этим мавзолеем связано четыре погребения – одно детское (погребение III), два взрослых (погребения II, IV) и след разрушенной могильной ямы с человеческими останками (погребение V) (рис. 171). Особый интерес из числа этих захоронений вызывает погребение II, костные останки которого покоились в двойном деревянном гробу. Внутренний гроб был полностью обит тканями и кожей при помощи серебряных гвоздей и накладок (рис. 173), что явно свидетельствовало о высоком социальном статусе погребенного. Об этом же говорят несколько обломков надгробных плит с каллиграфической надписью.

Было проведено детальное антропологическое исследование костных останков. В результате сопоставительного анализа сведе-

ний различных источников удалось с большой степенью вероятности установить, что костяк из погребения I принадлежит хану Махмуду (ум. в начале 1460-х годов), а из погребения II – хану Мухаммад-Эмину (ум. 1518 г.) [884, с.15-18].

На территории ханской резиденции в последние годы были вскрыты также остатки двух крупных кирпично-каменных зданий.

Один из этих объектов расположен у башни Сююмбике. Он имеет размеры 14 x 23 м и ориентирован по линии Ю–ЮЗ. Состоит из двух частей – белокаменной и кирпичной. Выделено два периода строительства. С первым периодом связано возведение белокаменной части (14 x 14 м). Строительный горизонт его прослежен в раннем горизонте III слоя. Кирпичная часть здания (9 x 9 м) стратиграфически связана с верхними горизонтами этого же слоя. Время разрушения здания относится к рубежу XVII–XVIII вв. По нашему предположению, сооружение представляет собой остатки Ханской мечети. По данным «Писцовой книги города Казани 1565–1568 гг.», она соотносится с локализуемой здесь мечетью у Царского двора [96, с.2, 3, 8, 9]. Вероятно, ее силуэт находит отражение в изображении двух зданий на чертеже первой половины 90-ых годов XVII в. (рис. 181) [191]. Эти здания расположены у северной стены между Тайницкими воротами и Северной башней. Сооружение с двускатной крышей соотносится с обнаруженным в раскопе кирпично-каменным зданием, а находящаяся с южной стороны небольшая постройка с маковкой в завершении может быть остатками минарета, что вполне сопоставимо с размещением минаретов мечетей в Поволжье и в более ранние периоды.

Историческая память татарского народа до сего дня отождествляет в своем сознании Ханскую мечеть с башней Сююмбике, построенной, по нашим данным, после разрушения старой мечети на том месте.

Другой крупный объект ханского времени (в центральной части двора резиденции Пре-

* В результате раскопок 2004 г. удалось установить, что остатки каменных объектов, интерпретированные А.Х.Халиковым как два мавзолея, являются одним белокаменным сооружением размерами 6 x 18 м.

зидента РТ) представляет собой остатки нижней части белокаменного здания (18 х 24 м). Судя по картографическим материалам конца XVII в., на этом месте находились уже три постройки: одно здание в центре двора за оградой ближе к Благовещенскому собору, другое – за оградой севернее, ближе к кремлевской стене, и третье, небольшое здание (с мажоркой в завершении), – с юго-западной стороны [191]. Во второй четверти XVIII в. здесь появляется оберкомендантский дом [60]. Он находился с восточной стороны Введенской церкви и простоял почти до начала XIX столетия. В начале XIX в. здесь фиксируется служебное двухэтажное помещение архиерея, которое можно увидеть и на рисунке Э.Турнерелли [140]. Опираясь на описание Казани по «Писцовой книге города Казани 1565–1568 гг.», белокаменное здание можно увязать с Большой палатой, стоявшей в Царевом (Ханском) дворе [96, с.8].

Интересным представляется размещение сооружений ханского времени с западной стороны Благовещенского собора [204, с.8-12]. Они расположены в два ряда вдоль незастроенной полосы со следами деревянного мощения, связанного с остатками небольшого переулка. Ориентировка выявленных объектов соответствует региональному азимуту на Мекку. Подобная застройка, возможно, объясняется привязкой построек к находящейся вблизи мусульманской культовой постройке, не попавшей в раскоп (рядом с раскопом напротив северного придела Благовещенского собора, по «Писцовой книге города Казани 1565–1568 гг.», находилась мечеть).

В ханском дворе выделяется несколько улиц. Одна из них проходила вдоль восточной каменной стены к Елбугиным (Воскресенским) воротам. Перпендикулярно шла дорога в северной части двора от Муралеевых (Тайницких) ворот к тем же Елбугиным. Была улица и со стороны башни Сююмбике с каменным мощением вдоль западной стены мавзолея. Вдоль улиц фиксируются остатки жилых построек [58; 62]. Большинство объектов жилой застройки вдоль улиц ханской Казани представляет собой остатки прямоугольных в плане ям с опущенными в них

срубами из горбылей, являющихся остатками подклетов наземных зданий (рис. 10; 76а; 136). В одном из домов в слое пожара 1552 г. был найден клад монет, рассыпанных по обугленному полу [204, с. 8-12]. В других, погибших в пожаре 1552 года, найдены обугленные человеческие останки [62, с.27].

Факты, характеризующие расположение зданий у ханского двора, совпадают с археологическими материалами, полученными на этой территории. В результате раскопок в районе сквера южнее Благовещенского собора были выявлены остатки каменных зданий, среди них, возможно, и мечети Кул Шариф, расположенных у Тезицкого рва [863, с.133], где по описанию источников было ожесточенная битва у стен мечети Кул-Шариф.

Наиболее близкими к реальному расположению объектов ханского двора являются реконструкции, предложенные Н.Ф.Калининым [5, с.275-284], А.Х.Халиковым [404, с.26-29] и Л.С.Шавохиным [69, с.126-129]. Они локализуют ханский двор с каменными стенами в северо-восточной части кремля. Их выводы относительно размещения восточной стены совпадают с нашими исследованиями вдоль восточного склона кремлевского холма, где были обнаружены остатки каменных стен ханского двора.

Западная, южная, и северная линии укреплений двора пока не выявлены. Южная граница, в соответствии с источниками, определяется с северной стороны Благовещенского собора [94, с.238]. Западная граница, может быть, ограничивалась современным проездом (улицей) Шейнкмана, проходя западнее или восточнее каменных мавзолеев. Проблема северной линии укреплений связана с вопросом: были они едины с кремлевской стеной или находились на удалении друг от друга? Археологически в этом районе фиксируется каменная кладка в основании современных стен кремля, датируемая серединой XVI в. [663, с.49-50]. Наличие здесь небольшого участка каменной стены отмечается и в «Писцовой книге города Казани 1565–1568 гг.»

Планировка северной части кремля относительно позднезолотоордынского периода изменилась не существенно (рис. 177). Про-

должали функционировать ранее возникшие улицы с деревянным мощением, и центральная, выложенная известняковым камнем.

Казанцы начали засыпать рвы и овраги на вновь заселяемых и ранее освоенных территориях. Засыпается ров домонгольской крепости, известный по русским источникам как Тезицкий овраг [665]. Его следы в период Казанского ханства в районе центрального проезда сохраняются лишь в виде небольшой ложбины с максимальным углублением до 1,5 м.

Была засыпана ложбина южнее этого рва (в западной половине кремля), а новая территория быстро освоена. Над ложбиной в начале ханского периода был, видимо, сооружен небольшой мост, но уже ко времени отложения средних горизонтов III слоя поверх засыпанного русла сформировалась улица, проходящая по линии восток-запад. Еще одна улица возникает под восточным склоном холма в районе ремесленных мастерских.

Определяя размещение улиц в ханской крепости, необходимо сказать, что они продолжали функционировать и в русское время. Это позволяет рассматривать планировку кремля второй половины XVI в. как преемственную с предшествующей. Улицы, описываемые в «Писцовой книге города Казани 1565–1568 гг.», также соответствуют планировке эпохи ханской Казани.

Застройка Казанской крепости в ханское время велась очень активно. Об этом говорит характер отложения слоев с большим количеством выбросов материкового грунта из котлованов построек. Строительство сопровождалось частыми и разрушительными пожарами: в раскопе I 1995 г. зафиксировано до пяти горизонтов перестроек на месте одного объекта, перекрываемых прослойками угля. Несмотря на это, дома в городе размещались очень плотно, что отмечено и в летописях: проехать «на конех бо невозможно, теснота во граде великая во хоремах» [96, с.46]. Ширина улиц составляла около 3,5–4 м, а между подвальными помещениями наземных домов расстояние не более 4–5 м.

После образования Казанского ханства, а возможно, и в конце золотоордынского времени начинается строительство каменных

зданий в древней части города. При описании штурма Казани говорится о множестве каменных зданий, располагавшихся вокруг ханского двора [94, с.253]. В «Писцовой книге города Казани 1565–1568 гг.» упоминается пять каменных зданий ханского времени, находившихся в этом районе [96, с.2-4, 8].

Одним из легендарных архитектурных шедевров ханской крепости, бесспорно, была мечеть Кул Шарифа. Она располагалась между ханским двором и Тезицким рвом. Представляется очень странным отсутствие описания каменных зданий в архиерейском дворе у Тезицкого рва в Писцовой книге 1565–1568 гг. Это, возможно, объясняется неполнотой самого источника, что отмечалось многими исследователями.

Ш.Марджани в одной из своих работ описывал внешний облик двух мечетей того времени [539, с.199]. Одна из них – соборная восьмикупольная мечеть и другая – мечеть-медресе у Тезицкого оврага, во главе которой стоял крупный общественный и религиозный деятель, поэт и ученый Кул Шариф.

Попытки локализации этих двух культовых зданий предпринимались различными исследователями неоднократно. М.Г.Худяков считал, что восьмикупольная мечеть Кул Шарифа находилась на территории Спасо-Преображенского монастыря, полагая, что Тезицкий ров проходил перед современными южными стенами кремля, а соборную мечеть локализовал между башней Сююмбике и Благовещенским собором [851, с.267-272]. Заложенная им традиция в виде образа восьмикупольной мечети Кул Шарифа находит отражение во многих современных публикациях.

Н.Ф.Калининым было высказано предположение о вероятности расположения мечети Кул Шарифа на месте архиерейского двора, а соборной восьмикупольной мечети – в районе Благовещенского собора [5, с.279-280]. Эта версия с небольшими оговорками поддерживается исследователями и сегодня.

В ходе археологических раскопок последних лет удалось выявить несколько каменных построек ханского времени в сквере между современным Благовещенским собором и зданием Министерства здравоохранения се-

вернее Тезицкого рва. Фундаменты этих зданий были выбраны в начале XIX в. практически до основания [863, с.133]. В центральной части раскопа следы фундамента удалось обнаружить только в виде следов свай-коротышей, вбитых для уплотнения грунта. Значительно более полную сохранность имела постройка, выявленная на газоне у проезда Шейнкмана. У нее фиксировалась часть кладки нижних рядов, а также архитектурные детали, найденные в слое разрушения (кирпичи, облицовочные поливные кашинные вставки) [57]. В несохранившейся верхней части здание, возможно, было кирпично-каменным с поливной облицовкой. С восточной стороны проходила центральная улица.

Строительство всего комплекса этих зданий датируется концом XV – началом XVI в. Пока не удалось выявить конструктивных деталей сооружений, указывающих на точное их функциональное назначение. Расположение зданий и археологический материал позволяют предположить, что они могли входить в комплекс построек мечети и медресе Кул Шарифа. В архивных материалах сохранились чертежи 20-х годов XIX в. с планом расположенного здесь здания, почти полностью совпадающего с планом размещения выявленных в раскопе фундаментов. К ним прилагаются и обмеры его фасадов, на которых изображено сильно обветшавшее двухэтажное здание (рис. 180-184) [60; 61]. Вероятно, зарисованная постройка и есть остатки зданий известной мечети. Представляется вполне логичным в последующем и выбор в качестве резиденции казанского архиерея зданий культового комплекса главы мусульман Казанского ханства.

В числе построек ханского времени привлекает внимание фрагмент кирпично-каменного фундамента небольшого здания на территории Пушечного двора (рис. 8; 11). Функциональное назначение постройки не определено, но важно то, что здесь впервые в непотревоженном виде были зафиксированы остатки кирпичной кладки периода Казанского ханства. Выяснилось, что уже в ханское время казанцы использовали брусковые кирпичи размерами 29–30 x 14–14,5 x 7–7,5 см, мало отличающимися от кирпичей, ис-

пользуемых в то время московскими строителями [626, с.96].

Город за пределами крепости тоже интенсивно развивался. К 1552 г. были освоены новые территории и плотно застроены ранее освоенные. В границы укрепленного посада были включена территория до современной ул. Астрономической, ограниченная с востока Черноозерской протокой, а с запада – р. Булаком (рис. 5). Увеличилось число слобод за пределами укреплений – Кураишева, Армянская, Старое городище (на месте Богородицкого монастыря), Бишбалта и др. [404, с.26-40]. К сожалению, эти районы слабо изучены археологически.

Следы городских некрополей ханского времени локализуются археологически в районе главного здания КГУ [5, с.87-88; 96, с.45], Центрального рынка (ул. Межлаук) [661, с.42], на территории Гостиного двора [5, с.286], а также вблизи бывшей Армянской слободы (ул. Калинина) [292; 293].

Хозяйственная жизнь города, бесспорно, была тесно связана с торговлей и ремесленным производством. По воспоминаниям одного из западноевропейских купцов и путешественников И.Барбаро Казань – «это торговый город; оттуда вывозят громадное количество мехов, которые идут в Москву, в Польшу, в Персию и во Фландрию. Меха получают с севера и северо-востока, из областей Дзагатаев и из Мордовии» [82, с.63-64]. О значительности торговли свидетельствуют не только монеты и многочисленные изделия западноевропейских, китайских, русских, среднеазиатских и др. мастеров на территории Казанского кремля, но и остатки костей верблюда – немого свидетеля пребывания в городе торговых караванов. Казань, следуя традициям Волжской Болгарии, стала крупным центром транзитной торговли по Великому Волжскому пути. К ней стремились восточные и западные торговцы, приезжавшие на международную ярмарку, устраиваемую ежегодно на Гостинном острове.

Немаловажное место в экономической жизни города занимало также ремесленное производство. В городе жили ремесленники: металлурги, кузнецы, плотники, камен-

щики, кожевники, ювелиры, гончары и др. В результате археологических исследований на территории кремля были обнаружены большие производственные помещения по изготовлению кожи и кожевенных изделий, традиции которой уходит в эпоху булгар.

В районе разрушенной Северо-Восточной башни кремля располагались металлургические (медеплавильные) горны.

Особое положение в государстве занимали зодчие, с творчеством которых связано величие города Казани, так поражавшее увидевших ее. В архитектуре города слились местные строительные традиции булгарских времен и приемы приезжих мастеров из Турции и Италии [163; 800]. Многочисленные минареты каменных и деревянных мечетей словно подпирали небо; вокруг них располагались роскошные дворцы властителей государства. Следы былого величия являются многочисленные находки ажурных резных декоративных камней и надгробий, орнаменты гипсовых украшений внутреннего убранства зданий, полихромные изразцы наружной мозаики с причудливым переплетением вязи арабского письма и плавных линий растительного орнамента.

Вероятно, в городе имелись мельницы, о более позднем их существовании известно по описаниям Казани середины XVI в. [96, с.47, 48]. В ходе археологических раскопок во многих постройках обнаруживается большое количество обугленного зерна, что свидетельствует о значительном развитии товарного производства зерна на селе и существовании в городе ремесленников, занимающихся обмолотом зерна и выпечкой хлеба.

Массовый материал из слоев ханского времени составляет керамическая посуда, являющаяся неотъемлемой частью быта. Изготовление гончарных изделий еще с булгарских времен занимало значительное место в экономике страны. Высококачественная посуда находила достойное применение как на ханском столе, так и в доме простого горожанина.

Характеризуя средневековую Казань, нельзя не остановиться на богатой и высоко развитой духовной культуре ее населения.

Культура Казанского ханства основывалась на многовековых мусульманских традициях, закрепившихся в сознании многих народов Урало-Поволжья еще с эпохи Волжской Булгарии. Она вбирала в себя народную и профессиональную, письменную культуру. Это находило отражение в произведениях многочисленных булгарских и золотоордынских ученых и поэтов. Наиболее ярким продолжением их наследия в Казанском ханстве, бесспорно, стало творчество великого поэта Мухамедьяра. Его поэзия проникнута глубокими этическими нормами, духом справедливости и патриотизма. В Казани жили и творили другие замечательные мыслители и писатели, но, к сожалению, многое из их наследия оказалось безвозвратно утраченным.

Таким образом, ханская Казань представляла собой крупный торговый и ремесленный средневековый город с высоким уровнем развития культуры и просвещения. В городе уживались различные религии и народы, участвуя в активной международной торговле, проходящей у стен Казани.

В 1552 году в результате длительной осады и разрушительного штурма город был опустошен пожарами. Яркое отражение трагедии города можно увидеть и в археологических материалах. Слой пожара в культурных отложениях черной линией разграничивает жизнь ханской Казани от последующей. Следы штурма являются многочисленные каменные ядра, находимые до сих пор в напластованиях центральной части Казани. Внутри сгоревших во время пожара зданий встречаются зажигательные ядра из глины. Об интенсивности боев свидетельствуют многочисленные пищальные пули и наконечники стрел из археологических раскопок.

Оставшиеся постройки со временем ветшали, разрушались и к сегодняшнему дню они, если и сохранились, то остались под толщей земли, нанесенной временем. Только продолжение археологических исследований позволит нам заново открыть их и представить все величие прошлого этого уникального средневекового города.

3. КАЗАНСКИЙ КРЕМЛЬ В РУССКОЕ ВРЕМЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVI – XVII в.)

В 1552 г. в результате длительной осады и разрушительного штурма город был опустошен пожарами. Многие защитники Казани погибли. Оставшееся в живых татарское население было выселено за пределы города. Начинается процесс активного заселения Казани, ее окрестностей русскими переселенцами. Происходит смена культурных традиций, формируется новый уклад городской жизни.

Этот период развития города представлен в Писцовых книгах, в различных нормативных актах, связанных с земельной собственностью, строительством на его территории новых объектов. Достаточно скрупулезный их анализ проведен предшествующими исследователями-историками [6, 7; 96; 187; 361–364 и др].

Фундаментальной работой по реконструкции Казани второй половины XVI в. является большой раздел докторской диссертации Н.Ф.Калинина, целиком посвященный этому вопросу [6, 7]. В статьях И.П.Ермолаева рассмотрены многие источники, связанные с историей Среднего Поволжья второй половины XVI–XVII вв. [361–364]. Самостоятельному изучению подвергнут Л.С.Шавохиным оборонительный комплекс Казанского кремля [65]. Несмотря на значительную разработанность проблем раннерусской Казани, оставалось много вопросов, решение которых требовало дополнительных археологических исследований. На некоторые из этих вопросов удалось найти ответ в ходе раскопок 1994–2003 гг.

После событий 1552 г. город довольно быстро восстанавливается, расширяются его границы, о чем свидетельствуют сведения «Писцовой книги города Казани 1565–1568 гг.». Судя по данным этого источника, в городе проживали переселенцы из более чем 40 регионов России [96, табл. 2]. Все это привело к увеличению посадов, площадь которых разрастается почти в два раза. Они выходят за пределы Черноозерской протоки и р. Булак. Общая длина деревянных посадских стен с 11 проездными башнями составила около 5 км

[6, с.488]. За пределами укреплений возникли слободы, пригородные селения.

Внутренняя застройка города была не очень плотной. В нем насчитывалось около полутора тысяч дворов, из которых значительная часть пустовала [6, с.90]. В течение второй половины XVI в. численность населения растет и к началу XVII в. число дворов увеличивается до двух тысяч [404, с.93]. Появляются новые улицы, переулки, тупики. Строятся православные храмы и монастыри. В «Писцовой книге города Казани 1565–1568 гг.» на территории посада и кремля описывается 24 храма [96, с.161].

Город стал одним из крупнейших городов России. Казань была превращена в одну из наиболее укрепленных крепостей Русского государства, защищающих его восточные рубежи. В городе была сосредоточена административная и военная власть над обширнейшим завоеванным регионом. Здесь были собраны значительные вооруженные силы, позволяющие держать под контролем местное население.

Все эти изменения коснулись и кремля (рис. 178). Для строительства каменных укреплений и церквей в Казань были направлены каменщики из Пскова, о чем свидетельствует грамота от 1555 г. царя Ивана IV: «От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, в нашу отчину в Великий Новгород, дьяком нашим Федору Еремееву и Казарину Дубровскому. Велел есми псковскому дьяку Шершеню Билибину и Казарину Дубровскому, да старостам псковским Богдану Ковырину да Семену Мизинову, да с ним церковному и городовому мастеру Поснику Яковлеву, да каменщикам псковским Ивашку Ширию с товарищы, к весне в Казани новый город Казань камен делати, прибрати двести человек псковских каменщиков, стенщиков да ломцов, сколько будет человек пригоже, да и то есми им веле сметити и на список написати, сколько тем каменщикам и ломцом надобе ломовые снасти, чем камень ломити, ломов и кирек, и желн, и заступов, и лопат и иные вся-

кие снасти, чем камень ломити. Писан на Москве, лета 7064 (1555), декабря в 15 день» [95а, с.90]. Этими мастерами были построены (в некоторых местах восстановлены) стены и башни кремля, возведены каменные церкви. При этом строители использовали многовековые традиции русского градостроительства, но учитывали сформировавшуюся в течение столетий специфику булгаро-татарской архитектуры.

Кремлевские укрепления были увеличены в размерах [6, с.7-42; 88, с.538-539]. С южной стороны он был расширен почти на 100 м к югу от стен ханской крепости, упоминаемых в «Писцовой книге города Казани 1565–1568 гг.» как «старые городни». Линия стен на остальных участках в значительной степени повторяла расположение укреплений ханского времени. Основная часть стен и башен кремля, как и посада, была из дерева [96, с.1-4]. В общей сложности во вновь отстроенных стенах кремля насчитывалось 13 башен, из которых 5 были проездными. Шесть башен построили из камня: Спасские, Преображенские, Никольские, Воскресенские проездные и две угловые башни с напольной стороны. На двух из ворот, Спасских и Воскресенских, имелись надвратные церкви. Из камня были и укрепления, расположенные с южной стороны общей протяженностью 300 сажен, а также небольшой участок в 15 сажен с северной стороны, возможно, связанный с остатками укреплений бывшего ханского двора [96, с.1].

Окончательная замена деревянных оборонительных сооружений Казанского кремля на каменные происходит только через 30 лет – в 90-е годы XVI в., о чем свидетельствует Пискаревский летописец: «...лета 7402 (1594 г.) повелением благочестивого царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси зделан град камен в Казани» [65, с.9].

В описаниях оборонительных сооружений Казанского кремля, сделанных Г.Соковниным и А.Никоновым в 1675 г., указывается общая протяженность стен и башен Казанского кремля [92]. Она составляла 830 саженей (1794 м). Общая площадь крепости достигала почти 13 га. Оборонительные сооружения кремля к этому времени состояли

из 5 проездных башен (к вышеперечисленным добавилась Дмитриевская) и 8 непроездных (из них 7 круглой формы и одна Пятигранная). Облик кремля этого времени можем увидеть на рисунках двух иностранных путешественников: А.Олеария и Н.Витзена [65, рис. 5, 6; 104; 105].

Топография кремля сочетала в себе формирующуюся планировку построек русской крепости и сохраняла основные линии застройки булгаро-татарского времени. Сохранение более древней топографии кремля отразилось в фортификации, размещении улиц и использовании в различных целях уцелевших от разгрома и полуразрушенных построек ханской Казани.

В кремле в этот период насчитывалось шесть улиц [6, с.49-56]. Три из них существовали с булгаро-татарского времени. Главной или центральной была Большая улица (совр. проезд Шейнкмана). Она шла от Спасских ворот мимо Государева двора (справа), церкви Киприана и Устины (слева), архиерейских конюшен к «царскому двору». По бокам располагались более мелкие, в основном параллельные ей улицы. Две такие улочки выявлены археологически. Они сформировались еще до взятия Казани и вошли в планировку русского периода. Одна, вытянутая по линии восток-запад, отмечена в «Писцовой книге города Казани 1565–1568 гг.» как «переулок против Благовещения» [96, с.8]. Другая улица, существовавшая с золотоордынского времени, упоминается как «переулок х Благовещенью» [96, с.11]. Она шла параллельно восточному краю склона Кремлевского холма до пологого спуска и Северной башни, откуда поворачивала к Воскресенским воротам. К сожалению, не удалось проследить ее продолжение севернее ограды Президентского дворца, где культурные слои срезаны.

Застройка кремля была относительно плотной, но не достигала уровня периода ханства. В общей сложности во второй половине XVI в. в кремле насчитывалось около 200 построек, из которых подавляющее большинство представляло собой подворья (154 двора). 33 двора из них пустовали, а 16 вообще не были освоены [6, с.55]. Это хорошо зафиксировано

и археологически. Культурные отложения этого периода, вне участков, прилегающих к административным зданиям, очень слабы. Даже на улицах в районе центрального проезда не удастся проследить какую-либо активность освоения под жилые постройки.

Строится большое количество православных храмов и монастырей. За 13 лет после взятия Казани в нем насчитывалось уже 8 храмов, из которых два каменных (Благовещенский собор, церковь Николы Чудотворного), а также два монастыря – Троице-Сергиевский и Спасо-Преображенский [363, с.8]. Служителям культа в кремле принадлежало около 30 жилых дворов и большой архиерейский двор. Территория под церковными постройками и зависимыми от них дворами занимала почти половину кремля.

В последние годы изучены отдельные здания и целые районы, относящиеся к церковным комплексам того времени. Одним из первых православных храмов, заложенных Иваном Грозным, является Благовещенский собор [82 с.49; 88, с.538-539; 158; 923]. Ко времени составления «Писцовой книги города Казани 1565–1568 гг.» он был уже каменным с тремя апсидами и двумя боковыми приделами [96, с.4-5; 923, с.3-7]. Раскопками четко прослежен строительный горизонт собора, который перекрывал пожар 1552 г. (рис. 83). Первоначально были возведены три центральные апсиды, к которым через какой-то промежуток времени были пристроены приделы. Время возведения каменного собора и приделов укладывается в промежуток между изданием указа 1555 г. и написанием «Писцовой книги города Казани 1565–1568 гг.», где он уже описывается с приделами [96, с.5].

Южнее Благовещенского собора располагались постройки архиерейского двора, использовавшие здания ханского времени (комплекс мечети и медресе Кул Шарифа). По данным раскопок, эти здания продолжали использоваться, с небольшими перестройками, и после 1552 г. до их полной разборки в 20-е годы XIX в. [61].

Территорию на месте современной мечети Кул Шарифа, западнее Юнкерского училища, до конца XVIII в. занимал Троице-Серги-

евский монастырь [96, с.6-7] (рис. 181). Он был образован сразу после взятия Казани и представлял здесь Троице-Сергиевскую лавру. На его территории располагался погост, границы которого отмечены на плане конца XVII в. (рис. 181). На планах XVIII в. в западной части двора на месте погоста указаны жилые монастырские постройки (рис. 182).

Археологически было выделено два этапа существования этого монастыря [50-53]. С первым этапом (вторая половина XVI – XVII в.) соотносились могилы монастырского погоста. Приблизительная площадь кладбища составляет около 4 тыс. кв. м. Ко второму периоду (XVIII в.) относятся жилые постройки, расположенные в западной части монастыря. Они прорезают могильные ямы погребений. Следы двух монастырских церквей, погибших в пожаре во время осады кремля войсками Е.Пугачева, пока не удалось обнаружить. Их остатки, скорее всего, были уничтожены во время строительства здания Юнкерского училища.

Сложным и дискуссионным является вопрос, связанный с изучением района бывшего ханского двора. В раннерусское время здесь отмечено пять каменных зданий ханского времени, которые использовались в качестве складских помещений [96, с.8-11]. В них хранили оружие, боеприпасы. Очень долго сохраняются, конечно, с подновлениями, Ханская мечеть и ханский дворец. Время окончательного их разрушения по письменным источникам и археологическим данным определяется началом XVIII в.

Время их разрушения совпадает со временем строительства Введенской церкви и башни Сююмбеки в комплексе оберкомендантского дома [648]. В историографии Казани сложились различные подходы к оценке времени строительства и назначения башни Сююмбеки и Введенской церкви [82; 159; 647; 793 и др.]. Многие исследователи увязывают их с упоминаемой в этом районе мечетью Нур-Али и Ханской мечетью первой половины XVI в. [6, с.278; 161, с.5 и др.]. В ходе археологических работ удалось установить, что башня Сююмбеки перекрывает более ранние ханские мавзолеи и Ханскую

мечеть [648, рис.5). Строительный горизонт комплекса оберкомендантского дома перекрывает отложения III слоя [45; 567].

В 1970-е годы был исследован погост Введенской церкви [44; 567]. Его следы были зафиксированы с западной и северной стороны церкви*. Погост, видимо, функционировал до конца XVIII в.

Интересными обещают быть исследования на территории Преображенского монастыря, расположенного с западной стороны Спасских ворот**. Монастырь был создан в первые годы после взятия Казани [88, с.539; 96, с.4, 6-7]. С южной стороны монастырских церквей находился погост, который, по наблюдениям Н.Ф.Калинина и А.Х.Халикова, частично перекрывает более раннее мусульманское кладбище [5, с.252; 767, с.24].

В числе пока не изученных археологически остается комплекс Государева двора, расположенный с восточной стороны от входа в Спасские ворота. По ранним его описаниям в «Писцовой книге города Казани 1565–1568 гг.» он известен как комплекс каменных зданий со значительными подвальными по-

мещениями [96, с.4]. Вероятно, часть Государева двора была использована при строительстве здесь в начале XVIII в. цейхгауза – склада военного имущества при губернской канцелярии. В середине XIX в. оно было реконструировано в гауптвахту Казанского гарнизона [438, с.165].

Таким образом, кремль конца XVI–XVII вв. сохраняет свой средневековый облик, сочетавший в себе традиции булгаро-татарской культуры и влившейся в нее русской. Это сочетание можно увидеть в размещении укреплений, планировке улиц, в архитектуре зданий более поздних периодов, тоже отражающих в себе симбиоз культур.

В этот период кремль практически завершает свое развитие. Окончательно определяются границы его стен, сохранившихся поныне. Создается внутренняя планировка, которая, наследуя, как и укрепления, древние черты, приобретает относительно законченный вид. В более поздние периоды, сформировавшееся членение кремля, облекается в каменные формы новых зданий и очень редко им придаются новые социальные функции.

* При наблюдениях 1999–2002 гг. следы могильных ям фиксировались в траншеях при замене коммуникаций вблизи Введенской церкви. В раскопе 2004–2005 гг. вскрыто около 300 погребений.

** В ходе исследований 2002 г. А.С.Старковым были обнаружены остатки разрушенных зданий начала XVIII в. (церковь Самсония, богадельня, северная ограда монастыря) и пекарни XIX в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленные в этой книге материалы археологических раскопок на территории Казанского кремля отражают основные этапы тысячелетней истории Казани.

Долгое время Казань была в числе недостаточно исследованных булгаро-татарских памятников. Особенно много вопросов вызывали ранние периоды ее истории, слабо обеспеченные источниками. Один из самых дискуссионных вопросов был связан с определением возраста Казани. Время ее возникновения относили обычно к эпохе Золотой Орды, ссылаясь на далеко не бесспорные сведения русских летописей, в первую очередь, автора «Казанской истории» второй половины XVI столетия. Одновременно существовала версия о домонгольском возрасте города, но многие исследователи первоначальную Казань искали не в пределах современного города, а в 40 километрах от него, на месте Русско-Урматского селища и Камаевского городища, объединяя эти памятники в единой комплекс легендарной «Иски (Старой) Казани». Эту точку зрения поддерживал даже такой известный историк и археолог, как Н.Ф.Калинин, производивший археологические исследования практически всех памятников, которые претендовали на место первоначальной Казани: Зилантау, Кабанское городище, Кремль.

Лишь в 1970-х годах после целенаправленных работ экспедиции под руководством профессора А.Х.Халикова стало ясным, что первоначальное ядро Казани следует искать в Кремле. И действительно, несколько лет плодотворных работ на его территории открыли много нового: был выделен домонгольский слой с соответствующими находками, правда, немногочисленными, выявлены остатки ранних укреплений, изучены многочисленные объекты золотоордынского, ханского и раннерусского времени, свидетельствующие о непрерывном развитии города с момента его возникновения и до со-

временности. К сожалению, в силу немногочисленности находок из древнейшего культурного слоя убедить исследователей в домонгольском возрасте Казани не удалось.

Новый этап исследований средневековой Казани начался в 1994 г. и связан он с археологической экспедицией «Казанский кремль» под руководством Ф.Ш.Хузина. Экспедиция была организована ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова Академии наук Татарстана (в 1996 г. выделился из него Институт истории), финансировалась в основном Государственным историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником «Казанский кремль» и частично, в 1998-2000 гг., Казанским горсоветом. В течение ряда лет в составе экспедиции работал отряд археологов КГУ под руководством А.Г.Мухамадиева.

Материалы широкомасштабных раскопок последних лет и легли в основу данной книги. В ней подробно анализируются стратиграфия и хронология культурного слоя Кремля, описывается, с привлечением письменных и других источников, историко-социальная топография и динамика территориального развития на протяжении более семи веков функционирования города, кратко характеризуется материальная культура средневекового населения.

Привлечение и анализ комплекса исторических источников, данных естественнонаучных методов исследований дали твердое основание датировать начало отложения культурного слоя булгарского поселения на современном Кремлевском холме концом X – началом XI в. Археологические материалы достаточно убедительно, на наш взгляд, доказывают городской характер этого поселения: были открыты первоначальные укрепления крепости в виде остатков земляного вала и белокаменной стены (в предмонгольское время). Состав находок указывает на военные и торгово-ремесленные занятия

горожан. Накопленный материал свидетельствует о решающем значении Великого Волжского пути в возникновении города.

По археологическим материалам прослежено развитие города в эпоху Золотой Орды и Казанского ханства, отмечены кардинальные изменения, произошедшие во всем облике материальной культуры в раннерусское время. В то же время особо подчеркивается преемственность в топографии Кремля, в частности, фортификации, расположении улиц, общественных зданий и пр.

История средневековой Казани, как она нам представляется на основе летописных данных, была интересной и бурной, насыщенной великими и драматическими событиями, значение которых выходило далеко за пределы крепостных стен.

Роль Кремля – белокаменной крепости на высоком мысу левого берега Казанки – в градостроительной структуре города всегда была велика. Именно из этой небольшой пограничной крепости выросла впоследствии средневековая Казань, ставшая в середине XV столетия политико-административным, экономическим и культурным центром огромного края. В крепости находилась ханская резиденция. Но и после присоединения Казанского ханства к Российскому государству Кремль оставался сосредоточием влас-

ти. Не потерял он своего административного значения и сегодня: здесь располагается резиденция Президента Республики Татарстан, ряд министерств и ведомств.

Проблемы развития современного города и степень изученности его истории ставят перед нами новые задачи, решение которых диктуют необходимость продолжения начатых исследований. Сейчас они должны быть направлены на уточнение границ посада ханского и раннерусского времени, выявление его укреплений, локализацию городских и посадских некрополей домонгольского, золотоордынского, ханского и русского периодов и пр.

Существует необходимость охранно-спасательных раскопок, археологических наблюдений в процессе неизбежных строительных и земляных работ на территории Кремля и за его пределами, в первую очередь, в центральной, исторической части города. Этого требует его особый статус как памятника Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Новые исследования, надеемся, позволят получить ответы на многие пока нерешенные или спорные вопросы истории средневекового города. В то же время представляется несомненным, что основой анализа и оценки новых находок и открытий останутся материалы, собранные в Казанском кремле исследователями предшествующих поколений.

KAZAN KREMLIN: HISTORIC-ARCHAEOLOGICAL STUDY

INTRODUCTION

Three state systems were successively formatted on the Middle Volga territory during the Middle Ages – Volga Bulgaria, Golden Horde and Kazan Khanate. Kazan seems to be one of the most actively studied Bulgarian and Bulgar-Tatar urban settlements. It is the only archaeological site of Kazan Khanate period that have been excavated in a large scale. Kazan appears to be practically a single Bulgarian town with unbroken history from small hill-fort at the turn of the 10th and 11th centuries to present-day city of beginning of the 21st century.

Kazan Kremlin is situated on the northern part of high cape of left side of Kazanka River – left tributary of Volga, in a distant of 3 km to east from its mouth. The hill stretched out in north-south direction is cut with some transverse ravines. Kremlin area exceeds 130 thousand sq.m. Primarily left side of the hill was washed by Bulak River as well as right – by boggy channel flowed from the neighboring lakes.

Settling of the present – day city and its environs began in remote past. The most ancient archaeological sites in this area are dating from the Stone Age – the Final Palaeolithic period (more than 10 thousand years BP). Fortified settlement on Kremlin hill appears to have its origin in Bulgarian colonization. Qualitative changes have taken place in the town during the period when Kazan became the capital of Kazan Khanate.

An attempt to generalize from heterogeneous sources (archaeological mainly) is made in this book. Analysis of data on stratigraphy of cultural deposits by means of chronological study of indicative categories of inventory and articles promotes solution of the problems of Kazan origination and development within territory of present-day Kremlin until the 18th century. It is the period of the history of medieval town that stayed the least studied because of scanty sources.

CHAPTER I Historiography and sources

History of Kazan Kremlin studies may be divided into four periods. The first one appropriately began with fiction-public work «Kazan history» of unknown author lived in the second half of the 16th century. Written sources and examples of Tatar folklore are regarded to be basis of historic analysis on this stage. The second period involves time from the middle part of the 1920-s to the end of the 1950s. It is connected with investigations in Kazan Kremlin held by N.Ph.Kalinin who actively used archaeological materials. The third period was connected with research activity of A.Kh.Khalikov held from 1960-s to 1988. In this time archaeological data have become a main source of information concerning Kremlin past. However the scale of the excavations was not sufficient for solution of the problems of early history of Kremlin.

The fourth (present-day) period of investigations has started from 1994, when the Decree of the President of the Republic of Tatarstan has established the «Kazan Kremlin» State Museum-Reserve of History, Architecture, and Arts. Planning restoration works in correlation with broad-scale research of protection and rescue character are appear to give results of archaeological studies the status of independent and objective source.

Sources of investigations are represented in the second part of chapter. The author deals with written sources, iconography, cartography, numismatics and epigraphics. Data of natural sciences studies (radiocarbon, thermo-luminescent, spectrum, spores-pollen analyses) has broad application in present studies of Kremlin. Geophysical investigations also play important role in planning the future excavation areas.

CHAPTER II Stratigraphy and chronology of the cultural layer of Kazan Kremlin

Kazan Kremlin is regarded containing many cultural layers formatted during Bulgarian epoch. For last 80 years (to begin with excavation held by N.Ph.Kalinin) more than 100 excavating areas and 50 prospecting trenches (total area about 20 000 sq m) were lay out

here. In the coarse of last studies the stratigraphic scale proposed by A.Kh.Khalikov was recognized as really reflecting the features of formation of cultural deposits within Kremlin hill. Last studies make more precise only low chronological border of pre-Mongolian layer

which became to accumulate as early as the end of the 10th – beginning of the 11th century. First layer is dating with the 19th – 20th centuries, the second one – the second half of 16th – 18th, the third layer – the second half of the 15th – first half of the 16th century; the fourth layer – the second half of the 13th – first part of the 15th, the fifth layer – the 11th – 1230-s.

1. The most ancient layer of Kazan Kremlin and time of its accumulation.

It is proved as the fifth layer. It was recorded in the 29 excavation areas. The oldest settlement was managed to localize at northern part of Kremlin within the territory of 6 g. Fortified trading quarters are reconstructed on eastern and western parts of Kremlin hill. Stratigraphical observations made indicate a possibility to single out two horizons within layer 5. The stratigraphical study has been made specifying an opportunity to define in the future two horizons in the layer 5 of pre-Mongolian period. It was possible to localize them only in areas of the most intensive building activity aimed at the erection of stone fortifications and functioning paved passages. Localization of separate horizons in pre-Mongolian layer appears in a great extent to be conditional, but data on some observations make this problem for the subsequent researchers of ancient Kazan actual.

Chronology of the layer 5. Complex of the finds from the layer 5 is submitted by a significant amount of ceramics and hand-made pottery made of black and nonferrous metal, glass and stone part of which can be found in re-deposited conditions. It is very important to establish its bottom date in the light of chronology the pre-Mongolian layer. It demands very attentive and careful approach dating finds taking into consideration all the analogies, stratigraphical data and results of natural-science methods of researches.

The fragments of the pottery are the most mass and brightly dating finds from archeological excavations. 1106 fragments concerning to the culture of the Volga Bulgaria have been revealed. Only 187 fragments of ceramics were discovered directly within the layer V, while the others are derived from re-deposited later layers.

The significant share of ceramics of the layer V was made in all-Bulgarian tradition. Such ceramics is similar to the pottery discovered on the sites of the Volga Bulgaria of the 10th – the beginning of 13th centuries. The most archaic is the group 3 jag form vessels with an impurity of vegetation and fine chamotte in the paste, decorated with half-moon and drop form dents on shoulder. It has the Saltovo culture sources.

In the central part of the Kremlin in pre-Mongolian layers the significant complex of hand-made pottery has been revealed also. Most expressive of them were further corrected (wheel-made) in the shape of the Saltovo culture vessels. These groups of ceramics are

chronologically stacked in early pre-Mongolian period and give the important date – the beginning of adjournment of the layer 5 concerning to time not later of end the 10th – the first half of the 11th century. It proves to be true also with the aid of the thermoluminescent analysis made by professor J. Riderer in X-rays laboratory of the State museum of Berlin. One of fragments of a vessel from the layer 5 (p.II, b. Zh-3/3, ch. 240) represent the date of the 888±125 years A.D.; another fragment of pottery (p.III, b. B/9, ch. 240) – of the 1021±145 years A.D.; a sample from mixed layer 4-5 (p.XIII, уч. B/3, гл. 210) – of the 1261±102 years A.D., a fragment of the hand-made vessel from the layer 5 (p.II, b. S/12, ch. 280) has the age of the 951±55 years A.D.

The unique find of the early pre-Mongolian period connected, most likely, with the beginning of accumulation of a cultural layer is the gilt bronze belt overlay in diameter 3 centimeter. According to the opinion of Istvan Fodor similar overlays can be seen in a mass kind on the archaeological sites in Hungary dating mainly up to middle of the 10th century.

In J. Khaskova opinion, the coin was minted in 929–930 year during a life of prince Vaclav in imitation to the Early Bavarian Konrad's coins. Now it is known as the earliest Czech coin in the world. Among numismatic finds it is necessary to mention a fragment of Arabian dirham. It was possible to define the exact date of its stamping – 892-907.

2. The layer of the Golden Horde period (the second half of the 13th – the first half of the 15th century).

During the Golden Horde period the layer 4 stratigraphy scales of the Kazan Kremlin has been accumulated. As well as the most ancient layer, it was substantially advanced by later constructions and was preserved fragmentarily. However it may be localized precisely enough on the squares with untouched cultural deposits. The soil consists, as a rule, of brown dense sandy loam with inclusions of podsol and continental loam; capacity changes within the limits of 20-60 centimeter.

Chronology of the layer 4. The artifacts connected with Golden Horde time of the existence of city, are found out in rather small amount, as well as pre-Mongolian ones. The part of them was discovered in a layer of the Kazan Khanate and even in later deposits. The basic criteria of definition of the layer 4, besides the features of a soil are characteristic finds for this period, including well dating ones.

The mass material from the layer 4 differs from finds of other layers. Ceramic complex has the nearest analogies as it was already marked, in materials of the Golden Horde towns studied in the Low and Middle Volga regions. The fragments red pottery vessels of spherical-cone shape are not less

characteristic for the second half of the 13th – 14th centuries. Prominent feature of this layer is represented by glazed ceramics made of kashine paste with polychromic covering (40 fragments) and fragments celadon cups of light green color (20 fragments). Occasionally in archeological excavations Juchid coins of the 13 – 14th centuries are marked. They are known in monetary treasure, found in the Kremlin in the second half of the 19th – the beginning of the 20th centuries.

3. The layer of Kazan Khanate in the Kremlin cultural deposits.

Significant changes in a history of Kazan Kremlin have taken place since the middle of the 15th century when the city acquired the status of Kazan Khanate capital. From a small town Kazan with the khan – governor residence in the Kremlin turned to the large center of vast region. It has imposed the certain specificity on process of formation of a cultural layer and has found reflection in character and position of cultural deposits during this period. The layer 3 is located above the layer 4 and divided from overlying layer 2 with charcoal-ash seam formed during the fire of 1552. Average capacity of the Kazan Khanate layer makes 70-80 centimeter, decreasing in a southern, less mastered part of settlement till 20-30 centimeter.

A plenty of building horizons of the various objects fixed on all area of the modern Kremlin are supposed to form during this period. Such kind of activity in building up has been resulted in destruction of earlier deposits and in inclusion a significant volume of sub-cultural clay within them.

Chronology of the layer 3. The material culture of the khanate Kazan allows study chronology of the layer 3 with the big share of probability. The expressive complex of non-glazed pottery has been gathered. The biggest part of it – more than 40 % from the total – is of ceramics conditionally named by T.A.Khlebnikova the «Kazan group». Its features are: oxidizing roasting, sandy inclusions in texture, a multi-zonal thin ornament in shape of wide wave as well as occasional narrow glossing. Technological sources of this ceramics were originating from Golden Horde traditions of the Low Volga region as well as from Volga Bulgaria culture. The coin treasures find in the 19th century play important role in recognizing of the layer 3 chronology.

Significant and unique complex of the artifacts has been gathered is brightly illustrating the features of material culture of city of this time. The mass finds and separate household articles, as well as monetary finds give this layer «own face» and allow us to define the chronological frameworks of its

formation. All the amount of the data and finds received represents extensive base for subsequent more detailed studying the various sides of a life of medieval city and all Kazan Khanate.

4. The cultural layers accumulated since 1552.

The layers formed since 1552 inside different excavating areas have various capacity. It depends on intensity of household activity, rates of the building works made since the second half of the 16th century till now. The layer 2 in stratigraphical scale of Kazan Kremlin characterizes a life of the city of second half of the 16th – 18th centuries. It is fixed inside the whole territory of the Kremlin. At a country churchyard of the Troitse-Sergeevskiy monastery capacity of a layer does not exceed 20 centimeter, in Bishop yard it achieves 80 centimeter. In some places, for example, in territory of the khanate court yard the layer has been cut off or destroyed during formation of the layer 1. Average capacity of the layer 2 in undisturbed squares does not exceed 50-70 centimeter. Practically in all excavating areas it is represented by gray or dark-gray dense sandy loam with inclusion of intensive humus, a wood rot, rare charcoal seams, brick rubble and a limy solution, as well as intrusions of continental yellow sandy loam.

Chronology of the layer 2. The most mass finds from the layer are the fragments of pottery, 70 % from total amount are represented by so-called «Tatar-Russian» ceramics » (by definition of T.A.Khlebnikova). In this group the fragments prevailing (50 %) are represented by gray glossy and non-glossy pottery with inclusive of small sand in the texture. The form of vessels differs with the big variety (pots, jugs, frying pans, washstands, etc.). The ceramics with brown (gray) or black surface is numerous also (up to 40 %). The important place is occupied by ceramics made in the pattern of white pottery. It achieves up to 20 % from structure of the group, and the pots are its prevailing forms.

Thus, the research carried out on the Kremlin territory gives an opportunity to form a new view of Russian period of its history. The genesis and development of separate objects and the whole complexes during the various periods become clearer. However there are unsolved problems concerning to the emergence of the tower (Sujumbike), Vvedenskaya church, Spaso-Preobrazhenskiy monastery, a belltower of Blagoveshchensk cathedral, etc.

Studying of the past of Kazan Kremlin after 1552, undoubtedly, remains to one of actual directions of further researches. Especially significant these problems become with the beginning of large-scale researches outside the Kremlin

CHAPTER III

Historic topography of Kazan Kremlin (the 11th – the 17th centuries)

The problems of a history and archeology of medieval Kazan are of great value especially the main question – understanding of general historical process of formation and development East-European cities, first of all, Bulgar-Tatar ones. Historical topography of the Kremlin and surrounding area is one of scantily studied and controversial problems. The last one includes investigation of territorial development of city, social and economic structure, position of industrial objects, cult and public buildings, necropolises at various stages of a history.

As is known, the promontory forts (ancient Kazan concerns to this type of settlements) were the characteristic phenomenon for the Middle Ages epoch at Eastern Europe [326, p.74]. Topography features of such hill-forts were dependent on relief, natural security of the district. Their settling took place on the cape of hill in order reside the areas located at its bottom near water sources. So, with use of natural local conditions, there was also a formation of Kazan Kremlin and adjoining to it of low territories.

On the basis of the analysis of results of archaeological investigations at Kremlin and Kazan as a whole it is possible to single out three basic stages marking principal changes of its internal structure.

1. Kazan during the Pre-Mongolian and Golden Horde periods (the 11th – the first half of the 15th century).

Process of settling of the Kremlin hill as it was already marked, went from remote past. The earliest finds in the Kremlin territory are concerning to the Mesolithic Age and are represented by a small complex of flint artifacts. Development of this area was continued during the Bronze Age when the Balanovskaya and the Prikazanskaya cultures functioned. The finds of these cultures (ceramics, fragments of drilled battle axes and so forth) are known from our excavations. There are the articles of the Ananjinskaja (VIII–V centuries B.C.) and the Azelinskaja (III–V centuries A.D.) cultures. Singularity of these finds and absence of a cultural layer allow to consider them as the rests of material culture connected to short-term sites here of various groups of the population before penetration of the Volga Bulgars.

Natural and geographical conditions of area of settlement of ancient Kazan are characterized by exclusive convenience for a life caused development of this territory and during earlier periods. The Kremlin hill extended from northwest on a southeast with a plenty of cross-section ravines and hollows, it became a unique place and was occupied from the military point of view the most advantageous position

on all an extent of this coast.

Development of the Kremlin hill made by the Bulgars began from northern cape extremities. Simultaneously there was also a settling of low areas at bottom of the hill, taking place closer to the river Kazanka, Bogoroditskij hill located the South-East. During this period accumulation of bottom horizon of the layer 5 stratigraphic scale of the Kazan Kremlin took place. The fragments of hand-made ceramics of the Saltovo culture type, a coin dating to the beginning of the 10th century, metal, stone, glass articles of decoration and a house-hold character were discovered here. There are imported finds from Central Asia, Western Europe, Southern Russia specifying trading character of the settlement. The products of the Bulgarian craftsmen and the Finno-Ugric population were marked in the oldest layers. Among them there are a significant complex of the armor and arrows heads. It quite corresponds to character of a town – fortress. For example, and in Old Ryazan town there are no the objects speaking about craft and agricultural employment of the population in the early layer. Craft areas in Kazan, as well as in early Bolgar town, settled down, probably, outside fortifications, as has been proved in the course of the excavations.

The period of the 10th – first half of the 12th century marks as a whole process of the town formation. Its borders are revealed, the fortified territory of settlement accustoms, contour of an internal structure are outlined. The population of city during this period basically was engaged in military protection of northwest borders of the Volga Bulgaria state, and in local and international trade also. In the 12th – first half of the 13th century the city, keeping substantially the former value as a military fortress and shopping center, has gradually changed. It was surrounded with white break walls. The fortified trading quarter («posed») was situated outside the fortress. Unfortunately it seems to be studied not sufficiently by now.

Appearance of Mongols-Tatars made an influence on development of Bulgarian cities. The Mongols-Tatars have captured majority of large city of Volga Bulgaria and have subordinated to itself its population. The facts testifying to ruin of Kazan, it is not revealed yet.

In the Golden Horde period Kazan has turned from suburban town to one of the appreciable economic and political centers of the Central Volga region. Inside a fortress there was a concentration of building within the framework of walls Pre-Mongolian city.

The location of Kazan on one of the most advantageous transit trading ways on Volga, indisputably, has put in basis of its further development. From small boundary Bulgarian fortresses, mainly with military – trading functions on periphery of the Volga Bulgaria, during Golden Horde it has turned to large enough regional center. By the moment of occurrence on Central Volga Khan Oulug Mukhammad and his sons, other Bulgarian princedoms, probably, already submitted to Kazan. Developed circumstances, undoubtedly, have made inevitable transformation of city into capital Kazan Khanate.

2. Kazan fortress during the Khanate period (the second half of the 15th – the first half of the 16th century).

In the middle of the 15th century Kazan became an administrative centre of the state named in the historical literature «Kazan Khanate». Formation of the «new» state was caused mostly by discharge from authority of Bulgarian prince Alibej at Kazan in 1445 and ascending the throne of khan Makhmud (Makhmutek), the son of the khan of Golden Horde Ulu-Moukhammad. The capital could see 13 governors, some of which were on khan throne several times for a bit more than hundred years of its existence.

The geographical location of Kazan promoted revival of the former trading traditions of the Volga Bulgaria state. To the beginning of the 15th century Kazan already represented large trading – craft city with the international fair on the Gostinnyj island which played a significant role in the international transit trade. Kazan of Khanate period was a large trading and craft medieval city with a high level of development of culture and education. Remains of the khan mausoleum, a palace, a mosque and a mosque Kul Sharif are archeologically revealed.

As the result of long siege and disastrous assault the city was fired in 1552. Clear reflection of the tragedy of city can be seen and in archaeological materials. The layer of a fire represented within cultural deposits by a black charcoal layer separated a life of Kazan of the Khan period from the subsequent. Traces of storm are numerous stone cannon balls, which are still found in cultural deposits of the central part of Kazan. Inside the buildings destroyed by fire there were also clay fireballs. To intensity of fights testify numerous harquebus bullets and arrowheads discovered in the excavating areas.

3. Kazan Kremlin during the Russian time (the second half of the 16th – the 17th century).

As the result of long siege and destructive assault the city has been devastated. Many defenders of Kazan were murdered. The survived Tatar population has been pushed from the territory of city. Process of active settling of Kazan and its vicinities by Russian immigrants began. The cultural traditions were gradually changed as well as new way of a city life was formed.

The Kremlin of the end of the 16th – 17th centuries keeps the medieval shape combining in traditions of Bulgar-Tatar culture and Russian one. This symbiosis of the cultures is probably reflected in localization of fortifications, a planning of the streets, in architecture of buildings of later periods too reflecting in symbiosis of cultures.

During this period the Kremlin practically has finished the development. Borders of its walls kept until now were finally outlined. The internal planning which, inheriting ancient features appeared to get its relatively final mode. During the later periods, established structure of Kremlin was proved stabilized even with new stone buildings. The last ones obtained new social functions very.

CONCLUSION

Data on archaeology of Kazan Kremlin represented in this book reflect main periods of thousand-year-old history of the city. Complex analysis of historic sources and results of application of the natural sciences methods gives a firm foundation for dating of Bulgarian settlement emergence. In our view urban character of this settlement has been proved convincingly with recent discovery of original fortification – the remnants of earth rampart and white-stone walls of pre-Mongol period. Military, commercial and craft occupations of the town-dwellers are indicated by spectrum of the finds. Accumulated data give an evidence about decisive role of the Great Volga way in origination of the town.

Archaeological investigations help us to trace development of Kazan during Golden Horde and Kazan Khanate periods and to mark changes taken place in material culture in Early Russian time. Meanwhile definite continuity in topography of Kremlin is stressed particularly by fortification, location of the streets and public buildings.

It is expected that new investigations will allow receive a solution of many disputable and problematic historic issues of medieval town. At the same time assemblages of the artifacts gathered in Kazan Kremlin by previous scientists are expected to be foundation of for analysis and estimation of further discoveries.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

***Материалы из Архива ИЯЛИ
им. Г.Ибрагимова (фонд Н.Ф.Калинина)***

1. Материалы археологических раскопок Урматского селища 1956–1957 гг. // Ф.8, оп.1, ед.хр.51. 22 л.

2. Состав археологических коллекций, собранных на селище Русский Урмат 29–30 апреля 1951 г. экспедицией под руководством Н.Ф.Калинина // Ф.8, оп.1, ед.хр.52. 75 л.

3. Материалы по истории Среднего Поволжья XVI–XVII вв. // Ф.8, оп.1, ед.хр.116. 33 л.

4. Классификация керамики (посуды) из раскопок в Казанском Кремле (двор Наркомпроса, ТатЦИКа) // Ф.8, оп.1, ед.хр.288. 168 л.

5. История Казани с древнейших времен до XVI в. Рукопись докторской диссертации // Ф.8, оп.1, ед.хр.202. 433 л.

6. История Казани с древнейших времен до XVII в. Рукопись докторской диссертации // Ф.8, оп.1, ед.хр.203. 250 л.

7. Историография и источники к истории г. Казани с древнейших времен до XVII в. // Ф.8, оп.1, ед.хр.228. 139 л.

8. Историография и источники к истории г. Казани с древнейших времен до XVII в. // Ф.8, оп.1, ед.хр.229. 244 л.

9. Чертежи, разрезы траншеи водопровода у Сююмбикеной башни и другие материалы по археологии Казанского кремля // Ф.8, оп.1, ед.хр.282. 7 л.

10. Материалы по археологии Казанского кремля: планы, дневники раскопок во дворе здания ТНKP, ТатЦИКа в 1928 г. // Ф.8, оп.1, ед.хр.289. 63 л.

11. Раскопки в Казанском кремле 3–11 июня 1928 г. Доклад на юбилейном собрании, посвященном 50-летию юбилею Общества Археологии, Истории и Этнографии // Ф.8, оп.1, ед.хр.290. 29 л.

12. Материалы по археологии Казанского кремля: чертежи, планы, фотоснимки раскопок у Сююмбикеной башни и у Дворцовой церкви, в саду ТатНарКомПроса // Ф.8, оп.1, ед.хр.291. 181 л.

13. Таблицы размеров стен, башен, зарисов-

ки Борисова этюдов, археологические обмеры и другие материалы по археологии Казанского кремля // Ф.8, оп.1, ед.хр.292. 11 л.

14. Отчет о раскопках в Казанском кремле в 1935 г. и материалы к отчету (планы расположения, дневник раскопок) // Ф.8, оп.1, ед.хр.293. 109 л.

15. Материалы по археологии Казанского кремля // Ф.8, оп.1, ед.хр.296. 106 л.

16. Археологические наблюдения в Казанском кремле 12 сентября 1948 г. // Ф.8, оп.1, ед.хр.297. 7 л.

17. Археология Казанского кремля за 30 лет Советской власти. Доклад на краеведческой конференции 34 октября 1949 г. // Ф.8, оп.1, ед.хр.298. 25 л.

18. Материалы археологических раскопок в Казанском кремле в 1949 г. // Ф.8, оп.1, ед.хр.299. 5 л.

19. Чертежи, обмеры башен, фото и другие материалы наблюдений по археологии Казанского кремля // Ф.8, оп.1, ед.хр.301. 12 л.

20. План-программа археологических работ в Казанском кремле // Ф.8, оп.1, ед.хр.303. 7 л.

21. Материалы археологических раскопок в Казанском кремле в 1953 г. // Ф.8, оп.1, ед.хр.304. 142 л.

22. Отчет Н.Ф.Калинина об археологических раскопках в Казанском кремле 1953 г. // Ф.8, оп.1, ед.хр.305. 14 л.

23. Раскопки в Казанском кремле в 1954 г. Материалы // Ф.8, оп.1, ед.хр.311. 43 л.

24. Материалы археологических раскопок у Тайницкой башни Казанского кремля в 1954 г. // Ф.8, оп.1, ед.хр.313. 146 л.

25. Археологические наблюдения на улицах Казани // Ф.8, оп.1, ед.хр.319. 3 л.

26. Археологические наблюдения в Казани 1927 г. // Ф.8, оп.1, ед.хр.321. 10 л.

27. Материалы раскопок на Казанском стекольном заводе 13–15 августа 1929 г. // Ф.8, оп.1, ед.хр.322. 34 л.

28. Дневник археологических работ у памятника взятию Казани 3–4 августа 1935 г. // Ф.8, оп.1, ед.хр.323. 4 л.

29. К плану археологических работ 1951 г. в Казани. Тайник // Ф.8, оп.1, ед.хр.324. 12 л.

30. Материалы по истории г. Казани XVI–XX вв. // Ф.8, оп.1, ед.хр.116. 33 л.

31. Копии, выписки из архивных документов по истории г. Казани, археологии и другим вопросам. Т. VI // Ф.8, оп.1, ед.хр.386. 306 л.

Материалы из Архива ОПИ ИА РАН

32. Калинин Н.Ф. Отчет по археологической экспедиции в Камаево, Архиерейскую дачу, Зилантову гору. 1945 г. // Р-1 № 33. 19 л.

33. Калинин Н.Ф. Отчет о раскопках Казанского кремля в 1953 г. // Р-1 № 813. 98 л.

34. Калинин Н.Ф. Отчет о раскопках на Камаевском городище в 1956 г. // Р-1 № 1333. 78 л.

35. Калинин Н.Ф. Отчет о раскопках на Камаевском городище в 1957 г. // Р-1 № 1488. 103 л.

36. Шавохин Л.С. Отчет о работах в Казанском кремле в 1971 г. // Р-1 № 4522. 88 л.

37. Шавохин Л.С. Отчет о работах на Зилантовой горе в 1971 г. // Р-1 № 4521. 63 л.

38. Шавохин Л.С. Отчет о работах на Зилантовой горе, бывшей Архиерейской даче и Федоровском бугре в Казани в 1972 г. // Р-1 № 4816. 83 л.

39. Шавохин Л.С. Отчет о работах в Казанском кремле в 1972 г. // Р-1 № 4797. 88 л.

40. Шавохин Л.С. Отчет о работах в Казанском кремле в 1973 г. // Р-1 № 5099. 52 л.

41. Шавохин Л.С. Отчет о работах в Казанском кремле в 1974 г. // Р-1 № 5563. 141 л.

42. Шавохин Л.С. Отчет о работах в Казанском кремле в 1975 г. // Р-1 № 5670. 107 л.

43. Шавохин Л.С. Отчет о работах Казанской археологической экспедиции в 1976 г. // Р-1 № 6297. 210 л.

44. Мухамадиев А.Г., Шавохин Л.С. Отчет о раскопках в Казанском кремле в 1977 г. // Р-1 № 7020. 199 л.

45. Халиков А.Х. Отчет о работах в Казанском кремле в 1977 г. // Р-1 № 6643. 84 л.

46. Халиков А.Х. Отчет о работах 1978 г. на раскопе I в Казанском кремле // Р-1 № 7028. 80 л.

47. Шавохин Л.С. Отчет о работах в Казанском кремле за 1978 г. // Р-1 № 7153. 87 л.

48. Шавохин Л.С. Отчет о работах в Казанском кремле за 1979 г. // Р-1 № 7640. 28 л.

Материалы из архива музея-заповедника «Казанский Кремль»

49. Хлебникова Т.А. Неполившая керамика раскопов I 1995 г., II 1994 г., III 1995 г., IV 1994 г., V 1995 г. // Оп.1, ед. хр. 240. 165 с.

50. Ситдинов А.Г. Раскоп VI. Во дворе Юнкерского училища. Книга 1 // Оп.1, ед. хр. 427. 87 с.

51. Ситдинов А.Г. Раскоп VI. Во дворе Юнкерского училища. Книга 2 // Оп.1, ед. хр. 428. 184 с.

52. Ситдинов А.Г. Раскоп VII. Во дворе Юнкерского училища. Книга 1 // Оп.1, ед. хр. 429. 121 с.

53. Ситдинов А.Г. Раскоп VII. Во дворе Юнкерского училища. Книга 2 // Оп. 1, ед. хр. 430. 143 с.

54. Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф. Продолжение исследований на раскопе II // Оп. 1, ед. хр. 431. 176 с.

55. Хузин Ф.Ш. Исследования у Воскресенской башни. Раскоп IV // Оп. 1, ед. хр. 432. 94 с.

56. Хлебникова Т.А. Неполившая керамика раскопов II, VI, VII 1996 г. и раскопа IV 1995–1996 гг. // Оп. 1, ед. хр. 433. 207 с.

57. Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф. Раскоп II в сквере между Благовещенским собором и Министерством здравоохранения // Оп. 1, ед. хр. 460. 167 с.

58. Ситдинов А.Г., Хузин Ф.Ш. Раскоп I, в Артиллерийском дворе // Оп. 1, ед. хр. 462. 163 с.

59. Алфеева Ж.Р. Отчет об археологических работах на территории бывшего Спасо-Преображенского монастыря. Раскоп XVIII // Оп. 1, ед. хр. 508. 20 с.

60. Комплекс кафедрального Благовещенского собора. Проект реставрации. Т. 1, книга 1 // Оп. 1, ед. хр. 522. 81 с.

61. Комплекс кафедрального Благовещенского собора. Проект реставрации. Т. 1, книга 2 // Оп. 1, ед. хр. 523. 50 с.

62. Ситдинов А.Г., Хузин Ф.Ш. Раскоп IX 1997 года // Оп. 1, ед.хр. 588. 145 с.

63. Ситдинов А.Г., Хузин Ф.Ш. Раскоп X 1997 года // Оп. 1, ед. хр. 589. 90 с.

64. Ситдинов А.Г., Шарифуллин Р.Ф. Раскоп XI 1997 года // Оп. 1, ед. хр. 590. 60 с.

65. Шавохин Л.С. Башни и стены Казанского кремля (историческая справка) // б/н. 146 с.

Материалы из других архивов

66. Халиков А.Х. Отчет об археологических наблюдениях в Казани в 1985 г. // Архив НЦАИ Института истории АНТ. 18 с.

67. Халиков А.Х. Отчет об археологических работах 1988 г. в зоне предполагаемого строительства станции Казанского метро «Кремлевская» // Архив НЦАИ Института истории АНТ. 61 с.

68. Халиков А.Х. Отчет об археологических наблюдениях в Казани в 1992 г. // Архив НЦАИ Института истории АНТ. 10 с.

69. Халиков А.Х. Отчет об археологических работах в Казанском Кремле в 1993 г. // Архив НЦАИ Института истории АНТ. 10 с.

70. Шавохин Л.С. Средневековая Казань до-русского времени в историко-археологическом отношении. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Казань, 1988 //НБ МГУ, 8158. 322 л.

70а. Казанский Кремль. Проект реставрации. // Архив ТатСНРУ. Ф. 349, оп. 17, д. 201.

Опубликованные источники

71. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. Ю.В.Готье. М.: Соцэкгиз, 1938. 306 с.

72. Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторических архив. М.-Л., 1940. Т. III. С.71-112.

73. Барбаро и Кантарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. статья, подготовка текста, пер. и коммент. Е.Ч.Скрижинской. Л.: Наука, 1971. 275 с.

74. Вахидов С.Г. Исследование ярлыка Сахиб-Гирей хана // ИОАИЭ. 1925. Т. XXXIII, вып. 1. С.61-92.

75. Вахидов С.Г. Ярлык хана Сахиб-Гирея // ВНОТ. 1925. № 1-2. С. 29-37.

76. Герберштейн Сигизмунд. Записки о московских делах; Новокомский Павел Иовий. Книга о московитском посольстве / Введение, пер. и прим. А.И.Малеина. СПб., 1908. 383 с.

77. Герберштейн С. Записки о Московии / Пер с нем. А.И.Малеина и А.В.Назаренко. Под. ред. В.Л.Янина. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.

78. Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции/ Подготовка текста и комментарии А.А.Зиминой. М., 1978. Вып 1-3. (Вып. 1. 212 с.; вып. 2. 213-438 с.; вып. 3. 439-631 с.).

79. Димитриев В.Д. Земельный документ времен казанского хана Сафа-Гирея // Уч. зап. ЧувНИИ. Чебоксары, 1966. Вып. 31. С. 266-277.

80. Документы по истории Казанского края из архивохранилища Татарской АССР (вторая половина XVI – середина XVII в.) / Сост. И.П.Ермолаев, Д.А.Мустафина. Казань: Изд-во КГУ, 1990. 206 с.

81. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т.1. СПб., 1846.

82. Древняя Казань глазами современников и историков / Сост.и и авт. коммент. Ф.Ш.Хузин и

А.Г.Ситдииков. Казань, 1996. 444 с.

83. Из глубины столетий / Сост., вступ. статья и коммент. Б.Л.Хамидуллина. Казань, 2000. 271 с.

84. История Татарии в материалах и документах / Под ред. Н.Л.Рубинштейна. М.: Соцэкгиз, 1937. 503 с.

85. Источники по истории Татарстана (XVI–XVIII вв.) / Сост. С.Х.Алишев, Р.Г.Фахрутдинов. Казань, 1993. 161 с.

86. Источники по истории Татарстана (XVI–XVIII вв.) / Сост. С.Х.Алишев. Казань, 1994. 124 с.

87. Казанская история. Подготовка текста, вступ. статья и прим. Г.Н.Моисеевой. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 194 с.

88. Казанская история. Подготовка текста и перевод Т.Ф.Волковой // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М.: Художественная литература, 1985. С. 300-624.

88а. Катанов Н.Ф. Голландский путешественник Н.Витзен и труды его. ИОАИЭ. Т.XXII, вып.1. – Казань, 1906.

89. Каштанов С.М. Возникновение русского землевладения в Казанском крае. (Документы) // Из истории Татарии. Сб. V. (Уч. зап. КГПИ. Вып. 116). Казань, 1973. С. 3-35.

90. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956. 348 с.

91. Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве или Казанский летописец. СПб., 1905. 693 с.

92. [Кунцевич Г.З.] Описание города Казани (стен и башен) 1675 года. С предисловием Г.З.Кунцевича // ИОАИЭ. 1906. Т.XXII, вып.1. С.23-33.

93. Курбский А.М. История о великом князе Московском. СПб., 1913. VIII, 194 с.

94. Курбский А. История о великом князе Московском. Перевод А.А.Алексеева // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1986. С.229-280.

95. [Курбский А.М.] К 350-летию покорения Казани. 1552-1902. Подлинная о казанском походе запись Царственной книги 1552 года и Сказание князя Курбского о покорении Казани. М., 1902. 167 с.

95а. Материалы по истории СССР. Т.II, М., 1955.

96. Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани. 1565–1568 гг. и 1646 г. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. XXVIII, 208 с.

97. Муртазин С. Ярлык хана Сахиб-Гирея как исторический источник // Просвещение и жизнь.

1929. № 6-7. С.31-34.

98. Мустафина Д. Наказ стрелецкому голове (1677 г.) // Гасырлар авазы. Эхо веков. 1997. № 3/4. С. 46-53.

99. Мустафина Д. Послание царя Казанского // Гасырлар авазы. Эхо веков. 1997. № 1/2. С.26-38.

100. Мухамедьяр. Судьба девушки. О доброте. Беседа поэта со своим сердцем. О муже и жене, которые пряли и продавали пряжу. Лучи души. [Отрывки из поэм] // Антология татарской поэзии. Казань, 1957. С. 56-67.

101. Мухамедьяров Ш.Ф. Тарханный ярлык казанского хана Сахиб-Гирея 1523 г. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 104-109.

102. Насонов А.Н. Новые источники по истории Казанского «взятия» // Археографический ежегодник за 1960 г. М., 1962. С. 3-26.

103. Об истребленном в Казани пожаром сего года 3 и 4-го сентября // Казанские известия. 1815, 13 окт.

104. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введение, пер и прим. А.М.Ловягина. СПб., 1906. 610 с.

105. Олеарий А. Описание путешествия в Московию / Введение, перевод и примечания А.М.Ловягина – Смоленск: Русич, 2003. 480 с., с ил.

106. Описание рукописного отдела библиотеки Академии наук СССР. Т. 3, вып. 1 (Хронографы, летописи, родословные, разрядные книги) / Сост. В.Ф.Покровская, А.И.Копанев, М.В.Кукушкина, М.Н.Мурзанова. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 708 с.

107. Пестриков М.С. Описание г. Казани // КГВ. 1844, №№ 43, 46.

108. Пестриков М.С. Описание Казани, составленное в 1729 году // ИОАИЭ. 1909. Т. XXV, вып. С.176-208.

109. Писцовая книга казанского уезда 1602-1603 годов. Публикация текста / Сост. Р.Н.Степанов. Казань: Изд-во КГУ, 1978. 240 с.

110. ПСРЛ. Т. IV. Новгородские и Псковские летописи. СПб., 1848. VIII, 362 с.

111. ПСРЛ. Т. V. Псковские и Софийские летописи. СПб., 1851. VI, 277 с.

112. ПСРЛ. Т. VI. Софийская летопись. СПб., 1853. 359 с.

113. ПСРЛ. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856. X, 345 с.

114. ПСРЛ. Т. VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859. VIII, 301 с.

115. ПСРЛ. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1885. 244 с.

116. ПСРЛ. Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1897. 254 с.

117. ПСРЛ. Т. XII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1901. 266 с.

118. ПСРЛ. Т. XIX. История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб., 1903. VII-XVI, 526 с. (Последнее издание: М.: Языки русской культуры, 2000. IV-XL, 328 с.)

119. ПСРЛ. Т. XV. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. Рогожский летописец. М.: Наука, 1965. VIII, 186 с.; VII, 504 с.

120. ПСРЛ. Т. XVIII. Симеоновская летопись. СПб., 1913. IV, 316 с.

121. ПСРЛ. Т. XXI. Вторая половина. Ч. II. СПб., 1913. 708 с.

122. ПСРЛ. Т. XXI. Первая половина. Книга степенная царского родословия. Часть 1. СПб., 1908. 342 с.

123. ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.-Л., 1949. 463 с.

123а. ПСРЛ. Т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись. М., Л.: 1959. 416 с.

124. ПСРЛ. Т. XXXI. Летописцы последней четверти XVII в. М.: Наука, 1968. 263 с.

125. ПСРЛ. Т. XX. Вторая половина. Львовская летопись. Ч. II. СПб., 1914. 419-686 с.

126. ПСРЛ. Т. XX. Первая половина. Львовская летопись. Ч. I. СПб., 1910. 418 с.

127. ПСРЛ. Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1862. XXIII, 256 с.

128. ПСРЛ. Т. XIII. Патриаршая или Никоновская летопись. Так называемая Царственная книга по списку Московской синодальной библиотеки № 149. М., 1965. V, 532 с.

129. ПСРЛ. Т. XXIV. Типографская летопись. Пгр., 1921. III, 272 с.

130. ПСРЛ. Т. XXVIII. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 411 с.

131. ПСРЛ. Т. XXX. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивная) летопись. М.: Наука, 1965. 239 с.

132. Разрядная книга 1475–1598 гг. / Подготовка текста, вводная статья и ред. В.И.Буганова. Отв. ред. М.Н.Тихомиров. М.: Наука, 1966. 614 с.

133. Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. I-III. М.-Л., 1946-1960.

134. Сказание о зачатии царства Казанского и о победах великих князей Московских с царя-

ми Казанскими. Казань, 1902. XV, 142 с.

135. Сказание о царстве Казанском / Вступ. статья, прилож. и прим. Н.В.Водовозова. М.: Гослитиздат, 1959. 526 с.

136. Сказания князя Курбского. Изд-е 3-е, испр. и доп. Н.Устряловым. СПб., 1868. 458 с.

137. Сочинения И.Пересветова / Подготовка текста А.А.Зиминой. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 388 с.

138. Список с писцовых книг по г. Казани с уездом (1565–1567 гг.) / Сост. К.И.Невоструев. Казань: Тип. Казан. ун-та, 1877. 88 с.

139. [Тизенгаузен В.Г.] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.

139а. Турин В. Перспективные виды города Казани. М., 1834.

140. Турнерелли Э. Собрание видов города

Казани рисованных с натуры. Казань, 1994.

141. Хамидуллин Б. Крупицы древнего наследия: основные источники по истории Казанского ханства // «Казань». 2000. № 7. С.65-71.

142. [Хамидуллин Б.] Отражение истории Казанского ханства в Никоновской (Патриаршей) летописи // Гасырлар авазы. Эхо веков. 1999. № 1/2. С. 62-77.

143. Хорошкевич А.Л. Итальянская хроника XV в. о Казани // Из истории Татарии. Сб. V. Казань, 1973. С. 114-117.

144. Худяков М.Г. Татарская Казань в рисунках XVI столетия // ВНОТ. 1930. № 9/10. С.45-60.

145. Чернецовы Г. и Н. Путешествие по Волге. М., 1970. 192 с.

146. Шерифи Х. Зафернаме-и вилайет-и Казан/ Предисл. и пер. Ф.Хакимзянова // Гасырлар авазы. Эхо веков. 1995. № 1 (май). С. 83-92.

II. ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ КАЗАНИ

147. Абилов Ш.Ш. Общественно-политические и философские взгляды Мухамедьяра (первая половина XVI в.) // Тез. док. итоговой науч. сессии ИЯЛИ КФАН СССР за 1970 г. Казань, 1971. С. 46-49.

148. Абилов Ш.Ш. Идеи социальной утопии в наследии татарских мыслителей периода средневековья // Из истории татарской общественной мысли. Казань, 1979. С. 56-63.

149. Абилов Ш.Ш. Концепция человека в творчестве Навои и Мухамедьяра // Фольклор, литература и история Востока. Материалы III Всесоюз. тюрколог. конф. Ташкент, 1984. С. 91-93.

150. Абилов Ш.Ш. Мухамедьяр – поэт эпохи Казанского ханства // Заказанье: проблемы истории и культуры. Тез. док. и материалы науч.-практич. конф. Казань, 1995. С. 113-116.

151. Абилов Ш.Ш. Мухамедьяр – певец гуманизма и справедливости // НТ. 1996. № 3. С. 55-61.

152. Агафонов Н. Казань и казанцы. Казань, 1907. Ч. II. 140 с.

153. Агишева И. Возникновение города Казани и развитие ее до 1552 года // Татарстан. 1995. № 11-12. С. 54-62.

154. Агишева И. Градостроительная культура казанцев // Татарстан. 1996. № 7. С. 44-51.

155. Агишева И. Увековечено в названии во-рот // Татарстан. 1996. № 6. С. 76-81.

156. Адилов М. К истории возникновения топонима Казань // МСТП. 1999. С.258-262.

157. Адо В.И. Сююмбекина башня // Старая

и новая Казань. Казань, 1927. С. 108-132.

158. Айдаров С.С. Благовещенский собор. Буклет. Казань: Таткнигоиздат, 1959. 6 с.

159. Айдаров С.С. Памятники архитектуры Казани. Башня Сююмбеки. [Буклет]. Казань: Таткнигоиздат, 1964. 8 с.

160. Айдаров С.С. К вопросу о возникновении башни Сююмбеки Казанского Кремля // Материалы XXII научно-технической конф. [КИСИ]. Вып. 2. Казань, 1970. С. 35-36.

161. Айдаров С.С. Архитектурное наследие Казани. Казань: Таткнигоиздат, 1978. 80 с.

162. Айдаров С.С. Новые данные по архитектуре Татарии эпохи Казанского ханства // Тез. док. XXXVII науч. конф. КИСИ. Казань, 1985. С.171-172.

163. Айдаров С.С. Монументальные каменные сооружения и комплексы Волжской Булгарии и Казанского ханства (опыт реконструкции и генетико-стилистические особенности). Автореф. дисс. ... док. архит. М., 1990. 42 с.

164. Айдаров С.С. О реконструкции мавзолеев Казанского Кремля (архитектурное исследование) // МКК. 1997. С. 50-67.

165. Айдаров С.С. Поиск утраченного лица. Национально-региональное своеобразие в архитектуре Татарстана // «Казань», 1999. № 9/10. С. 32-36.

166. Айдаров С.С., Халиков А.Х., Юсупов Н.З. Память поколений Научно-популярные очерки о памятниках истории и культуры Татарии. Казань:

Таткнигоиздат, 1980, 104 с.

167. Айдарова Г.Н. Мечети и церкви Среднего Поволжья второй половины XVI–XVII веков // Исламско-христианское пограничье. Итоги и перспективы изучения. Казань, 1994. С. 167-175.

168. Айдарова-Волкова Г.Н. Морфология архитектурного пространства Казани и культурологические аспекты реконструкции // Панорама-форум. 1996. № 4. С. 69-74.

169. Айдарова-Волкова Г.Н. Архитектурная культура Среднего Поволжья XVI–XIX веков. Казань, 1997. 196 с.

170. Айдарова-Волкова Г.Н. Бесценный опыт. Диалог культур. Взгляд через века. // «Казань», 1999. № 9/10. С. 13-21.

171. Айдарова-Волкова Г.Н. В поиске материальных следов архитектуры ханской Казани // Гасырлар авазы. Эхо веков. 1999. № 3/4. С.180-186.

172. Айплатов Г.Н. Гербы городов Среднего Поволжья // Страницы истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1970. С.32-44.

173. Алишев С.Х. О некоторых проблемах превращения Русского государства в многонациональное // Тез. док. итоговой науч. сессии ИЯЛИ КФАН СССР за 1970 г. Казань, 1971. С.76-79.

174. Алишев С.Х. Присоединение народов Среднего Поволжья к Русскому государству // Татария в прошлом и настоящем. Казань, 1975. С. 172-185.

175. Алишев С.Х. Прогрессивные последствия присоединения Среднего Поволжья к Русскому государству // Развитие гуманитарных наук в Татарии. Казань, 1977. С.48-55.

176. Алишев С.Х. О характере многонационального русского централизованного государства // Русское централизованное государство: Образование и эволюция. XV–XVIII вв. М.: Наука, 1980. С.72-74.

177. Алишев С.Х. Казань во второй половине XVI в. // Феодализм в России. Тез. док. и общ. М., 1985. С.149-153.

178. Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начало XIX в. М.: Наука, 1990. 270 с.

179. Алишев С.Х. Советская историография оценки завоевания Казанского ханства Московским государством // Историческая наука в меняющемся мире. Вып. 2. Казань: Изд-во КГУ, 1994. С.111-116.

180. Алишев С.Х. Завоевание татар Русским государством // Материалы по истории татар-

ского народа. Казань, 1995. С.224-242.

181. Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань: Таткнигоиздат, 1995. 160 с.

182. Алишев С.Х. Казанское ханство: возникновение и развитие // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995. С. 186-200.

183. Алишев С.Х. Образование татарской народности // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995. С. 201-223.

184. Алишев С.Х. Образование Казанского феодального государства и его население // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Тр. Международ. конф. Т. 3. М., 1997. С. 32-34.

185. Алишев С.Х. Тернистый путь борьбы за свободу (Социальная и национально-освободительная борьба татарского народа. II половина XVI–XIX вв.). Казань: Фэн, 1999. 158 с.

186. Алишев С.Х. Историки. Татарский народ. Казань, 2000. 64 с.

187. Алишев С.Х. Источники и историография города Казани. Казань, 2001. 76 с.

188. Алишев С.Х., Мухамадиев А.Г. Об одной ошибочной версии возникновения Казани. (По поводу статьи В.Л.Егорова) // Вопросы историографии и источниковедения. Сб. 7. (Уч. зап. КГПИ. Вып. 150). Казань, 1975. С. 124-127.

189. Алишев Саям Хатипович. Биобиблиография / Сост. С.Шамси, И.Мулюков, Р.Галлямов. Казань, 1999. 68 с.

190. Алферова Г.В. Русские города XVI–XVII веков. М.: Стройиздат, 1989. 210 с.

191. Алферова Г.В. Цветок шиповника – наш город // Знание – сила. 1981. № 3. С.26-29.

192. Аминова Г. Территория Казанского ханства на русских и европейских картах XV–XVII веков // Гасырлар авазы. Эхо веков. 1999. № 3/4. С.75-86.

193. Аминова Г.И. К вопросу об особенностях экономики Казанского ханства // Сб. материалов итоговых конф. молодых ученых и аспирантов за 1999-2000 гг. Казань, 2001. С.7-9.

194. Аминова Г.И. О карте Казанского ханства // Историческая наука в Татарстане: исследовательские и педагогические традиции. Казань, 1996. С.42-44.

195. Амирханов Р.М. Татарская социально-философская мысль средневековья (XIII – середина XVI вв.). Часть 1. Казань, 1993. 124 с.

196. Амирханов Рашат. Татарская социально-философская мысль средневековья (XIII–XVI вв.) // Татарстан. 1993. № 7. С. 69-72.

197. Андреевский И.Д. Архитектурный облик Казанского Кремля в XVI–XVII вв. // Старая и Новая Казань. Казань, 1927. С. 61–107.
198. Ансамбль Казанского Кремля: поиски и решения: // Гасырлар авазы. Эхо веков. 1996. № 1/2. С.7–9.
199. Артемьев А.И. Древний болгарский город Жукотин // ЖМВД. 1851. Ч. XXXIII, кн. 1.
200. Артемьев А.И. Нечто для истории Казани // КГВ. 1844. №№ 15, 18, 20.
201. Артемьев А.Р. Города Псковской земли XIII–XV вв. Владивосток, 1998. 418 с.
202. Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток, 1999. 336.
203. Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье. М., 1981. 211 с.
204. Археологические открытия в Татарстане: 2000 год. Казань, 2001. 91 с.
205. Археологические открытия в Татарстане: 2001 год. Казань, 2002. 116 с.
206. Археологическое изучение болгарских городов. Казань, 1999. 144 с.
207. Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. 301 с.
208. Археология СССР. Древняя Русь: Город, замок, село. М.: Наука, 1985. 431 с.
209. Архипов Г.А. Марийцы IX–XI вв. Йошкар-Ола, 1973. 200 с.
210. Арциховский А.В. Древнерусские областные гербы // Уч. зап. МГУ. М., 1946. Вып. 93, кн. 1. С.43–67.
211. Арцыбашев Н.С. О Старом городище Казани // Вестник Европы. 1822. Ч. 126, № 21. С.12–73.
212. Асылгараева Г.Ш. Морфологические особенности костей домашних сельскохозяйственных животных (по материалам археологических раскопок Казанского кремля). Автореф. дисс... канд. вет. наук. Казань, 2003. 23 с.
213. Ахмеров Г. Избранные труды. (История Булгарии. История Казани. Этнические группы и традиции татар) / Сост. Р.Г.Хайрутдинов. Казань, 1998. 240с.
214. Ахметзянов М. Золотое наставление. Слово поэта Мухамедьяра // «Казань». 1999. С. 48.
215. Ахметзянов Р.Г. О топониме «Казань» // Вопросы историографии и источниковедения. Сб. 7. (Уч. зап. КГПИ. Вып. 150). Казань, 1975. С.133–136.
216. Ашмарин Н.И. Об одном мусульманском камне в загородном архиерейском доме // ИОАИЭ. 1905. Т. XXI, вып. 1. С.92–112.
217. Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Zubov C.Э. Праболгары на Средней Волге. (У истоков татар Волго-Камья). Самара, 1998. 286 с.
218. Баженов Н. Казанская история. Ч. I. Казанское царство. Казань, 1847. XIII, 138 с.
219. Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М.: Изд-во МГУ, 1952. 544 с.
220. Балашов Ю. Ему открывалась Казань... // «Казань». 1994. № 5/6. С.50–51.
221. Балыева Т. Реконструкция черепов из мавзолеев Казанского Кремля по методу М.М.Герасимова // МКК. 1997. С.148–156.
222. Баранов В.С. Благоустройство гордов Волжской Болгарии (по археологическим материалам Болгарского городища X–XV вв.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва, 2001. 39 с.
223. Баранов В.С. Вопросы благоустройство города Болгара и их археологическое изучение // Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М.: Наука, 2001. С. 311–353.
224. Бахрушин С.В. Взятие Казани // За родную землю. XIV–XVI века. М., 1949. С. 52–76.
225. Бахтин А.Г. К вопросу о характере и движущих силах восстания в 1552–1557 гг. в Среднем Поволжье // Марийский археографический вестник. Йошкар-Ола, 1996. Вып. 6. С.9–17.
226. Бахтин А.Г. Восточная политика России в середине XVI в.: взгляд на проблему // Диалог культур и культурная политика государства в полиэтническом регионе. Йошкар-Ола, 1997. С.56–69.
227. Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998. 191 с.
228. Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Приуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь, 2000. 200 с.
229. Белавин А.М. Торговые фактории волжских болгар и пути возникновения городов в Поволжье и Приуралье в средние века // СКВР. 2000. С.122–126.
230. Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. СПб.-Пенза, 2001. 198 с.
231. Беляев Л.А. Керамический комплекс из Коломенского и точно датированные сосуды из архитектурных сооружений // Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991. С.43–49.
232. Бережков М. Нур-салтан, царица крымская (историко-биографический очерк) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1897. № 27. С.1–17.
233. Березин И. [Н.] Болгар на Волге // Уч.

зап. Казан. ун-та. Казань. 1852. Т. III. С.74-160.

234. Бобченко Т.С., Гарзавина А.В., Синицына К.Р. Казань. Путеводитель. Казань: Таткнигоиздат, 1970. 208 с.

235. [Богдановский М.А.] Инженерно-исторический очерк осады Казани 7060-7061 (1552) гг. // Инженерный журнал. СПб., 1898. № 8, 9. 64 с.

236. Богдановский М.А. К вопросу о расположении городской стены Казанского посада в 1552 г. По поводу критической заметки г-на Борисова на статью «Инженерно-исторический очерк осады Казани». СПб., 1899. 17 с.

237. Бойцов И.А. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI вв. и возникновение Гончарной слободы в Москве // Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991. С.33-40.

238. Большаков О.Г., Якобсон В.А. Об определении понятия «город» // История и культура народов Востока. Л., 1983.

239. Борисов В.Л. К истории Ивановского монастыря в г. Казани // ИОАИЭ. 1898. Т. XIV. Вып. 6. С.668-672.

240. Борисов В.Л. Критическая статья по поводу книги Богдановского «Инженерно-исторический очерк осады Казани 7060-7061 (1552) гг. // ИОАИЭ. 1898. Т. XIV. Вып. 6. С. 700-715.

241. Борисов В.Л. Ответ г. Богдановскому по поводу его статьи «К вопросу о расположении городской стены Казанского посада в 1552 г.» // ИОАИЭ. 1899. Т. XV.

242. Борисов В.Л. Город Казань по данным переписной книги 1646 г. // ИОАИЭ. 1900. Т. XVI. Вып. 2. С. 163-175.

243. Бороздин И.Н. Археологические разведки в Кремле. I. Разведка близ Киприановой церкви // МОРРП. 1929. Т. III. С. 37-40.

244. Брунов Н.И. О некоторых памятниках допетровского зодчества Казани // МОРП. 1928. Вып. II. С. 32-39.

245. Буганов В.И. Сокращенная редакция разрядных книг 1550–1636 гг. // Проблемы источниковедения. 1961. Т. 9. С. 270-279.

246. Буганов В.И., Зимин А.А. Поход Ермака на Казань и возникновение исторических песен о Ермаке // Вопросы историографии и источниковедения. Сб. 2. (Уч. зап. КГПИ. Вып. 50). Казань, 1967. С. 3-13.

247. Бужилова А. Анализ патологических признаков у погребенных в каменных мавзолеях Казанского Кремля // МКК. 1997. С.110-121.

248. Бужилова А., Медникова М. Оценка биологического возраста у погребенных в каменных

мавзолеях Казанского Кремля // МКК. 1997. С.122-127.

249. Бужилова А., Медникова М. Реконструкция физических нагрузок по индикаторам механического стресса у погребенных в мавзолеях Казанского Кремля // МКК. 1997. С.128-133.

250. Булатов А.Б. Некоторые материалы о ногайско-татарских связях в прошлом // Материалы по татарской диалектологии. Вып. 3. Казань, 1974. С.186-190.

251. Булатов М.Р. Сопровождение в Институте истории СССР АН СССР (г. Москва). О времени возникновения Казани // Вопросы историографии и источниковедения. Сб. 7. (Уч. зап. КГПИ. Вып. 150). Казань, 1975. С. 131-132.

252. Булатов Н.М. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов // СА, 1968. № 4. С.95 -109.

253. Булыгин А. Типология монета из клада, обнаруженного в 2000 году на территории Казанского кремля // Великий волжский путь. Казань, 2001. С. 312-316.

254. Бурдей Г.Д. Борьба России за Среднее и Нижнее Поволжье // Преподавание истории в школе. 1954. № 5. С.27-36.

255. Бурханов А.А. Новые археологические исследования в Заказанье и Казани // Tatarica. 1997/98. № 1. С. 137-144.

256. Бурханов А.А., Белов А.В. Исследования мусульманского захоронения в склепе на Кабанском городище // Болгар и проблемы исторического развития Западного Закамья. 60 лет археологического изучения. Итоги и перспективы. Болгар. 1998. С. 45-48.

257. Бурханов А.А. Новые данные по средневековой Казани (итоги раскопок Кабанского городища) // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М., 1999. С.127-130.

258. Бурханов А.А. Некоторые итоги изучения памятников эпохи Казанского ханства // Уч. зап. ТГПИ. 1999. № 7. С. 121-132.

259. Бурханов А.А. Некоторые итоги изучения памятников охранной зоны Иске-Казанского историко-культурного и природного комплекса в Заказанском регионе // Диалог культур Евразии: Вопросы средневековой истории и археологии. Вып. 2. Казань, 2001. С.354-381.

260. Бурханов А.А. Некоторые итоги исследований средневековых памятников в Казани и перспективы их изучения в заповедной территории «Старо-Татарская слобода» (по материалам исследований археологических и эпиграфических

объектов XIII–XVI вв. в 1997–1999 гг.) // Старо-Татарская слобода – от прошлого к будущему. Казань, 2001. С. 62–70.

261. Бушканец Е.Г. Город Казань. Путеводитель. Казань, 1954. 24 с.

262. Бушканец Е. Исторические памятники Казани. Краткий путеводитель-справочник для туриста. Казань, 1959. 62 с.

263. Бушканец Е. Казань. Путеводитель. Казань, 1961. 183 с.

264. Бушмакин М.Д. Территория старой Казани // Старая и новая Казань. Казань, 1927. С. 24–38.

265. В кругу учеников, коллег, друзей: К 70-летию И.П.Ермолаева. Казань: Изд-во КГУ, 2002. 188 с.

266. Валеев Р.М. Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX – начала XIII веков. Казань, 1995. 159 с.

267. Валеев Р.М., Мухаметшин Д.Г., Хузин Ф.Ш. Клад // «Республика Татарстан». 1996, 17 окт.

268. Валеев Ф.Х. К истории архитектуры казанских татар XV – первой половины XVI в. // Вопросы истории, филологии и педагогики. Вып. 2. Казань: Изд-во КГУ, 1967. С. 94–103.

269. Валеев Ф.Х. Орнамент казанских татар. Казань, 1969. 204 с.

270. Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф. Древнее искусство Татарии. Казань, 1987.

271. Валеева-Сулейманова Г.Ф. Типология взаимодействия художественной культуры татар в системе «Восток-Запад» // *Tatarica*. 1997/98. № 1. С. 108–128.

272. Валеева-Сулейманова Г. Художественная культура татар в фокусе цивилизаций // Татарстан. 1997. № 5. С. 56–69.

273. Валиуллина С.И. Говорящее стекло. Что могут открыть бусы – украшения женщины ранней Казани? // «Казань». 1999. № 5–6. С. 33.

274. Васильев П. Археологическая заметка // Казанский биржевой листок. 1874. №97. С. 2–3.

275. Васильев Ю.Ю. Керамический комплекс из раскопок на Старом Ваганькове в Москве // Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991. С.41–42.

276. Вахидов С.Г. Татарские легенды о прошлом Камско-Волжского края // ВНОТ. 1926. № 4. С. 82–91.

277. Вахитов И.М. Каким быть Казанскому кремлю? // Древняя Казань глазами современников и историков. Казань, 1996. С.402–408.

278. Вахитов И.М., Халитов Н.Х. Казанский Кремль // Гасырлар авазы. Эхо веков. 1999.

№ 3/4. С.26–34.

279. Вейнберг Н. Казань // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона. 1891. Т. XIIIа, кн. 26. С. 910.

280. Векслер А.Г., Осипов Д.О. Кожаная обувь из раскопок на Манежной площади в Москве (1995) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 3. Тверь, 1999. С. 214–221.

281. Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола и Международного научного семинара. Казань, 2001. 354 с.

282. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб., 1863. XIII, 558 с.; Ч. 2. СПб., 1864. 498 с.; Ч. 3. СПб., 1866.

283. Верещагин П.А. Указатель достопримечательностей города Казани. Казань, 1895. 33 с.

284. Вилинбахов В.Б. Балтийско-Волжский путь // СА. 1963. № 3. С.126–135.

285. Волков И.В., Новикова Г.Л. Красноглиняные «турецкие» курительные трубки в собрании Музея истории города Москвы // Тр. Музея истории города Москвы. Вып. 9. М., 1996. С.134–152.

286. Волкова Т.Ф. К вопросу о литературных источниках «Казанской истории» («Казанская история» и жанр хождений) // ТОДРЛ. 1981. Т. XXXVI. С.242–250.

287. Волкова Т.Ф. «Казанская история» и троичские литературные памятники о взятии Казани // ТОДРЛ. 1983. Т. XXXVII. С.104–117.

288. Волкова Т.Ф. Особенности сюжета Повести о казанском походе и «Истории» А.М.Курбского. // ТОДРЛ. 1985. Т. XL. С.248–259.

289. Волкова Т.Ф. Казанская история // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.) Ч. I: А–К. С.456–457.

290. Воронцов К. Историко-топографический очерк Казани перед завоеванием ее русскими // Уч. зап. Казан. ун-та. 1890. Кн. 6. С.63–102. Казань, 1890. 40 с.

291. Второв А. Памятники древности в Казанской губернии // ЖМВД. 1840. Т. XXXVII. № 8. С.170–219.

292. Высоцкий Н.Ф. «Немецкая куртина» – древне-армянское кладбище в Казани // ИОАИЭ. 1889. Т. VII.

293. Высоцкий Н.Ф. Следы древнейшего армянского кладбища в Казани // ИОАИЭ. 1900. Т. VI, вып. 1. С.18–19.

294. Габяшев Р.С., Халиков А.Х. Разведки в окрестностях Казани // АО – 1976. М., 1977. С. 137.

295. Гаев А.Г. Монеты золотоордынского хана Махмуда (1445-1461) // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. 100-летие А.П. Смирнова. Тез. науч. конф. Болгар, 1999. С. 82-84.
- 295а. Газиз Г.С. История татар. М.: Московский лицей, 1994. 190 с.
296. Газимзянов И.Р. Краниологическая характеристика материалов из мавзолеев Казанского Кремля // МКК. Казань. 1997. С.89-95.
297. Газимзянов И.Р. Раскопки погребальных комплексов Волжской Булгарии и Казанского ханства // Диалог культур Евразии: Вопросы средневековой истории и археологии. Вып. 2. Казань, 2001. С. 129-134.
298. Галлямов Р.Ф. Расселение татар Предкамья во второй половине XVI в. // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Тр. Международ. конф. Том 3. М.: Инсан, 1997. С. 46-50.
299. Галлямов Р.Ф. Иски Казань – Ички Казань // СКВР. 2000. С.186-189.
300. Галлямов Р.Ф. Старо-Татарская слобода – начало пути // Старо-Татарская слобода – от прошлого к будущему. Казань, 2001. С. 71-78.
301. Гамаледдин М., Совелам А. Монета третьего столетия Хиджры // «Казань». 1999. № 5/6. С. 34.
302. Гамаледдин М., Совелам А. О саманидском дирхеме из древней Казани // МСТП. 1999. С. 238-239.
303. Гамаледдин М., Совелам А. О саманидском дирхеме из древней Казани // Археологическое изучение болгарских городов. Казань, 1999. С. 39-40.
304. Гатауллин А. Загадка Гостиного двора // Идель. 1995. № 3. С. 62-63.
305. Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. Больше-Тарханский могильник. М., 1964. 200 с.
306. Гильманов А.Д. Лицо, открытое столетиям. Как возрождать Старо-Татарскую слободу // «Казань», 1999. № 9/10. С. 42-44.
307. Гильманов А.Д. Исторические особенности формирования Старо-Татарской слободы г. Казани // Старо-Татарская слобода – от прошлого к будущему. Казань, 2001. С. 79-85.
308. Гильманов А.Д. Особенности формирования Старо-Татарской слободы города Казани // Татарские слободы Казани: очерки истории. Казань, 2002. С. 22-59.
309. Гилязов И.А. Татарские слободы Казани во второй половине XVI – середине XIX вв. // Татарские слободы Казани: очерки истории. Казань, 2002. С. 60-74.
310. Гимади Х.Г. Об историческом значении присоединения Татарии к Русскому государству // Изв. КФАН СССР. Сер. гуманитар. наук. Вып. 1. Казань, 1955. С. 3-14.
311. Глухов-Ногайбек М. Судьба гвардейцев Сююмбеки. Казань, 1993. 287 с.
312. Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999. 464 с.
313. Голдина Р.Д., Королева О.П. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск, 1983. С. 40-71.
314. Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М., 1973. 211 с.
315. Гордеев В.И. Малый город Поволжья в позднем средневековье. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2000. 19 с.
316. Город Болгар: Очерки истории и культуры. М.: Наука, 1988. 315 с.
317. Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань: 1996. 300 с.
318. Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М.: Наука, 2001. 365 с.
319. Город как социокультурное явление исторического процесса / Отв. ред. Э.В.Сайко. М.: Наука, 1995. 351 с.
320. Горюнов Е.И. Итоги работ археологического надзора на строительстве II очереди Московского Метрополитена // МИА. 1949. № 7. С.44-54.
321. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 478 с.
322. Григорьев А.И. Казанский Кремль. Краткий путеводитель. Казань, 1959. 42 с.
323. Григорьев А.П. Христианизация нерусских народностей как один из методов национально-колониальной политики царизма в Татарии // Материалы по истории Татарии. Вып. 1. Казань, 1948. С. 226-285.
324. Григорьев Е. «Опыт» Петра Рычкова. Автор первой печатной книги об истории Казани // «Казань». 1999. № 5/6. С.63-64.
325. Григорьев Ю.В., Печенкин А.В., Ситдинов А.Г., Старков А.С. Археологические охранно-спасательные исследования на улицах г. Казани // АОТ: 2001 год. Казань, 2002. С. 49-55.
326. Губайдуллин А.М. О классификации городищ Волжской Булгарии // Археологическое изучение болгарских городов. Казань, 1999. С.72-76.
327. Губайдуллин А.М. Оборона границ Волжской Булгарии и древняя Казань // СКВР. 2000.

С.113-116.

328. Губайдуллин А.М. Археологические исследования в северной части Казанского кремля (раскоп XLIII) // АОТ: 2001 год. Казань, 2002. С. 7.

329. Губайдуллин Г.С. Из прошлого татар // Материалы по изучению Татарстана. Вып. II. Казань, 1925. С.71-111.

330. Давлетшин Г.М. Некоторые проблемы изучения духовной культуры населения Казанского ханства // Уч. зап. ТГГИ. 2001. № 9. С. 93-104.

331. Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. М.: Наука, 1976. 200 с.

332. Даркевич В.П. О некоторых проблемах происхождения и развития древнерусских городов (X–XIII вв.) // Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1995. С.126-136.

333. Даркевич В.П., Стародуб Т.Х. Иранская керамика из раскопок Старой Рязани // СА, 1983. № 2. С.183-195.

334. Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995. 448 с.

335. Девятых Л. Бек-партизан. (О беке Япанчи и о борьбе населения Казанского ханства за независимость в середине XVI в.) // Идель. 1999. № 5. С. 44-45.

336. [Десницкая Н.] Краткое описание Спасо-Преображенского миссионерского монастыря. Казань, 1909. 21 с.

337. Димитриев В.Д. О социально-экономическом строе и управлении в Казанской земле // Россия на путях централизации. М., 1982. С.98-106.

338. Дмитриев В.Д. Чувашские исторические предания. Часть 1. О жизни и борьбе народа с древнейших времен до середины XVI века. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1983. 110 с.

339. Дмитриев В.Д. Чувашские предания о Казанском ханстве и присоединении Чувашии к России // Тр. ЧувНИИ. 1975. Вып. 60. С. 88-136.

340. Добродомов И.Г., Кучкин В.А. Этимология и старые географические объекты // Вопросы географии. Сб. 110. М., 1979. С.157-163.

341. Добродомов И.Г., Кучкин В.А. «Казанская история» и основание Казани // Герменевтика древнерусской литературы XI–XVI вв. М., 1989. С.430-479.

342. Древние Чаллы. Борынгы Чаллы. Казань, 2000. 320 с.

343. Древняя Алабуга. Елабуга, 2001. 224 с.

344. Древняя Казань в документах и материалах // Гасырлар авазы. Эхо веков. 1995. № 1. С.34-54.

345. Древняя Казань. Каталог выставки. СПб., 1999. 158 с.

346. Дроздова Г.И. А.Х.Халиков – исследователь древней Казани // Древняя Алабуга: проблемы изучения, сохранения и музеефикации археологических памятников. Елабуга, 1997. С. 58-60.

347. Дубов И.В. Великий Волжский путь. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 256 с.

348. Дубровин А.С. Указатель города Казани и достопримечательностей с кратким очерком древностей Казанской губернии. Казань, 1890.

349. Дубровина Л.А. Некоторые вопросы истории текста Казанского летописца. К вопросу об основании Казанского ханства // Материалы конференции молодых ученых МарНИИ. Йошкар-Ола, 1980. С.12-20.

350. Дубровина Л.А. Казанский летописец: Историко-текстологическое исследование. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1981. 22 с.

351. Дубровина Л.А. История о Казанском царстве (Казанский летописец). Списки и классификация текстов. Киев, 1989.

352. [Дульский П.М.] Памятники казанской старины. Казань: Изд-во С.В.Солмина, 1914.

353. Дульский П.М. Несколько слов по поводу орнаментики татарских памятников XVI–XVII вв. // МОРП. 1928. Вып. 2. С.22-26.

354. Дульский П.М. Казань XVI–XVII–XVIII столетий. Казань, 1943. 22 с.

355. Егерев В.В. Материалы к истории зодчества г. Казани // КМВ. 1924, № 1. С. 40-48.

356. Егерев В.В. Измерение наклона Сююмбекиной башни // МОРП. 1928. Вып. 2. С. 40-44.

357. Егерев В.В. Стена Казанского кремля и работы по ремонту их // МОРП. 1928. Вып. 2. С. 62-77.

358. Егерев В.В. Возникновение и развитие планировки в г. Казани // Тр. Казан. ин-та инженеров-строителей нефт. пром. Казань, 1956. Вып. IV. С. 35-46.

359. Егоров В.Л. О времени возникновения Казани // СА. 1975. № 4. С. 80-87.

360. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 246 с.

361. Ермолаев И.П. Писцовая книга Ивана Болтина как исторический источник // Писцовая книга казанского уезда 1602-1603 годов. Публикация текста. Сост. Р.Н.Степанов. Казань: Изд-во КГУ, 1978. С. 5-31.

362. Ермолаев И.П. Казанский край во второй половине XVI–XVII вв. (Хронологический перечень документов). Казань: Изд-во КГУ,

1980. 263 с.

363. Ермолаев И.П. Город Казань по писцовой книге 1565-1568 годов // Страницы истории города Казани. Казань: Изд-во КГУ, 1981. С. 3-15.

364. Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй XVI-XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань: Изд-во КГУ, 1982. 223 с.

365. Ермолаев И.П., Литвин А.Л. Новая советская историография о Среднем Поволжье в XVI в. // Россия на путях централизации. М.: Наука, 1982. С.269-272.

366. Ефимова А.М. Из истории работы музея по изучению археологических памятников края. Казань, 1955. 12 с.

367. Ефимова А.М. К вопросу о происхождении городов Волжской Болгарии. Казань, 1957. 18 с.

368. Жеребов Д. Инженерное обеспечение взятия Казани в 1552 г. // Военно-исторический журнал. 1949. № 8. С. 31-42.

369. Жуковский А.С. Опыт типологизации керамических курительных трубок XVIII – первой половины XIX вв. (по материалам Прикамья) // Оборинские чтения: материалы археол. конф. Пермь, 2000. Вып. 1. С. 46-51.

370. Забирова Ф. Часть всемирного наследия // «Казань». 1999. № 5/6. С.121-122.

371. Загидуллин И. О грамоте царя Федора Ивановича казанским воеводам и дьякам от 18 июля 1593 года // Гуманитарные науки: проблемы и аспекты изучения. Казань, 1997. С.13-20.

372. Загидуллин И.К. «Наказная память» царя Ивана IV архиепископу Гурию как исторический источник // Казанское востоковедение: традиции, современность, перспективы. Казань, 1997. С. 260-263.

373. Загоскин Н.П. Казанские мятежи в первые пять лет после покорения Казани русской державе // Казанские вести. 1891. № 61, 68, 77,81.

374. Загоскин Н.П. Начало Казани и Казанского царства // «Волжский Вестник». 1895. №№ 86, 91, 98, 103, 110, 121, 139, 147, 153.

375. [Загоскин Н.П.] Спутник по Казани. Казань, 1895. 691 с.

376. Зайцев И.В. Посольства из Казани в Крым 1549 года // *Orientalistica Juvenile*: Сб. работ молодых сотрудников и аспирантов. М., 2000. Вып.1. С.84-98.

377. Закиев М.З. Татарское языкознание 70-х годов в свете достижений советской лингвистики // Проблемы типологии татарского и русского языков. Казань, 1980. С.36-37.

378. Закирова И.А. Косторезное дело Болга-

ра // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988. С.220-243.

379. Заринский П.Е. Очерки древней Казани, преимущественно XVI века. Казань, 1877. 221 с.

380. Заринский П. Сборник исторических и археологических исследований о Казанском крае. Ч. 1. Казань, 1880. IV, 75 с.

381. Заринский П.Е. Топография города Казани в 1552 году, во время осады его русскими войсками // Тр. IV АС. Т. I. Казань, 1884.С.59-98.

382. Зеленецкий А. Казанский Богородицкий монастырь. Краткий исторический очерк. Казань, 1910. 20 с.

383. Зимин А.А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. М.; Л., 1950. С.3-39.

384. Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958.

385. Зимин А.А. Из истории посадской идеологии XVII в. (Песни и легенды о взятии Казани) // Города феодальной России. М., 1966. С.231-238.

386. Зимин А.А. Участник взятия Казани 1552 г. литвин Розмысл Петров // Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX в. М., 1969. С. 273-278.

387. Зимин А.А. Иван Грозный и Симеон Бекбулатович в 1575 г. // Из истории Татарии. Сб. IV. (Уч. зап. КГПИ. Вып. 80). Казань, 1970. С.141-163.

388. Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. (Очерки социально-политической истории). М.: Мысль, 1982. 333 с.

389. Зиновьев Д. Топографическое описание города Казани. М., 1788.

390. Знаменитые люди о Казанском крае / Сост. вступ. статья и коммент. А.В.Гарзавиной, А.И.Новицкого. Казань: Таткнигоиздат, 1990. 221 с.

391. Зорин А.Н. Города и посады дореволюционного Поволжья. Казань: Изд-во КГУ, 2001. 704 с.

392. Зудина В.Н. Археологическое изучение русского селения Новинки // Краеведческие записки. Самара, 1996. Вып. VIII. С.269-287.

393. Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р.Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). Ижевск, 1998. 309 с.

394. Иванов В.В., Ионенко И.М., Халиков А.Х. Когда возникла Казань? // Коммунист Татарии. 1974, № 10. С. 84-90.

395. Иванов В.В., Ионенко И.М., Халиков А.Х. О времени возникновения и названии г. Казани. Казань, 1974. 21 с.

396. Иванов В.В., Халиков А.Х. О времени возникновения города Казани // История СССР.

1975, № 6. С 147-156.

397. Иванова М.Г. Иднакар: Древнеудмурдское городище IX–XIII вв. Ижевск, 1999. 294 с.

398. Измайлов И.Л. «Казанское взятие» и имперские притязания Москвы: очерк истории становления имперской идеологии // Мирас. 1992. № 10. С.50-62.

399. Измайлов И.Л. Викинги в Среднем Поволжье // Древние народы и города Поволжья. Пенза, 1995. С. 1-23.

400. Измайлов И.Л. Вооружение Казанского ханства (XV–XVI вв.): К постановке проблемы // Заказанье: проблемы истории и культуры. Тез. док. и материалы науч.-практич. конф. Казань, 1995. С.135-139.

400а. Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII вв. Казань-Магадан, 1997. 213 с.

401. Измайлов И.Л. «Русь» в Среднем Поволжье. (Этапы болгаро-скандинавских этно-социальных контактов и их влияние на становление городов и государств) // МСТП. 1999. С.94-100.

402. Измайлова С. Древняя история Казани в музейных коллекциях // «Казань». 1999. № 5-6. С.57-60.

403. Ильина М.Е. Критика искусствоведческих теорий о художественной культуре Волжской Булгарии и Казанского ханства // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Тр. Международ. конф. М., 1997. Т. 2. С. 216-219.

404. История Казани. Первая книга. Казань: Таткнигоиздат, 1988. 352 с.

405. История России с древнейших времен до конца XVII века / Отв. ред. А.Н.Сахаров, А.П.Новосельцев. М., 2000. 577 с.

406. История СССР с древнейших времен до наших дней. В двенадцати томах. Т. II. М.: Наука, 1966. 632 с.

407. История Татарской АССР. Т. I. (С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). Казань, 1950. 709 с.

408. История Татарской АССР. Т. I. (С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). Казань, 1955. 550 с.

409. История Татарской АССР (с древнейших времен до наших дней). Казань, 1968. 719 с.

410. История Татарской АССР. Казань, 1973. 240 с.

411. История Татарской АССР. Изд. 2-е, доп. Казань, 1980. 256 с.

412. Исааков Д.М. Татарское население города Казани во второй половине XVI – начале

XX вв. (этнодемографический очерк) // Новое в археологии и этнографии Татарии. Казань, 1982. С. 74-84.

413. Исааков Д.М. Об этнической ситуации в Среднем Поволжье в XVI–XVII вв.: Критический обзор гипотез о «ясачных чувашах» Казанского края // Советская этнография. 1988. № 5. С.140-146.

414. Исааков Д.М. Введение в историческую демографию волго-уральских татар. Казань, 1993. 71 с.

415. Исааков Д. К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств (на примере Казанского и Касимовского ханств XV – середины XVI вв.) // Панорама-форум. 1995. № 3. С. 95-107.

416. Исааков Д.М. Сеиды в позднесолотоордынских татарских государствах. Казань, 1997. 78 с.

417. Исааков Д.М. Некоторые итоги изучения демографического развития татар в XVI–XX вв. // Языки, духовная культура и история тюрков: Традиции и современность. Тр. Международ. конф. Том 3. М. 1997. С. 129-131.

418. Исааков Д. Сеиды в позднесолотоордынских татарских государствах // Tatarica. 1997/98. № 1. С. 42-95.

419. Исааков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени: Этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв. Казань, 1998. 276 с.

420. Исааков Д. Руководитель великих: воин, поэт и мыслитель Кол-Шериф // «Казань». 1999. № 5-6. С. 46-47.

421. Исааков Д.М. Титулы «князь Болгарский» и «князь Казанский» // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. 100-летие А.П.-Смирнова. Тез. науч. конф. Болгар, 1999. С. 86-87.

422. Исааков К. Вехи великой истории // «Казань». 1999. № 5/6. С.3-5.

423. Исааков К. Достоинство встретить 1000-летие столицы // Мэгариф. 1999. № 11. С.12-13.

424. Кавелин А. Древние болгары (из бумаг Кафтанникова) // Библиотека для чтения. № 82, отд. III. СПб., 1847. С. 41-65.

425. Казаков Е.П. О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. 161-167 с.

426. Казаков Е.П. О происхождении и этнокультурной принадлежности средневековых прикамских памятников с гребенчато-шнуровой керамикой // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1987.

427. Казаков Е.П. О домонгольских торгово-

ремесленных поселениях волжских булгар в Закамье // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Н.Новгород, 1991. С.342-352.

428. Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Таткнигоиздат, 1991. 176 с.

429. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Булгарии. М., 1992. 335 с.

430. Казаков Е.П. Об освоении болгарами Казанско-Марийского Поволжья в X–XI вв. // Археологическое изучение булгарских городов. Казань, 1999. С.63-71.

431. Казаков Е.П. Торгово-ремесленные поселения булгар X–XI вв. и Северо-Восточная Европа // МСТП. 1999. С.101-106.

432. Казаков Е.П. Купцы-первопроходцы. Что влекло в новые края волжских болгар? // «Казань». 1999. № 5-6. С. 19-20.

433. Казаков Е. Ранние торгово-ремесленные поселения на Волге и Каме // СКВР. 2000. С. 117-121.

434. Казаков Е.П. Итоги, проблемы и перспективы изучения древностей волжских булгар на рубеже XX–XXI вв. // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научной конференции. Ижевск, 2000. С.152-156.

435. Казанский Кремль сквозь века. Фотоальбом. Текст Р.Бухараева. Казань-Лондон, 2000. 48 с.

436. Казанский М.В. Путеводитель по Казани. Казань, 1899. 298 с.

437. Казань // Города России. Энциклопедия. М., 1994. С.166-168.

438. Казань в памятниках истории и культуры. Казань, 1982. 280 с.

439. Казань: времен связующая нить. Казань, 2000. 280 с.

440. Казань появилась на картах ЮНЕСКО // «Казань». 2001. № 6. С.4-8.

441. Какой вид имела Казань в XVI веке? // КГВ. 1856. №№ 33, 34, 36, 40, 41, 43, 44, 46.

442. Калинин Н.Ф. Спасская башня Казанского Кремля. Историко-археологический очерк. Казань, 1926. 68 с.

443. Калинин Н.Ф. Археологические наблюдения на улицах Казани // ИОАИЭ. 1927. Т. XXXIII, вып. 4. С.33-38, 1 л. илл.

444. Калинин Н.Ф. Где был дворец казанских ханов? // ВНОТ. 1927. № 6. С. 81-96.

445. Калинин Н.Ф. Казань 18-го века // ИОАИЭ. 1929. Т. XXXIV, вып. 3-4. С.119-130.

446. [Калинин Н.Ф.] Город Казань // Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг. М.; Л., 1941. С. 104-106.

447. Калинин Н. Археология Казанского

Кремля // «Кр. Татария». 1949, 8 февраля.

448. Калинин Н. Границы древней Казани // «Кр. Татария». 1950, 14 ноября.

449. Калинин Н. Тайнический ход Казанского Кремля // «Сов. Татария». 1952, 23 ноября.

450. Калинин Н.Ф. Казанский Кремль. Казань, 1951. 4 с.

451. Калинин Н.Ф. Казань. Исторический очерк. Казань, 1955. 415 с.

452. Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. Тр. КФАН СССР. Сер. гуманитар. наук. Казань, 1954. 126 с.

453. Калинин Н.Ф. Раскопки в Казанском Кремле в 1953 году // Изв. КФАН СССР. Сер. гуманитар. наук. Вып. 1. Казань, 1955. С. 117-138.

454. Калинин Н.Ф. Постник Барма – строитель собора Василия Блаженного в Москве и Казанского Кремля // СА. 1957. № 3. С. 261-264.

455. Кальмер Й. Ранние бусы из раскопок древней Казани // Средневековая Казань: Возникновение и развитие. Казань, 2000. С. 54-58.

456. Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская сфрагистика и геральдика. М.: Высшая школа, 1963.

457. [Кандаратский М.Ф.] Сказание кн. Курбского в изложении проф. Кандаратского. Казань, 1912. XII, 20 с.

458. Каниц Ю.Ф. Краткое изложение плана древнего г.Казани и описание осады и взятия оно-го в 1552 г. // Маяк. 1843. т.VIII. Гл. 3. с. 49-58.

459. Каниц Ю.Ф. Краткое изъяснение плана древнего города Казани и описание осады и взятия оно-го в 1552, от Ю.Ф. Каница, в Казани 1778 год. // Сборник древностей Казанской Епархии П.Любарского. Православный собеседник. Казань, 1868. с.116-129.

460. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1996. 379 с.

461. Каппелер Андреас. Россия – многонациональная империя: Возникновение, история, распад. М., 2000. 344 с.

462. Карамзин Н.М. История государства Российского. Калуга, 1994. Т. V–VIII. 576 с.

463. Карамзин Н.М. Осада и взятие Казани // Сын Отечества. 1818. № 6-8.

464. Каргалов В.В. «На границах стоять крепко!» Великая Русь и Дикое поле: противостояние XIII–XVIII вв. М., 1998. 444 с.

465. Каргалов В.В. На степной границе: Оборона «крымской украины» Русского государства в первой половине XVI столетия. М., 1974. 183 с.

466. Каргалов В.В. Свержение монголо-татарского ига. М., 1973.

467. Каргер М.К. Крепостные сооружения Свияжска: Материалы по истории деревянного крепостного зодчества // ИОАИЭ. 1929. Т. XXXIV, вып. 3-4. С. 131-151.
468. Карлов В.В. К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии // Русский город (проблемы горообразования). М., 1980. Вып. 3. С. 66-83.
469. Каталог археологических коллекций Государственного музея ТАССР. Вып. II / Сост. А.М.Ефимова. Казань, 1980. 231 с.
470. Катанов Н.Ф. Татарские народные предания о слободах Старотатарской и Новотатарской в гор. Казани // Деятель. 1898. № 2. С. 65-67.
471. Катанов Н.Ф. Татарские предания об озере Кабане и гор. Казани // Деятель. 1898. № 1. С. 25-26.
472. Катанов Н.Ф. Исторические песни казанских татар // ИОАИЭ. 1899. Т. XV, вып. 3. С. 273-306.
473. Катанов Н.Ф. Краткая история Казанского царства по одной татарской летописи // Деятель. 1899. № 4. С. 176-180.
474. Катанов Н.Ф. Татарский рассказ о взятии Казани // Деятель. 1903. № 6-7. С. 294-299.
475. Катанов Н.Ф. Прошлое и настоящее Казани по одному татарскому рассказу // Деятель. 1904. № 10. С. 359-365.
476. Катанов Н.Ф., Покровский И.М. Орывок из одной татарской летописи о Казани и Казанском ханстве // ИОАИЭ. 1906. Т. XXI, вып. 4. С. 303-348.
477. Кафедральный Казанский Собор // За-волжский Муравей. Казань, 1832, №4, С.191-194.
478. Кафедральный Казанский Собор // Известия по Казанской Епархии. Казань, 1878. 237 с.
479. Каштанов С.М. Земельно-иммунитетная политика русского правительства в Казанском крае в 50-х годах XVI в. (по актовому материалу) // Из истории Татарии. Сб. IV. Казань, 1970. С. 164-203.
480. Кидырниязов Д.С. Из истории взаимоотношений ногайцев с казанскими татарами в XVI веке // Языки духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Тр. Междуна-род. конф. М., 1997. С. 50-52.
481. Кизилов Ю.А. Земли и народы России в XIII-XV вв. М., 1984. 160 с.
482. Кильдюшевский В.И. Керамика Пскова XII-XVII вв. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 5-33.
483. Кинан Эдвард. Московия и Казань: некоторые вводные замечания к модели восточной дипломатии // Панорама-форум. 1995. № 1. С. 66-81.
484. [Кирилов И.] Цветущее состояние Всероссийского государства, каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий. Кн. 2., в которой описаны губернии и провинции Нижегородская, Казанская, Астраханская, Архангелогородская, Симбирская. М., 1831. 202 с.
485. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX-XIII вв. М.-Л., 1966. 147 с.
486. Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. Л., 1973. 140 с.
487. Кирпичников А.Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984. 275 с.
488. Кирпичников А.Н. Великий Волжский путь, его историческое и международное значение // Великий Волжский путь. Казань, 2001. С. 9-35.
489. Кирпичников А.Н. Великий Волжский путь и евразийский торговые связи в эпоху раннего средневековья // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 34-58.
490. Климов В.А. Хронология климатических изменений в голоцене на территории СССР // Международная конференция. Проблемы голоцена. Тбилиси, 1988. С. 61-62.
491. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1879. 464 с.
492. Ключникова Р.М., Сташенков Д.А. Новотроевское погребение (о кыпчакском компоненте в Среднем Поволжье) // Краеведческие записки. Вып. VIII. Самара, 1996. С. 239-248.
493. Кляшторный С. К вопросу о времени основания Казани // МСТП. 1999. С. 240-247.
494. Кляшторный С. О времени основания Казани // СКВР. 2000. С. 72-78.
495. Кляшторный С. Образ сквозь века. О времени основания Казани // «Казань». 1999. № 5-6. С. 36-37.
496. Коваль В.Ю. Керамика Востока в средневековой Москве (опыт систематизации) // РА. 1997. № 2, 3. С. 94-113, 104-122.
497. Коваль В.Ю. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии // Тр. Музея истории города Москвы. Вып. 9. М., 1996. С. 103-133.
498. Коваль В.Ю. Позднесредневековая глазурированная керамика с мраморовидной росписью // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 3. Тверь, 1999. С. 222-229.
499. Коваль В.Ю. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // СА. 2001. № 1. С. 98-109.

500. Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV вв.: (к проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур). Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1991. 24 с.
501. Кокорина Н.А. Керамика Камаевского городища (культурно-хронологическое соотношение) // Заказанье: проблемы истории и культуры. Казань, 1995. С.28-32.
502. Кокорина Н.А. Керамика усадьбы гончара из Иски Казани // ТА. 1999. № 1-2. С.77-102.
503. Кокорина Н.А., Фахрутдинов Р.Г. Гончарный комплекс золотоордынского периода из Иски Казани // ТА. 1999. № 1-2. С.103-134.
504. Кокорина С.И. К вопросу о составе и плане авторского текста «Казанской истории» (по поводу нового издания «Казанской истории») // ТОДРЛ. 1956. Т.ХII. С.576-585.
505. Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА, 1959. № 65. С.7-121.
506. Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. М. 1982. С.156-177.
507. Кондаратский М.Ф. Сказание кн. Курбского. С приложением плана осады г. Казани в 1552 году. Казань, 1912. XII, 20 с.
508. Копанев А.И., Маньков А.Г., Носов Н.Е. Очерки истории СССР. Конец XV – начало XVII вв. Л., 1957. 254 с.
509. Коротов И.А. Иван Грозный. Военная деятельность. М., 1952. 88 с.
510. Корсаков Д.А. Каких городов служилые люди были помещиками и вотчинниками в Казанском крае в XVI и XVII вв. // Тр. IV АС. Т. 1, отд. 2. Казань, 1891. С. 170-177.
511. Корсакова В.Д. Список начальствующих лиц в городах Казанской губернии 1553-1708 гг. и губернаторов 1708-1908 гг. // ИОАИЭ. 1908. Т. XXIV. Вып. 5. С. 1-14,1-18.
512. Корчагин П.А. Археологические раскопки в Перми в 1998 г. // Оборинские чтения: материалы археол. конф. Пермь, 2000. Вып. 1. С. 43-46.
513. Корчагин П.А. Датирующие свойства медной монеты России XVII-XIX вв. // Оборинские чтения: материалы археол. конф. Пермь, 2002. Вып. 2. С. 59-64.
514. Корчагин П.А., Мельничук А.Ф., Соколова Н.Е. Историко-археологическое изучение г. Перми конца XVIII – первой половины XIX вв. // Оборинские чтения: материалы археол. конф. Пермь, 2000. Вып. 1. С. 52-71.
515. Крамаровский М. К истокам казанской скани // СКВР. 2000. С.272-278.
516. Краснов Ю.А., Каховский В.Ф. Средневековые Чебоксары. М., 1978. 192 с.
517. Кремлевский А. Святитель Гурий, первый архиепископ Казанский // Известия по Казанской епархии за 1905 год. Казань, 1905. № 28, с.817-827; № 30, с.886-899; № 32, с.953-959; № 33, с.990-996; № 34, с.1016-1019.
518. Кропоткин В.В. Булгарские монеты X в. на территории Древней Руси и Прибалтики // Волжская Булгария и Русь. Казань, 1986. С.38-62.
519. Куза А.В. Древнерусские городища X–XII вв. М., 1996. 256 с.
520. Кузьмин В.В., Смыков Ю.И., Халиков А.Х. Казань. Путеводитель. Казань, 1977. 223 с.
521. Кузьминых С.В., Старостин П.Н., Хузин Ф.Ш. Альфред Хасанович Халиков. Очерк жизни и научной деятельности. Казань, 1999. 58 с.
522. Кульпин Э. Социально-экологические кризисы Восточной Европы в судьбах Казани // СКВР. 2000. С. 279-284.
523. Кульпин Э.С. Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства. М., 1998. 240 с.
524. Кульпин Э.С. Казань – второй центр кристаллизации славяно-тюркского суперэтнуса // Заказанье: проблемы истории, культуры. Тез. док. науч.-практич. конф. Казань, 1995. С. 104-106.
525. Кунцевич Г.З. Заметки об «Истории города Казани» К.Ф.Фукса // Изв. Отделения русского языка и словесности. СПб., 1902. Т. 4, кн. 4. 12 с.
526. [Лаптев М.] Материалы для географии и статистики России. Казанская губерния. Сост. М.Лаптев. СПб., 1861. 616 с.
527. [Ласковский Ф.Ф.] Карты, планы и чертежи к 1 и 2-й частям Материалов для истории инженерного искусства в России. СПб., 1858-1861. Ч. 1. 28 л. илл. карты; Ч. 2. 36 л. илл. карты.
528. Лебедев Е.М. Спасский монастырь в Казани. Историческое описание. Казань, 1895. 215 с.
529. Лысенко П.Ф. Берестье. Минск: Наука и техника, 1985. 399 с.
530. Лихачев А.Ф. Описание части клада русских монет XV века // ИОАИЭ. 1880. Т. II. С.112-120.
531. Лызлов А. Скифская история. М., 1990. 518 с.
532. Львова З.А. Стекланные бусы Старой Ладоги // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Вып. 10. Л., 1968. С. 64-94.
533. Мавзолеи Казанского Кремля. Опыт историко-антропологического анализа. Казань, 1997. 158 с.

534. Макарова В.Н., Халиков А.Х. Поливная и глазурованная керамика биллярского производства // Посуда Билляра. Казань, 1986. С.53-60.
535. Малеев Н. По поводу статьи г. Соловьева о раскопках в Казани // Изв. РГО. СПб., 1876. Т. XI. Вып. 1. С. 100.
536. Маликов Р.Ш. Идеи средневекового мыслителя Мухамедьяра о разуме как составляющей гуманной личности // Уч. зап. ТГГИ. 2000. № 8. С.81-89.
537. Малов Е.А. Казанский Богородицкий Девичий монастырь. Казань, 1879. 141 с.
538. Малов С.Е. Булгарские и татарские эпиграфические памятники // Эпиграфика Востока. 1947. Т. I. С.38-45.
539. Марджани Ш. Очерк истории Болгарского и Казанского царства // Тр. IV АС. Т. 1, отд. 2. Казань, 1891. С.40-58.
540. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел. VIII–XV вв. САИ. Вып. Е1-36. М.: Наука, 1966. 184 с.
541. Медникова М. Исследование погребений из мавзолеев Казанского Кремля методом рентгенографии // МКК. 1997. С.105-109.
542. Медникова М. Итоги остеометрического обследования погребенных в мавзолеях Казанского Кремля // МКК. 1997. С.96-104.
543. Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Материалы Международного симпозиума. Казань, 1999. 328 с.
544. Мельникова Е.А. Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы // МСТП. 1999. С.80-87.
545. Место обретения иконы Казанской / Сост. А. Малова. Казань, 2000. 31 с.
546. Миллер Б.В. Об армянских надписях в Болгаре и Казани // Изв. Российской Академии литературной культуры. Л., 1925. Т. IV. С.65-80.
547. Минвалеев Р.М. Огнестрельное оружие в Среднем Поволжье по материалам Казанского кремля // XXXI УПАСК. Самара, 1999. С. 76-78.
548. Можаровский А.Ф. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 года. Казань, 1878.
549. Моисеева Г.Н. Автор «Казанской истории» // ТОДРЛ. 1953. Т. IX. С. 266-288.
550. Моисеева Г.Н. О некоторых источниках «Казанской истории» // ТОДРЛ. 1955. Т. XI. С.187-197.
551. Моисеева Г.Н. Казанская царица Сююнбике и Сумбека «Казанской истории» // ТОДРЛ. 1956. Т. XII. С. 174-187.
552. Молодость древнего города. Казань, 1978. 272 с.
553. Московский Кремль. Археологические древности. М., 1996. 40 с.
554. Моця А.П., Халиков А.Х. Булгар–Киев: Пути, связи, судьбы. Киев, 1997. 192 с.
555. Мукминова Р.Г. Кожа «булгари». (К взаимосвязи казанских ремесленников) // Языки, духовная культура история тюрок: Традиции и современность. Тр. Международ. конф. М., 1997. Т. 2. С. 221-223.
556. Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.: Наука, 1983. 164 с.
557. Мухамадиев А. Раскопки у башни Сююмбеки // Веч. Казань. 1988, 12 марта.
558. Мухамадиев А.Г. Древние монеты Поволжья. Казань: Таткнигоиздат, 1990. 158 с.
559. Мухамадиев А.Г. Казань – город каменный! // Заказанье: проблемы истории и культуры. Тез. док. науч.-практич. конф. Казань, 1995. С.32-34.
560. Мухамадиев А.Г. Золотая Орда // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995. С.136-185.
561. Мухамадиев А.Г. Казань – наследница Болгара (по нумизматическим данным) // Болгар и проблемы исторического развития Западного Закамья. Болгар, 1998. С. 37-40.
562. Мухамадиев А. О времени возникновения города Казани // МСТП. 1999. С. 248-257.
563. Мухамадиев А. Преемница Великого Булгара // «Казань». 1999. № 5-6. С. 24-27.
564. Мухамадиев А.Г. О времени возникновения и древних названиях города Казани // Историческая наука в Казанском университете. Казань, 2000. С.7-14.
565. Мухамадиев А.Г. Казанское ханство в русско-татарской дореволюционной историографии // Диалог культур Евразии: Вопросы средневековой истории и археологии. Вып. 2. Казань, 2001. С.225-252.
566. Мухамадиев А.Г. Раскопки в Казанском Кремле // Поволжье в средние века. Тез. док. Всеросс. науч. конф., посвящ. 70-летию Г.А.Федорова-Давыдова. Н. Новгород, 2001. С.71-75.
567. Мухамадиев А.Г. Халиков А.Х., Шавохин Л.С. Раскопки в Казанском Кремле. АО – 1977. М., 1978. С. 187-188.
568. Мухамедьяров Ш.Ф. Малоизвестная писцовая книга Казанского узда 1602–1603 гг. // Изв. КФАН СССР. Сер. гуманитар. наук. Вып. 2. Казань, 1957. С. 191-196.
569. Мухамедьяров Ш.Ф. Земельные правоот-

ношения в Казанском ханстве. Казань, 1958. 27 с.

570. Мухамедьяров Ш.Ф. К истории земледелия в Среднем Поволжье в XV–XVI веках // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. 3. М., 1959. С. 89–122.

571. Мухамедьяров Ш.Ф. Некоторые вопросы источниковедения истории Казанского ханства // Итоговая науч. конф. КГУ за 1960 год. Казань, 1961. С. 46–48.

572. Мухамедьяров Ш.Ф. К вопросу о положении крестьянства в Казанском ханстве // Из истории классовой борьбы и общественной мысли в Поволжье и Приуралье. Казань: Изд-во КГУ, 1962. С. 143–161.

573. Мухаметшин Д. Арабский дирхем из раскопа в Кремле // «Казань». 1999. № 5/6. С. 34.

574. Мухаметшин Д. Нумизматические находки их домонгольского слоя Казанского Кремля // МСТП, 1999. С. 235–237.

575. Мухаметшин Д. Об арабском дирхеме из раскопа XIII // Гасырлар авазы. Эхо веков. 1999. № 1/2. С.59.

576. Мухаметшин Д.Г. Об арабском дирхеме из раскопа XIII // Археологическое изучение болгарских городов. Казань, 1999. С. 38.

577. Мухаметшин Д. Источниковедческая база изучения денежного обращения Поволжья в VI–XI вв. // СКВР. 2000. С. 103–107.

578. Мухаметшин Д., Ситдинов А. Клад монет, зарытый в 1552 году в Казанском кремле // Великий волжский путь. Казань, 2001. С. 308–311.

579. На стыке континентов и цивилизаций... Из опыта образования и распада империй X–XVI вв./ Сост. И.Б.Муслимов. М., 1996. 768 с.

580. Набиуллин Н.Г. Охранно-спасательные работы на территории бывшего Ханского двора (раскоп XLVIII) // АОТ: 2001 год. Казань, 2002. С. 21–26.

581. Набиуллин Н.Г. Охранно-спасательные работы у Пятигранной башни Казанского кремля (раскоп XLVII) // АОТ: 2001 год. Казань, 2002. С. 10–14.

582. Набиуллин Н.Г. Охранно-спасательные работы у Тайницкой башни и Северной стены Казанского кремля (раскоп XLVI) // АОТ: 2001 год. Казань, 2002. С. 8–10.

583. Набиуллин Н.Г. Охранно-спасательные раскопки на площади перед зданием Президента РТ в Казанском кремле (раскоп XLVIII) // Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья. Казань, 2002. С. 209–212.

584. Невзоров П. История Сююмбекиной башни, стоящей в Казанской крепости. Казань, 1895.

23 с.

585. Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000. 224 с.

586. Немировский Е.Л. Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., 1964.

587. Нигамаев А.З., Хузин Ф.Ш. Древняя Алабуга и проблемы ее возникновения // Древняя Алабуга. Елабуга, 2000. С.7–55.

587а. Нигамаев А.З. Новые археологические исследования на Елабужском городище и г. Елабуге 1995–1997 гг. // Древняя Алабуга: проблемы изучения, сохранения и музеефикации археологических памятников. Елабуга, 1997. С.38–42.

588. Николаев Г.А. Русские рукописные книги XIV–XVII вв. в хранилищах Казани // В кругу учеников, коллег, друзей: К 70-летию И.П.Ермолаева. Казань, 2002. С. 179–184.

589. Николаева К., Кашапова Г. Спорово-пыльцевой анализ образцов из раскопов Казанского Кремля (к датировке культурного слоя средневекового города) // СКВР. 2000. С.68–71.

590. Нугманов Р.Г. Новая версия о времени основания города Казани // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Тр. Международ. конф. Том 3. М., 1997. С. 52–54.

591. Нугманова Г.Г. К вопросу о границах Старо-татарской слободы // Татарские слободы Казани: очерки истории. Казань, 2002. С. 75–80.

592. Овчинникова О., Овчинников И., Друзина Е. Молекулярно-генетический анализ человеческих остатков XV–XVI вв. из каменных мавзолеев Казанского Кремля: экстракция и амплификация ДНК // МКК. 1997. С.141–145.

593. Остроумов В.П. Планировка и застройка древней Казани (XV в. и первая половина XVI в.) // Материалы XXIV науч.-техн. конф. КИСИ. Казань, 1973.

594. Остроумов В.П. Казань. Очерки по истории города и его архитектуры. Казань: Изд-во КГУ, 1978. 295 с.

595. Очерки истории татарской общественной мысли. Казань, 2000. 191 с.

596. Очерки истории татарской общественной мысли. Казань, 2000. 192 с.

597. Паксой Х.Б. «Чура-батыр»: предостережение татар будущим поколениям // Идель. 1994. № 9/10. С. 41–47.

598. Паничева Л.Г. Белорусские изразцы XIV–XVIII вв. // Тр. V Международ. конгресса славянской археологии. М., 1987. Т. I, вып.1. С.44–53.

599. Паничкина М.З. Обзор археологических находок за 1934–35 гг. // СА. 1937. № 2. С.230–240.

600. Паракина О.О. Неполившая керамика X, XIII, XX раскопок Казанского Кремля (статистический анализ) // XXXI УПАСК. Тез. док. Самара, 1999. С. 81-83.
601. Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках. М., 1877. 331 с.
602. Персидско-русский словарь. Под ред. В.Е. Корша. М., 1974. Т.1.
603. Петренко А.Г. Исследования костей животных, полученных при раскопках Казанского Кремля в 1994 г. // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань, 1999. С.155-161.
604. Петренко А.Г., Асылгараева Г.Ш. Особенности остеологических комплексов из раскопок Казанского Кремля // Проблемы хронологии волжских болгар. Казань, 1998. С.18-19.
605. Пинегин М.Н. Казань в ее прошлом и настоящем. СПб. 1890. 604 с.
606. Плетнева С.А. Древние болгары в восточноевропейских степях // ТА. 1997. № 1. С.31-60.
607. Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / М.: Наука, 1967. 198 с.
608. Поздеева И., Турилов А. Казань – один из центров раннего книгопечатания // Гасырлар авазы. Эхо веков. 1999. № 3/4. С.265-273.
609. Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим, 2000. 240 с.
610. Поздеева И.В., Турилов А.А. «Тетради..., печатаны в Казане». (К истории и предистории казанской типографии) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 2 (4). С.37-50; 2001, № 4 (6). С.13-28.
611. Покровский И. Казанский архиерейский дом, его средства и штаты, преимущественно до 1764 года. Казань, 1906. XII + 482 + XXX + 264 + XVI с.
612. Покровский И.М. К истории казанских монастырей до 1764 года // ИОАИЭ. 1902. Т. XVIII, вып. 1-3. С. 1-80, I-XXV.
613. Покровский И.М. Насельники Казанского кремля и города в XVI–XVII в.в. // ИОАИЭ. 1901. Т. XVII, вып. 4. С. 247-248.
614. Покровский И.М. Окраины города Казани в XVI–XVIII веках. (Забулацкая, Архангельская и Ягодные слободы). Казань, 1905. 22 с.
615. Полевой Н. История русского народа. М., 1833. Т. 5. 666, XXIV с.
616. Полубояринова М.Д. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988. С.151-119.
617. Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М., 1991. 112 с.
618. Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X–XIV вв. М.: Наука, 1993. 123 с.
619. Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С.269-292.
620. Похлебкин В.В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII–XVI вв. 1238-1598 гг. М., 2000. 190 с.
621. Приволжские города и селения в Казанской губернии. Казань, 1892.
622. Прокофьев Н.Ф. Полный путеводитель по Казани и окрестностям. Казань, 1910. 212 с.
623. Пупарев А.Г. Казанские губернаторы // КГВ. 1856. № 47. С.376.
624. Рабинович М.Г. Раскопки 1946-1947 гг. в Москве при устье Яузы // МИА, 1949. № 12. С.5-43.
625. Рабинович М.Г. Гончарная слобода в Москве XVI–XVIII вв. // МИА. 1947. № 7. С.55-76.
626. Рабинович М.Г. Московская керамика // МИА. 1949. № 12. С.57-106.
627. Рапов О.М. Еще раз о понятии «русский раннефеодальный город» // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1983. Вып. 7. С.51-59.
628. Рахматуллина Р. Герб Казани: депутаты неровно дышат // «Молодежь Татарстана». 1992, 19 июня.
629. Республика Татарстан: Памятники истории и культуры. Каталог-справочник. Казань, 1993. 456 с.
630. Риттих А.Ф. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. Казань, 1870. Ч. 1. 333 с., Ч. 2. 235 с.
631. Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVII вв. САИ. Вып. Е1-39. М.: Наука, 1968. 214 с.
632. Руденко К.А. Итоги исследования городища Кашан I в Татарстане: к вопросу о формировании болгарских городов и протогородов // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Ижевск-Глазов, 1999. С.111-134.
633. Руденко К. Казань и Кашан. Легенды и история // «Казань». 2000. № 1. С.33-39.
634. Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Казань, 2001. 256 с.
635. Руденко К. Современный взгляд на болгарскую историю // «Казань». 2002. № 8. С.87-103.

636. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. М., 1993. 592 с.
637. Рыбушкин М. Краткая история города Казани. Казань, 1843. Ч. I. 149 с.; ч. II. 150 с.
638. Рыкушина Г. Одонтологическая характеристика погребенных в мавзолеях Казанского Кремля // МКК. 1997. С.134-140.
639. Рычков П.Н. Опыт Казанской истории древних и средних времен. СПб., 1767. 196 с.
640. Савельев В.К. Русские монеты, найденные в 1854 г. близ Казани // Записки РАО. СПб., 1856. Т. IX, вып. 1. С. 188-218.
641. Савельев В.К. Описание нескольких древнерусских монет // Изв. РАО. СПб., 1865. Т. V. С. 375-382.
642. Савельев В.К. Описание русских монет клада 4-го сентября 1878 года // ИОАИЭ. 1879. Т. I, вып. 3. С. 66-68.
643. Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С.5-87.
644. Садеков М. Плач ханши Сююмбике. Из «Истории о Казанском царстве» // Гасырлар авазы. Эхо веков. 1998. № 1/2. С. 18-26.
645. Садеков М.Р. Татарский фольклор периода Казанского ханства в русских письменных источниках. Автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. Казань, 2001. 20 с.
646. Салимова Э.А. О дате возникновения Казани // Вопросы историографии и источниковедения. Сб. 7. (Уч. зап. КГПИ. Вып. 150). Казань, 1975. С. 128-130.
647. Салихова Ф. Башня Сююмбике и истоки цивилизации булгаро-татар. Казань, 2001. 80 с.
648. Саначин С. Возраст Сююмбекиной башни. Иконография и планы Казанского кремля о возрасте одного из символов Казани // Казань. 2002. № 9. С. 37-47.
649. Саттаров Г.Ф. Происхождение названия «Казань» // Ономастика Поволжья. Горький, 1971. Вып. 2. С.155-165.
650. Саттаров Г.Ф. Происхождение полисони-ма «Казань» // Советская тюркология. 1985, № . С.34-43.
651. Саттаров Г.Ф. Топонимия края и некоторые вопросы этногенеза казанских татар // Татар тел белеме мәсьәләләре. III китап. Казан: КДУ нәшр., 1969. С.162-196.
652. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. 276 с.
653. Седов В.В. Становление европейского раннесредневекового города // Становление европейского средневекового города. М., 1989. С.6-55.
- 653а. Седов В.В. Начало городов на Руси // Тр. V Международ. конгресса славянской археологии. М., 1987. Т. I, вып. 1. С.12-31.
654. Седов Вл. В. Псковская архитектура XVI века. М. 1996. 304 с.
655. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода X–XV вв. М., 1981. 195 с.
656. Седова М.В. Суздаль в X–XV вв. М., 1997. 320 с.
657. Семькин Ю.А. К вопросу о поселениях ранних болгар на Самарской Луке // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С.66-82.
658. Ситдинов А.Г. Проблемы хронологии и стратиграфии Казанского Кремля // Проблемы хронологии волжских болгар. Казань, 1998. С. 16-18.
659. Ситдинов А.Г. Исследования древнейших укреплений Казани в 1998 г. // XXXI УПАСК. Тез. док. Самара, 1999. С. 89-91.
660. Ситдинов А.Г. Николай Филиппович Калинин // «Казань». 1999. № 5/6. С. 65.
661. Ситдинов А.Г. А.Х.Халиков – исследователь средневековой Казани (материалы к творческой биографии ученого) // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань, 1999. С.35-46.
662. Ситдинов А.Г. К вопросу об укреплениях посада Казани 1552 г. // Проблемы первобытной и средневековой археологии. Казань, 1999. С. 98-101.
663. Ситдинов А.Г. Калинин Н.Ф. – исследователь средневековой Казани // Археологическое изучение булгарских городов. Казань, 1999. С. 41-62.
664. Ситдинов А.Г. Проблемы средневековой Казани в трудах А.Х.Халикова // Проблемы первобытной и средневековой археологии. Казань, 1999. С.21-24.
665. Ситдинов А.Г. К вопросу о древнейших укреплениях Казани (по материалам раскопок X, XX 1997–1998 гг.) // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. 100-летие А.П.Смирнова. Тез. науч. конф. Болгар, 1999. С.60-63.
666. Ситдинов А.Г. Оборонительные укрепления древней Казани // СКВР. 2000. С.22-40.
667. Ситдинов А.Г. Стратиграфия, хронология и топография Казанского Кремля (XI–XVII вв.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2000. 26 с.
668. Ситдинов А.Г. К вопросу о топографии Казани XI–XV вв. (по археологическим материалам) // Сб. материалов итоговых конф. молодых ученых и аспирантов за 1999–2000 гг. Казань, 2001. С.227-231.

669. Ситдииков А.Г. Археологические исследования у здания аппарата Президента РТ (раскоп XLII) // АОТ: 2001 год. Казань, 2002. С. 37-40.
670. Ситдииков А.Г. Итоги и перспективы археологического изучения Кремлевского холма // Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья. Казань, 2002. С. 206-209.
671. Ситдииков А.Г. Раскоп XLIX на территории бывшего Ханского двора // АОТ: 2001 год. Казань, 2002. С. 26-29.
672. Ситдииков А., Старков А. Раскоп у апсид Благовещенского собора Казанского Кремля // Материалы XXX УПКМ. Самара, 1998. С.154-155.
673. Ситдииков А.Г. Хузин Ф.Ш. Некоторые итоги и перспективы археологического изучения Старо-Татарской слободы // Старо-Татарская слобода – от прошлого к будущему. Казань, 2001. С. 58-61.
674. Ситдииков А.Г., Старков А.С. Археологические исследования северной стены Казанского кремля // АОТ: 2001 год. Казань, 2002. С. 17-21.
675. Ситдииков А.Г., Старков А.С. Исследования могильника у Преображенской башни Казанского кремля // АОТ: 2001 год. Казань, 2002. С. 42-45.
676. Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. Археологические исследования комплекса мечети Марджани // Татарские слободы Казани: очерки истории. Казань, 2002. С. 12-21.
677. Ситдииков А.Г., Шакиров З.Г. Охранно-спасательные работы на территории комплекса мечети Марджани // АОТ: 2001 год. Казань, 2002. С. 45-48.
678. Ситдииков А.Г. Хабибуллин А.Н. Археологические исследования в подвальных помещениях Благовещенского собора // АОТ: 2001 год. Казань, 2002. С. 34-37.
679. Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М.: Наука, 1975. 191 с.
680. Славяне и скандинавы / Пер. с нем. под общ. ред. Е.А.Мельниковой. М.: Прогресс, 1986. 416 с.
681. Слама Й. Центральная Европа и Великая Болгария // СКВР. 2000. С. 239-243.
682. Слепак З.М. Геофизический мониторинг при сохранении памятников архитектуры (на примере Казанского Кремля). Казань: Изд-во КГУ, 1999. 176 с.
683. Смирнов А.П. Волжские булгары М., 1951. (Тр. ГИМ. Вып. XIX). 275 с.
684. Смирнов А.П. Роль Болгарского государства в формировании Казанского ханства / Тр. Общества истории, археологии и этнографии. Казань: Изд-во КГУ, 1963. Вып 1 (36). С.65-72.
685. Смирнов И.И. Восточная политика Василия III // Исторические записки. М., 1948. Т. 27. С.18-66.
686. Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства. 30-е – 50-е годы XVI в. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 516 с.
687. Смолин В. К исследованию подземной Казани // «Кр. Татария». 1925, 6 февраля.
688. Смолин В.Ф. Археологический очерк Татареспублики // Материалы по изучению Татарстана. Казань, 1925. Вып. II. С.5-70.
689. Смолин В.Ф. Археологические заметки к топографии Кремля // ВНОТ. 1926. № 4. С.72-74.
690. Соболева Н.А. Старинные гербы Российских городов. М.: Наука, 1985. 176 с., илл.
691. Соболева Н. Из истории Казанской символики // Великий волжский путь. Казань, 2001. С. 317-330.
692. Совелам А., Гамаледдин М. Заметки о путешествии Ибн Фадлана и основании Казани // МСТП. 1996. С. 263-270.
693. Соколова Н.Е. Историко-археологический комплекс в с. Пыскор // Обнинские чтения: материалы археол. конф. Пермь, 2000. Вып. 1. С. 39-43.
694. Соколова Н.Е. Хозяйственные комплексы Орлова XIV–XVIII вв. // Обнинские чтения: материалы археол. конф. Пермь, 2002. Вып. 2. С. 68-73.
695. Соловьев Е. О раскопках в Казани // Изв. РГО. СПб, 1874. Т. X. Вып. 8. С. 374-376.
696. Спасский Н.А. Очерки по родоноведению. Казань, 1912. 376 с.
697. Сперанцев Н.Н. Земельные гербы России XII–XIX вв. М.: Сов. Россия, 1974. 198 с., илл.
698. Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международ. конф. Казань, 2000. 294 с.
699. Становление европейского средневекового города. М.: Наука, 1989. 188 с.
700. Старая и Новая Казань. Казань, 1927. 236 с.
701. Старков А. Исследования на территории Казанского Кремля в 1998 г. (во дворе Юнкерского училища) // XXXI УПАСК. Тез. док. Самара, 1999. С. 91-93.
702. Старков А.С. Археологические исследования на раскопе LI // АОТ: 2001 год. Казань, 2002. С. 40-42.
703. Старостин П.Н. Раннее поселение на правом берегу Малого Иерусалимского оврага в Болгарах // Археология Волжской Булгарии: про-

блемы, поиски, решения. Казань, 1993. С.53-63.

704. Старостин П.Н. О поздних болгарских поселениях Заказанья // Заказанье: проблемы истории и культуры. Казань, 1995. С.39-40.

705. Старостин П.Н. О времени возникновения ранних поселений булгар на Средней Волге // Проблемы хронологии волжских болгар. Казань, 1998. С.8-9.

706. Старостин П. Михаил Георгиевич Худяков // «Казань». 1999. № 5/6. С.66.

707. Старостин П. По древним тропам низовой Казанки // «Казань». 1999. № 5-6. С. 15-18.

708. Старостин П.Н., Ситдилов А.Г. Калинин Николай Филиппович (1888-1959) // Жить историей. 60 лет историческому факультету Казанского университета. Казань, 1999. С.132-138.

709. Старостин П.Н. Итоги исследований у Северо-Восточной башни Казанского кремля (раскоп XXXVI) // АОТ: 2001 год. Казань, 2002. С. 14-17.

710. Старо-Татарская слобода – от прошлого к будущему. Казань, 2001. 248 с.

711. Султанов Ф.М. Татарское национальное движение: история и современность. Казань: Магариф, 2000. 207 с.

712. Суровцев Г.С. Описание осады и взятия Казани в 1552 г. с кратким изъяснением приложенного здесь плана древнего сего города // «Славянин». 1828. № XXIX. Часть VI. С.73-86.

713. Тагиров И.Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. Казань: Таткнигоиздат, 2000. 310 с.

714. Тагиров Р.Ш. Татарская Казань в опыте экскурсионного изучения. Казань, 1928. 74 с.

715. Тазетдинов И.Г. Гуннский след в этнических корнях татарского народа. Новая версия происхождения гидронима *Кабан* и топонима *Казан* // Сб. материалов науч. конф. молодых ученых и аспирантов за 1999–2000 гг. Казань, 2001. С.238-263.

716. Татарские слободы Казани: очерки истории Казань, 2002. 304 с.

717. Татары. М.: Наука, 2001. 584 с.

718. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 1. 500 с.

719. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 2. 352 с.

720. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1964. Т. 3. 333 с.

721. Тимошук Б.А. Об археологических при-

знаках древнерусского города // Археологические источники об общественных отношениях эпохи средневековья. М., 1988. С.69-89.

722. Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. С древнейших времен до конца XVIII в. М., 1962. 495 с.

723. Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 583 с.

724. Тихомиров М.Н. Средневековая Россия на международных путях (XIV–XV вв.). М.: Наука, 1966. 175 с.

725. Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. М.: Наука. 1973. 422 с.

726. [Тихомиров М.Н.] Присоединение Чувашии к России // Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. М.: Наука, 1973. С. 91-115.

727. Толмачев Н.А. Описание из клада, открытого в Казанском Кремле 4-го сентября 1878 г. // ИОАИЭ. 1879. Т. I, вып. 4. С. 109.

728. Трепавлов В.В. Приключения «Чудес творений»: Из ханской библиотеки Казани в «либерии» Ивана Грозного // Гасырлар авазы. Эхо веков. 1999. № 3/4. С.35-38.

729. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001. 752 с.

730. Трофимов В. Поход на Казань, ее осада и взятие в 1552 г. Казань, 1890. VIII, 114 с.

731. Указ Президента Республики Татарстан от 1.09.1999 г. «О праздновании 1000-летия основания города Казани» // Гасырлар авазы. Эхо веков. 1999. № 3/4. С.3.

732. Указ Президента Российской Федерации от 1.09.1999 г. «О праздновании 1000-летия основания города Казани» // Там же. С.3.

733. Урманче Фатых. Народный эпос «Идегей». Казань: Изд-во «Фэн», 1999. 200 с.

734. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань: Изд-во КГУ, 1972. 223 с.

735. Усманов М.А. Официальные акты ханств Восточной Европы XIV–XVI вв. и их изучение // Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975. С.117-135.

736. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во КГУ, 1979. 318 с.

737. Усманов М.А. Этапы исламизации Джучиева Улуса и мусульманское духовенство в татарских ханствах XIII–XVI вв. // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985. С.177-185.

738. Усманов М.А. Некоторые вопросы источниковедческой критики документальных па-

мятников // О подлинности и достоверности исторического источника. Казань, 1991. С. 3-24.

739. Усманов М.А. Продолжение поиска // «Казань». 1999. № 5-6. С. 11-13.

740. Усманов М. Новые письменные источники по истории Поволжья (предварительное сообщение) // СКВР. 2000. С. 141-146.

741. Успенский А. Памятники древне-татарско-го военного искусства в Московской Оружейной Палате // ИОАИЭ. 1927. Т. XXXIII, вып. 4. С. 1-14.

742. Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: Таткнигоиздат, 1975. 219 с.

743. Фахрутдинов Р.Г. Задачи археологического изучения Казанского ханства // СА. 1973. № 4. С. 113-122.

744. Фахрутдинов Р.Г. Домонгольский Болгар в письменных источниках // Древности Волго-Камья. Казань, 1977. С. 64-77.

745. Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Наука, 1984. 216 с.

746. Фахрутдинов Р.Г. Мелодия камней. Казань: Таткнигоиздат, 1986. 224 с.

747. Фахрутдинов Р.Г. Классификация и топография булгарских городищ // СА. 1990. № 4. С. 68-84.

748. Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // НЭ. 1960. Т. I.

749. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966. 274 с.

750. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1973. 180 с.

751. Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В. Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века. М., 1974. С. 89-131.

752. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1994. 228 с.

753. Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1956. 129 с.

754. Фехнер М. Великие Болгары. Казань. Свияжск. М.: «Искусство», 1978. 279 с.

755. Фирсов Н.П. Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. Казань, 1866. 261 с.

756. Фодор И. Древневенгерские аналогии накладки из раскопок Казанского Кремля // СКВР. 2000. С. 59-67.

757. Фукс К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении. Краткая история города Казани. Казань: Фонд ТЯК, 1991.

С. 147-209.

758. Фукс К. Краткая история города Казани // «Казанские известия». 1817. № 67, с. 281-284; № 68, с. 285-288; № 80, с. 349-350.

759. Хаким Р. История татар и Татарстана: методологические и теоретические проблемы. Казань, 1999. 43 с.

760. Хакимов Р. Вековечная столица. Зачем мы изучаем прошлое Казани? // «Казань». 1999. № 5/6. С. 9.

761. Хакимов Р.С., Хузин Ф.Ш. Археология Казани: новые открытия тысячелетнего города // НТ. 2002. № 1.

762. Хаков В.Х. Функционально-стилистическое обособление и развитие норм татарского литературного языка XV–XVI вв. // Формирование татарского литературного языка. Казань, 1989. С. 13-23.

763. Халиков А.Х. О времени, месте возникновения и названия города Казани // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. Казань, 1976. С. 3-19.

764. Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань: Таткнигоиздат, 1978. 160 с.

765. Халиков А.Х. Исследование древнейшей крепостной стены Казани // АО – 1978. М., 1979. С. 201-202.

766. Халиков А.Х. Основные этапы археологии и ранней истории Казани до возникновения города // Новое в археологии и этнографии Татарии. Казань, 1982. С. 38-74.

767. Халиков А.Х. История археологического изучения г. Казани // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань, 1983. С. 111-138.

768. Халиков А.Х. Работы в Татарии и Пензенской области // АО – 1982. М., 1984. С. 181-182.

769. Халиков А.Х. Работы в Казани // АО – 1983. М., 1985. С. 182.

770. Халиков А.Х. Укрепления древнейшей Казани // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии. Казань, 1985. С. 90-111.

771. Халиков А.Х. Наблюдения в Казани // АО – 1984. М., 1986. С. 157.

772. Халиков А.Х. Наблюдения в Казани // АО – 1986. М., 1988. С. 195-196.

773. Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань: Таткнигоиздат, 1989. 222 с.

774. Халиков А.Х. Археологические наблюдения на предбулачной части посада Казани XV–XVI веков // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989. С. 116-118.

775. Халиков А.Х. Ислам и урбанизм в Волжской Булгарии // Биляр – столица домонгольской Булгарии. Казань, 1991. С.47-60.
776. Халиков А.Х. О характере и особенностях возникновения городов в Среднем Поволжье в дорусский период (X–XVI вв.) // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии. Пенза, 1992. С.13-19.
777. Халиков А.Х. Что, башня, в имени твоём? // Татарстан. 1992. № 11-12. С. 60-65.
778. Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань: Изд-во «Фэн», 1994. 163 с.
779. Халиков А. Казань: зачем, где, когда? // «Казань». 1994, № 5-6. С. 57-66.
780. Халиков А.Х. Алабуга-Елабуга. История возникновения города и исследования Елабужского городища в 1993 году. Елабуга, 1997. 32 с.
781. Халиков А. Остатки ханских мавзолеев в Казанском Кремле (по материалам раскопок 1977 года) // МКК. 1997. С. 22-49.
782. Халиков А.Х., Безухова Е.А. Материалы к древней истории Поволжья. Горький, 1960. 60 с.
783. Халиков А.Х., Шавохин Л.С. Об археологической дате и месте основания Казани // Первое Поволжское археолого-этнографическое совещание. (Тезисы). Казань, 1974. С. 48.
784. Халиков А.Х., Шавохин Л.С. У истоков ранней Казани // Вопросы историографии и источниковедения. Сб. 7. (Уч. зап. КГПИ. Вып. 150). Казань, 1975. С. 137-149.
785. Халиков А., Мухамадиев А., Шавохин Л. Открытие древней Казани продолжается // Сов. Татария. 1976, 13 октября.
786. Халиков А.Х., Мухамадиев А.Г., Шавохин Л.С. Раскопки в Казанском Кремле // АО – 1976. М., 1977. С. 179-181.
787. Халиков А.Х., Шавохин Л.С. Изучение и сохранение культурного слоя древней Казани // О научной конференции по памятникам археологии. М., 1978. С. 22-23.
788. Халиков А.Х., Шавохин Л.С. Древнейшая Казань // Древняя Казань глазами современников и историков. Казань, 1996. С. 298-350.
789. Халиков Н.А. Орудия труда земледелия, скотоводства, рыболовства, бортничества, охоты // Культура Биляра. М., 1985. С.15-35.
790. Халитов Н.Х. Храм Василия Блаженного – памятник завоевания Казани // Архитектура и исследования Ближнего и Среднего Востока. Баку, 1989. С. 59-64.
791. Халит Н. Тайна гравюры Адама Олеария // Идель. 1991. № 7. С.34-35.
792. Халит Н. Загадки мечети Кул-Шариф // Татарстан. 1994, № 11/12. С. 65-77.
793. Халит Н. Мечеть Нур-Али: поиски и находки // Татарстан. 1994, № 7/8. С. 121-129.
794. Халит Н. На каком языке разговаривает собор Василия Блаженного? (Актуальная гипотеза) // Татарстан. 1994, № 5/6. С. 81-95.
795. Халит Н. Ханская Казань глазами ее современников // Татарстан. 1996. № 8. С.46-56.
796. Халит Н. Мечеть Кул-Шариф в Казанской крепости. Гипотезы. Факты. Размышления. Казань: Изд-во «Имам», 1996. 46 с.
797. Халит Н. Полемика вокруг реконструкции мечети Кул-Шарифа в Казанском Кремле: политические аспекты защиты татарского архитектурного наследия // Ислам в татарском мире: история и современность. Казань, 1997. С.233-250.
798. Халит Н. Мавзолеи ханской Казани в документах XVI в. // МКК. 1997. С. 68-88.
799. Халит Н. Образ мечети Кул-Шариф // «Казань». 1999. № 5/6. С. 54-55.
800. Халит Нияз. Архитектура ханской Казани: Гипотезы. Факты. Размышления. Казань, 1999. 232 с.
801. Халит Н. «Тверд паче меры...». Черты древней цитадели // «Казань». 1999. № 5-6. С. 52-53.
802. Халит Н. Загадочный собеседник. Вид Казани XVI века // «Казань». 1999. № 5-6. С.44-45.
803. Халит Н. Крылья для полета. Национальная культура и государственность казанских татар. Взгляд в историю // «Казань». 1999. № 9/10. С. 37-41.
804. Халит Н. Казанский Кремль – памятник татарско-русского средневековья // СКВР. 2000. С. 173-179.
805. Хамидуллин Б. Народы Поволжья в период Казанского ханства // Идель. 1995. № 3. С.54-56.
806. Хамидуллин Б. Становление и развитие Казанского ханства // Аргатамак. 1995. № 12. С.154-165.
807. Хамидуллин Б.Л. Этнический состав Казанского ханства // Аргатамак. 1995. № 10/11. С.167-171.
808. Хамидуллин Б.Л. Дореволюционные историки о населении Казанского государства // Казанское востоковедение: традиции, современность, перспективы. Казань, 1997. С. 202-204.
809. Хамидуллин Б. Историография этнической истории Казанского ханства // Идель. 1997. № 5. С.70-72.
810. Хамидуллин Б. Источники по истории Казанского ханства // Идель. 1998. № 6. С.62-65.

811. Хамидуллин Б.Л. Высшие органы государственной власти Казанского ханства // Правосудие в Татарстане. 1999. № 1. С.41-42.
812. Хамидуллин Б.Л. Образование Казанского ханства: этнический и социальный аспекты // Этнографическое обозрение. М., 1999. № 4. С.82-93.
813. Хамидуллин Б. Крупницы древнего наследия: основные источники по истории Казанского ханства // «Казань». 2000. № 7. С.65-71.
814. Хамидуллин Б.Л. Образование Казанского ханства: этнический аспект // НТ. 2000. № 2. С.70-75.
815. Ханжин В. Годины бедствий // Сов. Татария. 1966, 1 сент.
816. Ханзафаров Н. «Башня Сююмбеки» в свете истории и мифологии // Идель. 1990. № 9.
817. Ханзафар Н. Страна негаснущих звезд, или башня Сююмбеки // Идель. 1994, № 9/10. С. 57-60.
818. Ханзафаров Н.Г. Казанский «Зилант»: миф и действительность // НТ. 1997. № 3-4. С.
819. Ханзафаров Н. По следам «Казанского дракона» // Идель. 1998. № 3/4. С.
820. Ханзафаров Н.Г. Символы Татарстана (мифы и реальность). Казань: Изд-во «Фикер», 2001. 136 с.
821. Ханипова И.И. К вопросу об основании Казани // Проблемы изучения и преподавания истории края в средних учебных заведениях. Тез. науч.-метод. конф. Елабуга, 1997. – С. 47-51.
822. Хасанов М. Казань обрела свой законный тысячелетний возраст // Мэгариф. 1999. № 11. С.14-15.
823. Хасанов М. Место встречи цивилизаций // «Казань». 1999. № 5/6. С.10.
824. Хаскова Я. Денарий из Regnum Bohemorum. Древнечешская монета времен святого Вацлава // «Казань». 1999. № 5-6. С. 35.
825. Хаскова Я. Древнечешская монета из Казани // Археологическое изучение болгарских городов. Казань, 1999. С. 32-37.
826. Хаскова Я. Древнечешская монета из Казани // Гасырлар авазы. Эхо веков. 1999. № 1/2. С.55-58.
827. Хаскова Я. Древнечешская монета из Казани // МСТП. 1999. С. 227-234.
828. Хаскова Я. Взгляды ученых на чешскую монету, найденную в Казанском Кремле // Великий волжский путь. Казань, 2001. С. 206-209.
829. Хафизов Д. Крылья Зиланта. Прошлое и будущее казанского герба // «Казань». 1999. № 5-6. С.130-135.
830. Хафизов Д. Ожидание открытий. Казань на географических картах XVI-XVII веков // «Казань». 1999. № 5-6. С.38-43.
831. Хафизов Д. Казань на географических картах XIV – начала XVII веков. Краткий обзор // СКВР. 2000. С.151-172.
832. Хафизов Д.И. Чудотворная икона Казанской Божьей Матери. Роль религиозной толерантности в улусе Джучи и Казанском ханстве в ее обретении // Древности московской земли. Проблемы современной археологии. М., 2001. С. 80-83.
833. Хвольсон Д.А. Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али бен Омар Ибн-Даста. СПб., 1869. 169 с.
834. Хлебникова Т.А. О третьем слое и поздней керамике городища Великие Болгары // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С.223-228.
835. Хлебникова Т.А. Ранний Булгар // СА. 1975. № 2. С.120-132.
836. Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 240 с.
837. Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., 1987. С.32-88.
838. Хлебникова Т.А. Неполиванная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988. С.7-102.
839. Хлебникова Т. Керамика V слоя Казанского Кремля // СКВР. 2000. С. 41-53.
840. Хованская О. Археологические находки // Сов. Татария. 1952, 3 сент.
841. Хованская О.С. Башня Сююмбеки. Казань, 1948. 4 с.
842. Хованская О.С. Русское огнестрельное оружие XVI в. в коллекциях Государственного музея ТАССР. Казань, 1953. 6 с.
843. Хованская О.С. К истории города Казани // «Казань». 2001. № 1. С. 95-102.
844. Хованская О.С. Казанские походы Ивана Грозного // «Казань», 2001. № 7. С.95-109.
845. Хованская О.С. Оборонные сооружения Казани // «Казань». 2001. № 1. С. 103-111.
846. Хомяков М.М. Где была Старая Казань // ИОАИЭ. Казань, 1910. Т. XXVI, вып.6. С.625-639.
847. Хомяков М.М. К вопросу о подземных ходах в Казани // ИОАИЭ. 1919. Т. XXVI, вып. 6.
848. Хохлов А. Реставрация черепа из погребения // МКК. 1997. С.146-147.
849. Хрусталева А. Очерк распространения христианства между иноверцами Казанского

края. Казань, 1897. 128 с.

850. Худяков М. К истории казанского зодчества // КМВ. 1920. № 5/6. С. 15-36.

851. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань: Госиздат, 1923. 302 с.

852. Худяков М.Г. Казань в XV-XVI столетиях // Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565-1568 гг. и 1646 г. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. С.VII-XXV.

853. Хузин Ф.Ш. Предметы вооружения // Культура Биляра. Болгарские орудия труда и оружия X-XIII вв. М., 1985. С.130-192.

854. Хузин Ф.Ш. Снаряжение всадника и верхового коня // Культура Биляра. М., 1985. С.193-213.

855. Хузин Ф.Ш. Лепная керамика // Посуда Биляра. Казань, 1986. С.4-23.

856. Хузин Ф.Ш. Итоги и перспективы изучения болгарского домонгольского города // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. Казань, 1993. С.5-31.

857. Хузин Ф.Ш. Булгары на Волге и Каме до монгольского завоевания (вторая половина VIII-XIII вв.) // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995. С.95-117.

858. Хузин Ф.Ш. Великий город на Черемшане. Казань, 1995. 223 с.

859. Хузин Ф.Ш. К вопросу о «Старой» и «Новой» Казани // Заказанье: проблемы истории и культуры. Казань, 1995. С. 41-43.

860. Хузин Ф. Древняя Казань: на пороге новых открытий // Мәғариф. 1995. № 1. С. 35-38; 1996, № 3. С. 36-39.

861. Хузин Ф.Ш. Волжская Булгария в домонгольское время (X – начало XIII вв.). Казань, 1997. 183 с.

862. Хузин Ф.Ш. Казанский Кремль: некоторые итоги и проблемы археологического изучения // Всероссийская науч.-практич. конф. «Гуманистические традиции Запада и Востока в музейном деле России и Татарстана. Казань, 1997. С. 15-19.

863. Хузин Ф.Ш. Новые открытия в Казанском Кремле (предварительные сообщения о раскопках 1997 года) // Tatarica. 1997/98. № 1. С. 133-137.

864. Хузин Ф. Кто похоронен в мавзолеях Казанского Кремля? // Аргамак. 1998. № 8. С. 119-131.

865. Хузин Ф. Новое в археологии Казани // Мәғариф. 1999. № 9. С. 50-53.

866. Хузин Ф.Ш. Казань как один из центров международной торговли на Средней Волге (конец X – начало XI вв.) // Этническая и государственная история болгарского народа. Тез. науч.-практич. конф., посвящ. 70-летию А.Х.Халикова. Казань, 1999. С. 10-12.

867. Хузин Ф.Ш. Путь к первоначальной Казани. О чем говорят находки археологов в Казани? // «Казань». 1999. № 5-6. С. 28-32.

868. Хузин Ф.Ш. К вопросу об археологической дате древней Казани. (К 1000-летию города) // Проблемы первобытной и средневековой археологии. Казань, 1999. С. 76-78.

869. Хузин Ф. Древняя Казань и проблемы ее возникновения (в свете археологических исследований 1994-1998 гг.) // МСТП. 1999. С. 196-226.

870. Хузин Ф. Древняя Казань в X – начале XIII веков // Гасырлар авазы. Эхо веков. 1999. № 1-2. С. 44-54.

871. Хузин Ф. Альфред Хасанович Халиков // «Казань». 1999. № 5/6. С.66.

872. Хузин Ф.Ш. Древняя Казань в X – начале XIII вв. (по материалам археологических исследований 1994-1998 гг.) // Археологическое изучение болгарских городов. Казань, 1999. С. 5-31.

873. Хузин Ф.Ш. Еще раз об «Иске-Казани» // СКВР. 2000. С. 181-185.

874. Хузин Ф.Ш. К вопросу о возникновении Казани как одного из центров международной торговли на Средней Волге (конец X – начало XIII вв.) // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. Доклады Международного симпозиума по вопросам археологии и истории. СПб., 2000. С. 254-263.

875. Хузин Ф. Новое в археологии древней Казани // СКВР. 2000. С. 12-21.

876. Хузин Ф.Ш. О некоторых итогах исследований археологической экспедиции «Казанский кремль» в 2001 году // АОТ: 2001 год. Казань, 2002. С. 3-6.

877. Хузин Ф.Ш. Археологическое изучение каменных сооружений средневековой Казани // Древности Московской земли. Проблемы современной археологии. М., 2001. С.20-22.

878. Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. Казань, 2001. 480 с.

879. Хузин Ф.Ш. Археологические исследования в дворцовой церкви Казанского кремля // АОТ: 2001 год. Казань, 2002. С.30-34.

880. Хузин Ф. Казань средневековая // The Great Volga Road. Tatarstan, 2002. (London, 2002). С.204-213.

881. Хузин Ф.Ш., Ситдилов А.Г. Новые исследования в Казанском Кремле // АО – 1994. М., 1995. С.241-244.

882. Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф., Хлебникова Т.А., Набиуллин Н.Г., Ситдилов А.Г. Древняя Казань: некоторые итоги и перспективы археологических исследований. Казань, 1995. 35 с.

883. Хузин Ф.Ш., Ситдилов А.Г., Шарифуллин Р.Ф., Набиуллин Н.Г. Археологические исследования в Казанском Кремле (1994–1996 гг.) // Биляр и Волжская Булгария: изучение и охрана археологических памятников. Тез. науч. конф. Казань, 1997. С.84-88.
884. Хузин Ф., Газимзянов И. Историческая атрибуция захоронений из мавзолеев Казанского Кремля // МКК. 1997. С.7-21.
885. Хузин Ф.Ш., Хакимов Р.С. О времени основания города Казани. По материалам Международной конференции «Средневековая Казань: возникновение и развитие» (Казань, 1999) // РА. 2000. № 3. С. 220-229.
886. Хузин Ф., Набиуллин Н. Казанский кремль // Дизайн и новая архитектура. 2001. № 8. С.4-5.
887. Хузин Ф., Ситдилов А. Археология Казани: новые открытия тысячелетнего города // «Казань». 2001. № 12. С.121-136.
888. Хузин Ф., Ситдилов А. Кремлевские тайны // «Казань». 2001. № 4-5. С.33-44.
889. Хузин Ф.Ш., Ситдилов А.Г. Средневековая Казань // Очерки по археологии Татарстана. Казань: Изд-во «Школа», 2001. С.225-251.
890. Хузин Ф.Ш., Ситдилов А.Г. Средневековая Казань. Краткий библиографический указатель. Казань, 2002. 152 с.
891. Хузин Ф.Ш., Ситдилов А.Г. Казань тысячелетняя // Восточная коллекция. 2002. № 4 (11). С.18-27.
892. Червонная С.М. Искусство Татарии. История изобразительного искусства и архитектуры с древнейших времен до 1917 года. М.: «Искусство», 1987. 352 с.
893. Чернов С.З. К хронологии Московской керамики XIII – середина XV вв. // Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991. С.20-32.
894. Чернов С.З. К хронологии московской керамики конца XV–XVI вв. // Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991. С.50-58.
895. Чернышев Е. Облик казанской жизни в XVI веке // Старая и новая Казань. Казань, 1927. С.39-60.
896. Четкарев К.А. Марийское предание об Акпарсе. (Из истории покорения Казани Иваном Грозным) // Тр. МарНИИ. 1935. Вып. VII. С.33-80.
897. Чижов В., Шкурко А. Рассказывают гербы // Наука и жизнь. 1965. № 12. С.95-96.
898. Шавахин Л.С. Археологические исследования г. Казани в 1971 г. // Тез. док. на секциях, посвящ. итогам полевых исследований в 1971 г. М., 1972. С.136-137.
899. Шавахин Л.С. Раскопки в г. Казани // АО – 1972. М., 1973. С.193-194.
900. Шавахин Л.С. Раскопки в Казанском Кремле // АО – 1973. М., 1974. С.178.
901. Шавахин Л.С. Раскопки в Казанском Кремле // АО – 1974. М., 1975. С.180-181.
902. Шавахин Л.С. Раскопки в Казанском Кремле // АО – 1975 года. М., 1976. С.207-208.
903. Шавахин Л.С. Раскопки в Зилантовом монастыре и Кремле города Казани // АО – 1977. М., 1978. С.235-236.
904. Шавахин Л.С. О местоположении первоначальной Казани // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. Казань, 1976. С.20-38.
905. Шавахин Л.С. Раскопки Северо-Западной башни Казанского Кремля // АО – 1979. М., 1980. С.178-179.
906. Шавахин Л.С. Архитектурно-археологические раскопки в Казани и Свияжске // АО – 1980. М., 1981. С.161.
907. Шавахин Л.С. Средневековая Казань до русского времени в историко-археологическом отношении. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1988. 20 с.
908. Шагеева Р. Тайна татарской Моны Лизы. В поисках утраченных сокровищ // Казань, 1999. № 5-6. С.49-50.
909. Шаймиев М. Наша Казань – древняя столица // Мәгариф. 1999. № 11. С.10-11.
910. Шакиров З. Исследования 1997 года у Воскресенской башни Казанского Кремля // Материалы XXX УПАСК. Самара, 1998. С.152-153.
911. Шаландина В.Т. Влияние хозяйственной деятельности человека на растительный покров Татарии // Ботанический журнал. 1985, № 6. С.752-760.
912. Шарипов Р.Г. О гуманизме Мухамедьяра // Из истории татарской общественной мысли. Казань, 1979. С.64-71.
913. Шварц И. Посольство императора Рудольфа II в Персию (1602–1604 гг.) и пребывание послов в г. Казани // Великий Волжский путь. Казань, 2001. С.331-339.
914. Шмидт С.О. Восточная политика России накануне «Казанского взятия» // Международные отношения. Политика. Дипломатия. XVI–XX вв. М., 1964. С.538-558.
915. Шмидт С.О. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–1549 гг.) // Тр. Москов. гос. историко-архивного ин-та. М., 1954.

Т. 6. С.187-257.

916. Шмидт С.О. Становление Российского самодержавства. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М.: Мысль, 1973. 359 с.

917. Шмидт С.О. Восточная политика Российского государства в середине XVI в. и «Казанская война» // 425-летие добровольного вхождения Чувашии в состав России. (Тр. ЧувНИИ. вып. 71). Чебоксары, 1977. С.25-62.

918. Шпилевский С.М. Указатель исторических достопримечательностей г. Казани. Казань, 1873. 66 с.

919. Шпилевский С.М. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань. 1877. 585 с.

920. Шурыгин Я. Правда о «чудотворной» // Наука и религия. 1972. № 8. С.48-50.

921. Юсупов Г.В. Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика края как источник исследования этногенеза казанских татар // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань. 1971. С.217-231.

922. Юсупов Г.В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 165 с., 77 л. илл.,

923. Яблоков А.П. Кафедральный Благовещенский собор в г. Казани. Казань, 1909. 40 с.

924. Янин В.Л. Истоки формирования «социальной традиции» русского города (Новгород как социальная структура) // Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1995. С.120-125.

925. Янина С.А. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. // МИА. 1962. № 111. С.179-204.

Литература на татарском языке

926. Абилов Ш. «Төхфәи мәрдән» // Совет әдәбияты. 1959. № 3. 124-125 бб.

927. Абилов Ш. Мөхәммәдъярның «Төхфәи мәрдән» поэмасына карата // Татар теле һәм әдәбияты. Казан, 1959. 276-295 бб.

928. Абилов Ш. Мөхәммәдъяр шигырьләре // Совет әдәбияты. 1960. № 8. 140-143 бб.

929. Абилов Ш. Әдәби ядкарларне эзләү юлында // Урта гасыр татар әдәбияты тарихыннан. Казан, 1984. 38-48 бб.

930. Абилов Ш. Мөхәммәдъяр һәм татар теле // Татарстан. 1997. № 7. 44-50 бб.

931. Алишев С. Казан 16-18 нче гасырларда // КУ. 1977. № 3. 165-169 бб.

932. Алишев С. «Мурали» мәчете һәм Нур-гали карачиның язмышы // «Шәһри Казан». 1991, 11 октябрь.

933. Алишев С. Казан ханлыгының торышы һәм һәлакәте // Мирас. 1993. № 10. 49-58 бб.

934. Алишев С.Х. Казан ханлыгы чорындагы татарча чыганаклар. Казань, 2002. 72 б.

935. Атласи Н. Себер тарихы. Сөембикә. Казан ханлыгы / С.Алишев редакциясендә. Казан: Тат. кит. нәшр., 1993. 448 б.

936. Баттал Г. Казан төркіләре. Казан: Тат. кит. нәшр., 1996. 192 б.

937. Бинарк Н. Казан ханлыгы // Мирас. 1996. № 4. 88-91 бб.

938. Борынгы татар әдәбияты. Казан: Тат. кит. нәшр., 1963. 580 б.

939. Булатов Ә. Ибраһим хан ярлыгын укуга карата кайбер фикерләр // КУ. 1966. № 8. 135 б.

940. Вәлиди Ә.-З. Кыскача төрек-татар тарихы/ Төзүчесе Равил Әмирхан. Казан: Тат. кит. нәшр., 1992. 181 б.

941. Вәлиев Ф., Әхмәтжанов М. Казан патшалыгы гербы // Идел. 1973. № 4. 90-95 бб.

942. Вәлиев Ф. Борынгы архитектурабыз // КУ. 1970, № 1. 177-184 бб.

943. Гайнетдин М. Заман һәм шәхес // Татарстан. 1997. № 7. 50-55 бб.

944. Галиуллин Т. Тарих мизгелләре... Казан ханлыгы шагыйре Мөхәммәдъярның 500 елыгын каршылап // КУ. 1997. № 8. 171-175 бб.

945. Гарипова Ф. Борынгы болгар шәһәрләре. Казан, 1990. 76 б.

946. Гарифуллин Г. Олуг Мөхәммәд хан // Мирас. 1996. № 9. 87-89 бб.

947. Госманов М., Мөхәммәдъяров Ш. һәм Степанов Р. Яңа ярлык // КУ. 1965. № 8. 146-150 бб.

948. Госманов М. Тагын Ибраһим хан ярлыгы турында // КУ. 1967. № 6. 151 б.

949. Госманов М. Гаделлек жырчысы Мөхәммәдъяр // КУ. 1968 № 2. 190-198 бб.

950. Госманов М. Үткәннән – киләчәккә. Фәнни-публицистик мәкаләләр. Казан: Тат. кит. нәшр., 1990.

951. Гыймади Х.Г. Татарстан территориясен Рус дәүләтенә кушуның прогрессив әһәмияте турында // Совет мәктәбе. 1952. № 6. 67-72 бб.

952. Дәүләтшин Г. Төрки-татар рухи мәдәнияте тарихы. Казан: Тат. кит. нәшр., 1999. 512 б.

953. Әмирхан Равиль. Бәйсезлек өчен көрәш // Мирас. 1993. № 10. 29-41 бб.
954. Әмирхан Рашат. Урта гасыр татар социаль-фәлсәфи фикерендә төп юнәлешләр (13-16 нчы йөзләр) // Татарстан. 1993. № 3. 18-22 бб.
955. Әхмәтҗанов М. Казан ханнары тарихыннан // Идел. 1994. № 11. 60-65 бб.
956. Әхмәтҗанов М. Мөхәммәдьяр // Идел. 1995. № 11. 50-52 бб.
957. Әхмәтов С.Ф., Әхмәтова Г.Л. Сөембикә манарасы һәм шәһре Болгардагы хан төрбәсе нинди материалдан төзелгән? // Эзләнүләр, уйланулар, табышлар. Казан, 1989. 234-236 бб.
958. Заһидуллин И. Үткән тарих гыйбрәтле // Мирас. 2001. № 3. 66-73 бб.
959. Зәкиев М.З. Татар халкы теленең барлыкка килүе. Казан: Тат. кит. нәшр., 1977. 208 б.
960. Зәкиев М.З. Төрки-татар этногенезы. Казан: «Фикер» нәшрияты; Мәскәү: «Инсан», 1998. 624 б.
961. Ибраһимова Л. Чура – халык батыры // Гасырлар авазы. Эхо веков. 2000. № 3-4. 167-171 бб.
962. Иванов В., Ионенко И., Халиков А. Казан кайчан барлыкка килгән? // Татарстан коммунисты. 1974. № 10. 84-90 бб.
963. Иванов В., Халиков А. Казан кайчан барлыкка килгән? // Совет мәктәбе. 1975. № 6. 59-59 бб.
964. «Идегәй» дастаны (өзек); Сайяди. «Бабахан дастаны» (өзек); Хәсән Кайгы, Мөхәммәд Әмин, Кол Шәриф, Өмми Камал, Мөхәммәдьяр шигырьләреннән өзеklär.
965. Измайлов И. Казан ханлыгының сугыш сәнгате // Мирас. 1993. № 10. 59-67 бб.
966. Измайлов И. Казан ханлыгы флоты // Мирас. 1994. № 9. 97-100 бб.
967. Исәнбәт Н. Казан ханлыгы чоры әдәбиятыннан Мөхәммәдьяр Мәхмүд Хажигли әсәрләре // Совет әдәбияты. 1941. № 4. 68-79 бб.
968. Исхаков Д. Казан ханлыгы тарихының билгесез битләре // Мирас. 1993. № 10. 42-48 бб.
969. Исхаков Д. Чура батыр кем ул? // Идел. 1994. № 9. 16-19 бб.
970. Калинин Н.Ф. Казан. Тарихи очерк. Казан: Татгосиздат, 1957. 436 б.
971. Кол Шәриф. Шигырьләре // Мирас. 1993. № 10. 14-15 бб.
972. Кол Шәриф. И күңел, бу дөньядыр... Газәлләр, кыйсса / Жыентыкны төзүче Ә.Шәрипов. Казан, 1997. 94 б.
973. Мәрҗани Ш. Мөстәфәдел – әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр) / Тәрҗемә итүче һәм төзүчесе Ә.Н.Хәйруллин. Казан: Тат. кит. нәшр., 1989. 415 б.
974. Мәрҗани Ш. Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр // КУ. 1988. 154-169 бб.
975. Миңнегулов Х. Казан ханлыгы чоры язма мәдәнияты // Мирас. 1993. № 10. 17-24 бб.; № 11. 33-35 бб.; № 12. 27-34 бб.
976. Миңнегулов Х. «Мөрдәнәләр дик бүлене баглагыл» (Мөхәммәдьяр иҗаты турында уйланулар) // Мирас. 1997. № 6. 5-16 бб.
977. Миңнегулов Х. «Ярмөхәммәд, сүзне тугры сүзләгел...» // Мәгариф. 1997. № 8. 25-28 бб.
978. Мөхәммәдиев Ә.Г. Сөембикә манарасы // Эзләнүләр, уйланулар, табышлар. Казан, 1989. 228-233 бб.
979. Мөхәммәдьяр. Төхфәи мәрдан. Нуры содур. Поэмалар / Текстларны төзүче, кереш сүз һәм искәртмәләр авторы Ш.Абилов. Казан: Тат. кит. нәшр., 1966. 150 б.
980. Мөхәммәдьяр. Нуры содур. (Поэмадан өзек) // Мирас. 1993. № 10. 15-16 бб.
981. Мөхәммәдьяр әсәрләреннән парчалар // КУ. 1997. № 8. 113-116 бб.
982. Мөхәммәдьяр. Нуры содур. Поэмалар, шигырь / Кереш сүз, искәртмәләр һәм аңлатмалар авторы Ш.Абилов. Казан: Тат. кит. нәшр., 1997. 334 б.
983. Насыбуллин И.Р. Казан ханлыгының сәяси географиясе // Актуальные проблемы истории государственности татарского народа. Казань, 2000. 67-72 бб.
984. Насыри Каюм. Сайланма әсәрләре. Казан: Тат. кит. нәшр., 1974. Том 1. 340 бб.
985. Рәмиева И. Мөхәррәм Фәйзи Тугай төркиләре, Казан ханлыгы һәм Сөембикә турында // Мирас. 1999. № 9. 80-83 бб.
986. Саттаров Г.Ф. Ни өчен шулай аталган? Казан, 1971. 128 б.
987. Саттаров Г.Ф. Казан шәһәренең нигезләнүе һәм исеменең килеп чыгуы // Сердәш. Казан, 1971. 15-19 бб.
988. Саттаров Г.Ф. Мәктәптә туган як ономастикасы. Казан, 1984. 208 б.
989. Солтанов Р.И. Көрәеш бистәсе: тарихи хәбәрләр һәм өйрәнү мәсьәләләре // Сб. материалов итоговых конф. молодых ученых и аспирантов за 1999-2000 гг. Казань, 2001. 232-234 бб.

990. Татар әдәбияты тарихы. 1 том. Урта гасырлар дәвере. Казан, 1984.
991. Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар / Томны төзүче С.М.Гыйләжетдинов. Казан, 1987. 368 б.
992. Татар халык ижаты. Бәетләр / Томны төзүчеләр Ф.В.Әхмәтова, И.Н.Надиров, К.Б.Жамадетдинова. Казан, 1983.
993. Татар халык ижаты. Тарихи һәм лирик жырлар / Томны төзүче И.Н.Надиров. Казан, 1988.
994. Татар халык риваятьләре һәм легендалары / Төзүчесе С.Гыйләжетдинов. Казан: Раннур, 2000. 320 б.
995. Татарстан АССР тарихы. Т. I. (Иң борынгы чорлардан алып Бөек Октябрь социалистик революциясенә кадәр). Казан, 1959. 588 б.
996. Татарстан АССР тарихы. (Иң борынгы заманнардан алып безнең көннәргә кадәр). Казан, 1970. 744 б.
997. Телләрдән төшмәс Казан. Риваятьләр, бәетләр һәм тарихи ядкарьләр / Төзүчесе С.Гыйләжетдинов // «Офык». 1992. № 2. 48 б.
998. Урманчиев Ф. Халык авазы. Татар халык бәетләре тарихыннан очерклар. Казан, 1974. 128 б.
999. Урманче Ф. Нурсолтан-ханбикә // Идел. 1993. № 3.
1000. Урманче Ф. Чура батыр // Мирас. 1995. № 7-8, 145-152 бб.; № 9, 98-109 бб.; № 10, бб.; № 11-12, 130-136 бб.
1001. Урманче Ф.. Сөембикә бәете // КУ. 1997. № 8. 161-170 бб.
1002. Урманче Ф. Идегәй. Нурсолтан. Сөембикә. Казан, 1997. 174 б.
1003. Фәхретдинов Р. Ташлар моңы. Казан, 1978. 192 б.
1004. Фәхретдинов Р. Мондадыр безнең бабайлар. Казан, 1992. 176 б.
1005. Фәхреддин Р. Габдел-Латыйф хан // Мирас. 1994. № 7-8. 144-145 бб.
1006. Фәхреддин Р. Ибраһим хан // Мирас. 1994. № 3. 54-58 бб.
1007. Фәхреддин Р. Илһам (Гали) хан // Мирас. 1994. № 4. 54-56 бб.
1008. Фәхреддин Р. Мәхмүд хан, Хәлил хан // Мирас. 1994 № 2. 60-62 бб.
1009. Фәхреддин Р. Мәшһүр хатыннар // Мирас. 1994. № 3. 117-121 бб.
1010. Фәхреддин Р. Мөхәммәд Әмин хан // Мирас. 1994. № 5-6. 188-192 бб.
1011. Фәхреддин Р. Олуг Мөхәммәд хан // Мирас. 1994. № 1. 53-57 бб.
1012. Фәхреддин Р. Сафа Гәрәй хан // Мирас. 1994. № 11-12. 123-129 бб.
1013. Фәхреддин Р. Сәхип Гәрәй хан // Мирас. 1994. № 10. 121-125 бб.
1014. Фәхреддин Р. Үтәмеш Гәрәй хан һәм Сөембикә // Мирас. 1995. № 4. 96-102 бб.
1015. Фәхреддин Р. Казан ханнары /Төзүчесе Равиль Әмирхан. Казан, 1995. 189 б.
1016. Фәхреддин Р. Казан ханнары // Мирас. 1996. № 11. 76-79 бб; № 12. 96-102 бб.
1017. Фәхретдинов Р. Казан ханлыгының икътисады һәм хужалыгы // Мирас. 1997. № 8. 85-87 бб.
1018. Фәхретдинов Р. Казан ханлыгы // КУ. 1999. № 10. 111-117 бб.
1019. Фәхреддин Р. Үтәмеш Гәрәй хан вә Сөембикә. (Тарихи трактат) // Мирас. 2001. № 10. 37-43 бб.
1020. Хаков В.Х. 16 гасыр иске татар әдәби телен өйрәнү өчен язма чыганаclar // Языки, духовная культура и история тюрок: традиции и современность. Тр. Международ. конф. Казань, 1992. Т. 1. С.136-139.
1021. Хаков В. Казан ханлыгы чорында әдәби тел // Мирас. 1993. № 8. 133-140 бб.
1022. Хаков В. Татар әдәби теле тарихы. Казан, 1993. 325 б.
1023. Халиков А. Казан кайчан һәм кайдан башланьп киткән? // КУ. 1976, № 8. 137-143 бб.
1024. Халиков А.Х. Беренче дәүләт. Казан, 1991. 216 б.
1025. Халит Н. Уналтынчы гасыр сурәтләрендә Казан ханлыгы башкаласы // Мирас. 1996. № 3. 101-105 бб.
1026. Ханзафар Н. «Сөембикә манарасы» // Идел. 1990, № 9. 26-31 бб.
1027. Ханзафар Н. «Елантау»: уйдьрма һәм чынбарлык // Идел. 1993. № 7.
1028. Ханзафар Н. «Зилантау»: вымысел и действительность // Идель. 1993. № 7-8.
1029. Ханзафар Н. Йолдызлар иле вә «Сөембикә» манарасы // Идел. 1994. № 5.
1030. Ханзафар Назыйм. «Казан» атамасы: егерме беренче фараз // Идел. 1994. № 12. 52-54 бб.
1031. Ханзафар Н. «Хан мәчете» мәчетме? // Идел. 1997, № 11.
1032. Хәйри Ә. Казан ханлыгы: ислам дине // Мирас. 1993. № 11. 82-83 бб.
1033. Хәйри Ә. Жиз савытка язылган борынгы язу (15 нче гасырның азагы – 16 нчы гасырның башы) // Мирас. 1994. № 11-12. 130-137 бб.
1034. Худяков М. Казан ханлыгының тар-

калуы (1551-1556 еллар) // Мирас. 2001. № 10. 44-63 бб.

1035. Хужин Ф. Борынгы Казан: кичәге һәм бүгенге археологик ачышлар // КУ. 1996, № 6. 164-176 бб.

1036. Хужин Ф. Ачыла серләр пәрдәсе... // Татарстан. 1997. № 6. 23-32 бб.

1037. Шамуков Г. Архитектура сәнгатебезнең бер истәлеге // КУ. 1968, № 9. 127-139 бб.

1038. Шаһиева Р. Казанның Жәмиғ мәчете // КУ. 2000, № 12. 191-192 бб.

1039. Шәмси С. Татар Казанында. (Башкаланың тарихи топографиясе) // Идел. 1994. № 11. 66-69 бб.

1040. Шәмси С. Казан — ханлык мәркәзе. (Башкаланың тарихи топографиясе) // Фәхреддин Р. Казан ханнары. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1995. 177-188 бб.

Иностранная литература

1041. Gamal al-Din Mohamad al-Saeed. Fortification of the Bulgar State frontiers according to Ibn Fadlan // СКБП. 2000. С.108–112.

1042. (Durand A). Voyage Pittoresque et Archeologique en Russie Execute en 1839 sous la Direction de M. Anatole de Demidoff, Desseins faits d'apres et litographies. Par Andre Durand. Paris, 1841.

1043. Hásková J. «Kulatý stul» k problematice Kazaňského nálezu v Národním museu // NL. 1999. № 4. S.126–127.

1044. Hásková J. Počátky českého mincování ve výpovědi nálezu z Kazaň // NL. 1999. № 4. S. 106–111.

1045. Huzin F. Stará Kazaň v období od 10. do počátku 13. století // NL. 1999. № 4. S.9–11.

1046. Kampfer F. Die Eroberung von Kazan 1552 als Gegenstand der zeitgenössischen russischen Historiographie // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin-Wiesbaden. 1969. № 14. S. 7-161.

1047. Kapeller A. Russlands erste Nationalitäten.

Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga von 16. bis 19 Jahrhunderts. Köln-Wien: Bohlau, 1982. 571 S., 13 Karten.

1048. Keenan E.L. Kazan' – «The Bend» // Eucharisterion: Essays presented to Omeljan Pritsak on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students. Harvard Ukrainian Studies. Vol. III–IV. Cambridge, 1980. Part 1. P.484–496.

1049. Konzal V. Filologický názor na Kazaňskou minci // NL. 1999. № 4. S.112–113.

1050. (Kupffer A.T.) Voyage dans le Journal par A.T. Kupffer. Paris, 1833.

1051. Paasonen H. Der Nahme der Stadt Kazan // Finnisch-Ugrische Forschungen. Helsingfors-Leipzig, 1906. Bd. VI. S.111–114.

1052. Palkosková-Böhmová O. Lingvistický robor textu VACLAV/// CNIZ – PRAGA/// CIVITA // NL. 1999. № 4. S.120–121.

1053. Paukert J. Epigrafická poznámka k olověnému předmětu z Kazaň // NL. 1999. № 4. S.118–119.

1054. Pelensky J. Russia and Kasan: Conquest and Imperial Ideology. (1438-1560-s). Hague-Paris: Mouton, 1974. 380 p.

1055. Sláma J. Na okraj zajímavého numismatického nálezu v Kazani // NL. 1999. № 4. S.97–100.

1056. Slepak Z. Complex geophysical investigations for studying the cultural layer and remains of ancient buildings in the territory of Kazan Kremlin, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia // Archaeological Prospection, 1997, vol. 4. P.207-218.

1057. Smolitsch I. Zur Geschichte der russischen Ostpolitik des 15. und 16. Jahrhunderts // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. (Breslau) 1941. № 6. S. 55-84.

1058. Sowelam Adel Abd El-Monem. Dating and attribution of a Samanid Dirham from Kazan Kremlin Excavation on the light of Samanid Dirhams Collection in Cairo // СКБП. 2000. P.79-102.

1059. Třeštil D. Poznámky k «denáru» z Kazaň // NL. 1999. № 4. S.114–117.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АНТ (АН РТ)	– Академия наук Татарстана (Республики Татарстан)
АО	– Археологические открытия. Москва
АОТ	– Археологические открытия в Татарстане. Казань
АС	– Археологический съезд
ВНОТ	– Вестник Научного общества татароведения. Казань
ГИМ	– Государственный исторический музей. Москва
ЖМВД	– Журнал Министерства внутренних дел. СПб.
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук
ИИ АНТ	– Институт истории АНТ
ИЯЛИ	– Институт языка, литературы и искусства АНТ. Казань
КГВ	– Казанские губернские ведомости
КГУ	– Казанский государственный университет
МГУ	– Московский государственный университет
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л.
НЦАИ	– Национальный центр археологических исследований Института истории АНТ. Казань
ОАИЭ	– Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ОПИ	– Отдел полевых исследований
РА	– Российская археология. М.
РАО	– Русское археологическое общество
РГО	– Российское географическое общество
СА	– Советская археология. М.
САИ	– Свод археологических источников. М.
СКВР	– «Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной науч. конф.». Казань, 2000.
ТА	– Татарская археология. Казань
УПСК	– Урало-Поволжская студенческая конференция
NL	– Numismatické Listy. Praha

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Казань на геодезической карте Татарстана.

Рис. 2. Вид города Казани и прилегающих к нему районов из космоса.

Рис. 3. Аэрофотосъемка Казанского кремля.

Рис. 4. Пояснение к схеме расположения известных археологических памятников на территории г. Казани.

1 – Займищенские I-V стоянки. Неолит, приказанская культура эпохи бронзы; 2 – Кузметьевские I-II стоянки. Приказанская культура эпохи бронзы. 3 – стоянка Красная горка, неолит; 4 – I-V стоянки Дубки. Неолит, приказанская культура эпохи бронзы; 5 – Зилантово городище XVI–XVIII вв.; 6 – могильник на территории Старостекольного завода. Азелинская культура, III–VII вв.; 7 – могильник XVI–XVIII вв. у Памятника павшим воинам; 8 – Козья слобода. Стоянка позднего неолита; 9 – Савиновские I-VII стоянки. Неолит, мезолит, приказанская культура эпохи бронзы; 10, 11 – городище Казанка I-II эпохи финальной бронзы и раннего железного века; 12 – I-II стоянки Троицкий лес. Приказанская культура эпохи бронзы; 13 – Малодербышкинские I-II стоянки. Энеолит, приказанская культура эпохи бронзы; 14, 15 – Бакалдинские I-III стоянки. Неолит, приказанская культура эпохи бронзы; 16 – Стоянка у элеватора. Приказанская культура эпохи бронзы; 17 – Стоянка у нефтебазы. Неолит, приказанская культура эпохи бронзы; 18 – Борисковский могильник, X в. н. э.; 19 – Кукушкинские I-III стоянки. Приказанская культура эпохи бронзы; 20 – Малоотарские I-III стоянки. Неолит, приказанская культура эпохи бронзы; 21 – Кабанское городище XIII–XVIII вв.; 22 – Победиловские I-VI стоянки. Неолит, приказанская культура эпохи бронзы; 23 – Большеотарские I-VI стоянки. Неолит, энеолит, приказанская культура эпохи бронзы; 24 – Аэродромное (болгарское) селище X–XI вв. н. э.; 25 – Федоровский бугор (Старое городище), XVI–XVII вв.; 26 – Мусульманский могильник XV–XVI вв.; 27 – Могильник Армянской слободы, XV–XVI вв.; 28 – Армянская слобода, XV–XVI вв.; 29 – Могильник, XVII в.; 30 – Кураишева слобода, XV–XVI вв.; 31 – Могильник Кураишевой слободы, XV–XVI вв.; 32 – Селище XV–XVI вв.; 33 – Мусульманский могильник, XV–XVI вв.; 34 – Городище Казанский кремль, конец X–XVI вв.; 35 – Богородицкое селище, XV–XVI вв.

Рис. 5. Пояснение к схеме археологической изученности исторической части г. Казани.

1 – Наблюдения у бывшей Армянской слободы 1900, 1949 гг.; 2 – Наблюдения на месте строительства Химического факультета КГУ 1927 г.; 3 – Наблюдения на месте Грузинской церкви 1927 г.; 4 – Раскопки братской могилы XVIII в. на ул. Чехова 1927 г.; 5 – Следы стены посада XVI – XVIII в. в Ленинском саду. Наблюдения 1928 г.; 7 – Следы стены посада XVI – XVIII в. на пересечении улиц Б.Красная и Театральная. Наблюдения 1928 г.; 8 – Наблюдения на месте мусульманского кладбища XVI в. 1950 г.; 9 – Следы рва XVI – XVII вв. Наблюдения 1927 г.; 10 – Следы рва XVI в. на ул. Баумана. Наблюдения 1927 г.; 11 – Следы рва XVI – XVIII вв. перед Спасской башней. Наблюдения 1927 г.; 12 – Наблюдения 1926 г. со стороны северного склона Кремля.; 13 – Раскопки массовых захоронений сер. XVI в. за горсоветом 1934 г.; 14 – Раскопки 1935 г. в Памятнике павшим русским воинам в 1552 г.; 15 – Раскопки на месте гнилого Булака 1954 г.; 16 – Наблюдения по ул. Кремлевской 1961–1965, 1995 гг.; 17 – Наблюдения на месте старого цирка 1962, 1968 гг.; 18 – Наблюдения на месте строительства физкорпуса КГУ, 1968 – 1970, 1982 гг.; 19 – Раскопки Старого городища (Федоровский бугор), 1971, 1985 гг.; 20 – Наблюдения в 1982 г. по улице Б.Красная.; 21 – Наблюдения в 1982 г. по ул. К.Маркса.; 22 – Наблюдения в 1982 г. по ул. Миславского.; 23 – Наблюдения в 1982 г. по ул. М.Межлаука. Наблюдения в 1947, 1951 г. по ул. Парижской Коммуны; 24 – Раскопки в Казанском Богородицком монастыре 1935, 1985, 1997 гг. 25–27. Раскопки на месте строительства станции метро «Кремлевская» 1988 г.; 28 – Наблюдения во дворе Гостиного двора; 29 – Наблюдения на месте строительства подземных гаражей 1998 г.; 30 – Наблюдения на ул. Баумана 1930, 1935, 1996–

97 гг.; 31 – Наблюдения на месте строительства дома № 26 по ул. Баумана в 1992 г.; 32 – Наблюдения 1996 г. на ул. М. Джалиля на месте мусульманского кладбища; 33 – Наблюдения по ул. Чернышевского 1996 г.; 34 – Раскопки со стороны восточного склона Кремля 1998 г.

Рис. 6. Карта Казанского кремля с обозначением раскопов, шурфов, мест наблюдений и случайных находок.

1 – Находки архитектурных деталей 60-х годов XIX в.; 2 – Клад русских монет 1861 г.; 3 – Клад монет 1878 г.; 4 – Обломок надгробного камня, найденный в 1935 г.; 5 – Шурфы за Благовещенским собором 1928-1929 гг.; 6 – Шурфы в саду Совмина 1928 г.; 7 – Шурфы у башни Сююмбеки 1929 г.; 8 – Шурф у бывшей Дворцовой церкви 1929 г.; 9 – Шурф у церкви Киприана и Устиньи 1928 г.; 10 – Раскоп 1935 г. 1954 г.; 11 – Траншея 1947 г.; 12 – Траншея 1948 г.; 13 – Наблюдения у Спасской башни; 14 – Траншея 1925 г.; 15 – Траншея 1948 г.; 16 – Раскоп №1 1953 г.; 17 – Раскоп №2 1953 г.; 18 – Раскоп №1 1954 г.; 19 – Раскоп 1954 г. Тайницкая башня; 20 – Шурф №1 1970 г.; 21 – Шурф №2 1970 г.; 22 – Раскоп №1 1971 г.; 23 – Раскоп №2 1971 г.; 24 – Раскоп №3 1971 г.; 25 – Раскоп №4 1971 г.; 26 – Раскоп №1 1972 г.; 27 – Раскоп №2 1972 г.; 28 – Раскоп №3 1972 г.; 29 – Раскоп №1 1973 г.; 30 – Раскоп №1 1974г.; 31 – Раскоп №2 1974г.; 32 – Шурф №1 1974г.; 33 – Шурф №2 1974г.; 34 – Шурф №3 1974г.; 35 – Шурф №4 1974г.; 36 – Раскоп №1 1975 г.; 37 – Шурф №1 1975г.; 38 – Шурф №2 1975г.; 39 – Шурф №3 1975 г.; 40 – Шурф №4 1975 г.; 41 – Раскоп №1 1976 г.; 42 – Раскоп №2 1976 г.; 43 – Шурф №1 1976 г.; 44 – Шурф №2 1976 г.; 45 – Шурф №3 1976 г.; 46 – Шурф №4 1976 г.; 47 – Раскоп №1 1977 г.; 48 – Раскоп №2 1977 г.; 49 – Раскоп №3 1977 г.; 50 – Раскоп №4 1977 г.; 51 – Раскоп №5 1977 г.; 52 – Шурф №1 1977 г.; 53 – Шурф №2 1977 г.; 54 – Раскоп №1 1978 г.; 55 – Раскоп №2 1978 г.; 56 – Раскоп №3 1978-1979 гг.; 57 – Шурф №1 1978 г.; 58 – Шурф №2 1978 г.; 59 – Шурф №3 1978 г.; 60 – Котлован под кафе 1976 г.; 61 – Шурф 1, 2 1993 г.; 62 – Раскоп №1 1994-1995 гг.; 63 – Раскоп №2 1994-97 гг.; 64 – Раскоп №3 1995 г.; 65 – Раскоп №4 1995-1996 гг.; 66 – Раскоп №5 1995 г.; 67 – Траншея 1996 г.; 68 – Раскоп №6 1996 г.; 69 – Раскоп №7 1996 г.; 70 – Раскоп №8 1995 г.; 71 – Раскоп №9 1997 г.; 72 – Раскоп №10 1997-1998 гг.; 73 – Раскоп №11 1999 г.; 74 – Шурф 1995 г. в казармах Юнкерского училища.; 75 – Наблюдения котлована столовой; 76 – Раскоп №12 1997 г.; 77 – Раскоп №13 1997-1998 гг.; 78 – Раскоп №14 1997 г.; 79 – Раскоп №15 1997-1998 гг.; 80 – Раскоп №16 1998г.; 81 – Раскоп №17А 1998г.; 82 – Раскоп №17Б 1998г.; 83 – Раскоп №18 1998 г.; 84 – Раскоп №19 1998 г.; 85 – Раскоп №20 1998 г.; 86 – Раскоп №21 1998 г.; 87 – Раскоп №22 1998 г.; 88 – Наблюдения за водопроводной траншеей; 89 – Раскоп № 24. 1999 г.; 90 – Раскоп № 31. 1999 г.; 91 – Раскоп № 30. 1999 г.; 92 – Раскоп № 33. 2000 г.; 93 – Раскоп № 34. 2000 г.; 94 – Раскоп № 35. 2000,2003 г.; 95 – Раскоп № 36. 2000-2001гг.; 96 – Раскоп № 40. 2001 г.; 97 – Раскоп № 41. 2001 г.; 98 – Раскоп № 42. 2001 г.; 99 – Раскоп № 43. 2001 г.; 100 – Раскоп № 43А-В. 2001 г.; 101 – Раскоп № 45. 2001 г.; 102 – Раскоп № 46. 2001 г.; 103 – Раскоп № 47. 2001 г.; 104 – Раскоп № 48. 2001 г.; 105 – Раскоп № 49. 2001 г.; 106 – Раскоп № 50. 2001 г.; 107 – Раскоп № 51. 2001-2002 г.; 108 – Раскоп № 42. 2002 г.

Рис. 7. Карта мощности культурного слоя Казанского Кремля.

Рис. 8. Раскоп I. Общий план объектов III слоя.

Рис. 9. Раскоп I. Общий план объектов IV – V слоя.

Рис. 10. Раскоп I. Профиль восточной стенки.

Рис. 11. Раскоп I 1995 г. Сооружение 12, 14 (поздняя яма) после расчистки. Вид с северо-запада.

Рис. 12. Раскоп I. Наконечники стрел.

1 – уч. Д/1, гл. 320 см, сл. V, КК 94 – I/1167; 2 – соор. 9, выборка 2, сл. III, КК 95 – I/189; 3 – яма № 12, выборка 4, сл. IV, КК 94 – I/928; 4 – уч. Ж/5, шт. 11, сл. III, КК 95 – I/512; 5 – соор. 14, сл. III-IV, КК 95 – I/1417; 6 – бн; 7 – соор. 15а, сл. III, КК 95 – I/900; 8 – уч. Б/4, гл. 200 см, сл. III-IV, КК 94 – I/230; 9 – удила из III-IV слоя уч. К/2, шт. 12, КК 95 – I/1093; 10 – пряжка из сл. IV, соор. № 36, КК 95 – I/1412; 11 – пряжка из II-III слоя уч. Е – К/9, шт. 8, КК 95 – I/368; 12 – пряжка из III слоя соор. № 15Е, выб. 3, КК 95 – I/1413; 13 – пряжка из III слоя соор. № 3, разборка забутовки, КК 94 – I/855.

Рис. 13. Раскоп I. Скобы, пробой, гвозди.

1 – скоба уч. Д/4, гл. 200 см, сл. II-III, КК 94 – I/228; 2 – скоба уч. Б/4, гл. 200 см, сл. II-III, КК 94 – I/227; 3 – скоба вне соор., уч. Ж/6, сл. II, КК 95 – I/252; 4 – скоба уч. Д/5, гл. 200, сл. II-III, КК 94 – I/224; 5 – скоба уч. Б/6, гл. 280, сл. III, КК 95 – I/492; 6 – скоба вне соор., уч. З/7, сл. II-III, КК 94 – I/855; 7 – скоба зачистка стенок, сл. I, КК 95 – I/174; 8 – пробой из сл. IV, соор. 15ж, выборка 1, КК 95 – I/1419; 9 – пробой, подъемный материал из грунта III слоя; 10 – пряжка из III слоя соор. № 9, КК 95 – I/258; 11 – пробой из III слоя соор. № 10, КК 95 – I/191; 12 – гвоздь, уч. В/8, гл. 290 см, сл. III, КК 94 – I/1103; 13 – гвоздь, уч. А/2, гл. 170 см, сл. II, КК 94 – I/170; 14 – гвоздь, яма № 4, сл. II, КК 94 – I/524; 15 – гвоздь, уч. Ж/3, гл. 170 см, сл. II, КК 94 – I/170; 16 – гвоздь, уч. В/6, гл. 230 см, сл. II, КК 94 – I/399; 17 – гвоздь, соор. № 1, сл. I, КК 94 – I/580; 18 – гвоздь, яма № 4, сл. I, КК 94 – I/515; 19 – гвоздь, уч. Д/8, гл. 290 см, сл. III, КК 94 – I/1090; 20 – гвоздь, уч. В/8, гл. 290 см, сл. III, КК 94 – I/1105; 21 – гвоздь, уч. Б/4, гл. 280 см, сл. III, КК 94 – I/998; 22 – гвоздь, уч. А/3, гл. 170 см, сл. II, КК 94 – I/167; 23 – гвоздь, яма № 4, сл. II, КК 94 – I/514; 24 – гвоздь, уч. Д/4, гл. 190 см, сл. II, КК 94 – I/1086.

Рис.14. Раскоп I. Изделия из железа.

1 – подкова из III слоя, соор. 15, КК 95 – I/1413; 2 – подкова из II – III слоя уч. З/7, гл. 165-180 см, КК 95 – I/296; 3 – подкова из III слоя уч. Б/4, гл. 200 см, КК 94 – I/338; 4 – нож из IV слоя, соор. 32, выб. 2, КК 95 – I/1371; 5 – нож из IV слоя, соор. 37, выб. 1, КК 95 – I/1416; 6 – нож из III слоя, соор. 15, выб. 2-3, КК 95 – I/996; 7 – нож из II-III слоя, уч. З/7, КК 95 – I/297; 8 – косарь из I слоя, КК 95 – I/77; 9 – коса из III слоя, уч. И/6, шт. 12, КК 95 – I/1250; 10 – рукоятка ножа, из III слоя, соор. 15 Г, КК 95 – I/1415; 11 – обломок ножа из III слоя, уч. В/6, гл. 210 см, КК 95 – I/315; 12 – обломок ножа из III слоя, соор. 30, КК 95 – I/1314; 13 – проколка-острие из III слоя, соор. 15 Г, выб. 1, КК 95 – I/1415; 14 – проколка-острие, из слоя II, соор. 1, КК 95 – I/597; 15 – неопределенный железный предмет из II слоя.

Рис. 15. Раскоп I. Предметы украшения.

1 – грушевидная пуговица из III слоя, уч. И/2, шт. 10, КК 95 – I/514; 2 – грушевидная пуговица из III слоя, соор. 13, КК 95 – I/680; 3 – серебряный браслет из IV слоя, соор. 16, КК 95 – I/686; 4 – декоративная бронзовая бляшка-накладка из III слоя, уч. К/5, шт. 11, КК95 – I/467; 5 – медный складень из IV слоя уч. В/7, гл. 290 см, КК 94 – I/879.

Рис. 16. Раскоп I. Изделия из кости.

1 – игральная кость (шашка) из III слоя, соор. 15, КК95 – I/1403; 2 – костяная наладка из IV слоя, зачистка стенок, уч. И, К/1, КК95 – I/794; 3 – астрагал барана из III, уч. К/5, шт. 12, КК95 – I/811; 4 – трубка с орнаментом из III слоя, уч. Ж/5, шт. 11, КК95 – I/561; 5 – игла из III слоя, уч. Ж/9, шт. 9, КК95 – I/1455; 6 – накладка из IV слоя, соор. 36, выб. 1, КК95 – I/1414; 7 – накладка из III слоя, уч. Ж/5, шт. 11, КК95 – I/560; 8 – гребень из II слоя, гл. 170, КК95 – I/184.

Рис. 17. Раскоп I. Индивидуальные находки.

1 – сердоликовая шестигранная призматическая бусина из III слоя, сооружение 9, выборка 6, КК95 – I/466; 2 – бусина из красно-белого стекла из V слоя сооружение 15В, КК95 – I/851; 3 – обломок стеклянной глазчатой бусины из V слоя, сооружение 22, выборка 1, КК95 – I/1080; 4 – обломок бусины из желтого непрозрачного стекла из V слоя, сооружение 22, выборка 1, КК95 – I/1273; 5 – бронзовый пуговица из III слоя, уч. И/2, шт. 10, КК95 – I/514; 6 – глиняное пряслице из III слоя, уч. Е/9, шт. 8, КК95 – I/363; 7 – костяная шашечка из I слоя, уч. Г/3, шт. 4, КК95 – I/149; 8 – изделие из кости из III слоя, сооружение 15а, КК95 – I/1403; 9 – глиняное пряслице из IV-V слоя, уч. Ж/4, шт. 13, КК95 – I/1231; 10 – глиняное пряслице из II слоя, сооружение 16, КК95 – I/699; 11 – глиняное пряслице из IV слоя, сооружение 16а, КК95 – I/1426; 12 – глиняное пряслице из II слоя, уч. З/7, шт. 9, КК95 – I/121; 13 – декоративная бронзовая бляшка-накладка из III слоя, уч. К/5, шт. 11, КК95 – I/467; 14 – железный наконечник стрелы, из III слоя уч. Ж/5, шт. 11, КК95 – I/512; 15 – железный наконечник стрелы из III слоя, сооружение 14, КК95 – I/1417; 16 – железный наконечник стрелы из III слоя, сооружение 15а, КК95 – I/900; 17 – костяная накладка с орнаментом из III слоя, уч. И, К/1, КК95 – I/794; 18 – нателный бронзовый крест из II слоя, уч. З/7, шт. 9, КК95 – I/193; 19 – костяная поделка из III слоя, уч. Ж/5, шт. 11, КК95 – I/561; 20 – костяная поделка из III слоя, уч. К/5, шт. 12, КК95 – I/811; 21 – костяная поделка из IV слоя, сооружение 36, выборка 1, КК95 – I/1414; 22 – костяная поделка из III слоя, уч. Ж/5, шт. 11, КК95 – I/560; 23 – костяной кочедык из III слоя, уч. Ж/9, шт. 9, КК95 – I/1455; 24 – глиняное грузило из II слоя, КК95 – I/90; 25 – обломок игрушки

медведь в наморднике из II – III слоя, уч. К/9, шт. 10, КК95 – I/414; 26 – фрагмент «текстильной», «рогожной» керамики, близкая к керамике дьяковской или городецкой культур (конец I тыс. до н. э. – первая половина I тыс. н. э.) КК95 – I/859; 27 – керамическая свистулька из слоя III, уч. К/9, шт. 9, КК95 – I/371.

Рис. 18. Керамика в болгарских традициях (кувшины).

1 – из III слоя, соор. 15 А, выб. 1, КК95 – I/1423; 2 – из III слоя, соор. 9, выб. 1, КК95 – I/513.

Рис. 19. Раскоп I. Грузила и пряслица.

1 – грузило из II слоя, гл. 170 см, КК94 – I/185; 2 – грузило из II-III слоя, уч. 3/7, гл. 165-180 см, КК95 – I/295; 3 – грузило из II слоя, яма 4, КК94 – I/545; 4 – грузило из II слоя, КК95 – I/90; 5 – грузило из IV слоя, соор. 4, выб. 1, гл. 330, КК95 – I/843; 6 – грузило из II слоя, КК95 – I/; 7 – грузило из III слоя, уч. К/6, шт. 11, КК95 – I/413; 8 – пряслице из известняка, III слой, соор. 30, КК 95 – I/1288; 9 – пряслице из глины, III слой, соор. 15 А, выб. 7, КК 94 – I/610; 10 – пряслице из стенки гончарного сосуда, II-III слой, уч. 3/7, шт. 9, КК 95 – I/121; 11 – пряслице из камня, I-II слой, яма 3, КК 94 – I/611; 12 – пряслице из глины, II слой, КК 94 – I/164; 13 – пряслице из глины, II слой, соор. 16, КК 95 – I/699; 14 – пряслице из известняка, II-III слой, уч. И – К/9, шт. 8, КК 95 – I/363; 15 – пряслице из глины, IV-V слой, уч. Ж/4, шт. 13, КК 95 – I/1231; 16 – пряслице из глины, IV слой, соор. 16 А, КК 95 – I/1426; 17 – пряслице шифер, V слой, яма 11, КК 95 – I/876.

Рис. 20. Раскоп I. Болгарская керамика.

1 – уч. 3/4, шт. 12, сл. III – IV, КК95 – I/952; 2 – уч. К/1, шт. 11, сл. III, КК95 – I/433; 3 – уч. И/1, шт. 12, сл. III – IV, КК95 – I/779; 4 – уч. И/3, шт. 12, сл. III, КК95 – I/1048; 5 – зачистка на уч. Ж, 3/4, КК95 – I/944; 6 – уч. Ж/4, шт. 12, сл. III – IV, КК95 – I/936; 7 – соор. 15 Д, выб. 2, сл. IV, КК95 – I/1226; 8 – уч. К/4, шт. 12, сл. IV – V, КК95 – I/743; 9 – уч. К/9, шт. 12, сл. III – IV – V, КК95 – I/917; 10 – уч. 3/1, шт. 12, сл. III – IV, КК95 – I/866; 11 – уч. И/1, шт. 12, сл. III – IV, КК95 – I/770; 12 – кв. И/8, шт. 13, сл. III – IV, КК95 – I/1194; 13 – соор. 22, выб. 1, сл. V, КК95 – I/1377; 14 – соор. 15 Д, выб. 1-3, сл. IV, КК95 – I/1355; 15 – уч. К/4, шт. 12, сл. IV – V, КК95 – I/732; 16 – соор. 18, выб. 4, сл. IV, КК95 – I/1146.

Рис. 21. Раскоп I. Болгарская керамика.

1 – соор. 15 В, сл. V, КК95 – I/787; 2 – уч. К/9, из стенки раскопа, сл. IV – V, КК95 – I/818; 3 – уч. Ж/4, шт. 12, сл. III – IV, КК95 – I/994; 4 – уч. К/9, шт. 12, сл. III – IV – V, КК95 – I/918; 5 – соор. 14, выб. 2, сл. I, КК95 – I/226; 6 – уч. И/6, шт. 13, сл. III – IV, КК95 – I/1201; 7 – уч. И/1, шт. 12, осыпь стенки, сл. III – IV, КК95 – I/792; 8 – уч. К/4, шт. 12, сл. IV – V, КК95 – I/743; 9 – соор. 24, сл. IV, КК95 – I/1386; 10 – уч. К/9, шт. 12, сл. III – IV – V; уч. И/8, шт. 12, сл. III – IV, КК95 – I/1050; 11 – уч. Е/2, 3, шт. 15, сл. III – IV, КК95 – I/1425; 12 – соор. 32, выб. 1, сл. IV, КК95 – I/1295.

Рис. 22. Раскоп I. Керамика в болгарских традициях.

1 – соор. 15Г, выб.1, сл. III, КК95 – I/1296; 2 – соор. 9, забутовка, шт. 10-11, сл. III, КК 95 – I/588, 591-2, 595; 3 – уч. И/1-3, шт. 9, сл. II-III, КК 95 – I/112; 4 – уч. 3.И/9, шт. II, сл. III, КК 95 – I/812; 5 – уч. И/9, шт. II, сл. III, КК 95 – I/483; 6 – уч. И/8, шт. 12, сл. III-IV, КК 95 – I/1172; 7 – соор. 20, сл. III, КК 95 – I/1688; 8 – уч. К/1, шт. 10, сл. III, КК 95 – I/436; 9 – соор. 9, забутовка, шт. 10-11, сл. III, КК 95 – I/515.

Рис. 23. Раскоп I. Керамика в болгарских традициях.

1 – уч. 3/4, шт. 10, сл. II-III, КК 95 – I/240; уч. И/6, шт. 12, сл. III, КК 95 – I/920; 2 – соор. 15; выб. 2, сл. III, КК 95 – I/468; 3 – соор. 153, шт. 10, сл. III, КК 95 – I/434; 4 – соор. 9, забутовка, шт. 10-11, сл. III, КК 95 – I/517; 5 – уч. 3/8, шт. II, сл. IV, КК 95 – I/619; уч. И/6, шт. 12, сл. III, КК 96 – VII/920; 6 – соор. 15А, выб.7, сл. III. КК 95 – I/610,613, 616,618; 7 – соор. 15А, выб.8, сл. III, КК 95 – I/643.

Рис. 24. Раскоп I. Казанская керамика.

1 – яма 13 1994 г., выб. 1, сл. III, КК 95 – I/1427; соор. 30, сл. III основание; 2 – уч. Е/2-3, шт. 15, сл. III-IV, КК 95 – I/1423; 3 – соор. 16, выб.4, сл. III, КК 95 – I/546; 4 – уч. И/1, шт. 12, сл. III-IV, КК 95 – I/782; 5 – соор. 24Б, выб. 1, сл. III-IV, КК 95 – I/1326; 6 – уч. И/4, шт. 12, сл. III, КК 95 – I/1024; 7 – уч. И/3, шт. 12, сл. III, КК 95 – I/1040; 8 – уч. Ж/3, шт. 12, сл. III, КК 95 – I/1047.

Рис. 25. Раскоп I. Керамика русская белоглиняная.

1 – соор. 15, выб.2, сл. III, КК 95 – I/462; 2 – сл. II, КК 95 – I/195; 3 – уч. И/2, шт. 10, сл. III, КК 95 – I/343; 4 – уч. 3/3 шт. II, сл. III, КК 95 – I/495; 5 – соор. 13, выб.1, сл. III, КК 95 – I/211; уч. 3/3, шт. II, сл. III, КК 95 – I/494; уч. 3/6, шт. II, сл. III, КК 95 – I/464; 6 – уч. К/7, шт. 9, сл. II, КК 95 – I/169; соор. 15, выб. 2, сл. II-III, КК 95 – I/417; 7 – уч. К/7, шт. 9, сл. II, КК 95 – I/174.

Рис. 26. Раскоп I. Керамика русская белоглиняная.

1 – соор. 15В, выб. 2, сл. III, КК 95 – I/451; 2 – уч. 3/6, шт. 9, сл. I-II, КК 95 – I/106; 3 – уч. К/8, шт. 9, сл. II, КК 95 – I/136; 4 – уч. И/6, шт. 9, сл. II, КК 95 – I/237; 5 – сл. I, КК 95 – I/31, 82; 6 – соор. 41, сл. IV, КК 95/1438.

Рис. 27. Раскоп I. Керамика с черной поверхностью группы «татарско-русская».

1 – уч. Ж/6, шт. 12, сл. II-III, КК 95 – I/1245; 2 – сл. I, КК 95 – I/5; 3 – соор. 18, выб.1, сл. III; 4 – уч. К/7-8, развал стенок, сл. I-II, КК 95 – I/1430; 5 – соор. 9, забутовка, шт. 10-11, сл. III, КК 95 – I/534; 6 – осыпь стенок раскопа под соор. 15, сл. II, КК 95 – I/805; 7 – соор. 9, выб.4, сл. III, КК 95 – I/255; 8 – уч. 3/6, шт. 10, сл. II, КК 95 – I/406; 9 – уч. 3/6, шт. 10, сл. II, КК 95 – I/407; 10 – уч. И/4, шт. 10, сл. II-III, КК 95 – I/372.

Рис. 28. Раскоп I. Керамика с черной поверхностью группы «татарско-русская».

1 – соор. 15; сл. III, КК 95 – I/1450; 2 – уч. К/7, шт. 9, сл. II, КК 95 – I/173; 3 – сл. I, КК 95 – I/52; 4 – до гл. 165-180 см, сл. I-II-III, КК 95 – I/1; 5 – до гл. 165-180 см, сл. I-II-III, КК 95 – I/22; 6 – уч. Ж/6, шт. 12, сл. II-III, КК 95 – I/963; 7 – уч. К/9, шт. 8, сл. II-III, КК 95 – I/375; 8 – сл. I-II-III, до гл. 165-180 см, КК 95 – I/60; 9 – сл. I-II-III, до гл.165-180 см, КК 95 – I/29; 10 – сл. I-II-III, до гл.165-180 см, КК 95 – I/50; 11 – сл. I-II-III, до гл.165-180 см, КК 95 – I/54.

Рис. 29. Раскоп I. Керамика красноглиняная плотная группы «татарско-русская».

1 – уч. И, К/9, зачистка стенок, сл. II-III, КК 95 – I/878; 2 – уч. И/6, сл. II, КК 95 – I/393; 3 – соор. 27, выб.1, сл. III, КК 95 – I/1600; 4 – сл. I-II-III до гл. 165-180 см, КК 95 – I/44; 5 – соор. 12, выб.1-4, сл. I, КК 95 – I/1345; 6 – сл. I-II-III, до гл.165-180 см, КК 95 – I/47; 7 – соор. 14, выб. 2, сл. I, КК 95 – I/225; 8 – сл. I-II-III гл.165-180 см, КК 95-I/ 3; 9 – уч. 3/5, шт. 10, сл. II-III, КК 95-I/269.

Рис. 30. Раскоп I. Керамика серая группы «татарско-русская».

1 – соор. 17, выб.1, сл. II, КК 95 – I/1061; 2 – соор. 15, выб. 5, сл. III, КК 95 – I/568; 3 – соор. 15б, выб. 2 – 3, сл. III, КК 95 – I/997; 4 – уч. Ж-К/9, шт. 8, сл. I-II, КК 95 – I/378; 5 – сл. I-II-III, до гл. 165-180 см, КК 95 – I/61; 6 – уч. И/4, шт. 9, сл. II, КК 95 – I/117; 7 – до гл. 165-180 см, сл. I-II-III, КК 95 – I/53; 8 – до гл. 165-180 см, сл. I-II-III, КК 95 – I/326.

Рис. 31. Раскоп I 1995 г. Керамика русская песочно-дресвяная.

1 – соор. 13, выб.13, сл. III, КК 95 – I/1147; 2 – соор. 15, выб.2, сл. III, КК 95 – I/469; 3 – уч. 3/9, шт. 12, сл. III-IV, КК 95 – I/836; 4 – соор. 13, сл. III, КК 95 – I/773; 5 – уч. К/7, шт. 9, сл. II, КК 95 – I/168; 6 – уч. И/3, шт. II, сл. II-III, КК 95 – I/432; 7 – соор. 15, выб. 6-8, сл. III, КК 95 – I/1347; 8 – сл. I, КК 95 – I/51.

Рис. 32. Раскоп I. Керамика по образцу и в развитие белоглиняной русской в группе «татарско-русская».

1 – уч. 3/2, шт. 2, сл. III, КК 95 – I/501; 2 – уч. 3/3, шт. 2, сл. III, КК 95 – I/499; 3 – соор. 15А, выб. 6 – 7, сл. III, КК 95 – I/1128; 4 – уч. К/7, шт. 9, сл. II, КК 95 – I/167; 5 – уч. К/7 – 8 шт. 9, сл. II-III, КК 95 – I/135; 6 – уч. И/9, зачистка стенки, сл. II-III, КК 95 – I/798; 7 – уч. Ж/6, шт. 12, сл. II-III, КК 95 – I/963; 8 – уч. К/4, гл.175, сл. II-III, КК 95 – I/103; 9 – сл. I, КК 95 – I/7; 10 – сл. I-II-III до гл.165-180 см., КК 95 – I/63; 11 – уч. Ж/6, шт. 12, сл. II-III, КК 95 – I/963; 12 – уч. К/4, гл.175 см, сл. II-III, КК 95 – I/103.

Рис. 33. Раскоп I. Керамика финская.

1 – уч. И/1-3, шт. 9, сл. II-III, КК 95 – I/111; 2 – уч. 3/7, шт. 12, сл. III, КК 95 – I/987; 3 – соор. 32, выб.2, сл. V, КК 95 – I/1387; 4 – соор. 32, выб.1, сл. V, КК 95 – I/1433; 5 – соор. 24, выб.2, сл. III-IV, КК 95 – I/1237; 6 – соор. 30, сл. III, основание, КК 95 – I/1289; 7 – соор. 9, выб.3, сл. III, КК 95 – I/259-60; 8 – уч. К/5, шт. 10, соор. 9, выб.3, сл. III, КК 95 – I/366; 9-10 – яма КК 95 – I/13 1994 г., сл. III, КК

95 – I/1428; 12 – уч. 3/9, шт. 11, сл. III, КК 95 – I/504; 13 – соор. 153, шт. 10, сл. III, КК 95 – I/435; 14 – сл. I-II-III до гл. 165-180 см, КК 95 – I/84.

Рис. 34. Ситуационный план раскопов II – III 1995–1997 гг.

Рис. 35. Раскоп II 1996 г. Профиль восточной (уч. С/12-14) и южной (уч. С/14) стенок раскопа II.

Рис. 36. Общий вид раскопа II 1996 г. с запада.

Рис. 37. Раскоп II 1996 г. Участки Г, Е/17-20 после снятия кирпичной платформы. Вид с северо-восточной стороны.

Рис. 38. Раскоп II 1995 г. Болгарская керамика.

1 – уч. Е, Л/15, шт. 12 – 13, сл. V, КК 95 – П/1957; 2 – уч. Е, Л/15, шт. 12 – 13, сл. V, КК 95 – П/1954; 3 – гл. 155, сл. I, КК 95 – П/1505; 4 – уч. В – Д/22-24, шт. 9 – 10, сл. I, КК 95 – П/1860; 5 – уч. Е – Л/15, шт. 12 – 13, сл. IV, КК 95 – П/1944; 6 – уч. Е – Л/15, шт. 14, сл. V, КК 95 – П/1985; 7 – уч. Е – Л/15, шт. 12 – 13, сл. IV, КК 95 – П/1945; 8 – уч. Е – Л/15, шт. 12 – 13, сл. IV, КК 95 П/1943; 9 – уч. Е – Л/15, шт. 12 – 13, сл. IV, КК 95 – П/1950; 10 – уч. Е – Л/15, шт. 12 – 13, сл. IV, КК 95 – П/1953; 11 – уч. Е – Л/15, шт. 12 – 13, сл. IV, КК 95 – П/1951; 12 – уч. Е – Л/15, шт. 12 – 13, сл. IV, КК 95 – П/1952; 13 – уч. Е – Л/15, шт. 12 – 13, сл. IV, КК 95 – П/1948.

Рис. 39. Раскоп II 1995 г. Болгарская керамика.

1 – гл. 140 см, сл. I, КК 95 – П/1482; 2 – уч. Е – Л/15, шт. 12 – 13, сл. IV, КК 95 – П/1946; 3 – уч. Е – Л/15, шт. 12 – 13, сл. IV, КК 95 – П/1959; 4 – уч. Е – Л/15, шт. 14, сл. V, КК 95 – П/1984; 5 – уч. Е – Л/15, шт. 14, сл. V, КК 95 – П/1978; 6 – уч. Е – Л/15, шт. 14, сл. V, КК 95 – П/1979.

Рис. 40. Раскоп II 1996 г. Болгарская керамика.

1 – соор. 23, выб. 3, сл. IV – V, КК 96 – П/824; 2 – уч. 3/12, шт. 14, сл. V, КК 96 – П/734; 3 – уч. Ж, 3/13, шт. 14, сл. V, КК 96 – П/734; 4 – уч. Л/14, шт. 14, сл. V, КК 96 – П/622; 5 – уч. Л/21 – 22, гл. 380, сл. III, КК 96 – П/227.

Рис. 41. Раскоп II 1996 г. Болгарская керамика.

1 – соор. 25, выб. 5 – 6, сл. IV, КК 96 – П/851 – 852; 2 – уч. Л/21, гл. 380, сл. III, КК 96 – П/279; 3, 6 – К, Л/шт. 14, сл. IV – V, КК 96 – П/639; 4 – уч. Ж, 3/13, шт. 14, сл. V, КК 96 – П/728 – 729; 5, 6 – соор. 23, выб. 3, сл. IV – V, КК 96 – П/817, 830; 7 – соор. 25 Б, выб. 3, шт. 17, сл. III, КК 96 – П/859; 8 – соор. 23, выб. 4, сл. V, КК 96 – П/855; 9 – уч. Ж, 3/13, шт. 14, сл. V, КК 96 – П/724; 10 – уч. Л/14, шт. 14, сл. V, КК 96 – П/621; 11 – Ж, 3/13, шт. 14, сл. V, КК 96 – П/; 12 – соор. 23, выб. 2, шт. 16, сл. V, КК 96 – П/715; 13 – И, К/20 – 21, шт. 21, сл. III, соор. 1, КК 96 – П/966; 14, 15 – соор. 23, выб. 3, сл. IV – V, КК 96 – П/827, 828; 16 – Л/21, гл. 480, сл. III, КК 96 – П/568; 17 – соор. 23, выб. 3, сл. IV – V, КК 96 – П/716; 18 – уч. Ж, 3/13, шт. 14, сл. V, КК 96 – П/725; 19 – соор. 23, выб. 3, сл. IV – V, КК 96 – П/818; 20 – соор. 27, выб. 4, сл. IV, КК 96 – П/831; 21 – уч. К, Л/13, шт. 14, сл. IV – V, КК 96 – П/637; 22 – соор. 25 Б, выб. 3, шт. 17, сл. III, КК 96 – П/860; 23 – соор. 23, выб. 2, шт. 16, сл. V, КК 96 – П/721.

Рис. 42. Раскоп III. Болгарская керамика.

1 – уч. Д/8, шт. 16, сл. V, КК 95 – III/1756; 2 – уч. 3/8, шт. 8, сл. III, КК 95 – III/890; 3 – уч. Б/2, шт. 13, сл. IV – V, КК 95 – III/1053; 4 – соор. 21, выб. 1, сл. IV – V, КК 95 – III/1572; 5, 6 – соор. 21, дно, сл. IV – V, КК 95 – III/1029; 7 – соор. 27, шт. 12, сл. IV – V, КК 95 – III/1479; 8 – соор. 21, сл. IV – V, КК 95 – III/1574; 9 – соор. 20, сл. III, КК 95 – III/1600; 10 – соор. 17, выб. 1, сл. III, КК 95 – III/927; 11 – соор. 21, дно, сл. IV – V, КК 95 – III/1634 – 1636; 12 – уч. Д/8, шт. 12, сл. III, КК 95 – III/1447 – 1450; 13 – уч. А/3, сл. III, КК 95 – III/1430; 14 – соор. 21, дно, сл. IV – V, КК 95 – III/1028.

Рис. 43. Раскоп II. Изразцы из II слоя.

1 – поливной изразец, уч. К, Л/21 – 22, шт. 4, КК 96 – П/27; 2 – поливной изразец, уч. Ж/14 – 15, гл. 180, КК 96 – П/160; 3 – неполивной изразец, уч. Л/24, гл. 340, КК 96 – П/301; 4 – неполивной изразец, уч. В, Г/17 – 18, гл. 80, КК 96 – П/190; 5 – неполивной изразец, уч. К/23, шт. 12, КК 96 – П/169; 6 – неполивной изразец, уч. К/23, гл. 230, КК 96 – П/461; 7 – неполивной изразец, уч. К/22, гл. 340, КК 96 – П/396.

Рис. 44. Раскоп III. Изделия из железа.

1 – декоративный медный гвоздь с изображением барса из III слоя, соор. 1; 2 – железный светец из II слоя, уч. Г/8, шт. 8, КК95 – III/299; 3 – железный подсвечник из III слоя, соор. 20, КК95 – III/1568; 4 – подкова из III слоя, уч. Б/1, шт. 11, КК95 – III/921.

Рис. 45. Раскоп IV. План раскопа на уровне 17-18 шт. (III слой).**Рис. 46.** Раскопа IV. Профиль западной стенки (уч. А/6-10).**Рис. 47.** Раскоп IV. Сооружение 10 III слоя в процессе разборки. Вид с севера.**Рис. 48.** Раскоп IV. Нижняя часть внутреннего фасада Воскресенской башни.**Рис. 49.** Раскоп VI. План III слоя. (уч. 5 – 11).**Рис. 50.** Раскоп VI. Профиль западной стенки (уч. 1 – 10).**Рис. 51.** Раскопа VI. Профиль северной стенки (уч. 1).**Рис. 52.** Раскоп VI. Погребение 10. Вид с востока.**Рис. 53.** Раскоп VI. Сооружение 13. Вид с востока.**Рис. 54.** Раскоп VI. Общий вид сооружений 18а, 18б, 18в с северо-запада.**Рис. 55.** Раскоп VI. Индивидуальные находки.

1 – железный наконечник стрелы из III слоя, соор. 9, расчистка дна, КК96 – VI/162; 2 – железный наконечник стрелы из III-IV слоя, уч. 5, шт. 7, КК96 – VI/98; 3 – обломок железной скобы из II слоя, погребение 22, уч. 4-5, шт. 7, КК96 – VI/207; 4 – железный пробой с петлей из III слоя, уч. 8, шт. 9, КК96 – VI/183; 5 – кашинная бусина с голубой поливой из II слоя, уч. 5, шт. 6, КК96 – VI/62; 6 – костяная вставка рукояти ножа из III слоя, уч. 5, соор. 9, выб. 4, КК96 – VI/210; 7 – костяная шашечка из III слоя, уч. 8, шт. 9, КК96 – VI/182; 8 – глиняное пряслице из I слоя, уч. 17, шт. 4, КК96 – VI/442; 9 – глиняное пряслице из III слоя, соор. 9, выб. 4, КК96 – VI/214; 10 – глиняное ложило из стенки гончарного сосуда из III слоя, уч. 8, шт. 9, КК96 – VI/181; 11 – заготовка глиняного ложила из стенки гончарного сосуда из I слоя, уч. 9, шт. 4-5, КК96 – VI/1; 12 – обломок грузила из III слоя, уч. 8, шт. 13, КК96 – VI/382; 13 – грузило из II слоя, уч. 8, шт. 7, КК96 – VI/41; 14 – железный нож из II слоя, соор. 35, выб. 3, КК96 – VI/434; 15 – секач из III, сооружение 33, КК96 – VI/440; 16 – топор из грунта II слоя в отвале, КК96 – VI/358; 17 – топор из III слоя, уч. 16, шт. 5, КК96 – VI/449; 18 – топор из III-IV слоя, уч. 18-19, соор. 33, КК96 – VI/440.

Рис. 56. Раскоп VI 1996 г. Керамика в болгарских традициях.

1 – уч. 2, шт. 8, сл. III, КК 96 – VI/177; 2 – уч. 2, шт. 9, сл. III, КК 96 – VI/399-400; 3 – уч. 1-2, шт. 8, сл. III, КК 96 – VI/130; 4 – уч. 7, шт. 11, сл. II-III, 5 – уч. 6-7, соор. 13, выб. 1, сл. III, КК 96 – VI/298; 6 – уч. 1; шт. 8, сл. III, КК 96 – VI/143; 7 – уч. 7, шт. II, сл. II-III, КК 96 – VI/311; 8 – уч. 7, шт. 10, сл. II-III, КК 96 – VI/325; 9 – 10 – уч. 6, шт. 9, сл. III, КК 96 – VI/113, 187; 11 – уч. 6, шт. 6, сл. I-II, КК 96 – VI/54; 12 – уч. 9, погреб. 9, сл. II, КК 96 – VI/50; 13 – уч. 6, шт. 8, сл. II-III, КК 96 – VI/95; 14 – уч. 9, шт. 7, сл. II, КК 96 – VI/15.

Рис. 57. Раскоп VI 1996 г. Керамика в болгарских традициях.

1 – уч. 6, шт. 12, сл. III, КК 96 – VI/359-360; 2 – уч. 8, шт. II, сл. III; 3 – уч. 2, шт. 6, сл. I-II, КК 96 – VI/388; 4 – уч. 7, шт. 13, сл. III, КК 96 – VI/378; 5 – уч. 6, шт. 8, сл. II-III, КК 96 – VI/93; 6 – уч. 4, шт. 5, сл. I, КК 96 – VI/2; 7 – уч. 8, шт. 13, сл. III, КК 96 – VI/374.

Рис. 58. Раскоп VI 1996 г. Казанская керамика.

1 – уч. 6, шт. 10, сл. III, КК 96 – VI/286; 2 – уч. 5, соор. 9, выб. 4, сл. II, КК 96 – VI/223; 3 – уч. 19-20, соор. 34, выб. 4, сл. III, КК 96 – VI/421; 4 – уч. 1 2; шт. 9, сл. III, КК 96 – VI/100; 5-6 – уч. 10-11, погреб. 5, выб. 2, КК 96 – VI/46-47, 58; 7 – уч. 4, шт. 7, сл. II, КК 96 – VI/122; 8 – уч. 6, шт. 8, сл. II-III, КК 96 – VI/91; 9 – уч. 6-7, шт. 9, сл. III.

Рис. 59. Раскоп VI 1996 г. Керамика русская белоглиняная.

1 – уч. 9, шт. 7, сл. II, КК 96 – VI/16; 2 – уч. 10, шт. 6, погреб. 11, сл. II, КК 96 – VI/83; 3 – уч. 8, шт. 8, сл. II, КК 96 – VI/12; 4 – уч. 10, шт. 6, погреб. 11, сл. II, КК 96 – VI/83; уч. 10-11, шт. 8, погреб. 5, сл. II, КК 96 – VI/59-60; 5 – уч. 6, шт. 12, сл. III, КК 96 – VI/351; 6 – уч. 9-10, соор. 14, выб.3, сл. III, КК 96 – VI/405; 7 – уч. 9, шт. 6, сл. II, КК 96 – VI/31; уч. 9-10, соор. 14, выб.1, сл. III, КК 96 – VI/405; 8 – уч. 9-10, соор. 14, выб.1, сл. III, КК 96 – VI/405; уч. 8, шт. 9, сл. II, КК 96 – VI/306.

Рис. 60. Раскоп VI 1996 г. Керамика русская белоглиняная.

1 – соор.35, выб.3, сл. II, КК 96 – VI/419; 2 – уч. 1-2, шт. 8, зачистка, сл. III, КК 96 – VI/137; 3 – соор. 35, выб.4, сл. II, КК 96 – VI/457; 4 – уч. 6, шт. 4, сл. II, КК 96 – VI/27; 5 – уч. 6, шт. 8, сл. II-III, КК 96 – VI/87; 6 – уч. 9, шт. 6, сл. II, КК 96 – VI/32; 7 – уч. 8, шт. 9, сл. II, КК 96 – VI/233.

Рис. 61. Раскоп VI 1996 г. Керамика с черной поверхностью группы «татарско-русская».

1 – уч. 8, шт. 7, сл. II, КК 96 – VI/3; 2 – уч. 7, шт. 8, сл. II, КК 96 – VI/37; 3 – уч. 8, шт. 7, сл. II, КК 96 – VI/6; 4 – уч. 7, шт. 8, сл. II, КК 96 – VI/20; 5 – уч. 8, шт. 9, сл. II, КК 96 – VI/179-180; 6 – уч. 15, соор. 35, выб.1,4, сл. II, КК 96 – VI/431.

Рис. 62. Раскоп VI. Керамика русская песочно-дресвяная.

1 – уч. 8, шт. II, сл. II-III, КК 96 – VI/314; 2 – уч. 6, шт. 7, сл. II, КК 96 – VI/72; 3 – уч. 10, погреб. 11, сл. II, КК 96 – VI/84-85; 4 – уч. 7, шт. 9, соор. 13, сл. III, КК 96 – VI/154-155; 5 – уч. 9-10, погреб.9, выб.1, сл. II, КК 96 – VI/43.

Рис. 63. Раскоп VI 1996 г. Керамика серая группы «татарско-русская».

1 – соор. 35, выб.3, сл. II, КК 96 – VI/456; 2 – уч. 15, шт. 5, сл. II, КК 96 – VI/423; 3 – уч. 15, шт. 6, сл. II, КК 96 – VI/445; 4 – соор. 35, выб.3, сл. II, КК 96 – VI/460.

Рис. 64. Раскоп VI 1996 г. Керамика по образцу и в развитие белоглиняной русской группы «татарско-русская».

1 – уч. 6, северная половина, шт. 12, сл. III, КК 96 – VI/366; уч. 8, шт. 12, сл. III, КК 96 – VI/353; 2 – уч. 8, шт. 12, сл. III, КК 96 – VI/352; 3 – уч. 6, шт. 8, сл. II-III, КК 96 – VI/90; 4 – уч. 9, шт.9, сл. II-III, КК 96 – VI/313; 5 – уч. 1-2, шт. 5, сл. I, КК 96 – VI/23; 6 – уч. 8, шт. II, сл. II-III, КК 96 – VI/318; 7 – уч. 6, шт. 7, сл. I-II, КК 96 – VI/63; 8 – уч. 9-10, соор. 14, выб.1, сл. III, КК 96 – VI/405; 9 – уч. 15, шт. 5, сл. II, КК 96 – VI/425; 10 – уч. 2, шт. 6, сл. I-II, КК 96 – VI/ 389.

Рис. 65. Раскоп VI 1996 г. Керамика финская.

1 – уч. 6, шт. 10, сл. III, КК 96 – VI/322; 2 – уч. 9, шт. 10, сл. III, КК 96 – VI/310; 3 – уч. 6, шт. 12, сл. III, КК 96 – VI/367; 4 – уч. 2, шт. 8, сл. III, КК 96 – VI/108; 5 – уч. 6, шт. 8, сл. II-III, КК 96 – VI/89; 6 – уч. 9, шт. 8, восточная часть, сл. II-III, КК 96 – VI/81.

Рис. 66. Раскоп VII. Общий вид с юго-запада на уровне II слоя.

Рис. 67. Раскоп VII. Ядра из известнякового камня.

1 – из II слоя, уч. Ж/4, шт. 12, КК96 – VII/765; 2 – из I слоя, уч. А/13, шт. 12, КК96 – VII/521; 3 – из I слоя, уч. А/1, шт. 9, КК96 – VII/766.

Рис. 68. Раскоп VII. Железные изделия.

1 – подкова из II слоя, уч. Е/7, шт. 11, КК96 – VII/305; 2 – подкова из III слоя, уч. К/1, шт. 20, КК96 – VII/778; 3 – подкова из III слоя, соор. 51, выб. 4, КК96 – VII/688; 4 – подкова из II слоя, уч. Л/4, шт. 9, КК96 – VII/113; 5 – обломок стремени из II слоя, уч. Ж/9, шт. 13, КК96 – VII/776; 6 – подкова из II слоя, уч. Г/3, шт. 16, КК96 – VII/235; 7 – подкова из II слоя, уч. К/5, шт. 11, КК96 – VII/397.

Рис. 69. Раскоп VII. Индивидуальные находки.

1 – костяная трубка из II слоя, уч. Д/2, шт. 15, КК96 – VII/285; 2 – обломок фаянса из II слоя, уч. Е/2, шт. 13, КК96 – VII/165; 3 – глиняное ложило из стенки гончарного сосуда из II слоя, погребение 16, выб. 2, КК96 – VII/716; 4 – глиняное грузило из II слоя, уч. Б/2, шт. 13, КК96 – VII/182; 5 – глиняное грузило из II слоя, уч. Е/2, шт. 13, КК96 – VII/149; 6 – глиняное грузило из II слоя, уч. Б/1, шт. 13, КК96 – VII/156; 7 – обломок глиняной игрушки из II слоя, уч. Д/8, шт. 12, КК96 – VII/324; 8 – глиняная свистулька из II слоя, уч. Е/2, шт. 13, КК96 – VII/174.

Рис. 70. Раскоп VII. Изразцы.

1, 2, 3, 4 – из развала печи (соор. 9) II слоя, КК96 – VII/454 – 456, 487.

Рис. 71. Раскоп VII. Керамика в болгарских традициях.

1 – уч. А/7, шт. 20, сл. II, КК 96 – VII/670; 2 – соор. 19, выборка забутовки, сл. II, КК 96 – VII/674; 3 – уч. Ж/8, соор. 38, выб.3, сл. III, КК 96 – VII/608; 4 – уч. И/1 шт. 15, сл. I-II, КК 96 – VII/563; 5 – уч. М/2-3, соор. 51, выб.4, сл. III, КК 96 – VII/609; 6 – уч. В/4, шт. 13, сл. I-II, КК 96 – VII/152; 7 – уч. В-Д/6-8, соор. 19, выб.1, сл. II, КК 96 – VII/522; 8 – уч. Б/12, шт. 12, сл. I-II, КК 96 – VII/562; 9 – К/2, шт. 14, сл. II, КК 96 – VII/357; 10 – уч. А/1-2, соор. 38, выб.9-10, сл. III, КК 96 – VII/648.

Рис. 72. Раскоп VII. Казанская керамика.

1 – соор. 19, выборка забутовки, I, сл. II, КК 96 – VII/714; 2 – уч. Е/2 шт. 16, сл. II, КК 96 – VII/325; 3 – уч. Д/Е/6-7, соор. 12, шт. 17, выб.3, сл. II, КК 96 – VII/646; 4 – уч. Б/3, шт. 12, сл. I-II, КК 96 – VII/615-616; 5 – уч. Ж/7, соор. 9, выб.4, шт. 13, сл. II, КК 96 – VII/524; 6 – уч. Б/10, шт. 20, сл. III, КК 96 – VII/613; 7 – уч. Д/Е/3, соор. 15, выб.1, сл. II, КК 96 – VII/554; 8 – уч. Б/В/2, шт. 17, сл. II, КК 96 – VII/367.

Рис. 73. Раскоп VII. Керамика русская белоглиняная.

1 – уч. М/2, шт. 18, сл. II, КК 96 – VII/406; 2 – уч. А/1-2, шт. 16, сл. I-II, КК 96 – VII/570; 3 – уч. К,Д/1, шт. 22-25, сл. II, КК 96 – VII/595; 4 – уч. К,Д/4-5, соор. 43, сл. II, КК 96 – VII/631; 5 – уч. М/3, шт. 19, сл. II-III, КК 96 – VII/698-99; 6 – уч. И.К/4, шт. 18, соор. 43, выб.2, сл. II, КК 96 – VII/763; 7 – уч. Б/2 соор. 45, сл. II, КК 96 – VII/669.

Рис. 74. Раскоп VII. Керамика русская белоглиняная.

1 – уч. В/2, шт. 16, сл. I-II, КК 96 – VII/255; 2 – уч. И/4, шт. II, сл. II, КК 96 – VII/226; уч. А/3, шт. 16, сл. II, КК 96 – VII/375; 3 – уч. Л/5, шт. 14, сл. III, КК 96 – VII/611; 4 – уч. А/11, шт. II, сл. I, КК 96 – VII/567; 5 – уч. А.Б/12; соор. 39; сл. III, КК 96 – VII/638; 6 – уч. А/8, шт. 13, сл. I, КК 96 – VII/208; 7 – уч. Ж/1, шт. 18-20, сл. II-III, КК 96 – VII/660.

Рис. 75. Раскоп VII. Керамика русская песочно-дресвяная.

1 – уч. И-М/4, шт. 14-16, сл. II-III, КК 96 – VII/684; 2 – уч. Е/3, соор. 14; выб.1, сл. III, КК 96 – VII/530; 3 – уч. М/2, шт. 19, сл. II, КК 96 – VII/405; 4 – уч. А/12, шт. 12, сл. II, КК 96 – VII/492; 5 – уч. М/3, шт. 19, сл. II-III, КК 96 – VII/701; 6 – уч. М/1, шт. 18, сл. I-II, КК 96 – VII/408; 7 – уч. А/13, шт. 14, сл. II, КК 96 – VII/675; 8 – уч. А/14-15, шт. 10, сл. I, КК 96 – VII/527.

Рис. 76. Раскоп VII 1996 г. Керамика серая группы «татарско-русская».

1 – уч. Д/6, шт. 12, сл. I-II, КК 96 – VII/396; 2 – уч. Ж/1, шт. 15, сл. I-II, КК 96 – VII/326; 3 – уч. К/2, шт. 13; сл. II, КК 96 – VII/419; 4 – уч. Б/1, шт. 13, сл. I II, КК 96 – VII/145; 5 – уч. М/3, шт. 19, сл. II-III, КК 96 – VII/212; 6 – уч. И/1; шт. 17, сл. I-II, КК 96 – VII/692; 7 – уч. К/1, шт. 15, сл. I-II, КК 96 – VII/489; 8 – уч. М/3, шт. 15, сл. II, КК 96 – VII/486; 9 – уч. И/4, шт. 12, сл. II, КК 96 – VII/528.

Рис. 76а. Раскоп IX. План объектов III слоя.**Рис. 76б.** Раскоп IX. Профиль северной стенки раскопа.**Рис. 77.** Раскоп IX. Железные изделия.

1 – наконечник стрелы из III слоя, уч. Б, В/1, шт. 12, КК97 – IX/562; 2 – стремя из III слоя, уч. В/4, шт. 14, КК97 – IX/654; 3 – подсвечник из II слоя, уч. Б/5, шт. 11, КК97 – IX/405; 4 – подсвечник из II слоя, уч. Б/5, шт. 11, КК97 – IX/403; 5 – подсвечник из II-III слоя, уч. В/3, шт. 11, КК97 – IX/680; 6 – гвоздь из II-III слоя, уч. Б/3, шт. 11, КК97 – IX/686; 7 – гвоздь из III-V слоя, уч. Б/4, шт. 15, КК97 – IX/563; 8 – гвоздь из II-III слоя, уч. В, Б/1-2, шт. 12, КК97 – IX/564; 9 – пробой с петлей из III слоя, уч. Б/4, шт. 14, КК97 – IX/544; 10 – железный пробой из III слоя, соор. 37, выб. 2-3, КК97 – IX/816; 11 – железный пробой из III слоя, соор. 46, выб. 1, КК97 – IX/798; 12 – обломок зеркала из III слоя, уч. А/12, шт. 11, КК97 – IX/37; 13 – скоба (?) из III слоя, зачистка стенок, КК97 – IX/807; 14 – рыболовный крючок из III-IV слоя, уч. А/5, шт. 12, КК97 – IX/402; 15 – нож из II слоя, уч. А/4, шт. 11, КК97 – IX/197; 16 – нож из II слоя, уч. Б/15, шт. 10, КК97 – IX/196; 17 – нож из III слоя, соор. 12 А, выб. 4, КК97 – IX/622; 18 – нож из III слоя, уч. В/4, шт. 14, КК97 – IX/655; 19 – обломок пилы из III слоя, уч.

А/6 (западная половина), шт. 12, КК97 – IX/397; 20 – топор из I слоя, КК97 – IX/5; 21 – топор из III слоя, соор. 51, выб. 1, КК97 – IX/819.

Рис. 78. Раскоп IX. Чешский денарий из V слоя, уч. Б/3, гл. 315 см, КК97 – IX/812.

Рис. 79. Раскоп IX. Индивидуальные находки.

1 – стеклянная глазчатая бусина из V слоя, уч. А/6-8, шт. 14 (зачистка), КК97 – IX/652; 2 – костяная шашка из III слоя, соор. 12 А, выб. 3, КК97 – IX/339; 3 – глиняное ложило из II слоя, уч. А/8, шт. 18, КК97 – IX/36; 4 – глиняная игрушка-свистулька с зеленой поливой из I слоя, уч. А/16, шт. 7, КК97 – IX/12; 5 – костяное кольцо-предохранитель из III слоя, уч. Б/5, шт. 12, КК97 – IX/613; 6 – глиняное грузило из II слоя, уч. Б/6, шт. 12, КК97 – IX/329; 7 – глиняная игрушка-погремушка из отвала IV слоя, КК97 – IX/818; 8 – костяной наконечник стрелы из III слоя, уч. В/10, шт. 11, КК97 – IX/198; 9 – костяная рукоять из III слоя, уч. А/4, шт. 14, КК97 – IX/546; 10 – глиняная игрушка из III слоя, уч. А/5, шт. 12, КК97 – IX/549.

Рис. 80. Изделия из дерева из сооружения 16 (III слоя, выб. 4-5).

1-7 – КК97 – IX/582 (2 шт.), 609, 604, 605, 601, 671.

Рис. 81. Раскоп X. Профиль северной стенки.

Рис. 82. Раскоп X. Индивидуальные находки.

1 – глиняная курительная трубка из I слоя, шт. 2, КК97 – X/2; 2 – глиняная курительная трубка из I слоя, уч. А, Б/5-8, шт. 1-9, КК97 – X/38; 3 – костяная трубка из II слоя, уч. А/5, шт. 16, КК97 – X/82; 4 – глиняной пряслице из III-II слоя, уч. Д/3, шт. 12, КК 98-X/108; 5 – глиняное грузило из II слоя, уч. Е/4, шт. 9, КК 98-X/147; 6 – глиняное грузило из III-II слоя, уч. А-Г/-1, 0, 1, 2, (зачистка), КК 98-X/138; 7 – украшение из серебряной проволоки из II слоя, уч. В/4, шт. 9, КК 98-X/133; 8 – железный крючок из IV-V слоя, соор. 45, КК 98-X/341; 9 – подкова железная из II слоя, уч. Б/3, шт. 11, КК 98-X/317; 10 – обломок железного ножа из II-III слоя, уч. В/2 (западная половина), шт. 7, КК 98-X/94; 11 – обломок железного ножа из III-IV слоя, уч. В/4, шт. 15, КК 98-X/377; 12 – железный нож из III слоя, уч. В/3-4, шт. 12, КК 98-X/285; 13 – железный нож из III-IV слоя, уч. В/7, шт. 15, КК 98-X/283; 14 – железный предмет (ручка от котла?) из II слоя, уч. А/0, 1 (прослойка кирпича), шт. 9, КК 98-X/139; 15 – бронзовый кельт из V слоя, уч. Д/5, шт. 15, КК 98-X/276; 16 – железный гвоздь из II слоя, уч. Е/0, шт. 6, КК 98-X/47; 17 – железная пряжка из III слоя, соор. 41, выб. 1-3, КК 98-X/347; 18 – железная ручка из II слоя, уч. А/8, шт. 17, КК97 – X/91; 19 – бронзовая ручка из III-IV слоя, уч. Г/6, шт. 15, КК 98-X/318.

Рис. 83. Раскоп XI. Профиль южной стенки.

Рис. 84. Раскоп XI. Фрагмент фасада фундамента двух крайних северных апсид.

Рис. 85. Раскоп XI. Изделия из железа.

1 – подсвечник из III слоя, уч. А/3, шт. 16, КК97-XI/121; 2 – наконечник стрелы из III слоя, уч. З/5, шт. 10, КК97 – XI/16; 3 – обломок ножа из II-III слоя, уч. А/4, шт. 14, КК97 – XI/34; 4 – нож из III слоя, уч. В/2, шт. 17, КК97 – XI/125; 5 – нож из III слоя, уч. А/2, шт. 15, КК97 – XI/74; 6 – нож из III слоя, уч. А/2, шт. 15, КК97 – XI/73; 7 – нож из III слоя, уч. В/2, шт. 14, КК97 – XI/71; 8 – мотыжка из II-III слоя, уч. Б/3, шт. 11, КК97 – XI/5; 9 – крюк из III слоя, уч. Г/2, шт. 12, КК97 – XI/23; 10 – подсвечник из II-III слоя, уч. Б/3, шт. 11, КК97 – XI/3.

Рис. 86. Раскоп XIII. Генеральный план сооружений III-V слоев.

Рис. 87. Раскоп XIII. Профиль юго-западной стенки по линии А/1-4.

Рис. 88. Раскоп XIII. Арабский дирхем КК97 – XIII/244.

Рис. 89. Раскоп XIII. Общий вид раскопа на уровне расчистки деревянной уличной мостовой III слоя.

Рис. 90. Раскоп XIII. Общий вид раскопа и отдельных построек.

Рис. 91. Раскоп XIII. Находки кожевенной мастерской.

1, 2 (реконструкция) – колчан, Г/27, вне соор. 26, КК.00-XIII/607; 3, 4 – детали коженных изделий

КК.99-ХШ/бн; 5 – деревянная колодка КК.00-ХШ/бн; 6 – уч. Г/22 (?), шт. 7, сл. III, КК.00 ХШ/680; 7 – уч. ?, шт. 16, сл. III, КК.98-ХШ/787; 8 – уч. 2/..., шт. 7,8, сл. III, КК.00-ХШ (?)851; 9 – В/7, шт. 17, сл. III, КК.00-ХШ/982(?); 10 – уч. 2/..., шт. 7,8, сл. III, КК.00 ХШ/851; 11 – уч. Г/21, шт. 25, гл. 500 см, сл. III, КК.99 ХШ/879; 12 – уч. В,Г/25,26 (вм, соор. 26), шт. 25, КК.00 ХШ/732; 13 – уч. Б/20 22, шт. 5 (от вост. стены), сл. III, осыпь сл. I III, КК.00 ХШ/768; 14 – соор. 13Б, гл. 360 см, сл. III, КК.00 ХШ/1545; 15 – уч. Б,В/25,26, шт. 23, сл. III, КК.00-ХШ/1109; 16 – уч. А Г/16 24, сл. III, КК.00 ХШ/1427; 18 – береста, соор. 14, сл. III, гл. 150-160 см, КК.98-ХШ/784; 19 – КК.00 ХШ/бн; 20 – КК.00 ХШ/бн; 21 – соор. 31, сл. III, КК.00-ХШ/517; 22 – КК.00 ХШ/бн; 23 – А'А/25, шт. 26, гл. 520 см, сл. III, КК.99 ХШ/1084; 24 – уч. Б/17, шт. 14, сл. III, КК.00 ХШ/961; 25 – КК.00 ХШ/бн; 26 – КК.00 ХШ/бн; 27 – КК.00 ХШ/бн; 28 – КК.00 ХШ/бн; 29 – уч. А/16, шт. 17, сл. III, КК.00 ХШ/980; 30 – уч. В/18, шт. 6, сл. III, КК.00 ХШ/842; 31 – КК.00 ХШ/бн; 32 – уч. В,Г/25,26 (вне соор. 26), 160 см, шт. от вост. ст., сл. III, КК.00 ХШ/755; 33 – погр. Г/22 (?), шт. 7, сл. III, КК.00 ХШ/677; 34 – КК.00 ХШ/бн; 35 – уч. Б/17, шт. 14, сл. III, КК.00 ХШ/960; 36 – уч. Г/22, шт. 9, сл. III (?), КК.00 ХШ/801; 37 – КК.00 ХШ/бн; 38 – соор. 32 (возможно попадание сл. I, II из осыпи), КК.00 ХШ/1287; 39 – соор. 26, шт. 26, уч. В,Г/25,26, КК.00-ХШ/630; 40 – уч. Г-Б/16-19, шт.20, сл. III, КК.00-ХШ/1269; 41 – соор. 14, уч. Б/8,9, сл. III, КК. ХШ/1100; 42 – уч. В/11, шт. 12, КК.98 ХШ/бн; 43 – КК.00 ХШ/бн; 44 – уч. В/13, шт. 12, сл. III, КК.98-ХШ/789; 45 – КК.00 ХШ/бн; 46 – уч. А,Б/24, 25, шт. 27, сл. III, КК.00-ХШ/1282; 47 – КК.00 ХШ/бн; 48 – уч. Г,В/16-21, шт. 7, сл. III, КК.00-ХШ/269; 49 – соор. 14, сл. III, гл. 150 160 см, КК.98 Р.ХШ/782.

Рис. 92. Раскоп XVIII. Профиль северной стенки.

Рис. 93. Раскоп XVIII. План объектов на уровне материка.

Рис. 94. Раскоп XVIII. Общий вид северной половины раскопа.

Рис. 95. Раскоп XVIII. Кладка западного фасада каменной стены.

Рис. 96. Раскоп XIX. Профиль юго-восточной стенки (уч. В/1-6).

Рис. 97. Раскопа XIX. Профиль юго-восточной стенки.

Рис. 98. Раскоп XX. Общий план.

Рис. 99. Раскоп XX. Профиль западной стенки (разрез вала).

Рис. 100. Раскоп XX. Профиль западной стенки (разрез вала).

Рис. 101. Раскоп XX. Профиль восточной стенки (уч. А/4-6).

Рис. 102. Раскоп XX. Профиль восточной стенки (уч. А/4-6).

Рис. 103. Раскоп XX. Профиль восточной стенки (разрез рва).

Рис. 104. Раскоп XX. Профиль южной стенки (уч. А-В/6).

Рис. 105. Раскоп XX. Восточный фасад сооружения 12А.

Рис. 106. Раскоп XX. Сооружение 12А, 12Б. Вид с запада.

Рис. 107. Раскоп XX. Южный и западный фасады сооружения 12Б (пилон ворот).

Рис. 108. Раскоп XX. Сооружение 12Б (пилон ворот). Южный фасад и контрофорс.

Рис. 109. Раскоп XX. Фрагмент кладки восточного фасада сооружения 12В.

Рис. 110. Раскоп XX. Фрагмент кладки сооружения 12А под фундаментом сооружения 12В. Вид с северо-запада.

Рис. 111. Раскоп XX. Фасад сооружения 12Г.

Рис. 112. Раскоп XX. Сооружение 12Г (предмостная опора). Южный фасад на уровне – 340 от 0.

Рис. 113. Раскоп XX. Остатки каменной мостовой четвертого горизонта. Вид с юга.

Рис. 114. Раскоп XX. Профиль юго-западного угла уч. В/9 (углубление рва).

Рис. 115. Раскоп XX. Железные гвозди.

1 – III слой, уч. Б/9, КК99 – XX/873; 2 – III слой, уч. Г/7, из стенки соор. 12 А, КК99 – XX/878; 3 – IV слой, уч. Б/9, шт. 10, КК99 – XX/326; 4 – III слой, уч. В/9, шт. 12, КК99 – XX/720; 5 – IV слой, уч. Б/9, шт. 10, КК99 – XX/326; 6, 7, 8 – IV слой, уч. Б/9, шт. 12, КК99 – XX/650; 9-12 – IV слой, уч. Б/8, шт. 11, КК99 – XX/334; 13-15 – IV слой, уч. Б/8-9, шт. 11-12, КК99 – XX/536-538; 16 – IV слой, уч. Б/9, шт. 10, КК99 – XX/326; 17, 18 – IV слой, уч. В/9, шт. 16, КК99 – XX/503; 19 – IV слой, уч. Б/9, шт. 10, КК99 – XX/326; 20-22 – III слой, разборка камней соор. 12 А, КК99 – XX/629-631; 23-25 – III-IV слой, уч. Б/8, шт. 9, КК99 – XX/126; 26 – IV-V слой, уч. Б/8, шт. 8, КК99 – XX/102; 27 – II слой, ст. яма, выб. 1, КК99 – XX/321; 28 – IV слой, уч. Б/8, шт. 9, КК99 – XX/231; 29 – IV слой, уч. В/9, шт. 14, КК99 – XX/861; 30 – III-IV слой, уч. Б/8, шт. 8, КК99 – XX/111; 31 – IV слой, уч. В/9, шт. 9, КК99 – XX/187; 32 – IV слой, уч. Б/8, шт. 12, КК99 – XX/364; 33 – IV слой, уч. Б/8, шт. 11, КК99 – XX/348; 34, 35 – IV слой, уч. В/9, шт. 9, КК99 – XX/185, 186.

Рис. 116. Раскоп XX. Железные предметы вооружения.

1 – наконечник стрелы из IV слоя, уч. Б/8, шт. 11-12, КК99 – XX/635; 2 – наконечник стрелы из IV – V слоя, уч. Б/8, шт. 9, КК99 – XX/ 164; 3 – наконечник стрелы из II – III слоя, шт. 6 (зачистка), КК99 – XX/ 114; 4 – наконечник стрелы из II слоя, уч. В/8, шт. 5, КК99 – XX/ 16; 5 – наконечник стрелы из II слоя, уч. Г/4, шт. 5, КК99 – XX/ 787; 6 – наконечник стрелы из II слоя, уч. Б/9, шт. 9, КК99 – XX/ 141; 7 – наконечник стрелы из III слоя, уч. Б/6, шт. 5, КК98 – XX/ 279; 8 – наконечник стрелы из IV слоя, уч. Б/9, шт. 11, КК99 – XX/ 410; 9 – наконечник стрелы из III слоя, уч. В/9 (западная половина), шт. 9, КК99 – XX/ 142; 10 – наконечник стрелы из III слоя, уч. В/9, шт. 9, КК99 – XX/ 154; 11 – наконечник стрелы из IV слоя, уч. Б/8-9, шт. 11-12, КК99 – XX/ 637; 12 – наконечник стрелы из IV слоя, траншея у корпуса 9, КК99 – XX/ 20; 13 – наконечник стрелы из III слоя, соор. 8, выб. 1, КК98 – XX/ 70; 14 – наконечник стрелы из IV слоя, уч. Б/8, шт. 10, КК99 – XX/ 318; 15 – наконечник стрелы из IV – V слоя, уч. Б/9, шт. 16, КК99 – XX/ 844; 16 – наконечник стрелы из III слоя, уч. В/9 (северная половина), шт. 9, КК99 – XX/ 143; 17 – наконечник стрелы из III слоя, уч. Г/ 8, шт. 11, КК99 – XX/ 900; 18 – наконечник стрелы из IV слоя, уч. Б/8, шт. 11, КК99 – XX/ 329; 19 – наконечник арбалета из III слоя, уч. В/8 (развал стены), шт. 7-8, КК99 – XX/ 730; 20 – наконечник стрелы из III слоя, уч. В/9 (развал стены), шт. 7 – 8, КК99 – XX/ 711; 21 – перекрестие сабли из III слоя, уч. Б/2, шт. 6, КК98 – XX/ 106.

Рис. 117. Раскоп XX. Изделия из железа.

1 – петля от колчана из III слоя, уч. Б/7, шт. 6, КК99 – XX/77; 2 – деталь от замка из III слоя, уч. В/ 9, шт. 9, КК99 – XX/144; 3 – ключ из III слоя, уч. В/9, шт. 10, КК99 – XX/190; 4 – ключ из II-III слоя, уч. В/9, шт. 8, КК99 – XX/124; 5 – нож из I-II слоя, уч. Б/10, шт. 6, КК99 – XX/88; 6 – обломок серпа из III-IV слоя, уч. Б/8, шт. 8, КК99 – XX/108; 7 – нож из IV слоя, уч. Б/8, шт. 10, КК99 – XX/250; 8 – острога из IV слоя, уч. Б/8, 9, шт. 11-12, КК99 – XX/638; 9 – игла из IV-V слоя, уч. Б/9, шт. 16, КК99 – XX/844.

Рис. 118. Раскоп XX. Изделия из кости.

1 – костяная острога из V слоя, уч. Б/8, шт. 10 (расчистка осыпи вала под сооружением 12В, КК99 – XX/193; 2 – остатки косторезного производства из II слоя, уч. Г/2, шт. 13, КК99 – XX/347; 3 – трубка с орнаментом из II слоя, уч. Б/10, шт. 10, КК99 – XX/170; 4 – наконечник стрелы из IV слоя, уч. В/9, шт. 9, КК99 – XX/171; 5 – трубка из IV слоя, уч. В/9, шт. 14, КК99 – XX/813.

Рис. 119. Раскоп XX. Изделия из глины.

1 – глиняное грузило из III слоя, расчистка соор. 12А, КК99 – XX/859; 2 – глиняное грузило уч. А/ 6, шт. 7, слой III-IV, КК 98-XX/226; 3 – обработанный камень соор. 6, выб. 4-7, слой I, КК 98-XX/213; 4 – глиняное грузило уч. 1, шт. 6, слой III, КК 98-XX/32; 5 – глиняная игрушка из III слоя, уч. Г/8, шт. 4, КК99 – XX/300; 6 – глиняная игрушка из II слоя, уч. разборка грунта над развалом соор. 12А, шт. 7, КК99 – XX/236.

Рис. 120. Раскоп XX. Предметы украшения из стекла и камня.

1 – стеклянная бордовая бусина из IV слоя уч. Б/10, шт. 18, КК99 – XX/782; 2 – голубая стеклянная бусина с выпуклыми реснитчатыми темными глазками из V слоя, уч. Б/8, шт. 9 (зачистка 1-2 горизон-

тов мостовой), КК99 – ХХ/199; 3 – темно-синяя стеклянная бусина из IV-V слоя, уч. Б/8, шт. 9 (зачистка прослойки мостовой 3 горизонта), КК99 – ХХ/199; 4 – стеклянная зеленая таблетковидная бусина из IV-V слоя уч. В/9, шт. 18 (осыпь вала), КК99 – ХХ/796; 5 – темная стеклянная бусина с белыми выпуклыми глазками из V слоя, зачистка осыпи вала под соор. № 12 Б, КК99 – ХХ/199; 6 – стеклянная темная бусина с зелеными волнистыми разводами из IV-V слоя, уч. В/9, шт. 18 (осыпь вала, КК99 – ХХ/796; 7 – темная бусина с зелеными глазками из III слоя, уч. В/9, шт. 10, КК99 – ХХ/192; 8 – бусина из горного хрусталя из V слоя, уч. В/8-9, шт. 10-21 (разборка осыпи вала), КК99 – ХХ/849; 9 – сердоликовая бусина из III слоя, уч. Г/7, расчистка стен соор. 12 В, КК99 – ХХ/798; 10 – сердоликовая бусина из III-IV слоя, уч. Б/8, шт. 9, КК99 – ХХ/127; 11 – стеклянная красная бусина из шурфа 1978 г. (I слоя), КК99 – ХХ/912; 12 – сердоликовый перстень из III слоя, уч. Б/9, шт. 10, КК99 – ХХ/302.

Рис. 121. Ситуационный план раскопов ХХII, ХХХIV, XLVIII, XLIX.

Рис. 122. Раскоп ХХХIV. Общий вид раскопа с запада.

Рис. 123. Раскоп ХХХIV. Профиль восточной стенки.

Рис. 124. Раскоп ХХХIV. Изделия из металла.

1 – железный пробой соор. 1, выбор. 4, сл. III, КК00-ХХХIV/2904; 2 – железный пробой уч. В/18, шт. 4, сл. III, КК00-ХХХIV/640; 3 – железный пробой уч. Д/18, шт. 3, сл. III, КК00-ХХХIV/606; 4 – железный пробой уч. А/10, соор. 30, выб. 5-6, сл. II, КК00-ХХХIV/2318; 5 – железный пробой, соор. 1, выб. 4-5, сл. III, КК00-ХХХIV/2777; 6 – железная дверная петля, уч. Б/8, шт. 1, сл. III, КК00-ХХХIV/135; 7 – железное кольцо соор. 1, выб. 1, сл. III, КК00-ХХХIV/3104; 8 – железное кольцо с пробоем, уч. Г/22, соор. 1 (?), сл. I КК00-ХХХIV/558; 9 – медная пуговица, соор. 30, выбор. 1, сл. II, КК00-ХХХIV/2457; 10 – медная пуговица, уч. Д/19, шт. 3, слой III, КК00-ХХХIV/942; 11 – медная пуговица уч. А/10, соор. 30, выбор. 1, слой II, КК00-ХХХIV/2032; 12 – свинцовая подвеска уч. В/14, шт. 3, слой III, КК00-ХХХIV/941; 13 – медное навершие уч. В/12, соор. 30, выбор. 2, слой II, КК00-ХХХIV/2362; 14 – железные ножницы уч. Д/16, шт. 3, слой III КК00-ХХХIV/749; 15 – железные ножницы уч. А/21, шт. 5, слой III, КК00-ХХХIV/1230.

Рис. 125. Раскоп ХХХIV. Изделия из железа.

1 – накладка, уч. В/18, шт. 3, слой III, КК00-ХХХIV/787; 2 – пряжка, уч. А/15, соор. 43, выбор. 1, шт. 4, слой IV, КК00-ХХХIV/1398; 3 – пряжка КК00-ХХХIV/662 (уч. В-Д/19-22, шт. 3, слой III); 4 – пряжка, соор. 8, выбор. 2, слой III, КК00-ХХХIV/134; 5 – ременная петля, уч. В/17, шт. 3, слой III, КК00-ХХХIV/647; 6 – обломок замка, соор. 31, выбор. 1, слой III, КК00-ХХХIV/2630; 7 – обломок замка, уч. Г/19, шт. 2, слой I, КК00-ХХХIV/518; 8 – обломок замка, соор. 1, выборка 4, слой III, КК00-ХХХIV/2904; 9 – свитец, соор. 81, выборка 1-3, слой IV, КК00-ХХХIV/2872; 10 – свитец, уч. Д/15, шт. 2, слой III КК00-ХХХIV/844; 11 – свитец, уч. Г/16, шт. 1-2, слой I, КК00-ХХХIV/1600; 12 – звено цепи, уч. А/21, шт. 3, слой II-III, КК00-ХХХIV/ 828; 13 – нож, уч. В/17, шт. 3, слой III, КК00-ХХХIV/1255; 14 – нож, соор. 44, выбор. 4, слой IV, КК00-ХХХIV/3861; 15 – нож, соор. 1, выбор. 2-3, слой III, КК00-ХХХIV/3201; 16 – нож, уч. Б/16, шт. 3, слой III, КК00-ХХХIV/1451; 17 – нож, уч. Д/8, шт. 4, слой IV, КК00-ХХХIV/4053; 18 – серп, уч. А/10, соор. 30, выбор. 2, слой II, КК00-ХХХIV/1831; 19 – серп, уч. В/18, шт. 4, слой III, КК00-ХХХIV/637, 20 – коса, соор. 23, выбор. 1, слой III, КК00-ХХХIV/1630; 21 – рыболовный крючок, уч. А/17, слой IV-V?, КК00-ХХХIV/3880.

Рис. 126. Раскоп XLVIII. Общий вид с севера.

Рис. 127. Раскоп XLVIII. Общий план сооружений.

Рис. 128. Раскоп XLIX. Общий вид с севера.

Рис. 129. Раскоп XLIX. Профиль западной стенки.

Рис. 130. Раскоп XLIX. Медная посуда.

1 – фрагмент медного котла, уч. А-В/6-8, шт. 1-3, слой III, КК01-XLIX/35; 2 – медный предмет, соор. 59 (3/2), выб. 1, IV слой, КК01-XLIX/388.

Рис. 131. Раскоп XLIX. Изделия из железа.

1 – обломок ножа, К.К.01-XLIX/5 5; 2 – обломок ножа, К.К.01-XLIX/456; 3 – обломок ножа, соор. 44, выб. 1, III-IV слой, К.К.01-XLIX/549; 4 – обломок ножа, соор. 44, выб. 2, III-IV слой, К.К.01-XLIX/235; 5 – обломок ножа, соор. 17, выб. 1, ГО слой, К.К.01-XLIX/315; 6 – нож с костяной ручкой, соор. 45, выб. 1, IV-V слой, К.К.01-XLIX/348; 7 – обломок ножа, уч.Е/8, шт. 4, IV слой, К.К.01-XLIX/171; 8 – обломок ножа, уч. 3/4, шт. 8, IV слой, К.К.01-XLIX/381; 9 – обломок ножа, уч. К/5, шт. 5, III слой, К.К.01-XLIX/689; 10 – обломок ножа, соор.12, выб. 1, III слой, К.К.01-XLIX/245; 11 – обломок ножа, соор. 17, выб. 1, III слой, К.К.01-XLIX/314; 12 – обломок ножа, соор. 5, выб. 2, III слой, К.К.01-XLIX/470; 13 – обломок косы, уч. В.Г/1-3, шт. 6, III слой, К.К.01-XLIX/322; 14 – обломок косы, уч. В/5, шт. 3, IV слой, К.К.01-XLIX/87; 15 – обломок ножа, уч. 3/3, шт. 7, III слой, К.К.01-XLIX/472.

Рис. 132. Раскоп XLIX. Изделия из железа. Гвозди, скобы.

1 – гвоздь, соор. 12, выб. 1, II-III слой, К.К.01-XLIX/239; 2 – гвоздь, соор. 12, выб. 1, II-III слой, К.К.01-XLIX/206; 3 – гвоздь, соор. 12, выб. 1, II-III слой, К.К.01-XLIX/243; 4 – железная скоба, соор. 12, выб. 1, II-III слой, К.К.01-XLIX/244; 5 – скобяное изделие, соор. 12, выб. 3, III слой, К.К.01-XLIX/449; 6 – скобяное изделие, соор. 12, выб. 3, III слой, К.К.01-XLIX/444; 7 – гвоздь, соор. 12, выб. 3, IV слой, К.К.01-XLIX/446.15 – гвоздь, соор. 17, выб. 1, III слой, К.К.01-XLIX/313; 16 – пробой, соор.17, выб. 3, IV слой, К.К.01-XLIX/637; 17 – пробой, уч.Д/7, шт.6, IV слой, К.К.01-XLIX/408; 18 – пробой, шт.6, IV слой, К.К.01-XLIX/553; 8 – гвоздь, уч. Е/5, шт. 4, IV слой, К.К.01-XLIX/541; 9 – гвоздь, уч. Г/5, шт. 3, IV слой, К.К.01-XLIX/22; 10 – гвоздь, уч. Г/5, шт. 3, IV слой, К.К.01-XLIX/72; 11 – гвоздь, уч. Е/8, шт. 5, IV слой, К.К.01-XLIX/116; 12 – гвоздь, уч. Г/6, шт. 4, IV слой, К.К.01-XLIX/184; 13 – гвоздь, уч. К/5, шт. 5, III слой, К.К.01-XLIX/390; 14 – гвоздь, соор. 12, выб. 3, III слой, К.К.01-XLIX/447.

Рис. 133. Раскоп XLIX. Изделия из железа.

1 – тесло, уч. К/6, шт. 5, IV слой, К.К.01-XLIX/528; 2 – тесло, уч. И/4, шт. 8, IV слой, К.К.01-XLIX/529.3 – обух топора, шт.6, IV слой, К.К.01-XLIX/555; 4 – шт. 1, обломок котла, К.К.01-XLIX/бн; 5 – лемех, уч. И/6, шт. 5, IV слой, К.К.01-XLIX/661. 6 – лемех, уч. К/5, шт. 5, III слой, К.К.01-XLIX/662.

Рис. 134. Раскоп XLIX. Изделия из металла.

1 – наконечник стрелы, уч.К/6, шт.6, III слой, К.К.01-XLIX/257; 2 – наконечник стрелы, соор.10, выб.1. III слой, К.К.01-XLIX/679; 3 – железная уздечка, соор. 29, выб. 1, IV слой, К.К.01-XLIX/368; 4 – железная уздечка, соор. 29, выб. 1, IV слой, К.К.01-XLIX/663; 5 – ножницы, соор.1, выб.1, слой I, К.К.01-XLIX/2766 – ключ, уч.В-Д/1, шт.1, слой I, К.К.01-XLIX/419; 6 – ключ, уч.В-Д/1, шт.1, слой I, К.К.01-XLIX/419; 7 – железный ключ, уч. И-К/5, шт.9, IV слой, К.К.01-XLIX/466; 8 – обломок медного замка, соор. 12, выб.3, III слой, К.К.01-XLIX/659; 9 – пряжка, соор. 17, выб.1. III слой, К.К.01-XLIX/312; 10 – пряжка, уч. Е/5 (столбовая яма 1, шт.6), IV-V слой, К.К.01-XLIX/602; 11 – фрагмент пряжки, К.К.01-XLIX/585; 12 – фрагмент пряжки, соор. 54, выб.1, IV слой, К.К.01-XLIX/379; 13 – пряжка, отвал, К.К.01-XLIX/347; 14 – крюк рыболовный, уч. В/7, шт.3, III слой, К.К.01-XLIX/374; 15 – медный предмет, соор. 59, выб. 1, IV слой, К.К.01-XLIX/387; 16 – железный предмет с зубцами, И/3, шт.4, III слой, К.К.01-XLIX/111.

Рис. 135. Раскоп XLIX. Изделия из глины.

1 – обломок глиняной игрушки, соор. 1, выб. 2,1 слой, К.К.01-XLIX/75; 2 – глиняная игрушка, уч. В/4, шт. 2-3, III слой, К.К.01-XLIX/78; 3 – грузило, соор. 12, выб. 1, II слой, К.К.01-XLIX/530; 4 – пряслице, шт. 1, I слой, К.К.01-XLIX/96; 5 – пряслице, соор. 1, выб. 1, I слой, К.К.01-XLIX/612; 6 – грузило, уч. А-В/1-5, шт. , I слой, К.К.01-XLIX/324; 7 – грузило, соор. 1, выб. 2, IV-V слой, К.К.01-XLIX/354; 8 – заготовка пряслица, уч. В/5, шт. 3, IV слой, К.К.01-XLIX/276; 9 – грузило, уч. Б/2, шт. 1-2, II слой, К.К.01-XLIX/15; 10 – грузило, уч. И/3, шт. 4, II слой, К.К.01-XLIX/43; 11 – грузило, соор. 2, выб. 3,1 слой, К.К.01-XLIX/9; 12 – пряслице, уч. Г/5, шт. 3, IV слой, К.К.01-XLIX/23; 13 – пряслице, уч. Г/5, шт. 3, IV слой, К.К.01-XLIX/23; 14 – заготовка пряслица, соор. 12, выб. 3-4, III слой, К.К.01-XLIX/535; 15 – заготовка пряслица; 16- грузило, К.К.01-XLIX/258; 17 – грузило, К.К.01-XLIX/397.

Рис. 136. Траншея 5. Северный склон Кремлевского холма. Профиль южной стенки.

Рис. 137. Раскоп XLVII. План Пятигранной башни.

Рис. 138. Реконструкция Пятигранной башни (С.А.Мамлеевой).

Рис. 139. Кремневые орудия из раскопок Казанского кремля.

1 – проколка, раскоп XXXIII-Ж, сооруж.1, выборка 2, слой III, КК.00-XXXIII/388; 2 – кремневая пластина, соор.5, выб.2, III слой, КК.97-ХIII.264; 3 – кремневое тесло (?), шт.14, уч. А/9, слой III, КК.97-ХIII/248; 4 – нуклеус, шт.10, уч. Н/17, слой IV, КК.97-П.252; 5 – нуклеус, уч. А/4, шт. 1-2, КК.96-IV/1382.

Рис. 140. Находки XII-VI вв. до н.э. из раскопок Казанского кремля.

1 – наконечник копья, железо штык 5, глубина 100 см, участок К/11, слой II, КК.96-П/73; 2 – обломок каменного топора, уч. А,Б/0, шт.11/230, сл. III-II КК.01-ХLII/165; 3 – обломок каменного топора, шт.12, уч. Ж/9, слой III, КК.96-VII.384; 4 – бронзовый кельт, уч. Д/Е-5, штык 15, слой V КК.98-Х.276.

Рис. 141. Лепная и гончарная керамика из древнейшего слоя Казанского кремля.

1, 3, 5, 7, 8, 13 – из раскопа III; 4, 9-11, 14, 15, 17 – из раскопа I; 6, 12, 16 – из раскопа II.

Рис. 142. Предметы вооружения домонгольского времени из Казанского кремля.

1 – Уч. Д/7, гл. 320 см, КК.94 – I/1167; 2 – Уч. Г/8, гл. 160 см, КК.98 – ХVIII/120; 3 – Соор. 6, КК.96 – IV/1107; 4 – Уч. Б/6, гл. 280 см, КК.96 – IV/952; 5 – Уч. Б/7, гл. 260 см, КК.96 – IV/863; 6 – Уч. Н/16, гл. 240 см, КК.97-П/265; 7 – Уч. А/10, гл. 400 см, КК.98 – ХIII/309; 8 – Уч. А/8, гл. 240 см, КК.96 – IV/911; 9 – Яма 12, гл. 400 см, КК.94 – I/928.; 10 – Уч. Г/11, гл. 220 см, КК.98 – ХIII/446; 11 – Уч. Б/4, гл. 200 см, КК.94 – I/230.; 12 – Уч. Б/12, гл.340 см, КК.98 – ХIII/308; 13 – Уч. А/2, гл.380 см, КК.97 – ХIII/314; 14 – Соор. 15А, КК-95-И/900.

Рис. 143а. Предметы домонгольского времени из Казанского кремля.

1 – фрагмент керамики с поливой (люстровая керамика), шт.13, уч.Е/2, слой III, КК.96-VII/165; 2 – фрагмент керамики с поливой (люстровая керамика), уч.Б/8, гл.200 см, шт.10, слой IV-V, КК.98-ХIII/311; 3 – фрагмент керамики с поливой (люстровая керамика), шт.12, уч.Ш-3/15, сл. V, КК.95-П/1986; 4 – фрагмент керамики с поливой (люстровая керамика), шт.12, уч.Ш/9, КК.95-И/788; 5 – фрагмент керамики с поливой (люстровая керамика), уч.Б/11, гл.220 см, шт.11, слой IV-V, КК.98-ХIII/378; 6 – поливная керамика, КК.95-П/239; 7 – Соор. 13, гл 320 см, КК.98 – ХIII/305; 8 – Уч. П/13, гл. 260 см, КК.97 – П/253; 9 – Соор. 23, гл. 340 см, КК.96 – П/770; 10 – Уч. Б/12, гл. 380 см, КК.98 – ХIII/306; 11 – Соор. 11, КК.95 – Ш/853; 12 – Соор. 23, гл. 340 см, КК.96 – П/800; 13 – четырехчастная из прозрачного бледно-желтого стекла., уч. Г/9, гл. 100 см, КК.98 – ХVIII /123; 14 – четырехчастная из синего стекла. Соор. 23, гл. 300 см, КК96 – П/769; 15 – голубая стеклянная бусина с выпуклыми реснитчатыми темными глазками из V слоя, уч. Б/8, шт. 9 (зачистка 1-2 горизонтов мостовой), КК99 – ХХ/199; 16 – сердоликовая шаровидная. Яма 11, КК.94 – I/1158; 17 – бочонковидная (зонная) из бордового стекла с глазками и черно-белыми ресничками. Уч. Г/10, гл. 85 см, КК98 – ХVIII; 18 – «лимонка» из желтого стекла. Соор. 22, КК.95 – I/1273; 19 – из горного хрусталя. Уч. И/5, гл. 280 см, КК95 – П/1966; 20 – стеклянная глазчатая бусина из V слоя, уч. А/6-8, шт. 14 (зачистка), К.К.97 – IX/652; 21 – бордовая с белым волнистым орнаментом. Соор. 15, (забутовка) КК.95 – I/851; 22 – зонная из черного стекла с белыми волнообразными узорами. Уч. Г/11, гл. 200 см, КК98 – П/444; 23 – шаровидная из черного стекла со слегка выпуклыми синими глазками в белых кружках. Уч. Г/1, гл. 200 см, КК.98 – ХIII/445; 24 – зонная из бледно-желтого стекла с черными волнообразными узорами. Соор. 18 (дно), гл. 180 см, КК.96 – П/456; 25 – шаровидная (зонная) из черного стекла с невыступающими синими глазками в белых кружках. Соор. 22, КК.95 – I/1080; 26 – лазуритовая подвеска. Уч. Ж/16, гл. 300 см, КК.96 – II/958; 27 – янтарная подвеска. Уч. И/12, гл.280 см, КК.96 – П/714; 28 – петля от колчана, уч. Б/7, шт. 6, сл. III, КК.99-ХХ-77; 29 – Соор. 20, КК.95 – Ш/1043; 32 – КК96-П/б.н.; 31 – Уч. Н/16, гл. 240 см, КК-97-П/265; 32 – шиферное пряслице. Уч. А/ 14, гл. 400 см, КК98 – ХIII/304; 33 – шиферное пряслице. Соор. 20, КК.95 – Ш/1045; 34 – шиферное пряслице. Яма 11, КК94 – I /876; 35 – шиферное пряслице. Уч. Г/8, гл. 140-150 см, КК98 – ХVIII/113; 36 – топор из III слоя, уч. 16, шт. 5, КК96 – VI/449.

Рис. 143б. Изделия из камня и стекла домонгольского времени из Казанского кремля.

1 – четырехчастная из прозрачного бледно-желтого стекла, уч. Г/9, гл. 100 см, КК.98 – ХVIII / 123; 2 – четырехчастная из синего стекла. Соор. 23, гл. 300 см, КК96 – П/769; 3 – двухчастная из непрозрачного желтого стекла. Из зачистки стенки котлована столовой, КК.95 – ст./2; 4 – «лимонка»

из желтого стекла. Соор. 22, КК.95 – I/1273; 5 – сердоликовая призматическая шестигранная. Уч. К/14, гл. 280 см, КК.96 – II/640; 6 – бордовая с белым волнистым орнаментом. Соор. 15, (забутовка) КК.95 – I/851; 7 – шаровидная из черного стекла со слегка выпуклыми синими глазками в белых кружках. Уч. Г/1, гл. 200 см, КК.98 – XIII/445; 8 – шаровидная (зонная) из черного стекла с невыступающими синими глазками в белых кружках. Соор. 22, КК.95 – I/1080; 9 – зонная из черного стекла с белыми волнообразными узорами. Уч. Г/11, гл. 200 см, КК.98 – II/444; 10 – зонная из бледно-желтого стекла с черными волнообразными узорами. Соор. 18 (дно), гл. 180 см, КК.96 – II/456; 11 – из горного хрусталя. Уч. И/5, гл. 280 см, КК.95 – II/1966; 12 – сердоликовая шаровидная. Яма 11, КК.94 – I/1158; 13 – сердоликовая шаровидная. Уч. А/8, гл. 140 см, КК.98 – XVIII/112; 14 – бочонковидная (зонная) из бордового стекла с глазками и черно-белыми ресничками. Уч. Г/10, гл. 85 см, КК.98 – XVIII; 15 – янтарная подвеска. Уч. И/12, гл. 280 см, КК.96 – II/714; 16 – лазуритовая подвеска. Уч. Ж/16, гл. 300 см, КК.96 – II/958; 17 – шиферное пряслице. Уч. А/14, гл. 400 см, КК.98 – XIII/304; 18 – шиферное пряслице. Соор. 20, КК.95 – III/1045; 19 – шиферное пряслице. Яма 11, КК.94 – I/876; 20 – шиферное пряслице. Уч. Г/8, гл. 140-150 см, КК.98 – XVIII/113; 21, 22 – глиняные пряслица из раскопа II.

Рис. 143в. Предметы украшения и поясной гарнитуры из цветного и черного металла.

1 – Уч. П/13, гл. 260 см, КК.97 – II/253; 2 – Соор. 13, гл. 320 см, КК.98 – XIII/305; 3 – Соор. 23, гл. 340 см, КК.96 – II/770; 4 – Уч. Б/12, гл. 380 см, КК.98 – XIII/306; 5 – Соор. 20, КК.95 – III/1043; 6 – Соор. 23, гл. 340 см, КК.96 – II/800; 7 – Соор. 11, КК.95 – III/853; 8 – Уч. А/5, гл. 172 см, КК.98 – XX/187.

Рис. 144. Глиняная посуда из слоя Казанского ханства.

1 – уч. А/7, шт. 2, гл. 40 см, соор. 1, сл. III, КК.99-XXXIII/бн; 2 – уч. А/7, шт. 2, гл. 40 см, соор. 1, сл. III, КК.99-XXXIII/бн; 3 – соор. 46, выб. 2, сл. IV, К.К. 00-XXXIV/1601.

Рис. 145. Глиняная посуда из слоя Казанского ханства.

1 – КК.97-IV/275; 2 – уч. Г/16, шт. 2, сл. III, К.К. 00-XXXIV/659; 2 – соор. 23, выб. 2, сл. III, К.К. 00-XXXIV/1596; 3 – уч. Г/16, шт. 3, сл. III, К.К. 00-XXXIV/860.

Рис. 146. Обломки поливной керамики и облицовочной плитки из раскопок Казанского кремля.

1 – соор. 16, шт. 13, 14 КК.96-II/476; 2 – соор. 33 (выборка 1), сл. III(IV?), КК.01-XLIII-Б/91; 3 – КК.01-XLIX/бн; 4 – уч. Б/2, шт. 16, слой III, КК.96-VII/364; 5 – уч. К/11, шт. 14, слой IV, КК.96-II/669; 6 – соор. 28, выборка 2(3), КК.01-XLIX/619; 7 – уч. 3/6, шт. 12, вне соор., слой III-IV, КК.95-I/1063; 8 – участок А,Б/0; шт. 13 (250-270), соор. 8; КК.01-XLII/247; 9 – уч. Е/8, шт. 5, КК.01-XLIX/634; 10 – уч. В/3, шт. 11 сл. III, КК.96-IV/1273; 11 – соор. 26, уч. Д/8, выб. 1, сл. III-IV, КК.01-XLIIIА/590; 12 – соор. 30, кв. И, 3/5-6, выб. 1, сл. III, КК.95-I/1322; 13 – уч. В/15, шт. 5, сл. IV, КК.00-XXXIV/2152; 14 – соор. 22, выб. 1, сл. III, КК.01-XLIII-А/394; 15 – соор. 1, уч. Е/18-19, шт. 14, сл. II, КК.95.III.886; 16 – траншея 3 слой I, гл. 35, КК.01-XLII/689; 17 – шт. 13, соор. 20, КК.96-II/583; 18 – соор. 20, выборка 1, слой IV?, КК.01-XLIX/630; 19 – уч. Г/5, шт. 4-5, слой IV КК.01-XLIII-А/602; 20 – соор. 15, выб. 2, сл. IV, КК.97-IX/349; 21 – КК.97-X/155; 22 – соор. 7А, выб. 13, сл. II, КК.99-XXV/153; 23 – Г/18, 19, шт. 3, сл. IV, КК.00-XXXIV/1311; 24 – уч. А/20, шт. 7, сл. III, КК.00-XXXIV/973; 25 – соор. 29, выб. 1, сл. IV, КК.97-IX/518; 26 – соор. 16, шт. 13-14; КК.96-II/820; 27 – соор. 16, шт. 13-14, КК.96-II/475; 28 – А/23, шт. 6, сл. IV, КК.00-XXXIV/1704; 29 – соор. 32, выб. 1-2, сл. III-IV, КК.01-XLIIIА/643.

Рис. 147. Обломки поливной керамики из раскопок Казанского кремля.

1 – уч. Д/5, штык 3, слой IV(?), КК.01-XLIX/635; 2 – соор. 28, выборка 5, КК.01-XLIX/605; 3 – соор. 28, выб. 5, КК.01-XLIX/бн; 4 – уч. Г/3, шт. 4, сл. III, КК.01-XLIII-А/340; 5 – уч. М/2, шт. 12, сл. II, КК.96-VII/460; 6 – соор. 28, выб. 5, КК.01-XLIX/бн; 7 – уч. А,Б/1, шт. 5, сл. II, КК.01-XLIX/673; 8 – КК.01-XLIX/бн; 9 – соор. 27, выб. 1-3, слой II КК.97-IX/656, 657; 10 – уч. Б/2, шт. 4, слой II, КК.99-XXIV/35; 11 – соор. 28, КК.01-XLIX/3020; 12 – участок К/5, штык 4, КК.01-XLIX/603; 13 – Раскоп I, 1977, бн; 14 – уч. Б/1-2 шт. 8, сл. III, КК.01-XLI/240; 15 – Г/13, шт. 5, сл. IV, КК.00-XXXIV/2654.

Рис. 148. Обломки поливной керамики ханского времени из раскопок Казанского кремля.

1 – шт. 8, уч. 1, сл. IV; КК.96-VI/69; 2 – уч. В/8, шт. 15, сл. III, КК.98-X/267; 3 – шт. 11, уч. Б/18, сл. II, КК.97-IX/202; 4 – шт. 15, уч. Ж/2, сл. II КК.96-VII/274; 5 – соор. 22, выб. 1, сл. III КК.01-XLIIIА/393; 6,

11 – сл. III, КК.98-Х/348; 7 – уч.А,Б/4, шт.11 (220-240) сл. III, КК.01-ХЛII/469; 8 – уч.В/2,3,4; шт.6-9, КК.01-ХЛIIIA/578 слой IV; 9, 12 – КК.01-ХЛVIII/478; 10 – КК.00- уч.Д/13, шт.3 КК.99-XXXIV/2838.

Рис. 149. Керамическая посуда из раскопок Казанского кремля.

1 – соор.2, выб. 1, сл. III, КК.97-Х/86; 2 – шт.18, уч.А/8, сл.III, КК.96.IV.1175; 3 – КК.01-ХLIX/613; 4 – соор.10, шт.16, уч.А/4, сл. 3, КК.96-IV/1132; 5 – участок В/22, шт.5, слой IV-III?, КК.00-XXXIV/1040; 6 – уч.И,К,Л/9-10, соор.8, слой II, КК.96-II/255; 7 – шт.20, гл.400 см, сл. III-V, КК.97-ХII/218; 8 – раскоп 4 1977, сооружение 8, колл. № 89; 9 – уч. А/20, шт.7, сл. III, КК.00-XXXIV/972; 10 – шт.11, уч.А/11, слой III, КК.97-Х/154; 11, 12 – уч. Г/18, 19, сл. IV, шт. 3, К.К.00-XXXIV/1311.

Рис. 150. Фарфоровая чаша ханского времени из раскопок Казанского кремля.

Раскоп 4 1977 г., К-77/4014.

Рис. 151. Обломки поливной посуды ханского времени из раскопок Казанского кремля.

1 – уч. А/6, соор. 6 сл. III, КК96-IV/1102; 2 – уч. М/1, шт. 17, сл. II, КК96-VII/645; 3 – уч. 8, шт. 9, сл. III, КК96-VI/100; 4 – уч. А,Б,В/10, шт. 11, гл. 200-220, сл. I-II, КК97-ХII/64; 5 – соор. 10 (выб. 3-4), шт. 23,24, слой III, КК97-ХII/179; 6 – уч. Б/7, шт. 19, 20, слой II-III, КК97-ХII/200; 7 – уч. В/4, соор. 9, сл. III, КК96-IV/1113; 8 – соор. 23, выбор. 3-5, сл. III КК00-XXXIV/2745; 9 – уч.В-Е/1-5, зачистка КК01-ХLIX/59; 10 – (рус. слой), КК94/1380; 11 – КК99-XXV/1 (слой II); 12 – уч.В/6 (вост. часть), шт. 12, сл. III, КК97-IX/293; 13 – уч. В/22, шт. 14, сл. III(IV?), КК01-ХLIIIB/292; 14 – уч. В/22, шт. 14, сл. III(IV?), КК01-ХLIIIB/292; 15 – соор 63, слой IV, КК01-ХLIIIB/201; 16 – уч. Б/9, соор. 30, выб. 2-5, слой II, КК00-XXXIV/3278; 17 – уч. В/13, соор. 30, выб. 2,3, сл. II, КК00-XXXIV/3261; 18 – уч. Г/24, шт. 15, слой III (IV?), КК01-ХLIIIB/268; 19 – А/1-3, шт. 4, гл. 80-85, сл. II-III, КК01-ХLI/354; 20 – уч. Г/8, шт. 12, сл. II-III, КК01-ХLIII-A/526; 21 – уч.И/11, шт.5, КК01-ХLIX/415; 22 – соор. 33 (выб. 1), слой III (IV?), КК01-ХLIII-Б/90; 23 – рус. слой гл. 180 см КК94/1820; 24 – уч. Г/24, шт. 15, слой III (IV?), КК01-ХLIII-Б/268; 25 – уч. В/3, 4, шт. 11, сл. II, КК98-Х/256; 26 – уч. В/1, слой II КК99-XXV/142; 27 – КК94/1199 (рус. слой); 28 – КК01-ХLVIII/1; 29. уч.В/3, шт.3 (сл.4?), КК01-ХLIX/60; 30 – соор. 49, выбор. 1, слой IV, КК00-XXXIV/2928; 31 – уч. 13, слой II, КК96-VI/416; 32 – уч. А,Б/26, 27, шт 15-18, сл. II (III?), КК01-ХLII/556; 33 – КК94/1385 (рус. слой).

Рис. 152. Обломки поливной посуды ханского времени из раскопок Казанского кремля.

1 – гл. 140-150, КК.94-Пб/1756; 2 – гл. 180, КК.94-Пб/1736; 3 – II сл., КК.94-Пб/1386; 4 – II сл., КК.94-Пб/1386; 5 – уч. И/11, шт. 5, КК.01-ХLIX/414; 6 – участок В/4, шт.2, слой III КК.01-ХLIII-A/134.

Рис. 153. Кумган с поливой ханского времени из Казанского кремля.

Соор. 23, выб. 1, сл. III, КК.00-XXXIV/1501.

Рис. 154. Поливные изразцы ханского и золотоордынского времени из раскопок Казанского кремля.

1-5, 7-9, 12 – уч. Г/26, 27, шт. 25, сл. III, КК.00-ХIII/1501; 6 – соор.37, уч.3/7, выборка 1, слой IV, КК.95-I/1328; 10 – шт. 13, уч.Е/7, сл. III, КК.95-III/1176; 11 – соор.51, выб.3(2?), КК.01-ХLIX/690; 13 – соор.51, выб.2, КК.01-ХLIX/688; 14 – уч.А19, шт. 7, сл. IV, КК.00-XXXIV/3833; 15 – (из отвала), КК97-ХII/51; 16 – соор. 5, выб. 2, сл. III, КК.97-ХIII/186; 17 – шт. 11, уч.Б/3, сл. III, КК.96-IV/1236; 18 – соор. 7, выб. 2, сл. III, КК.97-ХIII/243; 19 – соор. 7, выб. 2, сл. III, КК.97-ХIII/242; 20 – уч.Г/13, шт. 5, сл. IV, КК.00-XXXIV/3944.

Рис. 155. Красноглиняные изразцы второй половины XVI – XVIII вв. из раскопок Казанского кремля.

1 – уч. М/10, шт. 2, сл. I, КК00-ХIX/653; 2 – уч. 18, 19, шт. 6, 7, сл. II, КК02-ХLII/693; 3 – соор. 36 (выб. 1), сл. II, КК01-ХLIIIB/121; 4 – КК02-ЛII/760; 5 – уч. Б/2, шт. 1, 2, КК01-ХLIX/14; 6 – уч. А/3, шт. 3, сл., IV, КК01-ХLIX/49; 7 – соор. 36 (выб. 1) сл. II, КК01-ХLIII-Б/122; 8 – (отвал), КК01-ХLIII/70; 9 – уч. В/3, соор. 2, шт. 3-4, КК95-III/1168; 10 – 26-03/212.

Рис. 156. Обломки чугунных котлов из раскопок Казанского кремля.

1 – уч. Г/8, шт. 8, КК99-XX/731; 2 – КК01-Т21/12; 3 – постройка № 4, гл. 330, КК94-I/837; 4 – соор. 30, сл. II, зачистка стены, КК00-XXXIV/2683; 5 – уч. А/14, соор. 30, выбор. 2, слой II, КК00-XXXIV/1912; 6 – балласт, сл. I-III КК00-ХIII/105; 7 – уч. Ж/5, шт. 15, сл. II, КК98-ХVII/57; 8 – кв. Ж/5, шт. 11,

слой III, КК95-1/569; 9 – уч. 3/3, шт. 15, сл. II КК98-XVII/20 10 – бн.; 11 – А, Б/11, шт. 7, сл. II-III, КК01-XLII/217; 12 – уч. А/19, шт. 7, слой IV, КК00-XXXIV/2821; 13 – кв. Д/6, гл. 260, КК-94/437; 14 – соор. 37 (выб. 1-3), сл. III, КК97-IX/760; 15 – КК00-XIII/575; 16 – шт. 7, соор. 9 (выб. 2), сл. I, КК96-II/150; 17 – уч. Б/13, соор. 30, выбор. 2, слой II, КК00-XXXIV/3749; 18 – уч. В/18-20, гл. 80, сл. II-III, КК99-XIII/291; 19 – соор. 30, сл. II, зачистка стены, КК00-XXXIV/2290; 20 – уч. Б/12, соор. 12 (выб. 1), сл. III, КК97-IX/305; 21 – уч. В/1, Б/1-2, шт. 12, сл. II-III КК97-XI/7; 22 – уч. Б/10, соор. 30, выб. 2,3, сл. II, КК00-XXXIV/2223; 23 – соор. 7 (выб. 1), сл. IV, КК01-XLIIIБ/209; 24. КК01-XLIX/405.

Рис. 157. Железные наконечники стрел из раскопок Казанского кремля.

1 – КК96-II/BN; 2 – уч. Б/6, гл. 280, КК96-IV/952; 3 – уч. Б/8, шт. 11-12, сл. IV, КК99-XX/635; 4 – соор. 10, выб. 1, сл. III, КК01-XLIX/679; 5 – уч. Б/5, шт. 12, КК96-IV/779; 6 – уч. Б/8, шт. 9, сл. IV-V, КК99-XX/164; 7 – КК96-IV/бн.; 8 – яма 12, выб. 4, сл. IV, КК94-I/928; 9 – уч. Б/8, шт. 11, сл. IV, КК99-XX/329; 10 – уч. Г/8, шт. 11, сл. III, КК99-XX/900; 11 – уч. А/15, шт. 5, слой IV, КК00-XXXIV/3846; 12 – КК96-II/BN; 13 – уч. В/8-9, шт. 7-8, сл. III КК99-XX/713; 14 – уч. Б/7, шт. 9, сл. III, КК01-XLII/659; 15 – соор. 14, сл. III-IV, КК95-I/1417; 16 – уч. Ж/5, шт. 11, сл. III, КК95-I/512; 17 – уч. В/9, шт. 9, сл. III, КК99-XX/154; 18 – соор. 15а, сл. III, КК95-I/900; 19 – уч. Д/7, шт. 18, слой II, КК98-XVII/105; 20 – КК96-II/BN; 21 – КК96-II/BN; 22 – уч. Б/9, шт. 9, слой II, КК99-XX/141; 23 – уч. Ж/6, шт. 17, слой IV КК98-XVII/79; 24 – КК96-II/BN; 25 – КК96-II/BN; 26 – КК96-II/BN; 27 – уч. Б/5, шт. 2, слой II, КК01-XLIIIА/142; 28 – уч. Г/2, шт. 3, сл. II, КК97-XIII/16; 29 – КК96-II/BN; 30 – уч. К/6, шт. 6, сл. III, КК01-XLIX/257; 31 – КК96-II/BN.

Рис. 158. Изделия из глины и камня из раскопок Казанского кремля.

1 – фрагмент курительной трубки, соор. 30, выб. 1, уч.10/А, сл. II, КК.00-XXXIV/2059; 2 – фрагмент курительной трубки, соор. 30, выб. 1, уч.10/А, сл. II, КК.00-XXXIV/2060; 3 – курительная трубка, соор. 36, выб. 1, сл. II, КК.01-XLIII-Б/138; 4 – курительная трубка, шт.2, слой 1, КК.97-Х/2; 5 – курительная трубка, уч.В/9, шт.6, КК.95-IV/154; 6 – фрагмент курительной трубки, гл. 260 см, сл. II, КК.01-XLIIIА/34; 7 – фрагмент курительной трубки, КК.98-Х/249; 8 – курительная трубка, уч.В/4, глуб.180-185 см, КК.95-IV/490; 9 – фрагменты свистульки, соор. 30, сл. II КК.00-XXXIV/2242; 10 – фрагменты свистульки, соор. 30, уч. 14/В, сл. II, КК.00-XXXIV/1589; 11 – свистулька, соор. 30, уч. А/12, выб. 3, слой II, КК.00-XXXIV/1793; 12 – фрагменты свистульки, соор. 30, уч. 14/В, сл. II, КК.00-XXXIV/1589; 13 – обломок свистульки, шт. 4, уч. Ж/10, сл. I, КК.96-II.184; 14 – голова женщины, фрагмент поливной фигурки, уч. Б/13 соор.30, выб. 5-6, сл. II, КК.00-XXXIV/3330; 15 – фрагмент от свистульки, шт.9, кв.К/6, сл.2, КК.95-I(?) /145; 16 – обломок поливной свистульки, шт.9, соор.9, выб. 5, КК.96-II/302; 17 – обломок поливной свистульки, шт. 4, гл. 80 см, уч. 3/10, сл. I КК.96-II.49; 18 – КК.02-/273; 19 – обломок свистульки, соор.9, выб. 1. сл. 3, КК.95-I/161; 20 – глиняная фигурка лошади, уч. Г/8, шт. 4, сл. III, К.99-XX/300; 21 – свистулька «лошадка» с поливой, шт.5, кв.Ш/11, сл.2, КК.96.-II.201; 22 – глиняная погремушка в виде фигурки лошади, IV сл., КК.97-IX.818; 23 – ядро, известняк, шт. 14, уч.А/5, сл. III, КК.97-IX-370; 24 – глиняная плитка с отпечатком кошачьей лапки, соор. 67, выб. 1, сл. II, КК.00-XXXIV-3148; 25 – ядро, известь, КК.99-XX-53; 26 – обломок свистящего ядра, шт. 6,9, уч.Б,В/2, сл. III, КК.97-XI-371; 27 – глиняное ядро соор. 9, выб. 3, уч.Н,К/1,2,3,4, КК.95-I-367).

Рис. 159. Поливная глиняная посуда.

1 – соор. 30, уч.А,Б/10; сл. II, КК.00-34/4251, 2446, 2456, 2455; 2, 3 – соор. 35, выб. 5, сл. II, КК.95-VI/451; 4-6 – соор. 35, выб. 5, сл. II, КК.95-VI/452; 7 – соор. 30, выб. 3-4, уч.В/10, сл. II, КК.00-34/1952; 8 – соор. 30, уч.Б/13, сл. II, КК.00-34/3721; 9 – соор. 30, выб. 4, уч.А/10, сл. II, КК.00-34/3083; 10 – «помадка», штык 1, слой II-I, КК.00-XXXIIIП/402; 11 – «помадка», штык 1-5. сл. I КК.00-XXXIIIВ/173.

Рис. 160. Изделия из цветного металла из раскопок Казанского кремля.

1 – свинцовая пуговица(?), соор.23, сл. III, КК.00-XXXIV/3998; 2 – свинцовая пуговица(?), соор.23, сл. III, КК.00-XXXIV/3959; 3 – свинцовая пуговица(?), соор.23, сл. III, КК.00-XXXIV/2039; 4 – медный бубенчик?, шт.10, кв.И/2, сл. III, КК.95-I/514; 5 – медный бубенчик?, уч. 14/В, шт. 3, сл. III КК.00-XXXIV/941; 6 – серебрянный бубенчик?, соор.1, выб. 1, сл. III, КК.00-XXXIV/167; 7 – застежка, соор.30, сл. II, КК.00-XXXIV/3996; 8 – кольцо с бирюзовым камнем, уч. Г/19, шт. 7, гл., 130, сл. III, КК.99-XIII/1154; 9 – свинцовый перстень, уч.Д/8, шт.6, гл.120 см, сл. III-IV, КК.98-XIII/455; 10 – заподноевропейская медная монета, использованная в качестве подвески, соор.1, выб. 1, сл. III, КК.00-XXXIV/132; 11 – медная накладка,

уч. 19/А, шт. IV КК.00-XXXIV/945; 12 – крестик, слой II-III, КК.00-ХIII/бн.; 13 – медный крестик, соор.30, слой II, КК.00-XXXIV/3977; 14. – крест, КК.00-XXXIII/22; 15 – медный складень уч. В/7, гл. 290 см сл. IV, КК 94 – I/879; 16 – энколпион уч. В/9, шт. 19, сл. IV, КК.99 – XX/850; 17 – зеркало уч. В/9, соор. 14, выбор. 2, шт. 11, гл. 220 см, сл. III, КК98-ХIII/459; 18 – зеркало, уч. А/12, шт. 11, сл. II-III, КК97-IX/37; 19 – зеркало, КК01-ТР-5/2; 20 – подсвечник, зачистка стенки сл. II-III, КК00-ХIII/1475; 21 – ключ (амулет), шт. 13, уч.Д/3, сл. II, КК.96-7/302.

Рис. 161. Изделия из кости.

1 – наконечник стрелы, уч.Г/11, шт. 1, сл. V, КК.98-13/446; КК.00-33-171 (уч.33/Ж, А/4, слой II, зачистка стены); 2 – наконечник стрелы, уч.А/10, шт. 20 (на погреб. почве) сл. V-IV, КК.98-13/309; 3 – наконечник стрелы, уч.33/Ж, соор. 2А, выб. 1, сл. III КК.00-33/390; 4 – наконечник стрелы, уч. Б/2, шт. 7, сл. III, КК.00-33Ж/22; 5 – наконечник стрелы, соор. 26, выб. 1, уч.Д/8, сл. III-IV, КК.01-43Б/113; 6 – наконечник стрелы, уч. В/9, шт. 9, сл. IV, КК.99-XX/171; 7 – наконечник стрелы, шт. 11, уч.В/10, сл. III, КК.97-IX/198; 8 – наконечник стрелы, уч. В/3, шт. 10, сл. III, КК.96-IV/1185; 9 – наконечник стрелы, уч. Б/11, шт. 15, гл. 300, сл. III, КК.98 – ХVIII/122; 10 – кольцо, соор. 1, выб. 4, сл. III, КК00-XXXIV/3991; 11 – гребень из II слоя, гл. 170, КК95-I/184; 12 – игральная кость, КК.96-II/817; 13 – игральная шашка, соор.1, выб.1, шт.7, КК.95-IV.159; 14 – игральная шашка, шт.12, соор.6, кв.В/3-4, КК.95-III/763; 15 – игральная шашка, соор. 1, выб. 2-3, сл. III; КК.00-XXXIV/4185; 16 – игральная шашка, соор. 1, выб. 2-3, сл. III, КК.00-XXXIV/4184; 17 – игральная шашка, шт.14, уч.К/10, сл. III, КК.96-II/737; 18 – игральная шашка, уч. 28/Г, шт. 26 сл. II-III, КК.00-ХIII/61; 19 – шахматная фигурка, соор.21, выб.1, сл. III, КК.96-II/617; 20 – игральная шашка, шт.21, уч.А/4, слой 3, КК.96-IV/1314; 21 – игральная шашка, соор.15а, сл. III, КК.95-I/1403; 22 – игральная шашка, уч. 19/В, шт. 3, сл. III, КК.00-XXXIV/555; 23 – игральная шашка, соор.10, шт.9, сл. III, КК.95-I/149; 24 – игральная шашка, шт.16, уч.А/3, сл. III, КК.96-IV/1131; 25 – игральная шашка, уч. А-Г, 16-24, сл. III, КК.00-ХIII/1346; 26 – спусковой крючок от арбалета, соор. 3, гл. 160, выб.1, сл. III, ККХVIII-98/114; 27 – навершие, уч. М/7, шт. 7, гл. 140, сл. IV-V/622; 28 – игральная кость, соор. 12, шт.10, КК.95-III/780; 29 – трубка с орнаментом из III слоя, уч. Ж/5, шт. 11, КК.95-I/561; 30 – костяное изделие, соор. 1, выб. 4, сл. III, КК.00-XXXIV/ 2760; 31 – поделка из кости, уч. Б/10, шт. 10, сл. II, КК.99-XX/170; 32 – накладка ручки ножа, соор. 1, выб. 4, сл. III, КК.00-XXXIV/ 2759; 33 – кочедык, соор. 22, выб. 3, КК.95-III/1305; 34 – отходы костарезного производства, уч. Б,А/ 30,29, шт. 15, сл. III КК.00-ХIII/158; 35 – отходы костарезного производства, уч. 25,24/В,Г, сл. I, КК.00-ХIII/109; 36-41 – отходы костарезного производства, уч. 25,24/В,Г, сл. I, КК.00-ХIII/158.

Рис. 162. Камни с изображением трезубца эпохи Казанского ханства.

1 – КК.00-СД/1130; 2 – соор.9, выб.3, сл. III, К.К.95-I/1453.

Рис. 163. Бусы из раскопок Казанского кремля.

1 – бисер, соор. 1, выб. 1, сл. III, КК.00-XXXIV/4263; 2 – бн; 3 – сердолик, соор.1, выб. 1, сл. III, КК.00-XXXIV/4264; 4 – стеклянная бусина, уч. Е/12, шт. 1, сл. III, КК.01-ХLIIIБ/61; 5 – темно-синяя стеклянная бусина, слоя, уч. Б/8, шт. 9, сл. IV-V, КК.99-XX/199; 6 – жемчуг, уч. 15/А, улица сл. III, КК.00-XXXIV/2319; 7 – жемчуг, шт. 5, выб. 1, сл. III, КК.00-XXXIV/3979-3985; 8 – сердоликовые бусины, скрепленные медной проволокой, соор.23, выб. 1, сл. III, КК.00-XXXIV/4238, 4239; 9 – сердолик, шт.14, уч.Б/7, слой 3, КК.96-IV/957; 10 – сердолик, соор.1, выб. 1, сл. III, КК.00-XXXIV/4264; 11 – сердолик, уч. В/33, шт.8, сл. 2КК.01-ХLIII/329; 12 – сердолик, соор.1, выб. 1, сл. III, КК.00-XXXIV/261; 13 – бусина (призматическая и бипирамидальная), сердолик, соор.1, выб. 1, сл. III, КК.00-XXXIV/123; 14 – бусина, янтарь, соор.1, выб. 1, сл. III КК.00-XXXIV/193; 15 – бусина, сердолик, соор.1, выб. 1, сл. III, КК.00-XXXIV/4013; 16 – бусина, сердолик уч.Г/8,шт.12, сл. 2, КК.98-Х/126; 17 – бусина, сердолик, шт.13, уч.Б/5, сл. III, КК.96-IV/865; 18 – бусина (призматическая и бипирамидальная), сердолик, соор.1, выб. 1, сл. III, КК.00-XXXIV/124; 19- сердоликовая шестигранная призматическая бусина из III слоя, сооружение 9, выборка 6, КК95 – I/466; 20 – бусина, сердолик, соор.1, выб. 1, сл. III, КК.00-XXXIV/2081; 21 – стеклянная бусина, соор. 73, выб. 1, сл. III, КК.01-ХLIIIБ/331; 22 – стеклянная бусина, соор. 1, выб. 1, сл. III, КК.00-XXXIV/81; 23 – стеклянная бусина, соор. 24, выб. 1, сл. III, КК.00-XXXIV/1036; 24 – бн; 25 – стеклянная бусина, соор.1, выб. 1, сл. III КК.00-XXXIV/260; 26 – стеклянная бусина, уч. Г/24, шт. 7, сл. II, КК.01-ХLIIIБ/321; 27 – стеклянная бусина, соор. 1, выб. 1, сл. III, КК.00-XXXIV/258; 28 – стеклянная бусина, соор. 1, выб. 1, сл. III, КК.00-XXXIV/191; 29 – бусина, гагат соор.1, выб. 1, сл. III, КК.00-XXXIV/80; 30 – бусина, сердолик,

соор.1, выб. 1, сл. III, КК.00-XXXIV/125; 31 – бусина, янтарь, соор.1, выб. 1, сл. III, КК.00-XXXIV/4265; 32 – бусина, сердолик, соор.1, выб. 1, сл. III, КК.00-XXXIV/653; 33 – стеклянная бусина, соор. 1, выб. 1, сл. III, КК.00-XXXIV/4014; 34 – бусина, гагат, соор.1, выб. 1, сл. III, КК.00-XXXIV/148; 35 – серьга, холщедон, уч. И/7, сл. II, КК95-III/1438.

Рис. 164. Литейные формы и изделия из кремня, слюды из раскопок Казанского кремля.

1-4, 6, 8-10 – кремень, соор. 30, уч. Б/11, выб. 2-3, сл. II, КК.00-XXXIV/4164-4170; 5 – кремень, уч.В/4, гл.180-185 см, КК.95-IV/487; 7 – кремень, шт.8, соор.2, КК.95-IV/599А; 11 – оконная слюда, уч. Д/14, шт.4, сл.II, КК.01-XLIIIБ/330; 12, 13 – оконная слюда, соор.36, выб. 1, сл.II, КК.01-XLIIIБ/63; 14 – литейная форма, И,К,Л,М/4, шт. 15, уч. сл. II-III, КК.96-VII/649; 15 – литейная форма, шт. 12, соор.21, сл. III, КК.96-II/613; 16 – КК.97-Тр./65; 17 – литейная форма, шт.4, уч. В/21, КК.95-II/244.

Рис. 165. Профиль северо-западной стенки раскопа № 1 1971 г.

Рис. 166. Профиль юго-восточной стенки раскопа № 4 1971 г.

Рис. 167. Профиль восточной стенки раскопа № 1 1975.

Рис. 168. Вещи домонгольского времени из раскопов Н.Ф.Калинина, А.Х.Халикова.

1-9 – раскопы 1977 г.; 10 – раскоп 1953 г.; 11, 16, 18 – раскоп 1929 г.; 12 – раскоп 1935 г.; 13 – раскоп 1975 г.; 14, 15, 17 – раскоп 1928 г.; 1, 2 – шифер; 1, 4 – стекло; 4-11 – железо; 12-18 – глина.

Рис. 169. Раскоп IV 1977 г. Общий план раскопа на уровне объектов III слоя.

Рис. 170. Раскоп IV 1977 г. Общий план раскопа на уровне объектов IV-V слоев.

Рис. 171. Раскоп IV 1977 г. Планы погребений I, II, IV.

Рис. 172. Раскоп IV 1977 г. Мавзолей № 2. Реконструкция внутреннего гроба погребения II.

Рис. 173. Раскоп IV 1977 г. Мавзолей № 2. Серебряные накладки и гвоздь от обшивки внутреннего гроба погребения II.

Рис. 174. Раскоп IV 1977 г. Мавзолей № 1, погребение I. Реконструированный скульптурный портрет Казанского хана: 1 – Махмуд (?); 2 – Мухамед-Эмин (?). Автор работ Т.С. Булаева.

Рис. 175. Реконструкции орнамента гипсовых герихов периода Казанского ханства, найденных на территории Кремля.

1 – раскоп IV 1997 г., мавзолей 1; 2 – найден при расширении крыльца Благовещенского собора в 1860-е годы.

Рис. 176. Карта отложения культурных напластований и объектов конца X – первой половины XV вв. на территории Казанского кремля.

Рис. 177. Карта отложения культурных напластований и объектов второй половины XV – первой половины XVI в. на территории Казанского кремля.

Рис. 178. Реконструкция Казанского кремля второй половны XVI в.

Рис. 179. Вид Казани. 1630-е годы. А.Олеарий.

Рис. 180. Вид Казани. 1790-е годы. С.Витзен.

Рис. 181. План Казанского Кремля второй половины XVII в. (Журнал «Знание-сила», 1981, № 3).

Рис. 182. План Казанского кремля 1730 г.

Рис. 183. План Казанского кремля XVIII в.

Рис. 184. Сводный историко-археологический план. Комплекс мечети Кул-Шариф первой половины XVI в.

LIST OF FIGURES

- Fig. 1. Kazan on the geographical map of Tatarstan.
- Fig. 2. View of Kazan city and its neighborhood from outer space.
- Fig. 3. Air photography of Kazan Kremlin.
- Fig. 4. Explanation of schematic position of well known archaeological sites within Kazan territory.
- Fig. 5. Explanation of schematic distribution of the areas with different level of investigations.
- Fig. 6. Map of Kazan Kremlin with excavated areas, prospecting trenches, observation sites and occasional finds.
- Fig. 7. Map of thickness of the cultural deposits within Kazan Kremlin.
- Fig. 8. Excavation area 1. Total plan of the objects inside the layer 3.
- Fig. 9. Excavation area 1. Total plan of the objects inside the layer 5.
- Fig. 10. Excavation area 1. Profile of the eastern wall.
- Fig. 11. Excavation area 1 of 1995. Structures 12, 14 (latest pit) after uncovering. View from North-West.
- Fig. 12. Excavation area 1. Arrow points.
- Fig. 13. Excavation area 1. Staples, spikes, nails.
- Fig. 14. Excavation area 1. Iron finds.
- Fig. 15. Excavation area 1. Adornment finds.
- Fig. 16. Excavation area 1. Bone finds.
- Fig. 17. Excavation area 1. Rare finds.
- Fig. 18. Ceramics made in the Bolgar tradition. Pitchers.
- Fig. 19. Excavation area 1. Sinkers and whorls.
- Fig. 20. Excavation area 1. The Bolgar ceramics.
- Fig. 21. Excavation area 1. The Bolgar ceramics.
- Fig. 22. Excavation area 1. Ceramics made in the bolgar tradition.
- Fig. 23. Excavation area 1. Ceramics made in the bolgar tradition.
- Fig. 24. Excavation area 1. Kazan ceramics.
- Fig. 25. Excavation area 1. Russian white pottery.
- Fig. 26. Excavation area 1. Russian white pottery.
- Fig. 27. Excavation area 1. Pottery with black surface («Tatar-Russian» group).
- Fig. 28. Excavation area 1. Pottery with black surface («Tatar-Russian» group).
- Fig. 29. Excavation area 1. Red dense pottery («Tatar-Russian» group).
- Fig. 30. Excavation area 1. Grey pottery («Tatar-Russian» group).
- Fig. 31. Excavation area 1 of 1995. Russian «sand-pebble» pottery.
- Fig. 32. Excavation area 1. Pottery made by the pattern of Russian white one («Tatar-Russian» group).
- Fig. 33. Excavation area 1. Finnish ceramics.
- Fig. 34. Disposition plan of the excavating areas 2-3 of 1995–1997.
- Fig. 35. Excavation area 2 of 1996. Profile of eastern (sq. C/120-14) and southern (sq. C/14) walls.
- Fig. 36. Total view of excavating area 2 of 1996 from West.
- Fig. 37. Excavating area 2 of 1996. The sq. I, E/17-20 after removing of the brick-work platform. View from North-East.
- Fig. 38. Excavation area 2 of 1995. The Bolgar ceramics.
- Fig. 39. Excavation area 2 of 1995. The Bolgar ceramics.
- Fig. 40. Excavation area 2 of 1996. The Bolgar ceramics.
- Fig. 41. Excavation area 2 of 1996. The Bolgar ceramics.
- Fig. 42. Excavation area 3. The Bolgar ceramics.
- Fig. 43. Excavation area 2. Tiles from the layer 2.

- Fig. 44. Excavation area 3. Iron finds.
- Fig. 45. Excavation area 4. Plan on the level of the horizons 17-18 (layer 3).
- Fig. 46. Excavation area 4. Profile of western wall (sq. A/6-10).
- Fig. 47. Excavation area 4. Structure 10 inside the layer 3 during uncovering. View from North.
- Fig. 48. Excavation area 4. Low part of interior fasade of Resurrection tower.
- Fig. 49. Excavation area 6. Plan of layer 3 (sq. 5-11).
- Fig. 50. Excavation area 6. Profile of western wall (sq. 1-10).
- Fig. 51. Excavation area 6. Profile of northern wall (sq. 1).
- Fig. 52. Excavation area 6. Burial 10. View from East.
- Fig. 53. Excavation area 6. Structure 13. View from East.
- Fig. 54. Excavation area 6. Total view of the structures 18a, 18b, 18v from North-West.
- Fig. 55. Excavation area 6. Rare finds.
- Fig. 56. Excavation area 6 of 1996. Ceramics made in the Bolgar tradition.
- Fig. 57. Excavation area 6 of 1996. Ceramics made in the Bolgar tradition.
- Fig. 58. Excavation area 6 of 1996. Kazan ceramics.
- Fig. 59. Excavation area 6 of 1996. Russian white pottery.
- Fig. 60. Excavation area 6 of 1996. Russian white pottery.
- Fig. 61. Excavation area 6 of 1996. Pottery with black surface («Tatar-Russian» group).
- Fig. 62. Excavation area 6. Russian «sand-pebble» pottery.
- Fig. 63. Excavation area 6 of 1996. Grey pottery of «Tatar-Russian» group.
- Fig. 64. Excavation area 6 of 1996. Pottery made by the pattern of Russian white one («Tatar-Russian» group).
- Fig. 65. Excavation area 6 of 1996. Finnish ceramics.
- Fig. 66. Excavation area 7. Total view from North-West on the level of layer 2.
- Fig. 67. Excavation area 7. Limestone balls.
- Fig. 68. Excavation area 7. Iron finds.
- Fig. 69. Excavation area 7. Rare finds.
- Fig. 70. Excavation area 7. Tiles.
- Fig. 71. Excavation area 7. Ceramics made in the Bolgar tradition.
- Fig. 72. Excavation area 7. The Kazan ceramics.
- Fig. 73. Excavation area 7. Russian white pottery.
- Fig. 74. Excavation area 7. Russian white pottery.
- Fig. 75. Excavation area 7. Russian «sand-pebble» pottery.
- Fig. 76. Excavation area 7 of 1996. Grey ceramics of «Tatar-Russian» group.
- Fig. 76a. Excavation area 9. Plan of the objects inside layer 3.
- Fig. 76b. Excavation area 9. Profile of northern wall.
- Fig. 77. Excavation area 9. Iron finds.
- Fig. 78. Excavation area 9. Czech denarium from the 5th layer.
- Fig. 79. Excavation area 9. Rare finds.
- Fig. 80. Woodworks discovered within structure 16.
- Fig. 81. Excavation area 10. Profile of northern wall.
- Fig. 82. Excavation area 10. Rare finds.
- Fig. 83. Excavation area 11. Profile of southern wall.
- Fig. 84. Excavation area 11. Fragment of fasade foundation of two far northern apses.
- Fig. 85. Excavation area 11. Iron finds.
- Fig. 86. Excavation area 13. General plan of the structures of layers 3-5.
- Fig. 87. Excavation area 13. Profile of southern-western wall on the line of sq. A/1-4.
- Fig. 88. Excavation area 13. Arabic dirham.
- Fig. 89. Excavation area 13. Total view on the level of layer 3 after uncovering of wooden road-bed.
- Fig. 90. Total view of excavation area 13 and separate structures.
- Fig. 91. Excavation area 13. Finds within leather-processing workshop.
- Fig. 92. Excavation area 18. Profile of northern wall.
- Fig. 93. Excavation area 18. Plan of the objects on the sub-soil level.

- Fig. 94. Excavation area 18. Total view of northern part.
- Fig. 95. Excavation area 18. Stone masonry of western facade.
- Fig. 96. Excavation area 19. Profile of southern-eastern wall (sq. B/1-6).
- Fig. 97. Excavation area 19. Profile of southern-eastern wall.
- Fig. 98. Excavation area 20. Total plan.
- Fig. 99. Excavation area 20. Profile of western wall (section of the earth wall).
- Fig. 100. Excavation area 20. Profile of western wall (section of the earth rampart).
- Fig. 101. Excavation area 20. Profile of eastern wall (sq. A/4-6).
- Fig. 102. Excavation area 20. Profile of eastern wall (sq. A/4-6).
- Fig. 103. Excavation area 20. Profile of eastern wall (section of the ditch).
- Fig. 104. Excavation area 20. Profile of southern wall (sq. A-B/6).
- Fig. 105. Excavation area 20. Eastern facade of structure 12A.
- Fig. 106. Excavation area 20. Structures 12A, 12B. View from West.
- Fig. 107. Excavation area 20. Southern and western facades of structure 12B (pylon of the gate).
- Fig. 108. Excavation area 20. Structure 12B (gate pylon). Southern facade and buttress.
- Fig. 109. Excavation area 20. Fragment of eastern facade masonry of the structure 12B.
- Fig. 110. Excavation area 20. Fragment of masonry of structure 12A under foundation of the structure 12B. View from North-West.
- Fig. 111. Excavation area 20. Facade of the structure 12Г.
- Fig. 112. Excavation area 20. Structure 12Г (support of the bridge). Southern facade on the level – 340 cm below 0.
- Fig. 113. Excavation area 20. Remnants of the stone road-bed inside the horizon 4. View from South.
- Fig. 114. Excavation area 20. Profile of southern-western corner of the square B/9 (depression of the ditch).
- Fig. 115. Excavation area 20. Iron nails.
- Fig. 116. Excavation area 20. Iron weaponry.
- Fig. 117. Excavation area 20. Iron finds.
- Fig. 118. Excavation area 20. Bone finds.
- Fig. 119. Excavation area 20. Clay finds.
- Fig. 120. Excavation area 20. Adornment finds made of glass and jewel.
- Fig. 121. Disposition plan of the excavation areas 22, 34, 48, 49.
- Fig. 122. Excavating area 34. Total view from West.
- Fig. 123. Excavating area 34. Profile of eastern wall.
- Fig. 124. Excavating area 34. Metal goods.
- Fig. 125. Excavating area 34. Iron finds.
- Fig. 126. Excavating area 48. Total view from North.
- Fig. 127. Excavating area 48. Total plan of the structures.
- Fig. 128. Excavating area 49. Total view from North.
- Fig. 129. Excavating area 49. Profile of western wall.
- Fig. 130. Excavating area 49. Copper-ware.
- Fig. 131. Excavating area 49. Iron finds.
- Fig. 132. Excavating area 49. Iron finds. Nails and staples.
- Fig. 133. Excavating area 49. Iron finds.
- Fig. 134. Excavating area 49. Metal goods.
- Fig. 135. Excavating area 49. Clay finds.
- Fig. 136. Prospecting trench 5. Northern slope of Kremlin hill. Profile of southern wall.
- Fig. 137. Excavating area 47. Plan of Pentahedral tower.
- Fig. 138. Reconstruction of Pentahedral tower made by S.A. Mamleeva.
- Fig. 139. Flint tools discovered within Kazan Kremlin.
- Fig. 140. Finds of the 12th – 6th centuries B.C. discovered within Kazan Kremlin.
- Fig. 141. Handmade and pottery ceramics from the oldest layer of Kazan Kremlin.
- Fig. 142. Weaponry of pre-Mongol period from Kazan Kremlin.
- Fig. 143a. Finds of pre-Mongol period from Kazan Kremlin.

- Fig. 1436. Finds made of jewel and glass of pre-Mongol period from Kazan Kremlin.
- Fig. 143B. Adornment articles and belt furniture made of non-ferrous and ferrous metals.
- Fig. 144. Clay vessels from the cultural deposits of Kazan Khanate.
- Fig. 145. Clay vessels from the cultural deposits of Kazan Khanate.
- Fig. 146. Fragments of glazed ceramics and facing slabs from excavation of Kazan Kremlin.
- Fig. 147. Fragments of glazed ceramics from excavation of Kazan Kremlin.
- Fig. 148. Fragments of glazed ceramics of Khanate period from excavation of Kazan Kremlin.
- Fig. 149. Ceramics from Kazan Kremlin.
- Fig. 150. Porcelain bowl of Khanate period from excavation of Kazan Kremlin.
- Fig. 151. Fragments of glazed pottery of Khanate period from excavation of Kazan Kremlin.
- Fig. 152. Fragments of glazed pottery of Khanate period from excavation of Kazan Kremlin.
- Fig. 153. «Kumgan» (pitcher) with glazed surface of Khanate period from Kazan Kremlin.
- Fig. 154. Glazed tiles of Golden Horde and Khanate periods from excavation of Kazan Kremlin.
- Fig. 155. Tiles made of red clay of second half of the 16th – 18th centuries from excavation of Kazan Kremlin.
- Fig. 156. Fragments of cast-iron cauldron from excavation of Kazan Kremlin.
- Fig. 157. Iron arrow points from excavation of Kazan Kremlin.
- Fig. 158. Finds made of clay and stone from excavation of Kazan Kremlin.
- Fig. 159. Glazed clay pottery.
- Fig. 160. Non-ferrous articles from excavation of Kazan Kremlin.
- Fig. 161. Bone finds.
- Fig. 162. Stones with picture of trident of Kazan Khanate period.
- Fig. 163. Beads from excavation of Kazan Kremlin.
- Fig. 164. Casting forms, finds made of flint and mica from excavation of Kazan Kremlin.
- Fig. 165. Profile of northern-western wall of the excavation area 1 of 1971.
- Fig. 166. Profile of southern-eastern wall of the excavating area 4 of 1971.
- Fig. 167. Profile of eastern wall of the excavating area 1 of 1975.
- Fig. 168. Finds of pre-Mongol period from the excavations held by N.Ph.Kalinin and A.Kh.Khalikov.
- Fig. 169. Excavating area 4 of 1977. Total plan on level of the objects of layer 3.
- Fig. 170. Excavating area 4 of 1977. Total plan on level of the objects of 4-5 layers.
- Fig. 171. Excavating area 4 of 1977. Plans of the burials 1, 2, 4.
- Fig. 172. Excavating area 4 of 1977. Mausoleum 2. Reconstruction of interior coffin of the burial 2.
- Fig. 173. Excavating area 4 of 1977. Mausoleum 2. Silver plates and nail of interior coffin sheathing of the burial 2.
- Fig. 174. Excavating area 4 of 1977. Mausoleum 1, burial 1. Sculptural reconstructed portraits of Kazan Khan: 1 – Makhmoud (?); 2 – Moukhammad-Amin (?). The author – T.S.Bulaeva.
- Fig. 175. Reconstructions of the gypsum ornamented casts of Kazan Khanate period discovered within the territory of Kazan Kremlin.
- Fig. 176. Map of cultural deposits and objects of the end of 10th – first half of the 15th centuries within Kazan Kremlin territory.
- Fig. 177. Map of cultural deposits and the objects of second half of the 15th – first half of the 16th century within Kazan Kremlin territory.
- Fig. 178. Reconstruction of Kazan Kremlin of second half of the 16th century.
- Fig. 179. View of Kazan of the 1630-s according to A.Olearius.
- Fig. 180. View of Kazan of the 1790-s according to S.Vitzen.
- Fig. 181. Plan of Kazan Kremlin of second part of the 17th century. (The magazine «Znanie–silu» («Knowledge–power»), 1981, № 3).
- Fig. 182. Plan of Kazan Kremlin of 1730.
- Fig. 183. Plan of Kazan Kremlin of the 18th century.
- Fig. 184. General historic-archaeological plan. Complex of Kul Sharif mosque of the first half of the 16th century.